

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ
КАК ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ДИССЕРТАЦИЯ НА
СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

А. И. Изотов

МОСКВА – 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ	22
1.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	22
1.1.1. Категориальная и некатегориальная императивность.....	22
1.1.2. Побуждение и прагматика	24
1.1.3. Модель структуры побудительного высказывания	29
1.2. ИЛЛОКУТИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ	35
1.3. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ <i>ИНДИКАЦИЯ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ ВЕРОЯТНОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ</i>	51
1.3.1. «Авторитарные» побудительные высказывания.....	52
1.3.2. «Пермиссивные» побудительные высказывания	79
1.3.3 «Инструктивные» побудительные высказывания.....	83
1.4. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ ИНДИКАЦИЯ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ МОТИВИРОВАННОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ	86
1.5. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ ИНДИКАЦИЯ ПОЛЕЗНОСТИ ДЛЯ АГЕНСА КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ / ВОЗДЕРЖИВАНИЯ ОТ ДЕЙСТВИЯ	99
1.6. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, НЕ МАРКИРОВАННЫЕ ПО НАЗВАННЫМ ВЫШЕ ПРИЗНАКАМ.....	109

1.7. ИЛЛОКУТИВНО НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ	
ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	114
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ.....	117
Глава 2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПОДКАТЕГОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ	127
2.1. БАЗОВЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОБУЖДЕНИЯ 2 ЛИЦА	127
2.2. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОБУЖДЕНИЯ 2 ЛИЦА	141
2.2.1. Чешские конструкции <i>ať + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива, pecht' + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива; bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие; ať + инд. наст. вр. глагола být + краткое страдательное причастие</i>	143
2.2.2. Чешские конструкции <i>pojd'(te) + инфинитив; běž(te) + инфинитив; koukej(te) + инфинитив; hled'(te) + инфинитив; chraň(te) se + инфинитив; opovaž(te) se + инфинитив; varuj(te) se + инфинитив, rač(te) + инфинитив</i>	152
2.3. БАЗОВЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПОБУЖДЕНИЯ	174
2.3.1. «Коинцидентальная» перформативность.....	178
2.3.2. «Некоинцидентальная» перформативность.....	190
2.4. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПОБУЖДЕНИЯ	195
2.5. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ	199
2.5.1. Конструкции с формами 2 лица ед. и мн. числа индикатива.....	200

2.5.2. Конструкции с формами 1 лица индикатива	203
2.5.3. Конструкции, оформленные сослагательным наклонением / кондиционалом	205
2.6. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ	223
2.7. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ НЕОБХОДИМОСТИ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ	224
2.8. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ ПОЛЕЗНОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ	240
2.9. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ	246
2.10. ПОБУЖДЕНИЕ В РАМКАХ УСТАРЕВШИХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ	254
2.10.1. «ОНИКАНЬЕ»	254
2.10.2. «ОНКАНЬЕ»	272
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ	282
Глава 3. ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ	292
3.1. ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ	292
3.1.1. Синтетический императив 1 лица мн. числа	292
3.1.2. Чешские конструкции типа <i>ať jdeme, necht' zamíříme</i>	306
3.1.3. Чешские конструкции типа <i>pojd'(te/me) zpívat</i>	307
3.2. ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ	312
3.3. ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ НЕИМПЕРАТИВНЫХ СРЕДСТВ	315
3.3.1. Конструкции с формами 1 лица мн. числа индикатива	315

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ.....	321
Глава 4. ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА» В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ	323
4.1. ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА»	323
4.1.1. Чешские конструкции типа <i>at' zpívá / zpívají</i>	323
4.1.2. Чешские конструкции типа <i>necht' zpívá / zpívají</i>	328
4.1.3. Реликты синтетического императива 3 лица ед. числа	332
4.2. ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА»	335
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ.....	341
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	344
ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.....	350
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	Ошибка! Закладка

ВВЕДЕНИЕ

Функционально-семантическая категория императивности вступает с общей категорией модальности в сложное взаимодействие. Императивные высказывания, традиционно и вполне обоснованно относимые к ирреальной модальности (разновидность объективной внешнесинтаксической модальности в концепции [Золотова 1973], [Всеволодова 2000]), в то же время выявляют смыслы долженствования и возможности, то есть имеют непосредственное отношение также и к внутрисинтаксической модальности (в богемистике этот тип модальности принято называть «волюнтативной»). Очевидна взаимосвязь функционально-семантической категории императивности и с такими часто рассматриваемыми в рамках модального комплекса (ср. [Теория... 1990: 68]) типами значений, как «утверждение/отрицание», «эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания» и, естественно, «целевая установка говорящего».

Поэтому неудивительно, что интерес к проблемам императива и императивности в последние годы растет, отметим коллективную монографию «Типология императивных конструкций» под редакцией В. С. Храковского (1992), монографии Е. И. Беляевой (1992), Й. Крекича (1993), Л. А. Бирюлина (1994), М. Г. Безяевой (2002), переиздание монографии В. С. Храковского и А. П. Володина (2002). Мощным стимулом для разработки проблематики явились ленинградская конференция «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность» (1988) и выход монографии «Темпоральность. Модальность» из серии «Теория функциональной грамматики» коллектива авторов под руководством А. В. Бондарко (1990). Ежегодно по тем или иным аспектам проблематики успешно защищаются диссертации (на сайте

<http://db.rulib.com/> в разделе по филологическим наукам мы обнаружили информацию о 47 диссертациях последних лет, в названиях которых содержатся компоненты «императив», «императивный», «побуждение», «побудительный», «директив», «директивный»).

А. В. Бондарко разработаны понятие функционально-семантического поля императивности и понятие императивной ситуации, В. С. Храковским и Л. А. Бирюлиным сформулировано опирающееся на принятое в теории речевых актов трехуровневое содержательное определение побудительного высказывания и исчислены прагматические факторы, влияющие на семантическую интерпретацию побуждения, М. Г. Безяевой, Ц. Саранцацрал, Л. А. Сергиевской и Й. Крекичем весьма обстоятельно описаны побудительные высказывания современного русского языка¹, практически всеми исследователями предлагаются свои варианты семантико-прагматического членения русского массива побудительных речевых актов.

¹ Й. Крекич, исходя из положения создателя термина «перформатив» Дж. Остина о том, что любое высказывание, способное «развернуться» в эксплицитное перформативное высказывание, является *имплицитным* или *скрытым* перформативным высказыванием («С поля» = «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля» [Остин 1986: 62-63]), и мнения Ю. Д. Апресяна о приоритете перформативной формулы перед перформативным глаголом («Прости!» = «Прошу у тебя прощения» [Апресян 1995. Т. 2: 203]), толкует это положение предельно расширительно – в разряд имплицитных побудительных перформативов попадает абсолютное большинство побудительных высказываний, и хотя его монография называется «Побудительные перформативные высказывания», речь в ней идет фактически о варианте систематизации средств побуждения современного русского языка. В соответствии с избранным Й. Крекичем углом зрения, центральную область русского побудительного массива составляют эксплицитные перформативные высказывания с перформативными глаголами из заданного списка, а высказывания с императивом занимают место на периферии.

Тем не менее даже для русского материала далеко не все проблемы могут считаться окончательно решенными. Предложенная В. С. Храковским и Л. А. Бирюлиным смысловая структура побудительного высказывания не описывает некоторых социально значимых подтипов побуждения (например, *разрешения, предложения, приглашения*). Не охарактеризован лингвистический механизм транспозиции наклонений на уровне функционально-семантических категорий. Сама множественность вариантов классификации побудительных интерпретаций косвенно свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки проблематики.

Следует также отметить своего рода асимметрию обработки чешского и русского материала. В то время как русскому императиву посвящены многочисленные исследования (в частности, все четыре названные выше докторские диссертации), в бегемистике императив и императивность рассматриваются, как правило, с явно недостаточной степенью полноты в грамматических описаниях общего характера, ср. напр. [*Grepl, Karlík* 1986; *Mluvnice češtiny* 1987; *Příruční mluvnice češtiny* 1996]. Монография Я. Свободовой, написанная на материале 1665 примеров, извлеченных сплошной выборкой из 16 произведений чешской художественной литературы, адекватно описывает центральные явления чешской императивной системы (конструкции с морфологическим императивом), однако, как признает сама исследовательница, ее данные «могут быть недостаточно репрезентативны для периферийной области исследуемого фрагмента языковой системы» [Svobodová 1987: 7]. Действительно, приводимые Я. Свободовой данные об употребительности не содержащих императивной формы побудительных конструкций находятся в резком противоречии с данными, полученными с привлечением в несколько раз бо́льшего объема эксцерпций (см. раздел 1.1.3 настоящей диссертации). Следует также отметить, что исследовательница сознательно не затраги-

вает в данной своей работе семантико-прагматические аспекты императивности, оставаясь в рамках традиционного противопоставления четырех типов высказываний: побудительных (императивных), желательных (оптативных), повествовательных (декларативных) и вопросительных (интеррогативных).

Наконец, нельзя не отметить и того обстоятельства, что существующие описания чешского императива делались на довольно ограниченном фактическом материале – нередко выводы делались на основе спекулятивных рассуждений и интуиции исследователя.

Развитие информационных технологий и средств связи в последние десятилетия сделали возможным широкое распространение корпусных исследований – изучения языковых явлений с помощью электронных корпусов текстов. Хотя подготовка так называемого Брауновского корпуса американского варианта современного английского языка, включающего в себя около миллиона словоупотреблений, была закончена еще в 1964 году, лишь появившаяся сравнительно недавно возможность осуществления компьютерных операций над текстовыми массивами в сотни раз большего объема (неаннотированный 100-миллионный языковой корпус занимает 1-2 гигабайта дискового пространства, аннотированный – в несколько раз больше), а также доступность ряда крупных языковых корпусов через Интернет знаменовали принципиально новый этап в развитии лингвистических исследований. Корпусная лингвистика не является новой теорией языка, однако она отличается более последовательным обращением к языковому материалу и беспрецедентным объемом этого материала. Например, если бы кто-то захотел просто прочитать вслух тексты, составляющие 100-миллионный языковой корпус (150 слов в минуту, 8 часов в день, 365 дней в году), это заняло бы у него 4 года, см. [Český národní korpus 2000: 14].

Полученные в результате обращения к крупным текстовым массивам данные порой противоречат устоявшимся представлениям о функционировании тех или иных языковых единиц. Например, в современных учебниках чешского языка для иностранцев, издаваемых как в России, так и в Чехии, аналитическая императивная конструкция *pojď'(te) + инфинитив* отмечается гораздо регулярнее, чем аналитическая императивная конструкция *necht'* + 3 лицо презентно-футуральной формы индикатива². Конструкция с *necht'* игнорируется даже в весьма солидных исследованиях, ср. раздел о побудительных высказываниях в пражской академической грамматике чешского языка [Mluvnice češtiny 1987: 334-346]. При этом, однако, оказывается, что в текстах электронных корпусов (в том числе текстах современных) конструкция с *necht'* встречается в несколько раз (!) чаще, чем не маркированная в качестве книжной, однако, как выясняется, малоузуальная конструкция с *pojď'(te)* (к конструкции с *necht'* регулярно обращаются и авторы исторических романов, и журналисты, любящие блеснуть книжной фразой, и снобы).

Это свидетельствует о целесообразности привлечения корпусных исследований для коррекции и возможного пересмотра существующих грамматических описаний. Отметим в этой связи проводимую в Институте чешского языка Академии наук Чешской республики в сотрудничестве с рядом зарубежных богемистов работу по подготовке на материале данных электронных корпусов чешских текстов новой академической грамматики современного чешского языка, см. <http://mam.ujc.cas.cz/>.

² Конструкция *necht'* + 3 лицо презентно-футуральной формы индикатива стилистически маркирована как книжная, конструкция *pojď'(te) + инфинитив* – как разговорная. Первая конструкция дублирует значение стилистически немаркированной конструкции *a'* + 3 лицо презентно-футуральной формы индикатива, вторая – также стилистически немар-

Сказанное позволяет считать настоящее исследование *актуальным*.

В качестве основного *источника фактического материала* мы использовали доступный через Интернет подготовленный в Карловом университете в Праге электронный «Чешский национальный корпус» (Český národní korpus) и прежде всего входящие в его состав репрезентативные стомиллионные подкорпусы SYN2000 и SYN2005, образуемые текстами, представляющими основные функциональные стили современного чешского языка, см. сайт Института чешского национального корпуса <http://ucnk.ff.cuni.cz/>.

Отбор текстов для SYN2000 осуществлялся на основании социологических данных о чтении книг и периодики гражданами Чешской республики в последнее десятилетие XX века: наличие и степень представленности в корпусе конкретных изданий и авторов зависит от их читаемости среднестатистическим чехом, поэтому бо́льшую часть материала SYN2000 образуют публицистические тексты (60%), на втором месте находятся специальные тексты – справочники, энциклопедии и т.д. (25%), на третьем – беллетристика (15%). Составители SYN2000 исходят из предположения, что письменный текст не только отражает (прямо или опосредованно) современную автору языковую ситуацию, но и формирует индивидуальную языковую компетенцию читателя, поэтому включают в его состав не только оригинальные, но и переводные тексты, а также тексты, написанные и изданные до 1990 года, если они пользуются популярностью среди современных читателей. Аннотирование подкорпуса SYN2005 с несколько иным процентным соотношением художественных, публицистических и специальных текстов (соответственно 40% – 33% – 27%) было закончено летом 2006 года. Кроме SYN2000 и SYN2005, че-

кированных конструкций с парадигматической формой синтетического императива 1 лица мн. числа или 2 лица ед. и мн. числа.

рез Интернет доступны также следующие входящие в состав Чешского национального корпуса подкорпусы:

- fsc2000 – образован теми же текстами, что и SYN2000, однако прошедшими редактирование (составители SYN2000 воздерживались от исправления типографских опечаток в привлекаемых источниках, ведь неправильности в печатном тексте – тоже потенциальный предмет лингвистического анализа); на основе fsc2000 был подготовлен и опубликован «Частотный словарь чешского языка», см. [Frekvenční slovník češtiny 2004].

- pmk – пражский корпус разговорной речи (около 700 тыс. слов).

- bmk – брненский корпус разговорной речи (около 500 тыс. слов).

- ORAL2006 – миллионный корпус разговорной речи.

- orwell и orwell-mte – корпуса, основанные на чешском переводе романа Оруэлла «1984».

- DIAKORP – диахронный корпус (около 500 тыс. слов; планируется пополнение), образован чешскими текстами от XIII века до современности.

- SYN2006PUB – синхронный нерепрезентативный корпус публицистических текстов (300 миллионов слов).

Тем самым Чешский национальный корпус входит в число наиболее авторитетных в мире языковых корпусов, ср. материалы пражской конференции «Грамматика и корпус 2005», в которой приняли участие более 100 исследователей из 14 стран Европы и Америки, см. [Grammar & Corpora 2005].

Обслуживающая Чешский национальный корпус программа Bonito предоставляет возможность вести поиск по **словоформе** (поиск [word="Moskva"] даст нам все примеры употребления в корпусе комбинации графем Moskva), **лексеме** (поиск [lemma="Moskva"] покажет все

примеры употребления в корпусе слова Moskva в любой форме его словоизменительной парадигмы) или **грамматической матрице** (поиск [tag="N.FS1.*"] покажет все примеры употребления в корпусе имен существительных женского рода в форме единственного числа именительного падежа; в корпусе SYN2000 предусмотрено описание грамматической формы по 15 позициям, в корпусе SYN2005 – по 16 позициям), а также по любой возможной комбинации словоформ, лексем и грамматических матриц. В подкорпусах чешской разговорной речи РМК и ВМК в настоящее время поиск по грамматической матрице не предусмотрен.

Мы благодарны директору Института Чешского национального корпуса при философском факультете проф. Фр. Чермаку и его сотрудникам за любезно предоставленный доступ к собранному им материалу.

Помимо этого, следуя обычной в богемистике и русистике практике, мы пользовались эксцерпциями из художественных произведений чешских и русских авторов XIX и XX вв.³ При этом некоторые произведения чешской и русской художественной литературы были подвергнуты нами сплошной выборке. Речь идет о приблизительно равных по объему книгах (романах, повестях, сборниках рассказов – см. «Источники фактического материала»), написанных и опубликованных в течение последних десятилетий, материал которых (около 5 тысяч чешских и столько же русских эксцерпций) использовался нами при статистических выкладках.

Кроме того, привлекались (но не учитывались при статистических выводах) примеры из других художественных произведений (в том числе из произведений XIX века), из научных и публицистических текстов, из

³ Как уже отмечалось, классические произведения (речь идет прежде всего о так называемой «школьной классике») активно участвуют в формировании индивидуальной языковой компетенции *современного* читателя.

теле- и кинофильмов, реплики, услышанные на улице, в транспорте, а также примеры (с соответствующими отсылками) других исследователей.

Часть приводимых чешских примеров снабжена нашими переводами (иногда мы использовали, отмечая это, опубликованные чужие переводы), причем в каждом конкретном случае мы пытались найти приемлемый компромисс между «экстерной» и «интерной» эквивалентностью. При этом для нас речь шла, естественно, не о художественных достоинствах исходного текста и / или предлагаемого перевода, а о том или ином грамматическом аспекте, который данным переводом (зачастую с пометой *букв.*) иллюстрировался.

Объектом исследования явился современный литературный язык чешской нации, **предметом исследования** – средства и способы выражения императивной модальности в современных чешских письменных текстах.

Целью предпринятого исследования является ономазиологически ориентированное описание функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке, что предопределило ряд **конкретных задач** исследования, главными из которых стали следующие:

1. Уточнение содержательной структуры побудительного высказывания с учетом принятого в теории речевых актов трехуровневого представления высказываний.
2. Построение модели функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке на основе актантной рамки предиката, определение ядра и периферии данной категории.
3. Выявление и классификация семантико-прагматических интерпретаций побудительных высказываний в современном чешском языке.

4. Определение полной парадигмы чешского императива, уточнение категориального статуса аналитических императивных образований, в том числе малоупотребительных и маргинальных.
5. Определение чешских глаголов речевой каузации, способных функционировать в составе побудительных эксплицитных перформативных высказываний (базовых типах и их трансформациях).
6. Определение и иерархизация неимперативных средств и способов формирования высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения в современном чешском языке.
7. Определение средств и способов выражения побуждения в рамках устаревших этикетных форм обращения – так называемых «ониканья» и «онканья».

Методы исследования. Мы пользовались прежде всего *функциональным* и *системно-структурным* методами, привлекая в ограниченном объеме *статистический* метод, а также более конкретными методами, связанными главным образом с технической стороной оперирования фактическим материалом: методом непосредственного наблюдения за функционированием побудительных высказываний в рамках минимального дискурсного окружения; методом сравнения переводов; методом компонентного анализа при описании лексического значения перформативных и иллокутивных глаголов; методом семантико-прагматического анализа при описании побудительных речевых актов; методом лингвистического эксперимента.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что впервые предметом комплексного квалитативно-квантитативного анализа стали средства и способы выражения императивной модальности в современном чешском литературном языке.

Впервые для описания функционирования чешских императивных и перформативных конструкций (основного средства формирования высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения) был привлечен материал полумиллиардного электронного Чешского национального корпуса, состав и объем которого обеспечивает объективность полученных выводов.

Впервые был проведен анализ особенностей семантико-прагматического картирования действительности чешским языком в сопоставлении с русским и выявлены различия чешской и русской языковых картин мира в области побудительной модальности.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно дает материал для теоретического осмысления взаимодействия компонентов модального комплекса – модальности реальной и ирреальной, внутри- и внешнесинтаксической.

Выявление особенностей семантико-прагматического картирования действительности носителем чешского языка актуально для психолингвистических и социолингвистических исследований.

Построение полной парадигмы чешского императива, в том числе определение категориального статуса и функционального потенциала малоупотребительных и маргинальных конструкций дает материал для дальнейшей разработки типологии императива.

Определение списка чешских глаголов речевой каузации, способных образовывать перформативные высказывания с актуальной коммуникативной функцией побуждения, определение функционального потенциала и стилистической значимости входящих с этот список глаголов находится в русле исследований по проблемам перформативности.

Последовательно проведенное сопоставление чешского материала с русским может использоваться в исследованиях по русистике. Взгляд через

призму близкородственного языка позволяет точнее определить структурные связи между элементами языковой системы, проявляет скрытые механизмы функционирования ее элементов.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по теоретической грамматике современного чешского языка, по синхронно-сопоставительной чешско-русской грамматике, по психо- и социалингвистике, а также в практическом преподавании чешского и русского языков как иностранных.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Побудительным является высказывание, в котором говорящий общается слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*.

2. Реализуясь прежде всего в рамках так называемой «целеустановочной модальности», функционально-семантическая категория императивности вступает в сложное взаимодействие с другими конститuentами модального комплекса, в частности, с единицами плана «волеустановочной модальности» (характеристика обозначаемой ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости, желательности), плана эмоциональной и качественной оценки содержания высказывания, плана утверждения / отрицания, при этом развитие вторичных функций грамматической категории наклонения должно рассматриваться на уровне функционально-семантических категорий.

3. В современном чешском языке функционально-семантическая категория императивности представляет собой конгломерат подкатегорий,

вычленяемых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих категориальных ситуаций: *категориальная ситуация 1* – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим; *категориальная ситуация 2* – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим + говорящему; *категориальная ситуация 3*: прескриптор равен говорящему, агенс равен лицу / лицам, не участвующему в коммуникативном акте.

4. Каждая их трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенциализованными в языке конструкциями, формирующими иллокутивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через экспликацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через экспликацию каузируемого действия или его последствий, экспликацию возможности этого действия, его необходимости или полезности, экспликацию волеизъявления говорящего, слушающего или иного лица / лиц). Между ядром и периферией лежит переходная зона (ближайшая периферия), образуемая периферийными типами императивных и перформативных побудительных высказываний.

5. Безусловно необходимыми критериями отнесенности к ядру функционально-семантической категории императивности являются критерии употребительности и стилистической немаркированности. В современном чешском языке данным условиям отвечают конструкции с синтетическим императивом 2 лица, формирующие иллокутивно универсальные побудительные высказывания, и эксплицитные перформативные конструкции *1 л. ед. числа перформативного глагола + инфини-*

тив / отглагольное существительное / придаточное предложение, формирующие иллокутивно специализированные побудительные высказывания.

6. Побудительные высказывания «второго лица» встречаются в текстах на порядок регулярнее, чем инклюзивные побудительные высказывания или побудительные высказывания «третьего лица», не говоря уже о довольно редких побудительных высказываниях, в которых мы наблюдаем иные комбинации говорящего, слушающего и лица / лиц, не являющихся ни говорящим, ни слушающим, в позициях прескриптора и агенса, так что *подкатегория 1* выступает в качестве базовой, по ее образцу строятся прочие конститuentы рассматриваемой категории императивности, а центр подкатегории, выделяемой на основе *категориальной ситуации 1*, совпадает с центром всей функционально-семантической категории императивности.

7. Помимо морфологического императива в современном чешском языке существует значительное число различающихся узуальностью конструкций, способных рассматриваться в качестве форм аналитического императива, при этом в обоих языках многие грамматические архаизмы и псевдоархаизмы продолжают функционировать в качестве яркого стилистического средства.

8. Носители чешского и русского языков неодинаково структурируют иллокутивное пространство функционально-семантической категории императивности, причем наиболее заметными являются следующие различия: в русской языковой картине мира более дробно структурированным оказывается «авторитарный» сектор, в чешской – сектор, образуемый подтипами побуждения, не содержащими семы необходимости; в русской языковой картине мира «требование» ближе к «приказу».

9. Для чешского речеупотребления в заметно большей степени, чем для русского, характерна иллюкутивная неопределенность (многозначность) побудительного высказывания.

Апробация. Результаты проведенных исследований обсуждались в виде научных докладов и сообщений на заседаниях кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ, на Ломоносовских чтениях в МГУ (1996; 1997, 1999, 2000, 2001, 2005), на международном конгрессе «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 2001), а также на 18 международных научных конференциях: «Россия и Запад: диалог культур» (Москва, МГУ, 1994; 1995), «Терминологические чтения Российского терминологического общества» (Москва, МГУ, 1994; 1995; 1996; 1997; 1998), «Язык и мир его носителя» (Москва, МГУ, 1995), «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (Москва, МГУ, 1996), «Язык, литература, культура: традиции и инновации» (Москва, МГУ, 1996), «Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания» (Москва, МГУ, 2001), «Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы» (Москва, МГУ, 2003), «Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы» (Оренбург, ОГУ, 2004), «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории» (Санкт-Петербург, РГПУ, 2005, 2006), «Грамматика и корпус» (Прага, Академия наук Чешской республики, 2005), «Русский язык: Система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы)» (Минск, БГУ, 2006), «Актуальные вопросы современного университетского образования» (Санкт-Петербург, РГПУ, 2006).

Результаты исследований учитываются в читаемых автором диссертации для студентов-богемистов филологического факультета МГУ спец-

курсах «Корпусная лингвистика в Чехии», «Теория речевых актов и современное чешское речеупотребление», а также спецсеминарах «Чешский глагол» и «Обиходно-разговорный чешский язык в художественной литературе и кинематографе».

Концепция и основное содержание диссертации отражены в 65 публикациях, включая 2 монографии, раздел коллективной монографии, а также 7 статей в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка источников фактического материала, списка использованной и цитируемой литературы, включающего 448 наименований. Общий объем диссертации 407 с.

Глава 1. СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

1.1.1. Категориальная и некатегориальная императивность

В посвященных проблемам императивности отечественных исследованиях преобладает, как правило, комплексный ономаσιологически-семаσιологический подход, когда вначале рассматриваются побудительно употребленные конструкции с императивными формами, а затем их функциональные эквиваленты.

Речь идет прежде всего о концепции А. В. Бондарко, вводящего понятие *императивной ситуации*, основными элементами которой являются: 1) субъект волеизъявления (C_1), 2) субъект-исполнитель (C_2), 3) предикат, раскрывающий содержание волеизъявления, исходящего от C_1 и обращенного к C_2 : каузируется действие (в широком смысле), направленное на преобразование пока (в момент волеизъявления t_1) ирреальной ситуации в ситуацию, которая по замыслу говорящего должна стать в результате каузируемого действия (в момент или период t_2) реальной. Такое преобразование предполагает: а) презентно-футуральную перспективу от момента волеизъявления (t_1) к более позднему моменту или периоду (t_2): $t_1 \rightarrow t_2$, б) направленность на превращение ирреального (ИР) в реальное (Р). В качестве особого элемента императивной ситуации выделяется признак *бенефактивности* каузируемого действия. К предпосылкам императивной ситуации относится возможность или необходимость изменения наличной ситуации, существование потенциального

исполнителя, а также возможность и правомочность для говорящего выступить в качестве C_1 , сообщив конкретному адресату статус C_2 .

В соответствии со способом представления смыслового содержания повелительности выделяются два типа императивности: **категориальная (прямая) императивность**, когда императивная семантика выступает как категориальное значение особых морфологических и синтаксических форм (*Передайте, пожалуйста, соль!*; *Молчать!*), и **некатегориальная (косвенная) императивность**, когда императивный смысл передается посредством формы с иным (неимперативным) основным значением в особых условиях функционирования данной формы или конструкции. Некатегориальная императивность может быть, в свою очередь, **эксплицитной**, когда императивный смысл непосредственно выражается (эксплицируется) через вопрос (*Не могли бы вы передать соль?*), через оптативность (*Вам бы помалкивать!*), через футуральную индикативность (*Пойдешь на почту и отправишь письмо!*), и **имплицитной**, когда императивный смысл лишь имплицитно выражается пропозитивным содержанием высказывания (*Мы хотим есть!* = *Принеси поесть!*), формально же не выражен, см. [Теория... 1990: 80-87].

Следует, однако, отметить, что для того, чтобы разграничить категориальную и некатегориальную императивность, предварительно надо решить отнюдь не самоочевидный вопрос, какие именно формы могут и должны считаться императивными. С синтетическим императивом ситуация более или менее ясна – можно исходить из формы как данной величины и из сложившейся традиции. Однако что понимать под синтаксическим императивом? Ведь если мы вслед за авторами [Mlůvnické češtiny 1987] будем рассматривать в качестве единиц синтаксического уровня существующие в языке устойчивые комплексы выразительных средств, то границы синтаксического императива раздвинутся достаточно широко,

чтобы поглотить большую часть «некатегориальной» императивности, которая, впрочем, в силу данного обстоятельства перестанет быть некатегориальной. Нельзя не согласиться с мнением, что «трудности, с которыми сталкивается классификация этого рода (а также ее неизбежная ограниченность) связаны, с одной стороны, с отсутствием четких границ между языковыми конвенциями и конвенциями употребления и, с другой стороны, с невозможностью исчислить все типы высказываний, которые могут приобретать иллокутивную силу побуждения в тех или иных условиях общения» [Булыгина, Шмелев 1988: 31].

1.1.2. Побуждение и прагматика

Для лингвистических исследований последних десятилетий характерна отчетливая «прагматизация», императивность и побудительность исследуются прежде всего в русле теории речевых актов, ядро которой было заложено в лекциях Дж. Л. Остина в Гарвардском университете в 1955, опубликованных в [Austin 1962].

Центральным понятием теории речевых актов является понятие *речевого акта*, интерпретируемого как способ осуществления целенаправленных действий с помощью средств языка в процессе речепроизводства и заключающегося в произнесении говорящим высказывания, адресованного слушающему в определенной обстановке с конкретной целью. Речевой акт рассматривается как трехуровневое единство, представляющее собой три вида действий: *локуцию*, *иллокуцию* и *перлокуцию*. Дж. Л. Остин предложил классификацию речевых актов, которая, однако, как и классификации некоторых его последователей [Vendler 1972; Fraser 1975], отчасти [Wierzbicka 1972], опиралась на английский материал.

Поэтому для нас более интересна была классификация Дж. Р. Серля, которая, хотя также опирается на материал английского языка, имеет бо-

лее универсальный характер. Дж. Р. Серль предложил 12 параметров классификации речевых актов:

(1) *Различия в цели данного (типа) акта.* Так, иллокутивная цель приказа может быть охарактеризована как попытка добиться того, чтобы слушающий нечто сделал. Цель описания – в том, чтобы представить (правильно или неправильно, точно или неточно) некоторое положение вещей. Цель обещания – в том, чтобы взять на себя обязательство совершить нечто.

(2) *Различия в направлении приспособления между словами и миром.* Некоторые иллокуции в качестве части своей иллокутивной цели имеют стремление сделать так, чтобы слова соответствовали миру, другие – так, чтобы мир соответствовал словам. Утверждения попадают в первую категорию, обещания и просьбы – во вторую.

(3) *Различия в выраженных психологических состояниях.* Человек, констатирующий, утверждающий, объясняющий или заявляющий, что *p*, выражает убеждение, что *p*; человек, который обещает, клянется, угрожает или ручается, что сделает *a*, выражает намерение сделать *a*; человек, который приказывает, командует, просит, чтобы слушающий *H* сделал *A*, выражает желание (пожелание, потребность), чтобы *H* сделал *A*; человек, приносящий извинение за совершение *A*, выражает сожаление по поводу совершения *A*, и т. д. В общем случае, производя любой иллокутивный акт с некоторым пропозициональным содержанием, говорящий выражает некоторое свое отношение, состояние и т. п., касающееся этого пропозиционального содержания. Это имеет место даже если говорящий неискренен, даже если он не имеет в действительности того убеждения, желания, намерения, не испытывает того сожаления или удовольствия, которое он выражает.

(4) *Различия в энергичности, или в силе, с которой подается иллокутивная цель.* Так, высказывания «Я предлагаю пойти в кино» и «Я настаиваю на том, чтобы мы пошли в кино» обладают одинаковой иллокутивной целью, но подаваемой с различной степенью энергичности.

(5) *Различия в статусе или положении говорящего и слушающего в той мере, в какой это связано с иллокутивной силой высказывания.* Если генерал побуждает рядового убраться в комнате, – это, конечно, команда или приказ. Если же рядовой попытается побудить генерала сделать то же самое, то это может быть советом, предложением или просьбой, но никак не приказом.

(6) *Различия в том способе, которым высказывание соотносено с интересами говорящего и слушающего.* Речь идет о различиях, например, между похвалой и жалобой, поздравлением и соболезнованием.

(7) *Различия в соотношении с остальной частью дискурса.* Высказывания типа «Я отвечаю», «Я заключаю», «Я возражаю» служат для того, чтобы соотнести одни высказывания с другими, иные же носят более самостоятельный характер.

(8) *Различия в пропозициональном содержании, определяемые на основании показателей иллокутивной силы.* Так, различие между сообщением и предсказанием связано с тем обстоятельством, что предсказание должно делаться о будущем, а сообщение о прошедшем или настоящем.

(9) *Различия между теми актами, которые всегда должны быть речевыми актами, и теми, которые могут осуществляться как речевыми, так и неречевыми средствами.* Так, можно расклассифицировать объекты, сказав «Я отношу это к классу А, а это – к классу В», однако можно просто сложить все предметы типа А в коробку для А, а все предметы типа В в коробку для В.

(10) *Различия между теми актами, которые требуют для своего осуществления внеязыковых установлений, и теми, которые их не требуют.* Есть большое количество иллокутивных актов, требующих существования некоторого внеязыкового установления, а также некоторого специального положения говорящего и слушающего в рамках этого установления. Так, для того, чтобы сочетать браком, приговорить к тюремному заключению, отлучить от церкви, удалить игрока с поля или объявить войну соседнему государству, недостаточно, чтобы произвольный говорящий сказал произвольному слушающему «Объявляю вас мужем и женой», «Отлучаю тебя» и т. п. Нужно еще, чтобы говорящий занимал определенное положение в рамках некоторого установления внеязыкового порядка.

(11) *Различия между теми актами, в которых соответствующий иллокутивный глагол употреблен перформативно, и теми, в которых перформативное употребление глагола отсутствует.* Не все иллокутивные глаголы являются перформативными. Так, можно осуществить речевой акт приказа, произнеся «Приказываю...», но нельзя совершить акт похвалы, произнеся «Настоящим я хвалюсь...».

(12) *Различия в стиле осуществления иллокутивных актов.* Так, различия между оглашением и сообщением по секрету не обязательно связано с каким-либо различием в иллокутивной цели или пропозициональным содержанием, а только в стиле осуществления иллокутивного акта.

На основе данных двенадцати критериев Дж. Р. Серль выделил пять следующих классов речевых актов:

– *репрезентативы*, информирующие слушающего о положении дел в действительности;

– *директивы*, представляющие попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил;

– *комиссивы*, которыми говорящий возлагает на себя обязательство совершить определенное действие;

– *экспрессивы*, выражающие психологическое состояние говорящего;

– *декларации*, вносящие изменения в статус указываемых объектов самим фактом произнесения, см. [Серль 1986: 172-177, 179-188].

Для нашего исследования было важным также существующее в литературе различие *прямых* и *косвенных* речевых актов, *простых* и *гибридных*, *институализованных* и *неинституализованных*, *инициативных* и *реактивных*:

Иллокутивная сила *прямых* речевых актов соответствует языковой семантике использованного формального средства, иллокутивная сила *косвенных* речевых актов выводится из буквального значения формального средства с учетом речевой ситуации, ср., например, [Searle 1975; Conrad 1983]. *Простым* речевым актом является, например, *приказ* (директивный речевой акт), *гибридным* – *приглашение*, совмещающее признаки директивного и комиссивного речевых актов, ср. [Wunderlich 1977; Hancher 1979]. *Неинституализованные* речевые акты имеют более или менее универсальный узус (например, речевые акты *констатации* или *вопроса*), тогда как *институализованные* речевые акты специфичны для определенных видов общения (например, *проповедь*) [Wunderlich 1980: 296]. *Инициативные* речевые акты выступают в качестве стимула к тем или иным речевым или неречевым действиям адресата, а *реактивные* сами являются реакцией на то или иное действие [Mlunice čeština 1987: 306].

1.1.3. Модель структуры побудительного высказывания

В целях ономаσιологически ориентированного описания функционально-семантической категории императивности мы воспользовались (в несколько модифицированном виде) предложенной Л. А. Бирюлиным и В. С. Храковским (которые опираются, в свою очередь, на принятое в теории речевых актов трехуровневое представление высказываний) моделью структуры содержания побудительного высказывания, включающей в себя: 1) план прескрипции (= иллокутивный акт), который включает прескриптора, получателя прескрипции и исполнителя прескрипции; 2) план коммуникации (= локутивный акт), который включает говорящего⁴, слушающего / слушающих (= получателя / получателей прескрипции) и лицо / лиц, не участвующее в коммуникативном акте, т.е. 3-е л. ед./мн.ч.; 3) план каузируемого положения вещей (= пропозициональный акт), который включает некое действие Р и его агенса (= исполнителя прескрипции). Возражая широко распространенному мнению, что слушающий (= получатель прескрипции) и агенс (= исполнитель прескрипции) непременно должны быть одним и тем же лицом, Л. А. Бирюлин и В. С. Храковский склонны считать, что агенсом действия (= исполнителем прескрипции) может быть любой из заданных участников коммуникативного акта и любая теоретически допустимая совокупность этих участников. Тезис о факультативности кореференции слушающего и агенса позволяет обосновать возможность расширения массива побудительных высказываний, в частности, включения в него высказываний типа *Пусть он (они) еще подождет (подождут)! Пойдём(те) скорей! Пойду(-ка) подгоню их!* и т. п. [Типология... 1992: 8-9]

⁴ У Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского *говорящего* (= прескриптора).

Мы склонны выдвинуть еще один тезис – тезис о факультативности кореференции говорящего и прескриптора. Это позволит на законном основании включить в анализируемый массив явно побудительные высказывания, в которых говорящий дистанцируется (более или менее решительно) от роли прескриптора, беря на себя лишь посреднические функции. Прескриптором же подобного побуждения является лицо, непосредственно не участвующее в конкретном коммуникативном акте, ср.: *Господин директор просит Вас еще немного подождать*. Как нам представляется, сюда можно отнести случаи, когда прескриптор персонально не определен, т.е. когда в его роли выступает как бы сам миропорядок в целом, ср.: *Вы должны быть более внимательны!* Отметим, что подобные ‘долженствовательно-побудительные’ высказывания, возможные и в русском речепотреблении, в речепотреблении чешском весьма узуальны, ср.: *Musíš pryč!* букв. ‘Ты должен уйти’, *Už máte jít* букв. ‘Нам уже надо идти’.

Нам представляется также необходимым отметить еще один важный компонент содержательной структуры побудительного высказывания, незаслуженно недооцениваемый, как нам кажется, даже в весьма солидных исследованиях (ср. [Русская грамматика 1979: 195; Типология... 1992: 7]), – каузацию *возможности* действия агенса. *Возможность*, безусловно, может быть интерпретирована через *необходимость* (например ‘*возможность некоторого действия*’ как ‘*отсутствие необходимости воздержания от него*’ или как ‘*отсутствие необходимости некоторого альтернативного действия*’, что хорошо прослеживается, в частности, на примерах употребления чешских модальных глаголов *moči, muset* с отрицанием и без него), однако нам представляется оправданным введение данного компонента как самостоятельного, тем более, что он может выступать на передний план в семантической структуре некоторых соци-

ально значимых семантических интерпретаций побуждения, таких как *разрешение, предложение, приглашение*, ср.: *Садитесь, пожалуйста = 'Вы можете сесть'*.

Суммируя изложенное, мы склонны охарактеризовать в качестве *побудительных* такие высказывания, в которых говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления агентом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления агентом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*. Естественно, что 'воздержание от действия' также является своего рода 'действием'; равно как 'сообщение о необходимости' или 'сообщение о возможности' может значить не только 'необходимость' или 'возможность', но и 'отсутствие необходимости' или 'отсутствие возможности'.

Предлагаемая нами модель функционально-семантической категории императивности базируется на предлагаемой выше формуле следующим образом:

Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке может быть представлена как конгломерат подкатегорий, вычленяемых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих категориальных ситуаций: **категориальная ситуация 1** – прескриптор побуждения равен говорящему, агент равен слушающему / слушающим («побуждение второго лица»); **категориальная ситуация 2** – прескриптор равен говорящему, агент равен слушающему / слушающим + говорящему («инклюзивное побуждение»); **категориальная ситуация 3**: прескриптор равен говорящему, агент равен ли-

цу / лицам, не являющимся ни говорящим, ни слушающим («побуждение третьего лица»).

Каждая их трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенциализованными в языке конструкциями, формирующими иллокутивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через экспликацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через экспликацию каузируемого действия или его последствий, экспликацию возможности или необходимости этого действия, экспликацию волеизъявления говорящего, слушающего или иного лица / лиц). Образующие такое ядро конструкции должны быть регулярно употребительными и стилистически немаркированными. Между ядром и периферией лежит переходная зона (ближайшая периферия), образованная периферийными типами иллокутивно универсальных и иллокутивно специализированных конструкций. Центр подкатегории, выделяемой на основе *категориальной ситуации 1*, совпадает с центром всей функционально-семантической категории императивности. Иллокутивно специализированные побудительные высказывания образуются с помощью эксплицитных перформативных конструкций и их трансформаций, иллокутивно универсальные – с помощью конструкций с формами императива.

Для того, чтобы хотя бы вкратце представить взаимную соотношенность вычленяемых подобным образом конститuentов функционально-семантической категории императивности в современных чешском и русском языках, мы подвергли статистической обработке приблизительно

равные (по пять тысяч единиц для каждого языка)⁵ массивы чешских и русских примеров, извлеченных сплошной выборкой из произведений современной художественной прозы (мы старались использовать соотносительные по объему произведения⁶), см. далее четыре диаграммы, из которых первая и вторая учитывают абсолютное число примеров того или иного типа, а третья и четвертая – их процентное соотношение.

Предлагаемые диаграммы иллюстрируют как принципиальную инвариантность структуры функционально-семантической категории императивности в сопоставляемых языках (ср. сходство контуров диаграмм 1 и 2), так и наиболее существенные особенности реализации данной категории в чешском и русском языковых пространствах, такие как бóльшая узуальность для чешского речеупотребления побуждения через экспликацию необходимости или возможности каузируемого действия, что безусловно связано с бóльшей по сравнению с русскими функциональной нагруженностью чешских модальных глаголов⁷, и бóльшая узуальность иллокутивно специфицированного побуждения для речеупотребления русского, о чем свидетельствуют также и особенности функционирования чешских и русских интерпретирующих предикатов [Изотов 1998: 87].

⁵ Извлекаемые данные вводились в электронную таблицу Microsoft Excel, и увеличение объема эксперций было прекращено после достижения такого состояния, когда удаление из таблицы любого из представленных в ней источников не приводило к изменению процентного соотношения рассматриваемых типов примеров. Тем самым можно считать, что индивидуальные языковые и стилистические пристрастия того или иного автора нивелированы и что данные приводимых далее диаграмм отражают объективное положение вещей.

⁶ См. отмечанные астериксом произведения в списке использованной художественной литературы.

⁷ Ср. [Сопоставительные исследования...: 215-216].

Диаграмма 1

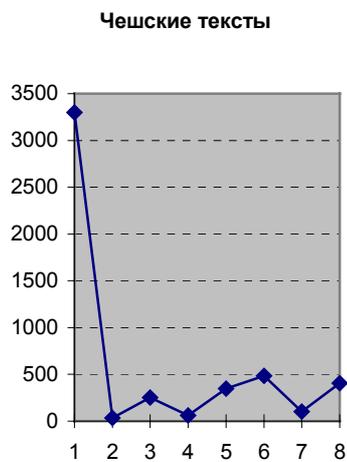

Диаграмма 2

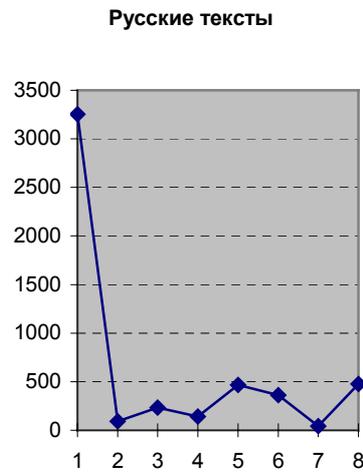

Диаграмма 3

Диаграмма 4

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через экспликацию действия.
6. Побуждение через экспликацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через экспликацию волеизъявления.
8. Другие способы побуждения.

Дальнейшее же описание функционально-семантической категории императивности предполагает анализ составляющих ее подкатегорий, выделяемых на основе той или иной категориальной ситуации побуждения (например, *ситуация 1*: прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему; *ситуация 2*: прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему + говорящему; *ситуация 3*: прескриптор равен говорящему, агенс равен лицу, не участвующему в коммуникативном акте; *ситуация 4*: прескриптор равен говорящему, агенс равен говорящему и т. д. При этом наиболее значимыми для чешского, как и для русского языка, безусловно, являются подкатегории, базирующиеся на первых трех *ситуациях*.

1.2. ИЛЛОКУТИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОБУДИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В рамках общей совокупности побудительных высказываний традиционно выделяются конкретные подтипы побуждения («приказ», «просьба», «предложение» и т. п.), которые различаются по ряду параметров, таких, как степень настоятельности побуждения, субординация участников акта коммуникации, бенефактивность (в чьих интересах – говорящего, адресата либо кого-то ещё предполагается осуществление каузируемого действия), спровоцированность / неспровоцированность акта побуждения, определённости / неопределённости референции и т. д.

Выражаясь императивной конструкцией, все эти подтипы побуждения могут сигнализироваться интонацией⁸, лексическим значением импе-

⁸ Ср. часто цитируемое: «*Приходи!*», сказанное с интонацией мольбы, означает то же самое, что *Я умоляю тебя прийти; Приходи!*, сказанное с интонацией приказа, означает то же самое, что *Я приказываю тебе при-*

ративной формы⁹, а также контекстом и ситуацией высказывания¹⁰ и не имеют специальных грамматических средств для своего выражения, по крайней мере, не имеют в русском языке¹¹.

В специальной литературе мы можем встретиться с самыми разными комбинациями подтипов побуждения. Так, в 10 работах [Артёмов 1966; Брым 1974; Виноградов 1938; Исаченко 1960; Косилова 1962; Милых 1953; Мучник 1955; Немешайлова 1961; Пешковский 1956; Русская грамматика 1980] В. С. Храковский и А. П. Володин обнаружили около 30 различных семантических интерпретаций императивных конструкций, большая часть которых совпала со значениями знаменательных каузативных глаголов, и перечислили эти интерпретации, отмечая в скобках, сколько источников из названных десяти данную интерпретацию выделяют. Это просьба (8), совет [= рекомендация, наставление] (8), приказание (7), приглашение (7), увещание [= убеждение] (6), требование (5),

ти; Приходи!, сказанное с интонацией совета, означает то же самое, что *Я советую тебе прийти*, и т. д.» [Вежбицка 1985: 256].

⁹ Очевидно, что, например, интерпретационные возможности высказывания *Убирайся!* существенно уже интерпретационных возможностей высказывания *Приходи!* из примера А. Вежбицкой.

¹⁰ Ср.: «Обстоятельства высказывания оказывают очень важную помощь. Так, мы можем сказать: “*Ego* слова я воспринимаю как приказ, а не как просьбу”» [Остин 1986, 71-72].

¹¹ В. С. Храковский мотивирует неправомерность рассматривать мольбу, приказ, совет и т.п. как частные грамматические значения, выражаемые специальным грамматическим средством («интонацией мольбы», «интонацией приказа», «интонацией совета» и т.п.) тем обстоятельством, что «каждая из семи выделяемых в русском языке интонационных конструкций (ИК) соотносится, как правило, более чем с одной семантической интерпретацией повелительных предложений» [Теория... 1990: 203]. Отметим, впрочем, что и А. Вежбицка цитируемым тезисом отнюдь не постулирует наличие однозначного соответствия между набором интонаций и набором типов высказываний, а лишь возражает тем лингвистам, которые видят в высказывании с императивной конструкцией «приказ», сужая тем самым его интерпретационные возможности.

разрешение [= допущение] (5), заклинание (4), предложение (4), призыв (4), согласие (4), пожелание (4), мольба (4), предупреждение (3), команда (3), распоряжение [= инструкция] (2), наказ (2), разъяснение (1), одобрение (1), привлечение внимания (1), извинение (1), привет (1), долженствование (1), невыполнимость (1), подстрекательство (1), принуждение (1), предположение (1), предостережение (1), вызов (1), упрашивание (1). Нельзя не разделить сомнений В. С. Храковского и А. П. Володина в том, все ли единицы приведённого списка в равной степени важны и не представляют ли многие из них всего лишь «отдельные каузативные (и не только каузативные) лексемы, которые к тому же иногда являются синонимичными» [Храковский, Володин 1986: 133-134].

Интересную систематизацию существующих в отечественной лингвистике способов определения видов побуждения предлагает Е. А. Филатова, выделяющая *интуитивный способ* [Пешковский 1956; Гвоздев 1955; Милых 1953; Емасова 1954; Шмелев 1955; Прокопчик 1955; Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1958; Немешайлова 1961; Элиешюте 1968], *способ исчисления перформативов и иллокутивов* и *способ исчисления иллокутивных целей речевых актов*, применяемые в рамках теории речевых актов, *способ исчисления интерпретирующих предикатов* [Дорошенко 1986; Шаронов 1989], *способ установления дифференциальных признаков побудительной речевой ситуации* [Андреева 1971; Храковский, Володин 1986], *способ семантико-прагматического анализа побудительных высказываний* [Бирюлин 1992] и отчасти [Саранцацрал 1993], см. [Филатова 1997: 62-70].

Как нам представляется, несколько огрубляя ситуацию, существующие семантические классификации видов побуждения можно условно разделить на две группы: одни исследователи анализируют по степени синонимичности представленные в том или ином (например, в русском)

языке глаголы речевой каузации, другие исходят из классификационных критериев, принятых в теории речевых актов. Оба подхода (первый более традиционен, второй в настоящее время несколько популярнее) имеют свои плюсы и минусы. К недостаткам первого можно отнести опасность смешения базовых и маргинальных семантических интерпретаций (что налицо, например, в одной из интересных классификаций данного типа в [Панин 1993: 86]) и трудности его применения при сопоставительных исследованиях, к недостаткам второго – необходимость введения дву- или даже многословных определений, при этом «степень субъективизма» исследователя практически ничем не ограничена (так, в материалах ленинградской конференции (1988) мы находим множество подобных интерпретаций: от «смягченной просьбы» [с. 30, 67] до «мягкого приказа» [так! см. с. 58], ср.: «настоятельное требование», «равнодушное разрешение», «просьба-мольба», «сдержанная, но настойчивая просьба», «резко настоятельная просьба», «неохотное согласие», «равнодушно-презрительное согласие» [все на с. 29]).

К сожалению, большинство предлагаемых классификаций никак нельзя считать безупречными. Так, В. С. Храковский и А. П. Володин, критически проанализировав классификацию М. В. Косиловой¹² и оха-

¹² Предложено три классификационных признака, каждый из которых принимает три значения. I. Отношение между участниками коммуникативного акта: 1) адресат зависит от воли говорящего, 2) между адресатом и говорящим нет зависимости, 3) говорящий зависит от воли адресата; II. Отношение говорящего к действию: 1) хочет его исполнения, 2) считает его исполнение целесообразным, 3) не хочет его исполнения; III. Отношение адресата к действию: 1) хочет его исполнения, 2) его отношение к действию неизвестно, 3) не хочет его исполнения. Из теоретически полного набора логических возможностей сочетаний классификационных признаков приводятся только те, которым соответствуют определенные интерпретации побуждения (при этом, впрочем, одной и той же интерпретации могут соответствовать различные наборы классификационных

рактизовав более позднюю классификацию И. С. Андреевой¹³ как «недостаточно четкую и последовательную», предлагают собственную классификацию¹⁴, которая, увы, также уязвима. И дело не только в том, что для характеристики «санкции» и «пожелания» авторам приходится обращаться к иным критериям. Не оговорено место в таблице анализируемых чуть далее «запрета» (с. 147 след.) и «предостережения» (с. 150 след.). В более поздних работах В. С. Храковский квалифицирует в качестве «запрета» каузацию неисполнения контролируемого действия (типа *Не рисуй!*, *Не читай эту книгу!*), а в качестве «предостережения» – каузацию

признаков): I₁, II₁, III₂ – приказ; I₁, II₁, III₃ – требование; I₁, II₂, III₁ – разрешение, запрещение; I₁, II₂, III₂ – приказ; I₁, II₂, III₃ – требование; I₁, II₃, III₁ – разрешение, допущение; I₂, II₁, III₂ – призыв, просьба; I₂, II₂, III₁ – согласие; I₂, II₂, III₂ – совет, предположение; I₂, II₂, III₃ – убеждение, увещание, предостережение; I₃, II₁, III₂ – мольба, упрощивание [Косилова 1962], приводится по [Храковский, Володин 1986: 135].

¹³ Различается «смягченное» побуждение (*просьба, мольба, уговаривание, упрощивание, убеждение*), «категорическое» побуждение (*приказ, запрет, команда, требование*) и «нейтральное» побуждение (*совет, пожелание, приглашение*) [Андреева 1971].

¹⁴ Учитываются такие обстоятельства, как спровоцированность или неспровоцированность акта побуждения (А1 – «импульс каузации» исходит от говорящего, А2 – от слушающего), заинтересованность в исполнении каузируемого действия (Б1 – исполнение каузируемого действия в интересах говорящего, Б2 – в интересах слушающего), субординация (В1 – говорящий ставит себя выше слушающего, В2 – говорящий ставит себя не выше слушающего), в связи с чем выделяются: А1, Б1, В1 – *приказ*, А1, Б1, В2 – *просьба*, А1, Б2, В1 – *инструкция*, А1, Б2, В2 – *предложение*, А2, Б2, В1 – *разрешение*, А2, Б2, В2 – *совет*.

Кроме того, оговаривается *санкция* (каузируется продолжение уже осуществляющегося действия), которая может накладываться на все названные интерпретации, кроме *инструкции*, и *пожелание* (каузируются действия и состояния, в норме не подконтрольные воле человека типа *Опомнись!*, *Ликуй!*, *Будь здоров!* или же состояния персонифицированного объекта неживой природы типа *Пылай, камин!*, *Гори, прежняя жизнь!*), накладывающееся на все шесть интерпретаций (приказ-пожелание, просьба-пожелание и т. д.) [Храковский, Володин 1986: 136-145].

неисполнения неконтролируемого действия (типа *Не поскользнься!*, *Стекло не разбей!*) [Типология... 1992: 35]. Это может означать, что и «запрет», и «предостережение» (аналогично «санкции» и «пожеланию») накладываются на выделенные шесть интерпретаций. Мы склонны, однако, вслед за [Searle 1969], [Wierzbicka 1972] и [Mluvnické češtiny 1987] рассматривать «запрет» прежде всего как коррелят «приказа» и «разрешения» (общий компонент – признаваемое собеседником право говорящего быть «инстанцией, обладающей полномочиями»¹⁵), а «предостережение» – как коррелят «совета» («советом» каузируется действие, *желательное* для адресата, а «предостережением» – действие *нежелательное*). Нам не кажется удачным использование в качестве классифицирующего параметра «импульс каузации». По этому и только (!) по этому критерию В. С. Храковский и А. П. Володин противопоставляют *совет – предложению*, а *разрешение – инструкции*, но ведь и совет, и разрешение могут реализовываться не только в *реактивных*, но и в *инициативных*¹⁶ высказываниях. Так, нетрудно представить инициативное *разрешение* (ср. обращение директора к посетителю: *Присаживайтесь!* = ‘*Вы можете присесть*’), что же касается советов, то они даются говорящим по собст-

¹⁵ А также, видимо, то, что говорящий данным речевым актом (*приказом*, *запретом* или *разрешением*) принимает на себя ответственность за последствия каузируемого действия.

¹⁶ Принятое в [Mluvnické češtiny 1987: 306] разграничение *инициативных* высказываний, которые выступают в качестве стимула к тем или иным речевым или неречевым действиям адресата, и высказываний *реактивных*, которые сами являются реакцией на то или иное действие адресата, представляется нам более удачным с т. з. внутренней формы, чем использование В. С. Храковским в более поздних работах разграничения *фактивных* и *пермиссивных* интерпретаций побудительных высказываний [Теория... 1990: 204], [Типология... 1992: 15].

венной инициативе, пожалуй, чаще, чем запрашиваются¹⁷. В более поздних работах В. С. Храковский отмечает, что «совет может быть и пермиссивным, и фактитивным» [Теория... 1990: 204], ср. аналогичный тезис в [Типология... 1992: 15].

Нам представляется, что теоретически и инициативными («фактивными»), и реактивными («пермиссивными») могут быть *все* приводимые в таблице В. С. Храковского и А. П. Володина интерпретации, ср., например, реактивный «приказ»: *«Виноват: обмолвился, – отвечал Савельич. – Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырех ногах, да спотыкается. Прикажи уж дочитать»*. / *«Дочитывай»*, – сказал Пугачев (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). Различие же между «советом» и «предложением» мы склонны видеть, вслед за авторами [Mluvnické češtiny 1987: 345], не в инициативности или реактивности, а в том, что предложением каузируется **возможное** действие агенса, а советом – **желательное** (т. е. полезное для него). Принципиальная уязвимость «табличных» классификаций обусловлена, на наш взгляд, тем обстоятельством, что таблица предполагает, как правило, определенную дискретность, а нередко и некую симметричность, а при семантическом структурировании императивности речь может идти именно о полевом и никак не о дискретном структурировании. Выявляемые подтипы побуждения являются не фрагментами чего-то целого и равномерного с четко очерченными границами и симметрично противопоставленными по тому или иному набору признаков. Это скорее своего рода локальные сгущения поля с преобладанием тех или иных свойств.

¹⁷ Во всяком случае, по свидетельству анализирующей английской материал Е. И. Беляевой «реактивные суггестивные ситуации на бытовом уровне не типичны для данного Р[ечевого] А[кта], их доля в общем корпусе контекстов составляет лишь 8 %. Частотность их выше в официальной обстановке общения между профессионалами» [Беляева 1992: 124].

Это структурирование не может быть симметричным, так как различные типы побуждения «социально неравнозначны» – очевидно даже без статистических выкладок, что речевые акты, содержащие *просьбу*, используются в процессе человеческой коммуникации заметно активнее, чем, скажем, речевые акты, выражающие *команду* или *лозунг*. Это структурирование не может быть даже формально симметричным, так как те или иные подтипы побуждения выделяются прежде всего не по набору тех или иных признаков, а скорее по какому-то одному уникальному признаку или, реже, по уникальной комбинации признаков. Так, *команда* предполагает немедленное начало выполнения каузируемого действия, для прочих же выделяемых нами подтипов побуждения этот признак (немедленное / отложенное выполнение каузируемого действия) несуществен, ср., например, *совет*: *Ешь как следует, до ужина ещё далеко* (немедленное выполнение) :: *Ешь больше фруктов* (отложенное выполнение). Для *лозунга* характерна неконкретность, временная и персональная нелокализованность каузируемого действия. *Распоряжение* предполагает обоснованную уверенность говорящего в том, что адресат действительно выполнит либо, по крайней мере, попытается выполнить каузируемое действие и т. д.

Однозначная интерпретация того или иного подтипа побуждения не всегда возможна. Очень часто мы имеем дело со своего рода переходными случаями, когда побуждение может восприниматься неоднозначно. Нередко подобная многозначность, когда сквозь просьбу просвечивает приказ, а сквозь совет – предостережение, изначально замысливается говорящим¹⁸. Следует помнить, что выделенные выше подтипы побужде-

¹⁸ Ср. следующие реплики из детективного телесериала, в котором речь идет, конечно же, не о *совете* или *просьбе*, а о *предостережении*, переходящем в *угрозу*: [подозреваемый – следователю:] У меня есть

ния представляют собой не дискретные объекты, а также своего рода микрополя с ядром (когда данный подтип побуждения однозначно и непротиворечиво выражен определённой конвенциализованной в языке для данного подтипа структурой) и более или менее размытой периферией (когда речь идёт о всевозможных транспозиционных процессах и когда корректная интерпретация побуждения предполагает учёт не только собственно языковых, но и иных факторов)¹⁹. А если мы примем во внимание склонность «этикетной» речи именно к непрямому, завуалированному способу выражения, то большое количество «пограничных» случаев будет вполне объяснимым.

В более поздних работах В. С. Храковский уже не возвращается к «табличной» классификации, допуская, что «в принципе в каждом конкретном языке, в том числе и в русском, есть столько семантических интерпретаций повелительных предложений, сколько в этом языке представлено несинонимичных глаголов речевой каузации» [Теория... 1990: 204]. Данный тезис представляется нам методологически важным, так как позволяет нам сопоставлять, допуская неодинаковое картирование поля императивности различными языками, семантические интерпретации побуждения в современных чешском и русском языках, не подгоняя данные одного языка под данные другого. Дело не только в том, что один язык может располагать особой лексемой там, где другому требуется двуслов-

влиятельные друзья, в том числе и в полиции, и я *настоятельно советую* не причинять мне неприятности. <...> Последний раз *прошу* вас: Не доставляйте мне неприятности (ОРТ, 25.09.1998).

¹⁹ Ср., например, следующие два фрагмента (курсив наш): Положение княгини [Трубецкой] стало гораздо тягостней с тех пор, как ей разрешили поселиться в этом медвежьем углу. Заметьте, что на языке угнетенных в интерпретации угнетателя *разрешения* считаются *приказаниями*; Император мне *разрешил*, т.е., иначе говоря, *приказал* присутствовать на бородинских торжествах. (Кюстин А. Николаевская Россия).

ное сочетание (ср. русск. *мольба* и чешск. *úpěnlivá prosba*; функциональное противопоставление *prosba* :: *úpěnlivá prosba* букв. ‘просьба’ :: ‘слезная, жалобная просьба’ мы находим, например, в [Flídrová 1980: 215]. Менее заметны, а потому более сложны случаи неполного соответствия понятий. Так, чешскому *vůzva* в русском языке соответствуют, по свидетельству [ЧРС 1976], *воззвание, обращение; вызов, призыв*. Однако в чешском речепотреблении этим словом обозначается не только «настоятельное побуждение к реализации / нереализации некоей деятельности, мотивируемой социальными, этическими и подобными факторами»²⁰, ср. следующий пример: “*Strejdo, pojd’ nám na chvíli chytat, aspoň do tý doby, než vyrovnáme,*” *vyzval ho pihovatý klučina s nazrzlými vlasy*. (М. Капек. *A je to gól!*) ‘«Дяденька, постой у нас в воротах, хотя бы пока мы не сравняем счёт», позвал [букв. *призвал*] его рыжий веснушчатый мальчуган’.

Как мы видим, в данном (равно как и во множестве подобных) примере отсутствует не только «этическая или социальная мотивация каузируемого действия», но и постулируемая для данного подтипа побуждения в [Flídrová 1980: 217] «сильная зависимость адресата от говорящего». Иначе говоря, семантический и функциональный потенциал чешского *vůzva* заметно шире семантического и функционального потенциала русского *призыва*, что обуславливает и в свою очередь поддерживается обычной практикой употребления термина *vůzva* (в отличие от русского *призыва*) в качестве общеродового (ср. русское общеродовое понятие *побуждение*)²¹.

²⁰ Так характеризуется *vůzva* в [Mluvnice češtiny 1987: 343], и эта характеристика, пожалуй, подходит к русскому *призыву*.

²¹ Мы можем столкнуться со своего рода переносом чешского узуса на русский материал в работах, написанных чехами по-русски, ср.: «Структурное значение дебитивности находит отражение прежде всего в основной функции этих [императивных – *А. И.*] форм – в п р и з ы в н о й

Мы считаем, что и в чешском, и в русском языковом пространстве (как, по-видимому, в любом естественном языке) количество вариантов семантического членения поля императивности достаточно велико и едва ли поддается точному определению, так как разные носители языка могут членить это поле по-разному в зависимости от своей языковой компетенции и склада характера: для кого-то существует только *приказ* и *просьба* (все, что не просьба – приказ, а все, что не приказ – просьба), в языковой картине мира другого существует еще и *совет*, кто-то третий улавливает (или, вернее, определяет для себя) разницу между *приказом* и *приказанием* и т. д. Более того, мы вполне допускаем, что даже в языковом сознании одного и того же человека подтипы побуждения могут в разное время группироваться неодинаково. При этом очевидно, что некоторые (наиболее социально значимые) семантические интерпретации будут выделяться в принципе всеми носителями языка и всегда, а другие (маргинальные) – не всеми и не всегда. Так, легко представить носителя русского языка, не видящего различий между упомянутыми выше *приказом* и *приказанием*, но вряд ли кто-то в твердом уме и трезвой памяти перепутает *приказ* и *просьбу*. Полевая природа категории императивности, как мы уже отмечали, допускает различные варианты своего структурирования, может быть выделено (и реально выделяется в конкретных актах коммуникации) разное число подтипов побуждения, при этом чем «мельче» будет членение, чем большее количество несинонимичных интерпретаций будет выделяться, тем выше вероятность несовпадения мнений различных носителей языка и, как следствие, тем больше будет отмечаться различий при межъязыковом сопоставлении.

функции, т.е. в выражении прямого приказания, совета, предостережения, просьбы, увещевания...» [Русская грамматика 1979: 193].

Тем не менее мы склонны исходить из принципиальной соотносительности основных социально значимых семантических интерпретаций побудительных высказываний в современных чешском и русском языках, не закрывая глаза на отсутствие однозначного соответствия вычленяемых носителем того или другого языков спектров частных семантических интерпретаций²².

Сравнив список наиболее социально значимых семантических интерпретаций побуждения в русском речупотреблении В. С. Храковского и Л. А. Бирюлина²³ с аналогичным списком М. Грепла и П. Карлика²⁴ и с

²² О том, как могут расходиться взгляды по этому поводу разных носителей даже одного языка, достаточно красноречиво говорит приводившийся ранее список из [Храковский, Володин 1986: 134].

²³ *Приказ, просьба, требование, предложение, разрешение / неразрешение, совет* [Типология... 1992: 15]; в [Теория... 1990: 204] то же, кроме *неразрешения*. Список [Храковский, Володин 1986: 137] пополнился *требованием* (делившимся ранее между *приказом* и *просьбой*), но лишился *инструкции*.

²⁴ Посвящённые побудительным высказываниям подразделы «Синтаксиса литературного чешского языка» названных авторов [Grepl, Karlik 1986] выглядят следующим образом (русские соответствия чешским каузативам приводятся по [ЧРС 1976]): Rozkaz (příkaz), zákaz ‘приказ, приказание, распоряжение, предписание’ (‘приказ, распоряжение, поручение, требование’), ‘запрещение, запрет, воспрещение’; Povel ‘команда, приказ’; Prosha ‘просьба, прошение’; Vybidnutí ‘предложение, просьба, призыв, приглашение’; Výzva ‘воззвание, обращение, вызов, призыв’; Varování, vyhrůžka, výstraha ‘предостережение, предупреждение’, ‘угроза, острастка’, ‘предостережение, предупреждение’; Návrh, rada (doporučení) ‘проект, предложение’, ‘совет’ (‘рекомендация’); Dovolení ‘разрешение, позволение’. Эти подразделы практически без изменения вошли в соответствующую главу третьего тома пражской академической «Грамматики чешского языка» [Mluvnice češtiny 1987: 339-346]. В брненской «настойной грамматике чешского языка» М. Грепл несколько видоизменил данную классификацию, включив в подраздел «Побудительные высказывания» также абзац Návod, recept, instrukce ‘указание, рецепт, инструкция’ и выделив абзацы Varování, vyhrůžka, výstraha и абзац Dovolení в отдельные подразделы [Příruční mluvnice češtiny 1996: 603-619]. В богемистике пред-

основными типами речевых актов, анализируемых А. Вежбицкой²⁵, мы склонны рассматривать в качестве функционально соотносительных следующие вычленяемые в чешском и русском речеупотреблениях семантические интерпретации побудительных высказываний: *приказ* – *rozkaz*, *запрет* – *zákaz*, *инструкция* – *instrukce*, *разрешение* – *dovolení*, *просьба* – *prosba*, *требование* – *žádost*, *предостережение* – *varování*, *предложение* – *návrh*, *совет* – *rada*, *призыв* – *vůzva*, которые могут быть сгруппированы следующим образом:

- Подтипы побуждения, маркированные по признаку индикация высокой степени вероятности каузируемого действия: русск. *приказ, запрет, разрешение, инструкция*; чешск. *rozkaz, zákaz, dovolení, instrukce*.
- Подтипы побуждения, маркированные по признаку индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия: русск. *просьба, требование*; чешск. *prosba, žádost*.

ставлены, естественно, и более подробные классификации. Так, в [Flídrová 1980] мы встречаем все названные интерпретации (кроме *vybídnutí* и *vyhrůžka*), а также такие интерпретации, как *úpěnlivá prosba* ‘мольба’; *žádost* ‘заявление, ходатайство, прошение, просьба, желание, пожелание’; *přesvědčování* ‘убеждение’; *vábění* ‘привлечение, прельщение, соблазнение, заманивание’; *lákání* ‘привлечение, приманивание, соблазнение, заманивание, выманивание’; *rozkup* ‘указание, инструкция, директива’; *předpis* ‘предписание, инструкция, рецепт’; *instrukce* ‘инструкция, предписание’; *roučnění* ‘наставление, внушение, поучение, назидание, инструкция’; *souhlas* ‘согласие, разрешение, одобрение’; *rozvání* ‘приглашение’; *domluva* ‘увещевания, убеждения, уговоры’; *paromenutí* ‘замечание, наставление’; *nařízení* ‘распоряжение, предписание, постановление, приказ, указ’; *důtklivé upozornění* ‘настоятельное предупреждение’.

²⁵ Нас интересовало истолкование А. Вежбицкой таких речевых актов, как *сообщение, вопрос, просьба, приказ, запрет, позволение, требование, возражение, поручение, гарантия, обещание, предостережение, угроза, совет, наставление (инструкция)* [Wierzbicka 1972]; использована терминология русского перевода в [Вежбицка 1986].

- Подтипы побуждения, маркированные по признаку индикация полезности для агенса каузируемого действия / воздерживания от действия: русск. *совет, предостережение*; чешск. *rada, varování*.
- Подтипы побуждения, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: русск. *предложение, призыв*; чешск. *návrh, výzva*.

Данные четыре группы соотносятся с рассматриваемыми А. Н. Барановым четырьмя типами побуждения (*приказом, просьбой, советом, предложением*), в различной степени противоречащих (или не противоречащих) «принципу вежливости» Дж. Лича²⁶: «Поскольку императив в узком смысле основывается на “праве” приказывать, то смещение акцента на когнитивно-эмоциональную сферу говорящего, например, на то, что требуемое положение дел необходимо именно для говорящего, приводит к появлению у императива черт просьбы, ср. *Закрой дверь, а то мне холодно*. Однако просьба еще достаточно “сильна”, ибо выполнение желаний адресата – одно из неперемных условий вежливого поведения. Апелляция к интересам адресата приводит к превращению императива в совет: *В ваших же интересах отказаться от его предложения*. Однако еще более нейтрально предложение, поскольку при его использовании снимается свойственный совету оттенок превосходства говорящего, ср. *Давай откажемся от его предложения*» [Баранов 1988: 17].

²⁶ «Принцип вежливости» дополняет разработанный в теории речевых актов «принцип кооперации» Г. П. Грайса [Грайс 1985] и состоит в следовании следующим максима́м: 1. Максима такта: «Соблюдай интересы другого», «Не нарушай границ его личной сферы». 2. Максима великодушия: «Не затрудняй других». 3. Максима одобрения: «Не хули других». 4. Максима скромности: «Отстраняй от себя похвалы». 5. Максима согласия: «Избегай возражений». 6. Максима симпатии: «Выказывай благожелательность» [Leech 1983].

Названные семантические интерпретации побудительных высказываний представляют собой абстракции, при более пристальном рассмотрении способные распадаться на ряд более конкретных подтипов побуждения либо вычленять из себя подтип побуждения, маркированный по какому-либо специфическому признаку. Так, русское *приказ* может вернуться в ряд *распоряжение, приказ, приказание, повеление, команда...* чешский *rozkaz* – в ряд *rozkaz, příkaz, příkázání, povel...* и т. д. Исследующая побудительно употребленные полипредикативные высказывания современного русского языка Л. А. Сергиевская говорит об «основных видах повелений» и об их «коннотациях»: *приказ* (коннотации – *распоряжение, требование, запрещение, команда*), *призыв* (коннотация – *лозунг*), *предложение* (коннотации – *приглашение, предписание, пожелание*), *просьба* (коннотации – *мольба, утешение, заявление*), *совет* (коннотации – *наставление, назидание, предостережение, разъяснение*) [Сергиевская 1995: 77-79]. Наша интерпретация соотносительности «основных видов повелений» и их «коннотаций» отличается от интерпретации исследовательницы тем, что мы настаиваем на динамичном, текучем характере каких бы то ни было иерархизаций в рассматриваемой области, недаром рассуждающая о «семи грехах прагматики» Д. Франк предостерегает от соблазна впасть в *rage taxonomique*, подчеркивая, что «расплывчатость [vagueness] оказывается существенным свойством языковых выражений» [Франк 1986: 369]. *Распоряжение, требование, запрещение, команда* только тогда могут рассматриваться в качестве «коннотаций» *приказа*, когда под *приказом* понимается разновидность побуждения, маркированная по признаку *декларация высокой степени обязательности каузируемого действия для реципиента*, то есть когда это слово используется в качестве родового понятия. Только тогда *распоряжение (требование, запрещение, команда) = приказ + сумма эмоциональ-*

но-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющих на конечный смысл воспринимаемого высказывания (рабочее определение коннотации, используемое в [Потапова 1997: 6]), в ином случае *приказ* сам является коннотацией. Подчеркиваем, что мы считаем такую точку зрения возможной, но не единственно возможной. Если рассматривать в качестве «родового» признака *приказа* не признак «высокой степени обязательности каузируемого действия», а признак «высокой степени вероятности каузируемого действия», как мы это делаем в настоящем исследовании, то *требование*, характеризующееся *высокой* степенью обязательности каузируемого действия для реципиента речи и *низкой* степенью вероятности этого действия (ср., например, [Красных 1998: 189]), не будет объединяться с *распоряжением, запрещением, командой*. Мы склонны полагать, что в то время как для носителя русского языка в *приказе* на первый план выступает признак «высокой степени обязательности», для носителя чешского языка – признак «высокой степени вероятности», именно поэтому для русского *требование* ближе к *приказу*, а для чеха *žádost* ближе к *просьбе*²⁷, так что «перед нами типичная ситуация межкультурного конфликта, когда наблюдающие один и тот же объект по-разному делят присущие

²⁷ В этом плане чешский язык проявляет, безусловно, большее сходство с немецким, чем с русским. Исследователи, сопоставляющие восприятие императивности носителями русского и немецкого языков, на основании экспериментальных данных приходят к заключению, «что наиболее однозначно с минимальным числом коннотативных значений носителями обоих языков интерпретируются такие императивные действия, как *приказ* и *мольба*. Наибольшие расхождения в субъективной оценке сообщений и наибольшее число коннотативных значений имеют императивные действия *просьба* и *требование*», и отмечают, в частности, «большую категоричность [требования] для носителей русского языка и меньшую – для носителей немецкого языка» [Потапова, 1997: 9, 36], ср. также [Шенберг 1988].

ему признаки на существенные / несущественные» [Гудков 1997: 75]. Избранные нами принципы семантического членения поля императивности позволяют, как нам представляется, разрешить в некоторой степени эту конфликтную ситуацию.

1.3. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ *ИНДИКАЦИЯ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ ВЕРОЯТНОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ*

Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*, естественным образом распадаются на три группы в зависимости от того, что обуславливает эту высокую вероятность:

1) условно²⁸ *приказ* (чешск. *příkaz*) – высокая степень вероятности каузируемого действия обуславливается авторитарным положением говорящего;

2) условно *разрешение* (чешск. *dovolení*) – предполагается, что действие не осуществляется лишь потому, что существуют некие препятствия или ограничения, которые говорящий компетентен снять речевым актом *разрешения*;

²⁸ «Условно», потому что данное слово в русском языке зарезервировано для обозначения одной из частных семантических интерпретаций – (воинского, директорского и т. п.) приказа. В данном же случае речь идет о родовом понятии – семантической интерпретации, которая при более тщательном рассмотрении легко распадается на целый спектр семантических интерпретаций: (собственно) приказ, команда, распоряжение, указание, запрет и т.п. Мы сочли необходимой эту оговорку, поскольку иногда можно встретиться с сентенциями типа рассуждения о неточности термина *повелительное* высказывание, поскольку о *повелении* речь идет далеко не всегда и т. д., ср., например, рассуждение о термине *rozkazovací* в [Müllerová 1979: 28].

3) условно *инструкция* (чешск. *instrukce*) – предполагается, что агент не собирается отравиться, сжечь телевизор или компьютер, заблудиться в чужом городе и т. д., а потому будет неукоснительно выполнять то, что написано в поваренной книге, в технической документации, в путеводителе или же что он слышит от опытной домохозяйки, телемастера или местного жителя, у которого он спросил дорогу.

Естественно, что между названными группами нет четких границ: *запрет* (чешск. *zákaz*) соотносится и с *приказом*, и с *разрешением*; *указание* (чешск. *rozkyn*) как разновидность *приказа* может перерасти в *инструкцию* и т. д.

1.3.1. «Авторитарные» побудительные высказывания

В случае с «авторитарными» побудительными высказываниями принятая нами формула побудительного речевого акта выглядит следующим образом:

Говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и *возможности* осуществления агентом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и *возможность* данного действия обуславливается *волеизъявлением* прескриптора.

Поскольку чешский и русский языки семантически структурируют поле императивности не совсем одинаково, соотношения между чешскими и русскими побудительными интерпретациями далеко не всегда однозначны, поэтому предлагаемое далее разбиение на параграфы носит несколько условный характер (не все интерпретации вынесены в названия этих параграфов, некоторые интерпретации упоминаются в нескольких параграфах, некоторые русские или чешские интерпретации не будут иметь формального соответствия в другом языке и т. д.).

Příkaz, rozkaz, nařízení – приказ, распоряжение

В ситуации *приказа* побуждение направлено «сверху вниз», в данном конкретном акте коммуникации говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию²⁹ и не сомневается, что адресат выполнит (либо, по крайней мере, попытается выполнить) казулируемое действие. Эта уверенность основана на социально институализированном праве либо ситуативно обусловленной возможности прескриптора применить по отношению к агенту серьезные санкции (поэтому приказывать может не только начальник подчиненному, но и грабитель в темном переулке – прохожему).

Необходимо отметить, что в чешской языковой картине мира *приказ* менее авторитарен, чем в русской, о чем, по нашему мнению, свидетельствует обычность сочетания *naléhavý rozkaz* в чешских лингвистических текстах, ср. [Grepl, Karlík 1986: 71], [Mluvnice češtiny 1987: 339]. В русской же языковой картине мира сочетание **настойчивый приказ* имеет, по нашему мнению, ярко выраженный оксиморонный характер – там, где

²⁹ В. С. Храковский и А. П. Володин отмечают отсутствие прямой корреляции с социальными отношениями типа «начальник» – «подчиненный», «старший» – «младший»: «В каждом конкретном речевом акте говорящий – независимо от того, старший он или младший, начальник или подчиненный, – в зависимости от ситуации может ставить себя либо выше, либо не выше слушающего. Вспомним, например, шекспировского «Короля Лира». Гонерилья – королева в своих землях, Лир – ее отец, но он уже не король, он отдал ей свою власть. Она хочет, чтобы он сократил свою свиту, и просит его об этом (ставит себя не выше – он старше ее, он ее отец), но, видя, что Лир не желает слушать ее, она меняет тон (ставит себя выше): <...> *Вас просит та, кому не подобает / Просить, и легче было б приказать* (Перевод Б. Пастернака)» [Храковский, Володин 1986: 137]. Можно вспомнить и слова «Повелеваю и прошу», которыми, если верить легенде, решивший покончить с собой Николай I предварил обращенную к лейб-медику Мандту просьбу дать ему яд. [Олейников 2000: 344].

у говорящего есть возможность *приказывать*, ему незачем *настаивать*³⁰. Об этом же косвенно может свидетельствовать и то обстоятельство, что в нашем русском материале в авторском комментарии к побудительной реплике персонажа рассматриваемого типа в тех случаях, когда речь не идет о многократно повторяющемся действии, используются только глаголы совершенного вида, тогда как в материале чешском – глаголы как совершенного, так и несовершенного. Мы полагаем, что в русской языковой картине мира *приказ* концептуализируется как завершённое действие, а в чешской может пониматься и как растянутый во времени процесс, ср. следующие примеры из романа Я. Гашека, при переводе которых на русский язык П. Богатыреву пришлось поменять видовую характеристику глагола:

<p>“Není doma,” řekl tvrdě Švejk, ale mladá dáma byla již v předsíni a kategoricky přikazovala Švejkovi: “Odneste kufry do pokoje”</p>	<p>«Нету дома», – твердо сказал Швейк, но молодая дама была уже в передней и категорическим тоном приказала Швейку: «Отнесите чемоданы в комнату».</p>
<p>“Polibte ještě, bábo, krucifix,” poroučel strážmistr, když Pejzlerka za ukrutného vzlykotu odpřísáhla a pokřížovala se zbožně</p>	<p>«Теперь поцелуйте крест», – приказал вахмистр после того, как бабка Пейзлерка, громко всхлипывая, повторила присягу и набожно перекрестилась.</p>

³⁰ Ср. мнение анализирующего русские императивные высказывания Л. А. Бирюлина: «приказ не оставляет стоящему ниже в социальной иерархии возможности отказа или какого-либо обсуждения» [Бирюлин 1992: 26].

Viděl prý také ve snu nějakého anděle, který mu přímo velel: “Otevři šuple od pohovky!”

А во сне ему якобы явился ангел и повелел: «Открой ящик в диване!»

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что хотя современный чешский язык, подобно русскому, располагает немалым количеством обозначающих «авторитарное» побуждение глаголов речевой каузации, эти чешские глаголы синонимичны в гораздо большей степени, чем соответствующие русские глаголы.

Речь идет прежде всего о глаголах *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařídit // nařizovat, poručit // poroučet, nakázat // nakazovat*.

В нормативном «Словаре литературного чешского языка...» [Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost 2000] лексическое значение этих глаголов определяется одно через другое, ср.:

přikázat dok. **1.** *dát přikaz, nařídit², rozkázat, poručit 1*: přikázat pacientovi ležet, aby ležel **2.** kniž. *přidělit 2, určit 1*: přikázat někomu byt; byl služebně přikázán jinam; přikázaný příd.: přikázaný směr jízdy; **přikazovat** ned.

nakázat dok. *přikázat 1, nařídit², poručit 1*: rodiče nakázali dětem, aby...; nakázala mu sedět; **nakazovat** ned.

nařídit² dok. *dát rozkaz, přikázat 1, poručit 1, nakázat*: nařídil mu, aby...; nařídit nemocnému klid, ležet; **nařizovat**² ned.

poručit dok. **1.** *rozkázat, nařídit², přikázat 1*: poručila mu odejít, aby odešel **2.** *objednat 1 (v hostinci, obchodě ap.)*: poručit si večeři; **poroučet** ned. (3. mn. -/ej/í): umí, zvykl si poroučet

rozkázat dok. *poručit 1, přikázat 1, nařídit²*: rozkázal mu čekat, aby čekal; **rozkazovat** ned.

В соответствии с данными Чешско-русского словаря (1976), различия между глаголами *rozkázat, přikázat* и *poručit* состоят фактически лишь

в том, что у двух последних возможны некоторые дополнительные, лексически связанные значения, ср.:

rozká||zati, -žu, -ži *dok. komu co n. s inf.* приказать кому *s inf.*, (от)дать приказ, велеть кому *s inf.*; распорядиться *s inf.*

přiká||zati, -žu, -ži *dok. 1. komu co n. s inf.* приказать кому *s inf.*; от-
дать* приказ *n.* распоряжение кому в чём, распорядиться*II о чём; **2. komu**
co (byt, pokoj ap.) дать, отвести кому что. **3. koho kam (služebně, na práci**
ap.) определить, назначить кого куда.

poruč||iti, -ím *dok. 1. komu co n. se sp. aby* приказать кому *s inf.* **2. ~it**
si *co (večeři ap.)* заказать (себе) что.

О том, что в чешском языковом сознании речь идет фактически об одном и том же подтипе побуждения, свидетельствует и то, что побуждение, выражаемое с помощью перформативных конструкций, содержащих формы *přikazují, rozkazují, poručím*, характеризуется одним термином, выглядящим как *rozkaz (příkaz)* [Mluvnice češtiny 1987: 339], ср. также [Müllerová 1979], [Příruční mluvnice češtiny 1996]). Впрочем, порой мы можем встретиться с оговоркой, что хотя *rozkaz* и *příkaz* семантически очень близки, их иногда пытаются развести, утверждая, что первым каузируется какое-то однократное действие, тогда как «срок годности» второго более продолжителен [Mluvnice češtiny 1987: 339]. Если это так, то чешские *rozkaz* и *příkaz* в определенном плане соотносятся как русские *приказание* и *приказ* – в то время как чешский *rozkaz* и русское *приказание* используются исключительно для обозначения одного конкретного подтипа побуждения, близкого к *команде* (чешск. *повел*), русский *приказ* и чешский *příkaz* может использоваться также в качестве родового понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций.

Не случайно чешский *rozkaz* часто переводится русским *приказанием*, ср.:

Zasalutovav podal jí dopis a hlásil: “Podle rozkazu pana obrlajtnanta mám se k vám, milostpaní, chovat uctivě a taktně a obsluhovat vás uctivě a udělat vám všechno, co vám vidím na očích” (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

Швейк взял под козырек, подал ей письмо и доложил: – Согласно приказанию господина обер-лейтенанта, я обязан вести себя с вами, сударыня, учтиво и тактично, служить не за страх, а за совесть и исполнять все ваши желания, которые только прочту в ваших глазах (Перевод П. Богатырева)

Чешское *nařízení*, так же, как и русское *распоряжение*, соотносится с понятием более общим (с русским *приказ* и чешским *příkaz*), оба так или иначе ассоциативно связаны с идеей упорядочения, устройства, управления, ср. однокоренные русск. *порядок*, *упорядочить*, чешск. *řízení*, *zařídít*, *řídít*. Нам тем не менее представляется, что чешское *nařízení* вычленяется из общего понятия *приказ – příkaz* менее отчетливо, чем русское *распоряжение*.

Так, в нашем русском материале в качестве *приказа* характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение, а в качестве *распоряжения* – содержащие, как правило, более одного побуждения, ср. некоторые примеры из произведений А. и Б. Стругацких: «*Кладите этого сюда же*», – *приказал он Панди*. (Обитаемый остров); «*Замолчи*», – *приказал Максим*. (Обитаемый остров); «*Вели обед на двоих*», – *приказал он на ходу*. (Трудно быть богом); *Поупражнявшись минут десять в выпадах и отражениях, Румата воткнул мечи в стену, нагнулся над пустой лоханью и приказал: «Лей!»* (Трудно быть богом); «*За упряжкой*», – *приказал Антон и откинулся на спинку кресла*. (Попытка к бегству); *Окончив инструкции, господин ротмистр Чачу распорядился: «Капрал Гаал, останьтесь. Остальные свободны»*. (Обитаемый остров); *Затем роту отвели к казарме, и ротмистр распорядился: «Первая секция назначается*

в конвой. Остальным секциям приступить к занятиям по распорядку». (Обитаемый остров)³¹.

Наш чешский материал о подобном распределении говорить не позволяет: в качестве *nařízení* регулярно характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение (ср. – *Popište onoho muže! – nařídil policejní komisař.* (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů) ‘«Он указал этого мужчину», сказал [букв. распорядился] комиссар полиции’), а в качестве *příkaz* – содержащие более одного побуждения (ср. *Přikázal přísně Lidušce: Lído, plavat. Postavit na kafe a pak dodělat ten příklad.* (J. Procházka. Klauni) ‘Он строго сказал [букв. приказал] Лиде: «Лиде, шевелись. Поставь воду для кофе и заканчивай свой пример»’).

Показательно и то обстоятельство, что в приводимых в [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988: 37] в качестве функционально эквивалентных чешских и русских высказываниях чешскому *příkaz* может соответствовать и *приказ*, и *распоряжение*, ср.:

Будем ждать. **Приказ** есть **приказ**. *Tak budeme čekat. Příkaz je příkaz.*

Тогда скажите, что это **распоряжение** министерства. *Tak řekněte, že je to příkaz (z) ministerstva.*

В обоих сопоставляемых языках представлены специфицированные для выражения авторитарного побуждения глаголы речевой каузации с

³¹ Следующие примеры, казалось бы, не подтверждают эту закономерность, однако нетрудно заметить, что в них всех «авторская ремарка» следует непосредственно за первым из побуждений, так что формально они этой закономерности не противоречат: «Слезай вниз, – *приказал* я строго, – и отвечай на вопрос». (Хищные вещи века); «Сядь перед упряжкой, – *приказал* Антон, – и поговори с ним». (Попытка к бегству); «Пусть хозяин катит бочку, – *приказал* он, – а эти девочки (он указал на караульных гвардейцев, игравших в карты за другим столом, пусть идут сюда». (Трудно быть богом).

отчетливой этимологической внутренней формой «передать в руки». Речь идет о русской видовой паре *поручить / поручать* и чешской *poručit / poroučet.*, которые, впрочем, в истории каждого языка семантически значительно разошлись.

Для А. Вежбицкой ‘поручать’ значит ‘уполномочивать’ [Вежбицка 1985: 265], именно данный оттенок значения (‘наделение правом совершить каузируемое действие’) противопоставляет *поручение* другим побудительным интерпретациям данной подгруппы (побудительные интерпретации, маркированные по признаку «авторитарное побуждение» – условно *приказ*). Впрочем, речь идет о привативной оппозиции, а никак не об эквиполентной: ‘предполагается, что авторитет прескриптора достаточно высок не только для агенса, но и для тех, чьи интересы данное каузируемое действие может задевать и кто мог бы этому действию воспротивиться. Так, когда в поэме М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» православный царь «*велит*» братьям осужденного «по всему царству русскому широкому торговать безданно, беспошлинно», его повеление касается не только того, кто будет торговать, но и того (и прежде всего того!), кто может попытаться пошлину взыскивать.

Мы, однако, склонны полагать, что хотя оттенок значения ‘наделение правом совершить каузируемое действие’ действительно характеризует семантический потенциал *поручения*, актуализуется этот признак далеко не во всех употреблениях русского глагола *поручить*. Что же касается чешского языка, то данный оттенок значения выражается уже не глаголом *poručit*, а глаголом *pověřit*, ср.:

<i>Mě pověřil divisiční soud, jako</i>	<i>Дивизионный суд поручил мне, как</i>
<i>vašeho představeného, vyslechnout</i>	<i>вашему начальнику, допросить вас</i>
<i>vás a zasílá mně současně celé spisy</i>	<i>и одновременно посылает мне ма-</i>

tykající se vyšetřování. (J. Hašek. *материалы следствия.* (Перевод
Osudy dobrého vojáka Švejka) П. Богатырева)

Мы считаем, что для русского речеупотребления характерна актуализация другого содержащегося в семантическом потенциале **поручения** оттенка значения – каузируется действие, исполнение которого важно для прескриптора. Поэтому для вычленения **поручения** из общей подгруппы «авторитарных» побудительных интерпретаций важен не только признак ‘наделение правом совершить каузируемое действие’, но и признак ‘важность исполнения каузируемого действия для прескриптора’³². Во всяком случае, мы намерены постулировать это для русского языкового пространства, причем речь опять пойдет о привативной, а не об эквивалентной оппозиции: дивизионный суд может не только *поручить* полковнику разобраться с провинившимся подчиненным, но и *приказать* сделать это, и смысл высказывания от этого не изменится – как *по поручению*, так и *по приказу* полковник будет делать то, что нужно для прескриптора, тогда как если царь не *велит*, а *поручит* кому-либо «торговать безданно, беспошлинно», смысл высказывания изменится весьма кардинально (можно будет предположить, что сам царь каким-либо образом заинтересован в полученной таким образом лишней прибыли). Данное противопоставление (*поручить* – *приказать*) в русском речеупотреблении часто нейтрализуется: первый же пример параграфа **1.12. Распоряжение, указание, приказ** в [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988] выглядит как *У меня к вам небольшое **поручение*** [шрифтовое выделение наше. – А. И.].

³² Сказанное, естественно, никак не является ни «опровержением» А. Вежбицкой, ни упреком ее переводчику: исследовательница анализировала не русские, а английские перформативные глаголы, и мы не соби-

В современном чешском речеупотреблении эта нейтрализация имеет абсолютный характер: формы глаголов *přikázat / přikazovat* и *poručit / poroučet* регулярно употребляются одними и теми же авторами в сходных контекстах в сходном значении, ср. некоторые примеры из популярного детективного сериала Й. Прохазки о майоре Земане:

– *Jděte otevřít, – přikázal tu, – podívejte se. Ale myslete přitom, že vám pořád mířím na záda.* – ‘«Идите откройте, – приказал он ему, – посмотрите, кто там. Но при этом помните, что я целюсь вам в спину.»’

Namířil na ni pistoli a poručil: – Lžeš. Jdi stranou! – ‘Он направил на нее пистолет и приказал: «Врешь. Отойди в сторону!»’

Lidušce na odchodnou přikázal: – Mámě vyříd', at' mě dnes radši nečeká. – ‘[дочери] Лиде он сказал [букв. приказал]: «Передай маме, пусть меня сегодня лучше не дожидается.»’

– *Dej mi něco jíst, – poručil nakvašeně.* – ‘«Дай что-нибудь поесть», – сказал [букв. приказал] он кисло.»’

Данная нейтрализация закономерно привела к исчезновению из чешского языка соответствующего отглагольного деривата **poručení*, отсутствующего в нормативном словаре [Slovník spisovné češtiny... 2000], но представленного в [Slovník spisovného jazyka českého 1989], включающего в себя, помимо современной, лексику «золотого фонда» чешской литературы, ср.:

poručení, -í s. 1. poněk. zast. *zdvořilý pozdravný vzkaz, odevzdání se v něčí přízeň*: pěkné p. slečince (Rais); *vzkázat, vyříditi uctivé p.* † 2. *nařízení*,

раемся взваливать на кого-то ответственность за несовпадение английской и русской (чешской) языковых картин мира.

rozkaz, příkaz: dostat p. odjeti (Jir.); pečetí opatřené p. císařské † 3. *doporučení*: platné p. podat (Tyl) † 4. *poslední vůle, závěť*: umíraje, v p. svém vzpomínal na bratra (Schulz); v. též **poručiti**

Этот словарь фиксирует с пометой † также и рефлексы «этимологического» значения ‘передать в чьи либо руки’ у глагола **poručit** (выделение серым фоном наше), ср.:

poručiti dok. (3. mn. -í) 1. (komu co; co; ~) *dát rozkaz k něčemu; naříditi II 1, rozkázat, přikázat, nakázat I, uložit* poručil mu, aby vše zařídil; poručil připravit materiál; dovede p.; lékař mu poručil klid *předepsal, doporučil*; přen. neměl sil si p. *přimět se k ničemu*; srdce mu poručilo, aby tak jednal *přimělo ho* 2. p. (si) (co) *objednat si (zvl. v hostinci, obchodě op.)*; *požádat* (oč): p. si víno, večeři; poručila si kilo masa; poručil si pohřeb chudičkový (Rais) *vyslovil přání* † 3. (koho, co komu, čemu) *odevzdat něčí pozornosti, nikomu do ochrany; odporučit 2*: p. syna péči vychovatele (Stroup.); p. les pánu bohu (Vrba) *nestarat se o něj*; ♦ *pánu bohu, osudu poručeno (výraz smíření se s něčím)* † 4. (koho, co koma, čemu) *doporučit*: také mne poručil přízni této ctné paní (Jir.) 5. poněk. zast. (komu co) *odkázat I (v závěti)*: p. podíl ženě • předp. **do-**, **na-**, **od-**; – ned. **poroučeti, poručovati**

Глаголы *nakázat/nakazovat*, входящие, по данным [Slovník... 2000] в синонимический ряд *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, naříditi // nařizovat, poručit // poroučet*, крайне неупотребительны и самостоятельного подтипа «авторитарного» побуждения, на наш взгляд, не образуют, ср. примеры из SYN2000:

Ale pan Pumblehook nakázal: ‘Однако господин Памблхук распо-
"Dejte mi víno, paníčko. V něm též řadilся: «Дайте ему вина, барышня.
není, za to ručím.» <SYN2000 В нем дегтя нет, ручаюсь»’.

S|NOV|1996|dicken1>

"Jdi tedy tamhle naproti do pokoje," **nakázala** a ukázala svou zvedlou rukou na dveře za mnou, "a počkej tam, až přijdu." <SYN2000 S|NOV|1996|dicken3>

‘«Иди вон в ту комнату напротив, – велела она, показав старческой рукой на дверь за моей спиной, – и подожди там, пока они не придут.»’

Předal jsem Tošovi ukradenou peněženku, dopil pivo, postavil se a **nakázal** mu: "Je čas vydat se na lov! Drž mi tu místo!" <SYN2000 S|NOV|1997|marcin>

‘Я передал Тошу украденный кошелек, допил пиво, встал и сказал [букв. приказал] ему: «Пора на охоту! Постереги мое место!»’

"Postavte se," **nakázala** mu doktorka. <SYN2000 S|NOV|1997|sharpe>

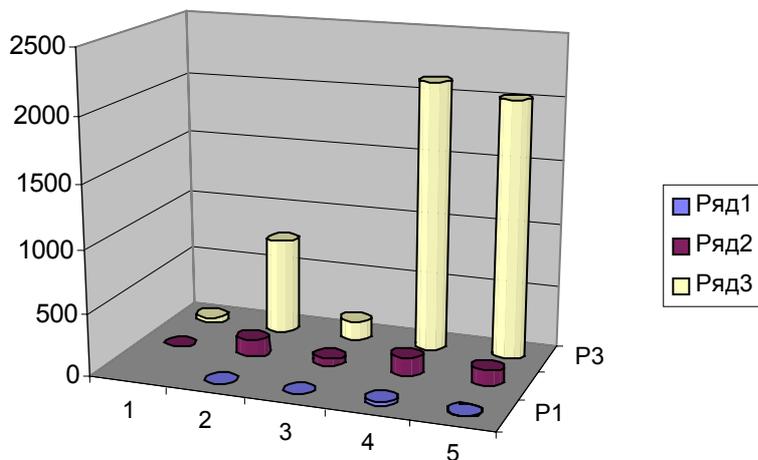
‘«Встаньте!» – велела мне врач.’

Držela své ratolesti hlavu pod perýnkou, zdálo se, že mu zacpává uši, a každých pět minut **nakazovala**: "Spi!..." <SYN2000 S|NOV|1993|svet>

‘Она держала своего отпрыска головой под периной, казалось, что она затыкает ему уши, и каждые пять минут приказывала: «Спи! ...»’

Предлагаемая ниже диаграмма иллюстрирует относительную употребительность глаголов *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařídít // nařizovat, poručit // poroučet, nakázat // nakazovat*, учитывая их представленность в текстах SYN2000 в составе эксплицитных перформативных конструкций, а также конструкций с интерпретирующим предикатом.

Интерпретирующие предикаты и перформативы

Ряд 1 – примеры с прямо-эксплицитными перформативными (т.е. «автоинтерпретирующими» конструкциями типа *Jsem člověk a nařizuju ti, aby ses zastavil* <SYN2000 S|NOV|199f|kalib>

Ряд 2 – примеры, в которых интерпретирующий предикат выступает в качестве комментария к побудительному высказыванию типа *"Jed' dále!" nařídil*. <SYN2000 S|NOV|1993|jeruz>

Ряд 3 – примеры, содержащие интерпретирующий предикат в сообщении об имевшем место побудительном высказывании типа *Chief Salamander nařídil, abych tlumočil oběma vládám jeho neochvějnou vůli navázat s nimi co nejprátelejší styk*. <SYN2000 S|NOV|1981|s_mloky>

- 1 *nakázat/nakazovat*
- 2 *přikázat/přikazovat*
- 3 *rozkázat/rozkazovat*
- 4 *nařídít/nařizovat*
- 5 *poručit/poroučet*

Как видно из предложенной диаграммы, в тех случаях, когда речь идет о потребности иллокутивно охарактеризовать цитируемое побудительное высказывание, чех в целом с равной предпочтительностью обращается к глаголам *přikázat // přikazovat*, *nařídít // nařizovat*, *poru-*

čit // poroučet, в сообщениях же об имевших место побудительных речевых актах явно доминируют глаголы *nařídít // nařizovat* и *poručit // poroučet*.

Objednávka – заказ

В качестве отдельного вида прескриптивного речевого акта может быть выделен **заказ**. В качестве обоснования его выделения обычно отмечают то обстоятельство, что его осуществление связано с конвенциональными ситуациями общения – ресторан, магазин, бюро обслуживания [Дорошенко 1986]. В речевом акте рассматриваемого типа «приоритетную позицию занимает говорящий, что обусловлено его ситуационной ролью клиента, чьи запросы должен удовлетворять адресат. Адресат расценивает каузируемое действие как облигаторное, ибо оно входит в круг его служебных обязанностей» [Беляева 1992: 18].

Нам представляется, что в русской языковой картине мира данный подтип побуждения вычленяется более отчетливо, чем в чешской: хотя чешский язык и располагает глаголами *objednat / objednávat*, он нередко использует в составе интерпретирующего предиката те же глаголы *poručit (si) / poroučet (si)*, что и для выражения **приказа**, ср.:

<i>A k Petrovu zděšení poručil: – Pane vrchní, tři koňaky!</i> (J. Procházka. Klauni)	<i>‘И к ужасу Петра он крикнул [букв. заказал]: «Официант, три коньяка!»’</i>
<i>– Dvě vodky a dvě piva, pane hostinský, – poručil</i> (J. Procházka. Vrah se skrývá v poli)	<i>‘«Две водки и два пива, хозяин», заказал он’.</i>

Несмотря на то, что в сообщениях об имевшем место побудительном речевом акте рассматриваемого типа а абсолютном большинстве случаев используются формы типа *objednal / objednával* (в текстах SYN2000 ко-

личество примеров этого типа в два с половиной раза превышает общее количество примеров с формами типа *poručil / poroučel*), в тех случаях, когда интерпретирующий предикат выступает в качестве комментария к побудительному высказыванию данного типа, употребительность глаголов *poručit (si) / poroučet (si)* соотносима с употребительностью глаголов *objednat / objednávat*, ср. некоторые примеры из корпуса:

"*Jamajský rum!*" **objednal** pan Moritz *a sedl si naproti panu Pragovi na poslední volnou židli.* <SYN2000 S|NOV|1995|tresnak2> '«*Ямайского рома!*» – заказал господин Мориц и присел напротив господина Прага на последний свободный стул.'

Usedl na vysokou barovou židli, opřel se o pult a poručil si: "Jako vždycky, džin a sodu." <SYN2000 S|NOV|1993|pi187> 'Он присел на высокий стул у стойки, привалился к пульту и заказал: «Как всегда, джин с содовой».'

"*Eště jednoho panáka,*" **objednával si.** <SYN2000 S|NOV|199h|leponap> '«Еще рюмку,» – заказал он.'

"*Pane hostinský, sem dva štoky, a na mě!*" **poroučel** pan Bedar ... <SYN2000 S|NOV|1993|pi187> '«Хозяин, два пива сюда, и на мой счет!» – заказал господин Бедар ...'

Přikázání – заповедь, наказ, повеление

Весьма показательно сопоставление чешского ***přikázání*** и русской ***заповеди***. В обоих сопоставляемых языках речь идет о разновидности «авторитарного» побуждения, к отличительным признакам которой относятся: а) стилистическая маркированность, б) ритуализованность; в) максимальная степень обязательности. И русск. ***заповедь***, и чешск. ***přikázání*** характеризуется ограниченной сферой употребления, ср., на-

пример, известные *desátero přikázání* (desatero přikázání) из 5 главы Второзакония.

6 <i>Já jsem Hospodin Bůh tvůj, kterýž jsem tě vyvedl z země Egyptské z domu služby.</i>	6 <i>Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства.</i>
7 <i>Nebudeš mítí bohů jiných přede mnou.</i>	7 <i>Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.</i>
8 <i>Neučiniš sobě rytiny, ani jakého podobenství těch věcí, kteréž jsou na nebi svrchu, ani těch kteréž na zemi dole, ani těch, kteréž jsou u vodách pod zemí. <...></i>	8 <i>Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли. <...></i>
11 <i>Nevezmeš jména Hospodina Boha svého nadarmo; <...></i>	11 <i>Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; <...></i>
12 <i>Ostříhej dne sobotního, abys jej světil, jakož přikázal tobě Hospodin Bůh tvůj. <...></i>	12 <i>Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой. <...></i>
16 <i>Cti otce svého i matku svou, jakož přikázal tobě Hospodin Bůh tvůj, <...></i>	16 <i>Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, <...>.</i>
17 <i>Nezabiješ.</i>	17 <i>Не убивай.</i>
18 <i>Nesesmilníš.</i>	18 <i>Не прелюбодействуй</i>
19 <i>Nepokradeš.</i>	19 <i>Не кради.</i>
20 <i>Nepromluvíš proti bližnímu svému křivého svědectví.</i>	20 <i>Не произноси ложного свидетельства на ближнего твое-</i>

- 20.
- 21 *Nepožádáš <...> čehokoli z těch věcí, kteréž jsou bližního tvého.* [Цит. по стандартному (доэкуменическому) переводу].
- 21 *Не желай <...> что есть у ближнего твоего.* [Цит. по Си-нод. пер.]

Однако в то время, как чешское *přikázání* мотивируется тем же глаголом *přikázat*, что и *příkaz*, вступая в силу этого с последним в очевидные ассоциативные связи³³, русская *заповедь* мотивируется глаголом *заповедать*, маркированным (в отличие от мотивирующего *приказ* глагола *приказать*) как явный церковнославянизм. Обособлению русской *заповеди* от *приказа* (как общего понятия) способствуют и две примыкающих к ней семантически и стилистически близких интерпретации – *наказ* и *повеление*.

В современном чешском речеупотреблении достаточно обычно обыгрывание этих «десяти заповедей», причем речь может идти как о чем-то серьезном, так и о языковой игре.

Например, в чешском ресторане посетитель может прочитать на обороте листка, на котором официант отмечает сделанный заказ, «десять заповедей розлива пива „Бернард“», представляющие собой, по сути дела, вполне серьезные инструкция для официанта и для владельца ресторана:

Desatero ošetření piva Bernard

1. Pivo čepuj na vícekrát, pěna zhoustne, je krémová, přebytečný kysličník uhličitý stačí „utéct“ a pivo nenadýmá.

³³ Авторы брненской «Настольной грамматики чешского языка» упоминают *přikázání* в параграфе **Rozkaz / Příkaz**, помещая его в скобках

2. Pivo ve sklenicích podávej hostům vychlazené na teplotu 5–8°C.
3. Pivní sklo měj chladné, vymyté správným přípravkem a dokonale opláchnuté, aby pěna krásné „kroužkovala“.
4. Pivo tlač do pípy Biogonem (doporučená směs kysličníku uhličitého a dusíku v poměru 50:50).
5. Tlak ve výčepním zařízení udržuj mezi 2,3–3 bary. Platí zásada: čím vyšší teplota piva v sudu, tím vyšší tlak.
6. Každý večer po ukončení čepování piva propláchni pivní vedení čistou vodou pomocí proplachové hlavy a přes noc ho nech pod vodou.
7. Výčepní zařízení udržuj čisté. Sanitaci svěř odborné firmě a prováděj ji nejlépe 1 x týdně.
8. Pivní sklad měj čistý, s omyvatelnou podlahou a teplotou 5-15 °C.
9. Dbej na to, aby logo na sklenici, čisté podtácky a ubrusy odpovídaly čepované značce piva Bernard.
10. Pivo čepuj s láskou a hostům ho podávej vždy s úsměvem.

С другой стороны, производители пива «Будвар» украшают картонные кружки □ под стакан псевдосредневековыми рисунками, изображающими наказания недобросовестных пивоваров (эти картинки с анимацией доступны в Интернете по адресу <http://www.budvar.tv/>, опция *Positive české pivo*). На обороте такого кружка □ готическим шрифтом напечатана одна из «десяти заповедей пивовара» (1. *Neupravíš.* 2. *Nezaměníš.* 3. *Nesmícháš.* 4. *Neošálíš.* 5. *Neudusíš.* 6. *Nezřediš.* 7. *Nepřibarvíš.* 8. *Neurychlíš.* 9. *Neošidíš.* 10. *Nepřevezeš*), стилизованная под др.-чешский текст, ср. например:

после *příkaz*, то есть фактически дают его как вариант последнего [Пříruční mluvnice češtiny 1996: 603].

příkázání

PÁTÉ

Neudusíš

Kdožkoli vzložil ruce na čin tak zrádný, jako je dušení piva čili vaření jeho pod tlakem, aby dobu přípravy sobě zkrátil, a méně energie do ní tak věnoval, budež navždy zatracen.

A protož, aby soudný den poctivého piva českého nastati nemohl, pečlivě vybírejte mok, který sobě dopřejte. My vám můžeme třeba lahodný Budvar s klidným svědomím doporučit, neb ten zaručeně poctivým procesem připraven jest.

Více poznání na [www. neudusis.cz](http://www.neudusis.cz) dojdeš.

S *naказом заповедь* объединяет некая ритуализованность, отличает же то, что предписанное *заповедью* становится обязательным к выполнению уже навсегда, «время действия» *заповеди* неограниченно, презентно-футуральная перспектива побуждения бесконечна, *заповедь* можно исполнять, но нельзя исполнить, *наказ* же более конкретен – даже если речь не идет об однократном действии, темпоральные ограничения налицо,

наказ должен не только исполняться, но и быть исполненным (ср., например, словосочетание *наказы избирателей*). Несмотря на бесспорную маргинальность, и *наказ*, и *заповедь* продолжают существовать в русском языковом пространстве поля побудительности, о чем свидетельствует, в частности, оперирование этими понятиями современными авторами, ср., например: «*Ребятишки, не ешьте эти яблоки. Не к добру это!*» – *наказывала старуха Вычуганиха*. (А. Астафьев. *Людочка*); *Дети охотно выражают свою покорность, выслушивают наставления, нисколько не придавая им значения, и потихоньку нарушают все эти заповеди и наказания* (А. И. Журавлева, М. С. Макеев. Александр Николаевич Островский.); *Характерен по центральному ударению и наказ, который дается царем Платову: «Поезжай на Тихий Дон и поведи там с моими донцами междуособные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится»* (А. А. Горелов. Н. С. Лесков и народная культура.).

Повеление, в отличие от *заповеди* и *наказа*, не ритуализованно (т.е. не маркировано в качестве такового), с *наказом* его сближает конкретный характер побуждения (*повеление* обычно может не только исполняться, но и быть исполнено), а с *заповедью* – абсолютность авторитета прескриптора: *велеть* может кто угодно (лишь бы его социальный статус был выше социального статуса агенса), а *повелеть* / *повелевать* – только Господь³⁴ или, по крайней мере, монарх, ср. два примера из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, демонстрирующие выбор *велеть* / *повелеть* в зависимости от статуса прескриптора: *Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака; После обыкновенного при-*

³⁴ Здесь *повеление* пересекается с *заповедью*, ср. комментарий к двум из уже упоминаемых *десяти заповедей*: *Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой. <...> Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой.*

стуга он объявил ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, **повелела** только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Если же социальная роль прескриптора более скромна, характеристика побуждения в качестве *повеления* служит средством создания иронического эффекта, ср.: «Мистер диГриз, у меня **приказ**. От самого Инскиппа». / «И что же наш дражайший шеф **повелевает**?» (Г. Гаррисон. Стальную крысу – в президенты! / Перевод. А. Соловьева).

При этом следует подчеркнуть, что в составе интерпретирующего предиката формы глагола *велеть* в норме используются не для обозначения *повеления*, а в качестве общего понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций (*велеть* = ‘высказать / высказывать свою волю, одной которой достаточно, чтобы сделать выполнение каузируемого действия для агенса обязательным’), конкурируя с формами *приказал, -а, -и, прикажет, прикажи, приказываю*, ср.: Тупой и скорый на расправу Медведь говорит: «На что тут много разговоров? **Вели** без дальних сборов Овец передуть. Кому о них жалеть?» Однако прямой **приказ**, бросающий тень на Льва, непригоден, как и грубая сила. (В. И. Коровин. Басни Ивана Крылова).

Povel – Команда

В качестве особой функциональной разновидности **приказа** следует рассматривать **команду** (чешск. *povel*), которая может быть представлена как разновидность категорического побуждения к немедленному началу или окончанию конкретного действия при максимальной обязательности

исполнения. Именно поэтому *команда* может восприниматься как нечто превосходящее «просто приказ» по категоричности (команда – это не приказ, а строгий приказ), ср.: *Прекрати об этом думать, пришла откуда-то издалека, из окружающего Ранда ничто команда, строгий приказ* (Р. Джордан. Огни небес / Перевод Т. Велимеева, А. Сизикова).

Важной особенностью *команды* следует считать ее более или менее отчетливую «фразеологизованность», что, в частности, предполагает теоретическую возможность задать более или менее исчерпывающий список команд. «Фразеологизованность» команды предполагает определенную ее «деграмматикализацию»: так, русская команда «*Стой!*» (равно как и чешская команда *Stůj!*), в отличие от русского приказа «*Стой здесь!*» (чешского *Stůj tady!*) отнюдь не свидетельствует о том, что ее адресат единичен. Форма единственного числа подчеркивает, что адресат побуждения «понимается как недифференцированная масса, как собирательное множество, поставленное к говорящему лицу в отношение если не подчинения, то, во всяком случае, повиновения» [Виноградов, 1972: 467].

Можно даже говорить о специальном подъязыке (или, вернее, подъязыках) команд тех или иных профессиональных групп – военных, спортсменов, летчиков гражданской авиации и т. д. При этом, как отмечается в специальных исследованиях, «чаще всего подъязык команд состоит из слов с фиксированными для конкретных групп обобщающими значениями, правил образования предложений, а также правил образования высказываний» [Болобова, 1994: 49], «команды – самые определенные термины. Они имеют строго обусловленный и хорошо определенный словарный состав» [Рождественский 1993: 146].

Примечательно то обстоятельство, что хотя основным средством выражения авторитарного побуждения (как и побуждения в целом) в чешском языке закономерно является конструкция с синтетическим им-

перативом (ср. диаграмму в конце параграфа), в случае с *командой* ситуация принципиально иная: лишь около трети побудительных высказываний рассматриваемого типа в текстах SYN2000 оформлено синтетическим императивом, на первый же план (около половины примеров) выступают конструкции типа *Ku předu! Nástup! Odchod! Rozchod! Vztyk! Pozor! Pohov! Dost! Pryč! Ven! Tiše! Vzhůru! Domů! K lesu! K němu! Za mnou!* и т.п.

Рокун – указание

В качестве особого социально значимого подтипа побуждения может быть выделено *указание* (чешск. *pokyn*), так же, как и *команда*, характеризующееся суженной сферой употребления: с указаниями мы встречаемся «...прежде всего в служебных разговорах, когда, например, руководящий работник дает задания своим подчиненным» [Müllerová 1979: 69], ср.:

<p>"Vy učinili jste z domu otce mého peleš lotrovskou!" řval Krucifix a pokynul svým: "Zkonfiskujte jejich hříšné peníze, aby chudým rozdány byly!" <SYN2000</p>	<p>«Вы превратили дом Отца моего в вертеп разбойников! – взревел Круцификс и распорядился: – Конфискуйте их грешные деньги, чтобы раздать их бедным!»</p>
--	---

S|NOV|1996|klima>

<p>"Ať začne ohňostroj!" pokynul král. <SYN2000 S COL 1997 staprap></p>	<p>«Начинайте фейерверк!» – кивнул король.</p>
--	--

<p>Aidan pokynula kojné: "Nan, tam v sedlovém vaku, čistou blůzu." <SYN2000 S NOV 1996 veclaska></p>	<p>Аидан кивнула кормилице: «Нан, там в седельном мешке, чистую блузку».</p>
---	--

Суженная сфера употребления подобных высказываний объясняет и их малую представленность в текстах. Так, в SYN2000 подобные выска-

звания единичны, и это при том, что примеров с претеритальной формой *roknul, -a, -i, -u* в нем более 400 – в большинстве случаев речь идет не об иллокутивной интерпретации, а о жесте, ср.:

"*Jdu dolů k moři,*" *odpověděl a pokynul* cigaretou – "*ke své lodě...*"
 <SYN2000 S|NOV|1968|durrell> '«Я спускаюсь к морю, – ответил он и показал сигаретой: – к своей лодке...»'

Napomenutí

Элементом «авторитарного» участка чешского поля императивности, не имеющим формального аналога в русском языковом пространстве, является *napomenutí* – *одергивание [букв. напоминание³⁵]. О. Мюллерова определяет данное побуждение как «вариант приказа и запрета, реализующийся прежде всего в определенных ситуациях, чаще всего в школе, в семье, при общении взрослых с молодежью и т.п.» [Müllerová 1979: 69]. «Авторитарность» подобного типа побуждения, как нам представляется, несколько завуалирована, ср.:

Řekni mu tedy, že jsem tě napomínal, 'Скажи ему, что я учил тебя
abys byl hodnej a dělal ti všechno, co ti na očích vidíš (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)
 быть послушным и выполнять все, что он ни пожелает'.

Данный подтип побуждения часто осложняется коннотацией упрека³⁶, ср.:

³⁵ Е. А. Филатова относит глагол *напоминать* к числу номинаций речевых актов побуждения в русском языке [Филатова 1997: 64], однако *напоминание* в качестве побудительного речевого акта не анализирует. В качестве *просьбы-напоминания* характеризуется высказывание [мать сыну:] *Ты не хочешь сходить в магазин?* в [Безяева 1998: 55].

³⁶ Именно это обстоятельство, по-видимому, обусловило следующий вид словарных статей в [ЧРС 1976]:

“*Lído!*” *napomenula* ji. “*Takhle se nemůžeš chovat!*” (V. Erben. Bláznova smrt) ‘«*Лида!* – одернула ее мать. – Не смей [букв. ты не можешь] так себя вести!»’

Возможно, что ранее чешское *napomenutí* было ближе к русскому *напоминанию*, чем сейчас, ср.:

Pánové a dáme, vy odpustíte, že vás ještě jednou napomínám, abyste zde v salónu netančili! (J. Neruda. Merenda nestřídmych) ‘*Дамы и господа! Вы меня простите, что я вас еще раз прошу [букв. что я вам еще раз напоминать...] не танцевать здесь в салоне*’

Zákaz – запрет

Прохибитивным коррелятом *приказа* является *запрет*, т.е. своего рода приказ с отрицанием³⁷. В русском языке эта соотносительность прослеживается и на лексическом уровне. Так, двувидовой глагол *велеть* синонимичен каузативу *приказать / приказывать*. Когда же этот глагол присоединяет отрицательную частицу *не*, он начинает означать уже не столько *не приказать / не приказывать*, сколько *не разрешить / запретить*:

*napomín||ati*³⁹², *-ám nedok* сделатьI замечание кому.

*napomen||outi*³³⁸, *-u dok. koho* сделатьI замечание кому • *~nout žáka z matematiky škol.* сделатьI выговор ученику за плохую успеваемость по математике.

Мы тем не менее полагаем, что приведенные выше примеры позволяют рассматривать упрек именно как факультативную коннотацию, а не как составную часть основного значения *napomenutí*.

³⁷ Как отмечается в специальных исследованиях, «...в прагматическом отношении побудительные и запретительные высказывания могут быть эквивалентными: *Bleib sitzen!* = *Steh nicht auf!*» [Абрамов 1988: 5].

- (1) *Ведь он велел тебе открыть окно – Нет, не велел (т.е. не приказал).*
 (2) *Отец не велел (т.е. запретил) включать телевизор.*

Возможность неоднозначной интерпретации сочетания *не велеть* обуславливает возможность неоднозначной же интерпретации хотя и не вполне литературного, однако довольно употребительного сочетания *не велено* ('не было приказа, распоряжения' ~ 'нельзя, было запрещено'), ср.: *Из глубокой ниши в стене выступил штурмовик-часовой с топором наготове. «Не велено», – мрачно объявил он.* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом). В речи персонажей художественных произведений XIX века в значении 'нельзя' может встретиться даже сочетание *не приказано* – ср.: *Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!* (А. Н. Островский. Свои люди – сочтемся), *Уже стал он было в сенях поспешно сбрасывать с себя шинель, как швейцар поразил его совершенно неожиданными словами: «Не приказано принимать!»* (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

Таким образом, *запрет* выступает как прохибитивный коррелят не только *приказа*, но и *разрешения*. Общим признаком, объединяющим запрет и разрешение, является авторитарная позиция говорящего – его признаваемое адресатом право каким-либо образом ограничивать деятельность адресата (запрет) или, наоборот, ликвидировать уже существующие ограничения деятельности адресата (разрешение), ср. мнение А. Вежбицкой о том, что «несколько огрубляя картину, можно сказать, что запрет – это отрицательный приказ, а позволение – это отрицательный запрет» [Вежбицка 1985: 263]. О единой нормативно-игровой ситуации запрета / разрешения говорится в [Ласка, Новицкая 1988: 70].

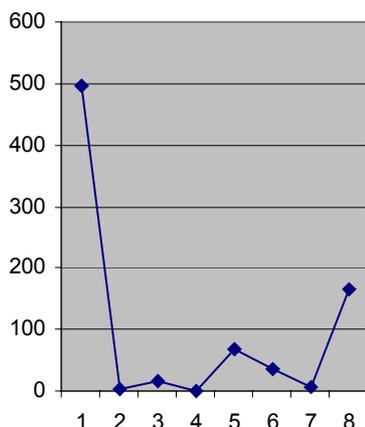
Семантическая соотносительность *разрешения*, *запрета* и *приказа* хорошо иллюстрируется следующим фрагментом из романа А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров»:

*Он все время видел маму, как ей сообщат: «Ваш сын пропал без вести», и какое у нее лицо, и как отец трет себе щеки и растерянно озирается, и как им холодно и пусто... Нет, сказал он себе. **Об этом думать не разрешается.** О чем угодно, только не об этом, иначе у меня ничего не получится. **Приказываю и запрещаю. Приказываю не думать и запрещаю думать.** Все.*

При этом необходимо иметь в виду, что **запрет**, представляя собой «отрицательное» побуждение (**приказ** + *отрицание*, **разрешение** + *отрицание*, ... + *отрицание*), в силу этого способен вступать в неоднозначные соотношения также и с другими возможными побудительными интерпретациями. Так, иногда отмечаются следующие ситуационно обусловленные разновидности запрета: (а) безапелляционный запрет; (б) запрет, аргументируемый альтернативным действием; (в) запрет, ограниченный определенными обстоятельствами; (г) запрет, смягченный дополнительными оттенками (инструктаж, просьба, предостережение и др.), ср. [Гехтляр 1988: 48-49].

Обозревая в целом средства и способы экспликации «авторитарного» побуждения в современном чешском языке, следует отметить бóльшую, чем для побудительных высказываний в целом, узуальность побуждения через экспликацию действия или его последствий и меньшую – через экспликацию необходимости или возможности, ср. следующую диаграмму, иллюстрирующую сравнительную употребительность средств и способов выражения «авторитарного» побуждения в текстах SYN2000:

Авторитарное побуждение

1. Базовые типы иллюкутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллюкутивно специализированного побуждения.
3. Периферийные типы иллюкутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллюкутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через экспликацию действия.
6. Побуждение через экспликацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через экспликацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

1.3.2. «Пермиссивные» побудительные высказывания

Авторы [Mlůvnické čeština 1987: 346] относят к релевантным интерактивным условиям *разрешения (dovolení)* следующее: (1) адресат заинтересован в реализации / нереализации определенной деятельности; (2) для реализации / нереализации этой деятельности существуют некие препятствия или ограничения; (3) говорящий компетентен ликвидировать эти препятствия или ограничения; (4) просьба об этом была высказана либо ожидается. В последнем случае речь идет о своего рода «упреждающем»

разрешении, когда говорящий как бы предваряет возможную просьбу адресата, очевидную из контекста. Аналогично описывается нормативно-игровая ситуация *разрешения (позволения)*³⁸ и отечественными исследователями, ср.: «...инициатива на осуществление действия принадлежит слушающему: он желает осуществить действие, но не имеет достаточно полномочий, говорящий в данном случае имеет статус “инстанции, обладающей полномочиями”. Исходя из собственной оценки ситуации или в ответ на запрос слушающего, говорящий дает разрешающую или запрещающую санкцию. При этом волеизъявление касается не самого действия, а права на его осуществление» [Ласка, Новицкая 1988: 70].

Особый по сравнению с прочими основными побудительными интерпретациями статус *разрешения* интуитивно очевиден. Весьма показательны то, что эта интерпретация называется исследователями в целом так же часто, как и игнорируется, ср. приводившиеся выше данные из [Храковский, Володин 1986: 133-134]. Также весьма показательны то обстоятельство, что один из ведущих современных чешских синтаксистов М. Грелл, рассматривавший *разрешение (dovolení)* в [Grepl, Karlík 1986:

³⁸ Мы полагаем, что в русском языковом сознании различия между *разрешением* и *позволением* прежде всего стилистические (*позволение* воспринимается либо как более официальное, либо как устаревающее). С этим, видимо, связаны и некоторые различия в узусе глаголов *позволить / позволять* и *разрешить / разрешать*: в то время как *Разрешите!* – прежде всего запрос разрешения, *Позвольте!* – прежде всего выражение несогласия с существующей ситуацией (хотя возможен и запрос разрешения), ср.: *Разрешите / Позвольте [пройти]!*; *Позвольте, это мой [бульонный кубик]!* (реплика из телерекламы). Устаревшим синонимом *позволения* является *дозволение*, ср.: *Не гневайтесь, сударь: по долгу моему / Я должен сей же час отправить вас в тюрьму. / – Извольте, я готов; но я в такой надежде, / Что дело объяснить дозволите мне прежде* (Княжнин; эпиграф к XIII главе «Капитанской дочки» А. С. Пушкина); *У вас причины есть хвалить их от души, / Но я прошу у вас о малом*

76] и [Mluvnice češtiny 1987: 346] в разделе «Высказывания с коммуникативной функцией побуждения» [соответственно *Výpovědi s komunikativní funkcí výzvy / Výpovědi s komunikativní funkcí žádací (výzvovou)*], в [Příruční mluvnice češtiny 1996: 615] уже настаивает, что высказывания типа *Na ten kurs (tedy) nejezděte* [‘Не посещайте (= можете не посещать) этот курс’]; *Přijímejte (tedy) návštěvy na pokoji* [‘Приглашайте (= можете приглашать) гостей’]; *No tak tedy přijímejte...*; *Tak dobrá, přijímejte (tedy)...* [‘Ладно //, приглашайте (= можете приглашать) гостей...’]; *Klidně si zapalte* [‘Спокойно закуривайте’]; *Jen se posaďte* [‘Садитесь, садитесь’]; *Samozřejmě si zatelefonujte* [‘Конечно, звоните’]; *Tak tedy běžte* [‘Бегите, бегите’]; *Tak se tedy ještě chvíli dívej (na televizi)* [‘Смотри уж еще минутку (телевизор)’] не являются побудительными, и относит их к пермиссивам и концессивам, объединяя выражающие *разрешение (dovolení)* высказывания с высказываниями, выражающими *согласие (souhlas), несогласие (nesouhlas), отказ (odmítnutí), возражение (námitka, ohrazení), протест (protest), поддакивание (přítakání)*³⁹. Подобные колебания исследователей относительно статуса разрешения имеют под собой достаточные основания. С одной стороны, семантическая соотнесенность разрешения с запретом и приказом не вызывает сомнений, равно как и регулярность выражения разрешения с помощью императивных конструкций – грамматического средства, специфицированного в обоих сопоставляемых языках (как, впрочем, и не только в них) именно для выражения побуждения. С другой стороны, так же очевидна семантическая соотнесенность

снисхожденье: / Дозволить при своем остаться мне сужденье. (Мольер Ж.-Б. Мизантроп / Перевод Т. Щепкиной-Куперник).

³⁹ В [Grepl, Karlík 1986: 76] и [Mluvnice češtiny 1987: 346] группа «согласие, несогласие...», не включающая «разрешение», противопоставлялась «побудительной» группе, включающей «разрешение».

*разрешения с согласием*⁴⁰, при выражении которого для обоих сопоставляемых языков характерны именно неимперативные средства (например, русск. *Ладно; Хорошо* и чешск. *Souhlasím; No dobře (tak); Klidně; Beze vřeho*) и которое традиционно исключается из числа побудительных высказываний, ср., например [Прокопчик 1955].

Серьезным аргументом против включения речевого акта *разрешения* в число директивных речевых актов является то обстоятельство, что его не всегда можно рассматривать в качестве самостоятельного – обычно ему предшествует речевой акт запроса разрешения, ср. [Бирюлин 1992: 22-23], [Хоанг Ань 1993: 5-8], тогда как в случае с прочими директивами (особняком стоят *совет* и *запрещение*⁴¹) речь идет об инициативных речевых актах⁴².

Весьма важным является обстоятельство, что речевой акт *разрешения*, как мы полагаем, не содержит, в отличие от большинства директивных речевых актов, семы *необходимости* каузируемого действия. Иначе

⁴⁰ Имеется в виду «согласие как реакция на побуждение». Разграничение *согласия*₁ (согласие с мнением) и *согласия*₂ (согласие с побуждением) см., например, в [Галактионова 1988: 145-168]; [Галактионова 1995].

⁴¹ *Совет* и *запрещение* регулярно реализуются как в инициативных, так и в реактивных речевых актах. При этом «если совет дается по инициативе говорящего, то он может вызвать негативную реакцию исполнителя, поскольку люди в принципе не любят “непрошенные советы”» [Теория... 1990: 205-206]. Что же касается *запрещения*, то его инициативность / реактивность может быть обусловлена, на наш взгляд, тем, отрицательным коррелятом какого речевого акта (*приказа* или *разрешения*) оно в конкретный момент выступает: «отрицательный приказ» – инициативный речевой акт, «отрицательное разрешение» – реактивный.

⁴² Видимо, именно это обстоятельство явилось решающим для М. Грепла, перерабатывающего раздел о коммуникативных функциях для [Příruční mluvnické češtiny 1996], так как перегруппировке подверглись и другие параграфы: инициативные речевые акты объединились с инициативными, а реактивные – с реактивными.

говоря, принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с *разрешением* принимает следующий вид:

Говорящий сообщает слушающему о возможности осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом возможность осуществления агенсом данного действия обуславливается волеизъявлением прескриптора.

Что же касается речевых актов типа *согласие, несогласие, возражение...* / *souhlas, nesouhlas, námitka...*, то мы склонны рассматривать их в качестве побудительных (лежащих на периферии поля императивности) в той степени, в какой они способны (хотя бы чисто теоретически) соответствовать названной формуле, например: *Souhlasím* '[Я] согласен' = 'Я, говорящий, сообщаю тебе, слушающему, что агенс вправе осуществить действие, очевидное из контекста, и что я пытаюсь каузировать осуществление этого действия самим фактом своего сообщения, при этом агенс приобретает право осуществить данное действие в результате моего волеизъявления'..

Интересно, что и русские, и чешские исследователи иногда выделяют в качестве самостоятельного подтипа **неохотное согласие** / **neochotný souhlas**: *Бери уж, ладно* [Борисова 1988: 29]; *Když myslíš // Když (tedy) chceš // Když si troufáš, tak tam tedy jdi // nechod'* [Příruční mluvnice češtiny 1996: 616] 'Если ты так думаешь // Если ты (так) хочешь // Если ты не боишься, тогда иди // не ходи туда'.

1.3.3 «Инструктивные» побудительные высказывания

Побудительные интерпретации данного типа обособляются от рассматриваемых выше интерпретаций прежде всего тем, что не предполагают (хотя, естественно, и не исключают) непосредственного контакта

прескриптора и агенса. Кроме того, речь идет, как правило, о каузации не единичного действия, а совокупности действий, воспринимаемой, впрочем, в качестве некоего единого комплекса, ср.: чешск. *Sednete na tramvaj číslo deset, pojedete na náměstí, tam přeseďte...* русск. *Сядете на трамвай номер десять, доедете до площади, там пересядете...*

Следует отметить два типа инструкций: **инструкция₁**, когда прескриптором выступает некая инстанция либо облеченное полномочиями лицо, предписывающая сила которых касается регулирования норм служебного или социального поведения агенса (например, *служебная инструкция*), и **инструкция₂**, когда в роли прескриптора выступает эксперт (группа экспертов), определяющий оптимальную модель поведения агенса с целью лучшей организации определенных видов деятельности. Е. И. Беляева говорит в связи с этим о деонтических и недеонтических инструкциях, отмечая, что «если в первом случае адресат обязан следовать соответствующим правилам с принятием определенной роли, то во втором случае адресат сам прибегает к помощи инструкции, когда приступает к выполнению какого-либо действия», при этом необходимость осуществлять те или иные действия обусловлена соображениями целесообразности, так как отклонение от предлагаемого алгоритма ведет к неадекватной работе приборов, порче материалов, т. е. к ущербу интересам адресата. Недеонтические инструкции подразделяются на: а) технические, б) нетехнические, в) правила игр, при этом технические инструкции в свою очередь делятся на производственные и бытовые, а нетехнические – на учебно-методические, медицинские, кулинарные, физкультурные, косметические, по уходу за одеждой, по шитью или вязанию. Деонтические инструкции Е. И. Беляева называет также **предписаниями** [Беляева 1992: 17, 133-135].

Отметим, что постулируемое в специальных исследованиях отсутствие для *инструкции* прагматической презумпции ‘за неисполнение приказания адресат будет наказан’ и наличие презумпции ‘в случае нарушения инструкции адресат может понести убытки’ [Филатова 1997: 116] касается *инструкции*₂, но не *инструкции*₁. Именно об *инструкции*₂ речь идет и в известной работе [Вежбицка 1985: 269]⁴³.

В качестве функциональной разновидности *инструкции*₂ с ограниченной сферой употребления мы склонны рассматривать *рецепт* (чешск. *recept*), ср.:

Sukr, mouku, vanilku a citrónovou kůru ‘Смешать сахар, муку, ваниль и
smícháme, přidáme majonézu a mléko. лимонную цедру, добавит май-
Pečete v dobře vymazané formě asi онез и молоко. Печь в хорошо
3/4–1 hodinu. (Hrubá M., Raboch F. et промазанной форме 3/4–1 час.’
al. Kuchařka naší vesnice)

Принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с побуждением рассматриваемых типов принимает следующий вид:

Говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и *возможности* осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* осуществления агенсом данного действия обуславливается социальной ролью говорящего (в случае *инструкции*₁), либо *интересами* агенса (в случае *инструкции*₂).

⁴³ В русском переводе, выполненным С. А. Крыловым, «наставление (инструкция)», однако «наставление» мы склонны рассматривать в группе побудительных интерпретаций, маркированных по признаку *индикция высокой степени мотивированности каузируемого действия*.

1.4. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ ИНДИКАЦИЯ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ МОТИВИРОВАННОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

Маркированными по признаку «индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия» являются такие побудительные высказывания, как чешские *prosba, zaklinadlo, zapřísahání, domluva, přemlouvání, žádost, požadavek, naučení* и русские *просьба, мольба, убеждение, уговаривание, упрашивание, увещевание, заклинание, требование, наставление, поучение*.

Принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с побуждением рассматриваемых типов принимает следующий вид:

Говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и *возможности* осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* осуществления агенсом данного действия обуславливается *интересами* говорящего, имеющими некий объективный характер.

Поскольку императивность в узком смысле основывается на авторитарной позиции говорящего, на том, что одной его воли вполне достаточно для того, чтобы исполнение каузируемого действия стало для исполнителя обязательно, обоснование побуждения может рассматриваться как «снижение императивности», ср.: «обоснование – это универсальная когнитивная процедура, приводящая к онтологизации некоторого знания, т. е. к введению знания в модель мира адресата. В данном случае обоснование приводит к тому, что некоторое знание, лежащее в основе побуждения, получает объективный статус и воспринимается адресатом как реальное, объективное знание. Иными словами, суть обоснования импера-

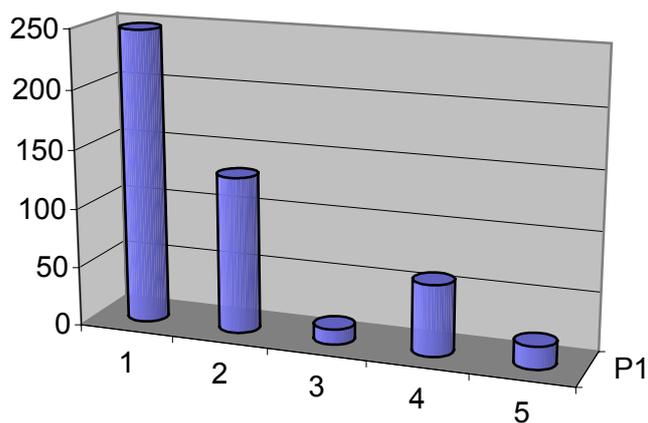
тива сводится к перенесению причин оснований побуждения из сферы более субъективного в сферу менее субъективного» [Баранов 1988: 16].

Prosba – просьба

Просьбу мы склонны рассматривать в качестве основного подтипа группы подтипов побуждения, маркированных по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*. Анализирующий русские императивные высказывания Л. А. Бирюлин постулирует для *просьбы* следующие коммуникативно-прагматические условия: (а) как правило, просьба характеризуется фактитивной каузацией действия, (б) просьба обычно исходит от того лица, чей социальный статус не выше, либо используется в ситуациях, где субординативные отношения отсутствуют: в обоих случаях тот, кто просит, не вправе навязывать тому, у кого просят, определенное поведение, а обращается за добровольным сотрудничеством, (в) стоящий выше в социальной иерархии также может высказать просьбу, если то, что он просит совершить стоящего ниже, не обусловлено соответствующей конвенцией, и поэтому он не может в такой ситуации прибегать к своей власти; если же такое действие конвенционально, то подобная просьба является демагогичной и должна восприниматься как приказ, (г) просьба может высказываться как в институциональной, так и в межличностной социальной ситуации, (д) просьба допускает возможность отказа, (е) излагая просьбу, говорящий, как правило, стремится изложить ее причины и мотивы, с тем чтобы убедить слушающего в том, что у него имеются достаточные варианты для просьбы или насущная потребность в ней; изложение мотивировки просьбы преследует цель возложить на слушающего обязательство выполнить, а не отвергнуть ее, (ж) в случае невыполнения просьбы говорящий не имеет права применять санкции в отношении слушающего, (з) при просьбе

исполнение каузируемого действия осуществляется в интересах говорящего, (и) в императивном высказывании, выражающем просьбу, могут использоваться показатели вежливости, (к) смысловыми вариантами просьбы являются ‘упрашивание’, ‘уговаривание’, ‘мольба’ и ‘закливание’, отличающиеся от просьбы степенью проявления желания говорящего и используемые обычно в ситуации отказа (иногда предполагаемого) [Бирюлин 1992: 27].

В текстах SYN2000 в качестве *просьбы* охарактеризовано более половины (248 из 472) побудительных высказываний данной группы, снабженных авторской иллокутивной маркировкой, ср.:

- 1 – высказывания типа "*Přestaň,*" *prosila.* <SYN2000 S|NOV|1992|poirot11>.
2. – высказывания типа "*Nechte ho,*" *žádal Prokop.* <SYN2000 S|NOV|1982|krakatit>
3. – высказывания типа "*Prosím vás, pomozte mi,*" *zapřísahal ji šeptem.* <SYN2000 S|NOV|1997|doktorv>
4. – высказывания типа *Nerouhej se,* *domlouval mu Filip.* <SYN2000 S|NOV|1992|lit>
5. – высказывания типа *Prosím, vezmi si ho,*" *přemlouvala mě.* <SYN2000 S|NOV|1996|klenot1>

Domluva, přemlouvání – убеждение, уговаривание, упрашивание, увещание

Все данные побудительные интерпретации характеризуются, как мы считаем, прагматической пресуппозицией ‘адресат противится выполнению действия’, ср.:

To nemá smysl, domlouvaly jí sestry. <SYN2000 S|NOV|1992|slunhod1> ‘«Это не имеет смысла», – убеждали ее сестры.’

Nechte je, pane, domlouval mu kmet. <SYN2000 S|NOV|1993|pec2> ‘«Оставьте их, господин,» – убеждал его старейшина.’

Множественное ***убеждение*** перерастает в ***уговаривание*** (чешск. ***přemlouvání***), при этом пресуппозиция ‘адресат противится выполнению действия’ закономерно усиливается.

Ale bujón už přece můžete, přemlouvala ji oteklá pečovatelka a zvedla talíře. <SYN2000 S|NOV|1991|kap> ‘«Но бульон-то вы уже можете», – уговаривала ее тучная сиделка, поднимая тарелки.’

Slib mi, že zůstaneš," přemlouvala mě. <SYN2000 S|NOV|1996|klenot5> ‘«Обещай, что останешься», – уговаривала она меня.’

"Vždyť ten astrolog dělá horoskopy Havlovi, tak bys tu snad mohl věřit," přemlouvala ho maminka. <SYN2000 S|PUB|1997|story97> ‘«Ведь этот астролог составляет гороскопы самому Гавелу, так что ему ты можешь верить», – уговаривала его мама.’

Иногда, впрочем, основное различие между ***убеждением*** и ***уговариванием*** видят в том, что «уговаривание воздействует не на разум и логи-

ку, а на чувства и эмоциональный мир адресата, в то время как убеждение направлено именно на разум человека» [Иссерс 2006: 142].

Отрицательным вариантом *уговаривания* является *отговаривание*, ср.:

– *Je to už jedno. Nechod', –* «Это уже все равно. Не ходи», –
rozmlouval jí Bláha (J. Procházka. отговаривал ее Блага.'

Konec osamělého střelce)

Вариантом русского *убеждения* мы считаем *увещевание*, имеющее, по мнению некоторых исследователей, прагматическую презумпцию 'действие адресата не соответствует морально-этическим нормам' [Филатова 1997: 107]⁴⁴. Нам, однако, представляется, что речь идет не о презумпции, а о коннотации, наличие которой возможно, но не обязательно, ср.: «*Увещеваю вас, люди добрые и благочестивые, – не унимался жрец, – не верьте чародеям, не обращайтесь к ним за советами и с просьбами*» (Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта).

Русское *упрашивание* относится к *просьбе* так же, как *уговаривание* – к *убеждению*.

Рассматриваемые побудительные интерпретации в обоих сопоставляемых языках способны приобретать коннотацию 'действие совершается в интересах исполнителя'⁴⁵, ср.:

Žena domlouvá manželovi, který «Жена убеждает мужа, который

⁴⁴ Ср. приводимые там же примеры: Наташа. *Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго.* Клещ. *Знаю.* (М. Горький); Чарнота. *...Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати!* (М. Булгаков); *Ты хоть бы о ребятах подумал, деятель! Ты думаешь, они тебя добром помянут, ежели ты их в колхозе оставишь...* (В. Белов).

⁴⁵ Что, безусловно, сближает *убеждение*, *увещевание*, *уговаривание* (равно как *domluva*, *přemlouvání*) с группой интерпретаций, условно обозначаемых как *совет* (чешск. *rada*).

nechce světu synovi pomoci s domácí úlohou: "Oldřichu, pomáhej mi, dokud můžeš! Na podzim už půjde do čtvrté třídy". (Dikobraz)

"Je to příjemné a za pouhých tisíc rupií," přemlouvaly ji .<SYN2000 S|NOV|1995|otcem>

не хочет делать сыну домашнее задание: «Олдржих, помогай ему, пока можешь! Осенью он пойдет уже в четвертый класс.»'

‘«Это приятно и всего за тысячу рупий», – уговаривали ее.’

Zaklínadlo, zapřísahání, мольба, заклинание

В качестве *мольбы* мы склонны рассматривать настойчивую просьбу с экспликацией униженной позиции говорящего, ср.: *«Я умоляю тебя, – жалобно попросила Маргарита, – не говори так».* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

При этом может актуализироваться не объективность, а субъективность интересов говорящего, мотивирующих *необходимость* осуществления каузируемого действия.

Мы склонны различать *заклинание*₁ (магическую процедуру) и *заклинание*₂ (побудительный речевой акт, близкий к *мольбе*). В чешской языковой картине мира *заклинанию*₁ соответствует *zaklínadlo*, а *заклинанию*₂ – *zapřísahání*, ср.:

Ukázal mu, jak je třeba se postavit do kouta světnice <...> a vyslovit polohlasem zaklínadlo: «Přijď, ďáble, přijď!» (J. Kopeš. Pražské pitavaly)

‘Он показал ему, как надо встать в угол комнаты <...> и произнести вполголоса заклинание: «Явись, дьявол, явись!»’

Pročez zapřísaháme vás, abyste *‘Поэтому мы закликаем вас <...>*
 <...> *vyzvali národ náš, aby se semkl* *призвать народ наш сомкнуться*
v celonárodní jednotu na obranu *для защиты отечества.’*
vlasti. (K. Čapek. Továrna na
absolutno)

В случае с *заклинанием*₁ высокая степень мотивированности каузируемого действия обусловлена апелляцией говорящего к неким силам, авторитет которых абсолютен для исполнителя и даже для мироздания в целом. При этом предполагается, что прескриптор обладает возможностью влиять на эти силы⁴⁶. Таким образом, *заклинание*₁ сближается с «авторитарными» побудительными речевыми актами.

Если же говорящий реально не обладает этой возможностью (эта возможность не признается либо игнорируется адресатом побуждения), то данный речевой акт оказывается неуспешным, ср.:

– Могуществом Выших Сфер, – протонала чародейка, собирая
остатки сил и вода рукой в воздухе. – Водой, огнем, землей и воздухом
заклинаю тебя. Заклинаю мыслью, сном и смертью, тем, что было,
есть и что будет! Заклинаю тебя. Кто ты? Говори!

<...>

– Ты не можешь.

(А. Сапковский. Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта)

Священник. *Я закликаю вас святою кровью*

Спасителя, распятого за нас:

⁴⁶ Независимо от того, верим ли мы в существование колдовства и заклинаний в нашем реальном мире, или нет, мы не можем отрицать их существования в нашей языковой картине мира, пусть даже это и относится к «вторичной действительности» – миру фольклора, художественной литературы, кинематографа, компьютерных игр и т. д.

*Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души –
Ступайте по своим домам!*

Председатель. Дома
У нас печальны – юность любит радость.

<...>

Многие. <...> пошел! пошел!
(А. С. Пушкин. Пир во время чумы).

Вне мира волшебства **заклинание** близко к **мольбе** и характерно для патетически возвышенного способа выражения, ср.:

*Опять, как когда-то зимой в Сиверской, Володя рвется уехать, но теперь его хватают, задерживают, Варя и Ася отнимают чемодан, Елена Федоровна умоляет чуть ли не со слезами: «Дети мои, **заклинаю**, что бы ни случилось в городе, в мире, вы должны оставаться друзьями. И ты, Володя, и ты, Павлик, и вы, дети, подайте друг другу руки немедленно...»* (Ю. Трифонов. Старик).

За пределами патетически возвышенной сферы **заклинание** ₂ неуместно, ср.:

*– Надежда Сергеевна, – стал диктовать профессор, а Пилипенко вырвал из блокнота лист и начал писать. – Надежда Сергеевна, – опять взмолился профессор, – **заклинаю** тебя небом...*

– Ну, ерунда какая-то, – перестал писать Пилипенко. – При чем тут небо?

– Пиши, пиши, – сказал Максимыч. – Чем глупей, тем лучше.
(В. М. Шукшин. Ночью в бойлерной).

Žádost, požadavek, требование

Русское *требование* мы рассматриваем как категорическое побуждение (этим оно отличается от *просьбы*) при отсутствии авторитарной позиции говорящего, а поэтому говорящий и не может быть уверен в том, будет ли каузируемое действие выполнено, или нет. Вслед за Ю. Д. Апресяном мы видим существенную особенность *требования* (в отличие от *приказа, запрета, позволения* и *просьбы*) в том, что говорящий убежден (в действительности или притворно), что он имеет право настаивать на том, чтобы адресат сделал то, что он, говорящий, хочет от него [Апресян 1969: 22].

Как уже отмечалось, авторы [Mluvnice češtiny, 1987] не выделяют *требование* (*žádost*) в качестве самостоятельного подтипа побуждения, видимо, потому, что оно используется (наряду с каузативом *vůzva*) в качестве общеродового понятия (ср. *žadací výpovědi* ‘побудительные высказывания’). Кроме того, в чешской языковой картине мира различия между *требованием* и *просьбой* не столь очевидны, как в русской, ср.: «Просьба [prosba] и требование [žádost] весьма близки. Различия между ними обуславливаются прежде всего взаимной позицией партнеров. То, чего мы хотим достичь, мы формулируем как просьбу [prosba] тогда, когда наш партнер “стоит над нами” (например, в силу того, что мы уважаем его более высокое общественное положение, положение по службе, возраст, опыт и т. д.), либо наше желание, которое мы намереваемся осуществить, представляется нам несколько нескромным, или же мы хотим пробудить в партнере чувства нам благоприятные и т. п. Требование [žádost] осуществляется в ситуациях, которые характеризуются нейтральным отношением партнеров, которые могут друг друга и не знать, при этом говорящий уверен, что партнер исполнит (должен исполнить) притязания» [Müllerová 1979: 72]. Очень часто речь идет о побуждении, близком к

русской *просьбе*, ср. некоторые примеры, содержащие в авторском комментарии к побудительному высказыванию персонажа глаголы *žádat* и *požádat*:

Paní Vanda jde nakupovat a žádá manžela: “Prosím tě, nemám drobné, vyměň mi dvacetikorunu za dvě stokoruny!” (Dikobraz) ‘Пани Ванда собирается в магазин и **просит** мужа: «У меня нет мелочи, разменяй мне двадцатикроновую на две стокроновые!»’

Pan Vincenc žádá číšnici: “Jeden guláš a dobré slovo, prosím.” (Dikobraz) ‘Господин Винценц **просит** официантку: «Пожалуйста, один гуляш и доброе слово»’

– *Mně koňak, – požádala Inka.* (J. Procházka. Hon na lišku) ‘«Мне коньяк», – **попросила** Инка.’

Как мы видим, в приведенных выше примерах как *žádost* характеризуется некатегорическое побуждение. Нередко один и тот же побудительный речевой акт может быть охарактеризован и как *prosba*, и как *žádost*, ср.:

Poprosil je o souhlas, avšak konšelé se rozhněvali nad jeho opovázlivostí a žádost hned napoprvé zamítli. (Cibula V. O paláci Kinských) ‘Он **просил** разрешения, однако членов городского совета рассердила его дерзость и в **прошении** было сразу же отказано.’

Тем не менее обозначаемый каузативом *žádost* подтип побуждения может быть и категорическим, будучи выражен эксплицитной перформативной формулой, ср.:

Žádám, abyste pracoval svědomitě. (M. Kaprek. A je to gól!) *Я требую, чтобы вы относились к своей работе ответственно.*

Žádám náhradu škody. (Dikobraz) *Я требую возмещения убытков.*

Čtenáři se žádají, aby neodnášeli časopisy z čítárny! (пример из [Mluvnice češtiny 1987: 343] Читателей **просят**⁴⁷ не выносить журналы из читального зала.

О том обстоятельстве, что в языковом сознании носителя чешского языка *žádost* обозначает семантическую интерпретацию побуждения, отличную и от *приказа*, и от *просьбы*, достаточно красноречиво, на наш взгляд, свидетельствует и реплика героя романа В. Эрбена, разбуженного следователем среди ночи и услышавшего, что к восьми утра его ожидают в другом городе:

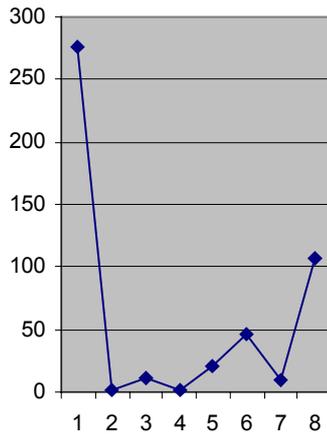
Je to prosba, nebo žádost, nebo rozkaz? Это просьба, требование или (V. Erben. Poklad byzantského kupce) приказ?

Однозначно категоричным является подтип побуждения, который также соотносим с русским *требованием* и обозначается как *požadavek*. По мнению О. Мюллеровой, этот подтип побуждения «в большинстве случаев конкретен и точно обозначен. Его исполнение бывает условием для успешной реализации чего-либо. Из-за своей определенности и настоятельности оно бывает близко к коммуникативным функциям <...> указания, приказа» [Müllerová 1979: 72]. В качестве примера исследовательница приводит реплику *Mami ty ti neparovídej!* 'Мама, не подсказывай ему!' в ситуации игры родителей с детьми.

Обозревая в целом средства и способы экспликации побуждения, маркированного по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия* в современном чешском языке, следует отметить бóльшую, чем для «авторитарных» побудительных

⁴⁷ В современном русском речепотреблении в составе эксплицитных перформативных высказываний типа *Прошу покинуть зал, Просьба освободить вагоны* данная лексема выражает не *просьбу*, а *требование* [Булыгина, Шмелев 1997: 290].

высказываний, узуральность побуждения через экспликацию необходимости или возможности и меньшую – через экспликацию действия или его последствий, ср. следующую диаграмму, иллюстрирующую сравнительную употребительность средств и способов выражения побуждения рассматриваемых типов в текстах SYN2000:

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через экспликацию действия.
6. Побуждение через экспликацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через экспликацию волеизъявления.
8. Другие способы побуждения.

Naučení, наставление, поучение

Несколько особняком в данной группе побудительных речевых актов стоит *naučení* – *наставление (поучение)*⁴⁸, которое может быть охарактеризовано как побудительный речевой акт, посредством которого каузируется действие (последовательность действий), выполнение которого представляется говорящему необходимым по соображениям морально-этического порядка. При этом «существенным для данного речевого акта является характер Д: это не одноразовое, обусловленное именно данной ситуацией действие или поведение, а рассчитанное на перспективу. Речевое действие Г представляет собой “инструкцию” для А поступать определенным образом в подобных ситуациях или всегда поступать подобным образом» [Филатова 1997: 106]. Говорящий считает себя вправе направлять действия исполнителя либо в силу своего более высокого социально-нравственного статуса⁴⁹, либо если он апеллирует к некоему достаточно высокому моральному авторитету – к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и т. п., ср. чешск. *Co tam, to tam (pro to si hlavu nelam), Darovanému koni na zuby nehled', Dočkej času jako husa klasu, Co můžeš udělat dnes, neodkládej na zítřek, Ševče, drž se svého kopyta, Moudrému napověz, hloupému dolož, Na chytrého mrkni, hloupého trkni, Neříkej hop, dokud nepřeskočíš, Nejásej předčasně, Dvakrát měř, jednou řež, Pospíchej pomalu, Nechval dne před večerem*; русск. *Пришла беда – отворяй ворота, Не выноси сор из избы, Честное дело делай смело, Терпи, казак, атаманом будешь, Не бойся собаки брехливой – бойся молчаливой,*

⁴⁸ Так данный подтип побуждения обозначен в [Прокопчик 1955: 11], [Немешайлова 1961: 15].

⁴⁹ Любой побудительный акт имеет прагматическую презумпцию ‘коммуниканты осведомлены о взаимных правах и обязанностях’ [Любимов 1984: 9].

Куй железо, пока горячо, Коси коса, пока роса, Не зная броду, не суйся в воду, Хочешь есть калачи, так не лежи на печи, Заварил кашу, сам ее и расхлебывай, Взятся за гуж, не говори, что не дюж, Назвался груздем – полезай в кузов, Не рой другому яму – сам в неё попадешь, Всяк сверчок знай свой шесток, Умному подскажи – а дураку в рот положи, Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, Семь раз отмерь, один раз отрежь, Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки, Хвали день по вечеру⁵⁰.

Принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с побуждением рассматриваемых типов принимает следующий вид:

Говорящий сообщает слушающему о *необходимости* осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* осуществления агенсом данного действия обуславливается существующими в данном социуме морально-этическими нормами (т. е. *интересами* социума в целом).

1.5. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МАРКИРОВАННЫЕ ПО ПРИЗНАКУ ИНДИКАЦИЯ ПОЛЕЗНОСТИ ДЛЯ АГЕНСА КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ / ВОЗДЕРЖИВАНИЯ ОТ ДЕЙСТВИЯ

Маркированными по признаку *индикация полезности для агенса каузируемого действия / воздерживания от действия* оказываются такие побудительные высказывания, как чешские *rada, doporučení, varování*,

⁵⁰ Показательно, что в источнике приведенных примеров [100 *ilustrovaných přísloví 1993*], содержащем функционально соотносительные пословицы и поговорки в различных европейских языках, русские пословицы заметно чаще оказываются оформленными императивной конструкцией, чем пословицы чешские.

výstraha, vyhrůžka, vydírání, upozornění, русские *совет, рекомендация, предостережение, угроза, шантаж, предупреждение*.

Принятая нами формула побудительного речевого акта в случае с данными типами побуждения принимает следующий вид:

Говорящий сообщает слушающему о *необходимости и возможности* осуществления / неосуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление / неосуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* осуществления / неосуществления агенсом данного действия обуславливается *интересами* агенса.

Апелляция к интересам исполнителя может рассматриваться как дальнейшее, по сравнению с обоснованием побуждения, «снижение императивности» [Баранов 1988: 17]. Основными в данной группе побудительных интерпретаций следует считать, безусловно, *совет* (чешск. *rada*) и *предостережение* (чешск. *varování*). Мы склонны согласиться с Дж. Р. Серлем, рассматривавшим предостережение как «доведение до сведения С, что событие Е не соответствует интересам С», а совет – как «доведение до сведения С, что действие Д соответствует его интересам» [Searle 1969: 67].

В побудительных высказываниях рассматриваемого типа на передний план выступает понятие *полезности (пользы, бенефактивности)* каузируемого действия, присутствующего, естественно, и в побудительных речевых актах иных типов, ср.: «целью произнесения императивного высказывания является не только стимулирование некоторого действия, но и достижение вследствие его осуществления определенного результата. Говорящий прогнозирует этот результат и оценивает его как полезный для себя самого и / или для другого лица. Этот результат может быть непосредственным следствием реализации каузируемого действия – неко-

торым физическим или эмоциональным состоянием субъекта (Have a rest, Calm yourself, Help me, Don't bother me, Leave him alone), либо представлять собой более отдаленные последствия этого действия. Такой результат, положительно оцениваемый говорящим, будем называть "пользой" (бенефактивностью)» [Акимова 1988: 7]. О важности данного критерия для структурирования императивности см. также [Ласка, Новицкая 1988: 70-71], [Беляева 1992: 15].

Взаимная соотнесенность *совета* и *предостережения* в обоих сопоставляемых языках очевидна, ср.:

<i>Varuji tě, abys tam chodil!</i> /	<i>Я предупреждаю тебя от похода туда</i>
<i>Neradím ti, abys tam chodil!</i> =	да' / <i>Я не советую тебе туда ходить</i>
<i>Radím ti, abys tam nechodil!</i>	= <i>Я советую тебе туда не ходить.</i>

Rada, doporučení, совет, рекомендация

Анализируя прагматические варианты совета, Е. И. Беляева различает «инициативный» совет, к прагматическим пресуппозициям которого относятся (1) предположение говорящего о том, что адресат собирается совершить действие D_1 и (2) мнение говорящего, что альтернативное действие D_2 будет для адресата более полезным [Dijk 1981: 38], и «реактивный» совет, ситуация которого возникает в силу следующих пресуппозиций: (1) адресат находится в затруднительном положении относительно правильного выбора действия из-за отсутствия опыта или компетентности; (2) адресат считает, что говорящий более компетентен / опытен и может определить оптимальный выход из существующей ситуации; (3) адресат хочет знать мнение говорящего и обращается к нему с запросом.

Вариантами «инициативного» совета являются:

(а) «помогающий» совет, когда говорящий предлагает свой вариант решения, высказывая мнение о его целесообразности;

(б) «заинтересованный» совет, когда каузируемое действие бенефактивно не только для адресата, но и для самого говорящего;

(в) «совет-наставление», когда говорящий, отрицательно оценивая существующее положение дел и не принимая во внимание отношение адресата к этому положению, пытается контролировать его действия, отчего совет приобретает характер неделикатного вмешательства в личную жизнь адресата;

(г) «критический» совет, когда коммуникативной целью говорящего является не столько каузировать действие, сколько обратить внимание на неадекватность поведения адресата;

(д) «совет-предупреждение», когда говорящий пытается предотвратить опасную либо явно неблагоприятную для адресата ситуацию.

Вариантами «реактивного» совета являются:

(а) профессиональный совет;

(б) бытовой совет, см. [Беляева 1992: 118-121].

Между русским и чешским *советом* много общего, и это вполне закономерно, так как речь идет об одной из наиболее социально значимых побудительных интерпретаций, различия же между ними мы склонны видеть в следующем:

Совет представляет по своей сути вторжение в личностную сферу собеседника: советующий навязывает свое мнение, принимая на себя ответственность за последствия своего совета (здесь *совет* способен смыкаться с *убеждением* и даже с *приказом*⁵¹). Кроме того, советом говоря-

⁵¹ [Мужики вытаскивают налима из-под коряги:] «*Не тащи за губу, не тащи, – выпустишь! За зебры хватай его, за зебры хватай! Опять почал рукой тыкать! Да и беспонятный же мужик, прости Царица Не-*

щий постулирует свое превосходство над собеседником в знаниях (пусть и превосходство, ограниченное конкретной сферой) и жизненном опыте (вспомним фамусовское *Спросили бы, как делали отцы! Учились бы, на старших глядя*), что также может рассматриваться собеседником при определенных обстоятельствах как нечто для него обидное. Чех бережет свою личностную сферу от посягательств извне гораздо бережнее, чем русский, и гораздо более деликатен в отношении личностной сферы собеседника⁵², поэтому чешский **совет** (если, конечно, это не замаскированное **требование** или **просьба**) в целом менее настоятелен, чем русский⁵³. В этом плане весьма характерными, на наш взгляд, являются следующие примеры – русский пример, в котором совет дается «со слезами на глазах» (настолько близко к сердцу говорящий принимает интересы адресата) и чешский пример, в котором говорящий (близкий друг собе-

бесная! Хватай!» / «"Хватай"... – дразнит Герасим. – Командер какой нашелся... Шел бы да и хватал бы сам, горбатый черт ... Чего стоишь?» (А. П. Чехов. Налим).

⁵² Ср. «Российский коллективизм уходит своими корнями в глубину истории и не исчерпывается семьюдесятью годами строительства коммунизма, хотя несомненно и то, что эти семьдесят лет усилили рассматриваемое свойство. На повседневном уровне данное свойство проявляется, например, в том, что незнакомые и малознакомые люди дают друг другу советы и делают замечания относительно поведения и одежды; в очереди, лифте и общественном транспорте принято стоять очень близко, даже когда для этого нет серьезных причин; многие проявления неконформизма вызывают осуждение или подозрительность общества и т. п.» [Городецкая 1996: 296], аналогично в [Гудков 1997]. О чешском образе мира см. [Гачев 1997: 566-621]. Довольно остроумно о русском и европейском отношении к советам рассуждается в романе Б. Акунина «Алтын Толобас».

⁵³ Интересно, что лишь в чешских (но не в русских) работах мы встречали при характеристике **совета** упоминание о возможной коннотации «неуверенности говорящего, что то, что он советует, действительно хорошо» [Příruční mluvnické češtiny 1996: 607].

седника!) усиленно дистанцируется от ответственности за последствия каузируемого действия:

Пример русского совета

<...> все говорили о Маше, труппа **советовала** ему «рискнуть», а Лимонадов убеждал со слезами на глазах: «Глупо и нерационально отказываться от такого случая! Да ведь за такие деньги можно не только жениться, в Сибирь пойти можно! Женишься, построишь свой собственный театр, и бери меня тогда к себе в труппу. Не я уж тогда владыка, а ты владыка». (А. П. Чехов. Трагик);

Пример чешского совета

<p>“Nic jsem neslyšel,” skočil mu do řeči Nejezchleb. <...> “Nic jsem neslyšel, <u>dovolte mi, abych řekl svůj zcela soukromý, podotýkám zcela soukromý názor</u>. Nuže: musíte trpělivě vyčkat, co bude zítra. Radím vám, jak bych se zachoval já, kdybych byl ve vaší situaci – nechte pokoj vašeho syna, jak je, což bude asi nejrozumnější.” (V. Erben. Bláznova smrt)</p>	<p>‘«Я ничего не слышал, – перебил его Неезхлеб. <...> – Я ничего не слышал, <u>позвольте мне лишь изложить мое личное, подчеркнуваю, личное мнение</u>. Я советую вам так, как поступил бы я на вашем месте – оставьте все в комнате вашего сына, как оно там стоит, это будет разумнее всего».’</p>
---	--

В русской языковой картине мира **ситуация рекомендации** отличается от **ситуации совета** прагматической презумпцией ‘говорящий обладает профессиональной компетенцией’» [Филатова 1997: 13], ср.: [врач-психиатр:] **По-человечески же, исходя из жизненного опыта, я порекомендовал бы** [применить] электрошок и флеосодержащие препараты. (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

chcete-li, přímo vydírat.
(M. Švandrlík. Vražda mlsného
humoristy)

*взяться за дело всерьез и начать
угрожать. Если хотите, просто
шантажировать.'*

Русскому *предостережению* в чешском языковом пространстве соответствуют два подтипа побуждения: *varování* и *výstraha*, ср. данные большого чешско-русского словаря под ред. Л. В. Копецкого и Й. Филипца (1976):

výstrah||a, -y ž предостережение *s*, предупреждение *s*; *důtka s ~ou* выговор с предупреждением; *dát komu ~u* предостеречь, остеречь *кого*; *na n pro ~u* в качестве предостережения; *pro ~u druhým* в назидание другим [ЧРС 1976].

var||ovati, -uji nedok. koho před kým, čím предостерегатьI, остерегатьI *кого от чего*, предупреждатьI *кого о чём*; *v min. též dok. ~oval ho* он предупреждал / предупредил его [ЧРС 1976].

Как мы видим, *varování* [глагольное существительное от *varovat*] и *výstraha* переводятся на русский язык одинаково. Различия же состоят в том, что обязательным элементом побудительного речевого акта одного типа (*varování*) является экспликация каузируемого действия, а обязательным элементом другого (*výstraha*) – экспликация возможных негативных последствий альтернативного поведения, ср. [GrepI, Karlík 1986: 76-77]; [Mluvnice češtiny 1987: 343-345]; [Příruční mluvnice češtiny 1996: 617-619].

Upozornění, предупреждение

Удачное определение *предупреждения* предлагает Е. А. Филатова, понимая под ним «речевой акт, посредством которого Г[оворящий] выражает желание опередить действия А[дресата] таким образом, чтобы сориентировать его на (более) осторожное, осмотрительное, продуманное и

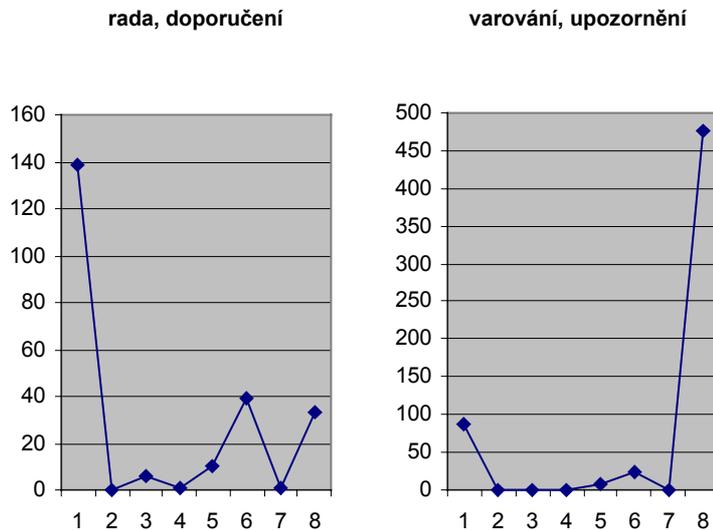
т. п. поведение» [Филатова 1997: 107]. **Предупреждение** (чешск. *upozornění*) близко **предостережению** (чешск. *varování*), ср. чешский пример и его русский перевод:

<p><i>Pěkná uchazečka o filmovou roli měla konečně v rukou pozvánku na pohovor s režisérem. / “Stanislavo, nechci ti kazit radost,” varuje ji přítelkyně, “ale ten chlap je velice nebezpečný. Jen co tě bude mít v pracovně, je schopen na tobě roztrhat šaty” / “Děkuji za upozornění. Vezmu si na sebe něco staršího”.</i></p> <p>(Dikobraz)</p>	<p>‘Симпатичная претендентка на роль в фильме наконец получила приглашение на собеседование с режиссером. / «Станислава, я не хочу портить тебе радость, – предостерегает ее приятельница, – но этот парень очень опасен. Когда ты окажешься у него в кабинете, он способен разорвать на тебе платье» / «Спасибо за предупреждение. Я надену что-нибудь не новое».’</p>
---	---

Отличие **предупреждения** от **предостережения** мы склонны видеть в том, что объектом бенефактивности при **предупреждении** может быть не только адресат, но и говорящий, ср.: *Щука высунулась из бадьи и выставила плавник, схваченный у основания металлическим зажимом. На зажиме я прочитал: «Запущен сей экземпляр в Солове-реке 1854 год. Доставить в Е. И. В. Академию наук, СПб». «Старухе не говори, – **предупредила** щука. – С плавником оторвет. Жадная она».* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начитается в субботу).

Обозревая средства и способы экспликации побуждения рассматриваемых типов в современном чешском языке, нельзя не отметить того обстоятельства, что в то время как для *совета* или *рекомендации* в целом характерно то же распределение средств и способов побуждения, что и для большинства побудительных речевых актов (при заметно большей нагруженности моделей, связанных с экспликацией необходимости или

возможности каузируемого действия), при выражении *предостережения* (*varování*) и особенно *предупреждения* (*upozornění*) говорящий нередко избегает не только конструкций с синтетическим или аналитическим императивом или перформативом, но и «стандартных» способов экспликации побуждения (через экспликацию действия, экспликацию возможности или необходимости, экспликацию волеизъявления), ср. следующие диаграммы, иллюстрирующие сравнительную употребительность средств и способов выражения побуждения рассматриваемых типов в текстах SYN2000:

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через экспликацию действия.
6. Побуждение через экспликацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через экспликацию волеизъявления.

8. Другие способы побуждения.

1.6. ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, НЕ МАРКИРОВАННЫЕ ПО НАЗВАННЫМ ВЫШЕ ПРИЗНАКАМ

Не маркированными по рассмотренным выше признакам являются такие разновидности побуждения, как чешские *nabídka, pozvání, návrh, vybidnutí, výzva*, русские *предложение, приглашение, призыв*.

Побудительные речевые акты данного типа не содержат в своей смысловой структуре семы *необходимости*, и принятая нами формула побудительного речевого акта имеет следующий вид:

Говорящий сообщает слушающему о *возможности* осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения.

Nabídka, pozvání, návrh, vybidnutí, предложение, приглашение

При *предложении* речь идет о таком действии или поведении агенса, которое прескриптор оценивает как возможное, при этом (в отличие от *совета*) безразлично, в чьих интересах – прескриптора, агенса или кого-то еще данное действие совершается.

Следует отметить, что чешский язык структурирует данный участок поля императивности более подробно, чем русский.

Так, чешский язык лексически различает *предложение*₁ (говорящий не только каузирует действие, но и берет на себя определенные обязательства – речь идет, таким образом, о гибридном речевом акте, совмещающем в себе признаки директива и комиссива) и *предложение*₂ (чистый директив).

Русскому *предложению*₁ соответствует *nabídka, предложению*₂ – *návrh, vybidnutí*, ср.:

Můžete bejvat s paničkou u nás, – nabízel tu Seydl a bylo vidět, že to myslí upřímně, – nebo tady u Maštaliřů nebo jinde, kde budete chtít. (J. Procházka. Studna) ‘«Вы с женой можете останавливаться у нас, – предлагал Сейдл, и было видно, что он говорит от души, – или у Машталиржа или где-нибудь еще, как захотите.»’

“Dejme si zdravíčko,” navrhoval za všeobecného souhlasu Vaněk. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) ‘«Сыграем “здоровьице”», – предложил Ванек под общей одобрительный гул.’ (перевод П. Богатырева)

К предложению ₁ близко приглашение (чешск. *rozvání*), характеризующееся, по нашему мнению, пресуппозицией ‘говорящий правомочен обеспечить выполнение адресатом каузируемого действия’, ср.:

– Přijďte v létě, tady je moc krásně, – zval ho Seydl a vzal si Maštaliře za svědka: – Že jo, Jožko? (J. Procházka. Studna) ‘«Приезжайте летом, здесь очень красиво», – пригласил его Сейдл и обратился к Машталиржу как к свидетелю: «Правда, Йожка?»’

Мы склонны не соглашаться с авторами, определяющими *приглашение* как побудительный речевой акт, бенефактивный и для адресата, и для говорящего [Беляева 1992: 19], [Филатова 1997: 110], ср. следующий пример, в котором об особой «полезности» для говорящего каузируемого действия речи быть не может: Он немного еще подумал и пригласил своего спутника: «Кушай, Бегемот». (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Далее, предложению ₂ в чешском также соответствуют два подтипа: *návrh* и *vybídnutí*, последовательно выделяемые в чешских работах, ср. [Grep], [Karlík 1996: 75-77]; [Mluvnice češtiny, 1987: 342-343]; [Příruční mluvnice češtiny 1996: 600, 607], хотя на взгляд через призму русского

языкового сознания они различаются весьма незначительно, ср. приводимые авторами [Mluvnice češtiny 1987] примеры:

Návrh:

Co abys ho pozval? 'Не позвать ли его тебе?';

Co abychom ti koupili hodinky? 'Не купить ли нам ему часы?';

Co kdybychom ti koupili hodinky? 'Не купить ли нам ему часы?';

Můžeš / Mohl bys ti (snad, třeba) zatelefonovat 'Ты можешь / Ты бы мог (наверное) ему позвонить';

Že bys ti (třeba, snad) zatelefonoval? 'Не позвонить ли тебе ему?';

Snad (možná), abys ti zatelefonoval 'Может, тебе ему позвонить?';

Navrhuj ti, abys ještě počkal / abys už nečekal. 'Я предлагаю тебе еще подождать / уже не ждать';

Navrhuj, abychom to odložili / to odložit 'Я предлагаю это отложить'.

Vybídnutí:

Raďte se u nás posadit 'присаживайтесь, пожалуйста';

Neposadíte se na chvílku? 'Не присядете на минутку?';

Pojd'(te) si zahrát karty 'Давайте-ка сыграем в карты';

Pojd'me si zahrát karty 'Давайте-ка сыграем в карты';

Zahrajme si karty 'Давайте сыграем в карты';

Nezahrajeme si karty? 'В карты не сыграем?'

Различия между этими двумя подтипами побуждения мы склонны видеть в следующем: *vybídnutí* представляет собой «каузацию действия в чистом виде», то, что Е. В. Падучева называет *простым побуждением* [Падучева 1996: 79], тогда как *návrh* не исключает (хотя далеко не всегда содержит!) коннотации 'каузируемое действие может быть полезно для

адресата' (не случайно в [GrepI, Karlík 1996] и [Mluvnické češtiny, 1987] этот подтип рассматривается в одном параграфе с *советом*).

Отсутствие маркированности по признаку уверенность / неуверенность в праве побуждать (ср. маркированные *приказ, команда, требование, просьба*) и по признаку бенефактивность (ср. маркированные *совет, предостережение*) сближает *предложение* с *призывом*, для которого характерна, по нашему мнению, своего рода неконкретность, временная и персональная нелокализованность, *призыв* адресован как бы всем и каждому.

Výzva, призыв

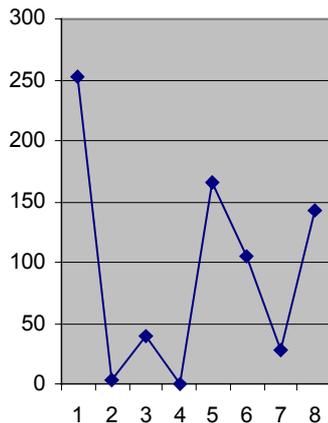
Иногда к релевантным условиям *призыва* относят также определенную степень его социальной или этической мотивированности – каузируемое действие осуществляется не непосредственно в интересах говорящего или адресата, а в интересах социума в целом: *Соблюдайте чистоту! Будьте взаимно вежливы!* (ср., например, [Mluvnické češtiny 1987: 343], [Flídrová 1980: 217], [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 313-314]), и тогда *призыв* оказывается, таким образом, тоже маркированным – по признаку бенефактивность. Гораздо чаще, однако, побуждение квалифицируется в тексте (письменном и устном) в качестве *призыва* тогда, когда автор не хочет конкретизировать, какой именно функциональный подтип побуждения имеется в виду, или же когда это не так уж и важно, ср.: *Наш призыв к читателям звонить и писать письма не остался без ответа. Звонят и пишут, высказывают пожелания и задают вопросы.* (газета ЭкстраМ, 1996, № 28 (215) 20 июля 1996). Р. А. Кулькова, описывая средства выражения побуждения в современном русском языке, отметив, что синтетические императивные формы 2 л. ед. и мн. числа выражают *приказ, просьбу, совет, пожелание, разрешение*, далее пишет о

«синтаксических способах сигнализации побуждительности», которые могут выражать, в частности, «**призыв** [выделено нами. – А. И.] к собеседнику принять участие в действии, осуществлением которого намерен заняться говорящий» [Рябова, Одинцова, Кулькова 1992: 156]. Очевидно, что инклюзивное побуждение, о котором идет речь, может быть и приказом, и просьбой, и требованием, ср. аналогичное употребление (в качестве общеродовых) терминов **призыв**, **призывная функция** в [Исаченко 1960: 491], [Виноградов 1972: 467], [Русская грамматика 1979: 193], [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 231]. В речепотреблении чешском подобное использование лексем *vůzva*, *vyzvat* – явление обычное, ср. некоторые примеры:

- *Posad'te se, pane nadporučíku, – vyzval ho Čadek, – hned tu bude útulněji.* (J. Procházka. Hon na lišku) ‘«Присаживайтесь, господин надпоручик, – **пригласил** [букв. **призвал**] его Чадек, – сейчас здесь станет уютнее.»’
- Vyzvala ostatní: – Pojd'te, lidi!* (J. Procházka. Vrah se skrývá v poli) ‘Она **позвала** [букв. **призвала**] остальных: «Идемте, люди!»’
- Zeman se tázavě obrátil na Hradce, ten ho však klidně vyzval: Můžeš říci všechno, Honzo. Soudruh Wilde už tady se mnou dlouho spolupracuje na tých úkolech.* (J. Procházka. Bílé linky) ‘Земан вопросительно посмотрел на Градца, но тот спокойно **сказал** [букв. **призвал**]: «Говори все, Гонза. Товарищ Вильде уже давно со мной здесь сотрудничает»’

Обозревая средства и способы экспликации побуждения рассматриваемых типов в современном чешском языке, следует отметить меньшую, по сравнению с многими другими типами побуждения, употребительность конструкций с синтетическим императивом и относительно высо-

кую нагруженность моделей, связанных с обращением к экспликации возможности и прежде всего к экспликации каузируемого действия, ср. следующую диаграмму, иллюстрирующую сравнительную употребительность средств и способов выражения побуждения рассматриваемых типов в текстах SYN2000:

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через экспликацию действия.
6. Побуждение через экспликацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через экспликацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

1.7. ИЛЛОКУТИВНО НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Как отмечается в специальных исследованиях, прототипическим вариантом директивного иллокутивного акта является акт побуждения с

обобщенной семантикой, не сводимой ни к одному из перформативных или иллокутивных глаголов типа *приказывать, просить, советовать...* [Бергельсон 1988: 22]. Иногда (и весьма нередко) возможность обращения к такому недифференцированному побуждению оказывается кстати, так как порой «даже говорящий может не иметь ясного представления о своих собственных намерениях» [Palmer 1982: 88]. Существует множество ситуаций, когда иллокутивную силу побудительного речевого акта однозначно представить вообще невозможно, ср.: *Если можете, то женитесь на Лизавете Николаевне, – заговорил вдруг Маврикий Николаевич, и что было всего любопытнее – никак нельзя было узнать по интонации голоса, что это такое: просьба, рекомендация, уступка или приказание.* (Ф. М. Достоевский. Бесы).

Часто подобная многозначность изначально замысливается говорящим. Так, герой ряда романов Вацлава Эрбена, ироничный и несколько склонный к эффектным сценам следователь Экснер с удовольствием пользуется возможностью одновременно выступать как бы сразу в двух ипостасях – (1) как светский молодой человек, предпочитающий *просить, советовать, предлагать*, и (2) как находящийся при исполнении своих служебных обязанностей следователь, который вправе рассчитывать на то, что его слова будут восприняты с должным пиететом. Экснер нередко обыгрывает эту двусмысленность своей социальной позиции, ср.:

<i>“Jenom maličkost,” mladý muž</i>	‘«И еще кое-что,» молодой человек
<i>rovněž vstal, “kdybyste považoval</i>	<i>тоже встал, «хорошо бы вам рас-</i>
<i>náš rozhovor za zcela</i>	<i>сматривать нашу беседу как довери-</i>
<i>důvěrný...” / “To je příkaz?”</i>	<i>тельную...» / «Это приказ?» спросил</i>
<i>zeptal se Hugo Bažant a svlékl bílý</i>	<i>Гуго Бажант, снимая белый ха-</i>
<i>plášť. / “Prosba.” / “Prosbu splnit</i>	<i>лат. / «Просьба.» / «Просьбу выпол-</i>
<i>můžu. Na shledanou, pane...</i>	<i>нить я могу. Всего хорошего, госпо-</i>

pane...” / Mladý muž se uklonil. дин... господин... / Молодой человек
“Exner. Michal Exner, kapitán.” поклонился. «Экснер. Михал Экснер,
 (V. Erben. Bláznova smrt) *капитан.»’*

Сознательная неточность в квалификации коммуникативной интенции говорящего является средством создания комического эффекта, ср.: «*Борщ сегодня, Борис Савельич, бефстроганов с пюре, если подождете, картофель поджарю, – она наклонилась к нему, – есть бутылочка коровьего*». / «*Поджарьте,*» – *величественно разрешил Борис* (А. Рыбаков. Дети Арбата; пример Е. А. Филатовой). Поскольку реплика-стимул (если подождете, картофель поджарю) является не *просьбой*, а *предложением*₁, реакцией на нее должно быть согласие / несогласие-благодарность, а не *разрешение*.

По нашему наблюдению, недифференцированность побуждения характерна для чешского речеупотребления в значительно бóльшей степени, чем для русского, что проявляется, в частности, в том, что в чешских текстах (письменных и устных), в отличие от текстов русских, в сообщениях об имевших место побудительных речевых актах либо в комментариях к цитируемому речевому акту наиболее употребительным интерпретирующим предикатом является именно *vyzvat* ≈ ‘призвать, побудить’.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ

1. Понятие *побудительного высказывания*, базирующееся на разработанном А.В. Бондарко понятии *императивной ситуации*, не совпадает с понятием *директивного речевого акта (директива)* в работах Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля и их последователей. С одной стороны, в число побудительных включаются также высказывания, несущие (с точки зрения классической теории речевых актов) признаки экспрессивов или комиссивов (например, *извинение* или *предложение*). С другой стороны, традиционно включаемые в число директивов вопросительные речевые акты (каузируется речевое действие агенса) рассматриваются в качестве побудительных лишь тогда, когда данное речевое действие эксплицитовано в самом высказывании, ср.: *Скажи, где ты его видел*. Высказывания же типа *Где ты его видел?* интерпретируются в качестве побудительных в той степени, в какой они являются функциональными эквивалентами высказываний типа *Скажи, где ты его видел*. Иначе говоря, в случае с ними речь идет об имплицитной некатегориальной императивности в концепции А.В. Бондарко.

2. Модификация предлагаемой Л.А. Бирюлиным и В.С. Храковским модели структуры содержания побудительного высказывания (прежде всего за счет введения в нее компонента *возможность*) позволяет совместить концепцию функционально-семантических полей А.В. Бондарко и классического понимания императивности (в рамках традиционного деления высказываний на повествовательные, вопросительные и побудительные) с исследованиями, выполненными в русле теории речевых актов. В итоге в качестве *побудительных* в диссертации рассматриваются высказывания, в которых говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фак-

том своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*.

3. Предлагаемая в диссертации модель структуры функционально-семантической категории императивности базируется на предлагаемой выше формуле следующим образом:

Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке рассматривается как конгломерат подкатегорий, вычленяемых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих категориальных ситуаций: **категориальная ситуация 1** – прескриптор побуждения равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим («побуждение второго лица»); **категориальная ситуация 2** – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим + говорящему («инклюзивное побуждение»); **категориальная ситуация 3**: прескриптор равен говорящему, агенс равен лицу / лицам, не являющимся ни говорящим, ни слушающим («побуждение третьего лица»).

Каждая их трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенциализованными в языке конструкциями, формирующими иллокутивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через экспликацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через экспликацию каузируемого действия или его последствий, экспликацию возможности или необходимости этого действия, экспликацию волеизъявления говоряще-

го, слушающего или иного лица / лиц). Образующие такое ядро конструкции должны быть регулярно употребительными и стилистически немаркированными. Между ядром и периферией лежит переходная зона (ближайшая периферия), образованная периферийными типами иллокутивно универсальных и иллокутивно специализированных конструкций. Центр подкатегории, выделяемой на основе *категориальной ситуации 1*, совпадает с центром всей функционально-семантической категории императивности. Иллокутивно специализированные побудительные высказывания образуются с помощью эксплицитных перформативных конструкций и их трансформаций, иллокутивно универсальные – с помощью конструкций с формами императива.

4. Семантико-прагматические подтипы побуждения представляют собой не дискретные объекты, а своего рода микрополя с ядром (когда данный подтип однозначно и непротиворечиво выражен определенной конвенциализованной в языке структурой) и более или менее размытой периферией (когда речь идет о всевозможных транспозиционных процессах и когда корректная интерпретация побуждения предполагает учет не только собственно языковых, но и иных факторов). В чешском языковом пространстве (как, по-видимому, в любом естественном языке) количество вариантов семантико-прагматического картирования поля императивности достаточно велико и едва ли поддается точному определению, так как разные носители языка могут членить это поле по-разному в зависимости от своей языковой компетенции и склада характера. Полевая природа категории императивности допускает различные варианты ее структурирования.

5. Традиционно выделяемые семантико-прагматические интерпретации побудительных высказываний в современном чешском языке представляется целесообразным сгруппировать следующим образом:

- интерпретации, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*, которые естественным образом распадаются на три группы в зависимости от того, что □ обуславливает эту высокую вероятность: условно **rozkaz** (‘приказ’) – высокая степень вероятности каузируемого действия обуславливается авторитарным положением говорящего, условно **dovolení** (‘разрешение’) – предполагается, что действие не осуществляется лишь потому, что существуют некие препятствия или ограничения, которые говорящий компетентен снять данным речевым актом; условно **instrukce** (‘инструкция’) – предполагается, что агент сам заинтересован в выполнении данного побуждения;
- интерпретации, маркированные по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*: условно **prosba** (‘просьба’);
- интерпретации, маркированные по признаку *индикация полезности для агента каузируемого действия / воздерживания от действия*: условно **rada** (‘совет’);
- интерпретации, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: условно **návrh** (‘предложение’).

Названные интерпретации представляют собой абстракции, способные распадаться на ряд более конкретных подтипов побуждения либо вычленять из себя подтип побуждения, маркированный по какому-либо специфическому признаку (например, **rozkaz** может развернуться в ряд **rozkaz, příkaz, příkázání, povel...**).

Между названными группами нет четких границ: **zákaz** (‘запрет’) соотносится и с **приказом**, и с **разрешением**; **rokyt** (‘указание’) как разновидность **приказа** может перерасти в **инструкцию** и т.д.

6. В чешской языковой картине мира **приказ** менее авторитарен, чем в русской, что связано с тем, что для носителя чешского языка в приказе на первый план выступает признак «высокая степень вероятности каузируемого действия», тогда как носителя русского языка – признак «высокая степень обязательности каузируемого действия» (именно поэтому **требование**, характеризующееся высокой степенью обязательности каузируемого действия для реципиента речи и низкой степенью вероятности этого действия в русской языковой картине мира сближается с **приказом**, а в чешской – с **просьбой**). Об этом косвенно может свидетельствовать и обычность сочетания ***nalévavý rozkaz*** в чешских лингвистических текстах. В русской же языковой картине мира сочетание ***настойчивый приказ** (калька с чешского, обычная в работах пишущих по-русски чехов) имеет, по нашему мнению, ярко выраженный оксиморонный характер – там, где у говорящего есть возможность *приказывать*, ему незачем *настаивать*. Если в русской языковой картине мира **приказ** концептуализируется как завершенное действие, в чешской он может пониматься и как растянутый во времени процесс. В качестве функциональной разновидности чешского приказа рассматривается также ***napomenutí*** [букв. ‘напоминание’], тогда как в русской языковой картине мира **напоминание** близко к **просьбе**.

7. Современный чешский язык структурирует «авторитарный» участок императивности (условно **приказ**) менее четко, чем современный русский. Хотя чешский язык, как и русский, располагает немалым количеством обозначающих «авторитарное» побуждение глаголов речевой каузации, эти глаголы (речь идет прежде всего о глаголах *přikázat / přikazovat, rozkázat / rozkazovat, nařídít / nařizovat, poručit / poroučet, nakázat / nakazovat*), как показывают контексты их употреблений, сино-

нимичны в гораздо большей степени, чем соответствующие русские глаголы.

Хотя чешский язык, как и русский, располагает глагольной видовой парой *objednat/objednávat* для обозначения **заказа**, он регулярно использует в составе интерпретирующего предиката для обозначения данного подтипа побуждения также и глаголы *poručit (si) / poroučet (si)*.

Чешское *příkázání* ‘заповедь’ мотивируется тем же глаголом *příkázat*, что и *příkaz*, вступая в силу этого с ним в очевидные ассоциативные связи, тогда как русская **заповедь** мотивируется глаголом *заповедать*, маркированным как явный церковнославянизм (обособлению русской **заповеди** способствуют соотносимые с ней по ряду параметров **наказ** и **повеление**, вычленяемые в русской языковой картине мира из общей массы «авторитарных» побудительных семантико-прагматических интерпретаций значительно более четко, чем функционально с ними соотносимые семантико-прагматические интерпретации чешские).

Характеризующиеся суженной сферой употребления чешские *повел* и *рокун* функционально соотносимы с русской **командой** и **указанием**.

Как и в русском языке, чешский *zákaz* ‘запрет’ выступает в качестве прохибитивного коррелята не только **приказа**, но и **разрешения**.

8. Семантико-прагматический подтип побуждения *dovolení* ‘разрешение’ не содержит, в отличие от большинства побудительных семантико-прагматических интерпретаций, семы необходимости каузируемого действия. Соотносимые с ним речевые акты типа *souhlas* ‘согласие’, *nesouhlas* ‘несогласие’, *námítka* ‘возражение’ лежат на периферии поля императивности.

9. «Инструктивные» побудительные высказывания обособляются от рассмотренных выше прежде всего тем, что не предполагают (хотя и не исключают) непосредственного контакта прескриптора и агенса. В чеш-

ском языке, как и в русском, следует различать *instrukce*₁ ‘предписание’, когда в качестве прескриптора выступает некая инстанция или лицо, облеченные полномочиями, и *instrukce*₂ ‘инструкция’, когда прескриптором является эксперт, определяющий оптимальную модель поведения агенса. Функциональной разновидностью *instrukce*₂ является *recept* ‘рецепт’.

10. Группу семантико-прагматических интерпретаций, маркированных по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*, образуют такие подтипы побуждения, как *prosba* ‘просьба’ (центральная семантико-прагматическая интерпретация данной подгруппы), *domluva* ‘убеждение’, *přemlouvání* ‘упрашивание’, *zapřísahání* ‘мольба’, *zaklinadlo* ‘заклинание’, *žádost* ‘требование’, *požadavek* ‘требование’, *naučení* ‘наставление, поучение’.

11. Группу семантико-прагматических интерпретаций, мотивированных по признаку *индикация полезности для агенса каузируемого действия / воздерживания от действия* образуют такие подтипы побуждения, как *rada* ‘совет’, *doporučení* ‘рекомендация’, *varování* ‘предостережение’, *výstraha* ‘предостережение’, *vyhrůžka* ‘угроза’, *vydírání* ‘шантаж’, *upozornění* ‘предупреждение’. В побудительных высказываниях рассматриваемого типа на передний план выступает понятие бенефактивности (пользы, полезности) каузируемого действия (воздерживания от некоего действия). Основными семантико-прагматическими интерпретациями данной группы являются *rada* ‘совет’ и *varování* ‘предостережение’, соотносимость которых в чешском языке, как и в русском, очевидна: *Varuji tě, abys tam chodil!* = *Neradím ti, abys tam chodil!* = *Radím ti, abys tam nechodil!*

В то время как в русском речепотреблении ситуация *рекомендации* отличается от ситуации *совета* прагматической пресуппозицией ‘гово-

рящий обладает профессиональной компетенцией’, в чешском различие между подтипами *rada* и *doporučení*, как показывают контексты, минимальны и сводятся к валентностным особенностям глаголов *radit* и *doporučovat*.

Русскому *предостережению* в чешском языковом пространстве соответствуют два подтипа побуждения: *varování* и *výstraha*. Обязательным элементом побудительного речевого акта, обозначаемого как *varování*, является экспликация каузируемого действия, а обязательным элементом другого – экспликация возможных негативных последствий альтернативного поведения. Если в качестве этих последствий подразумеваются какие-либо санкции говорящего по отношению к адресату, речь будет идти о речевом акте *vyhrůžka* ‘угроза’. Серьезность санкций может превратить данный речевой акт в *vydírání* ‘шантаж’. Отличие речевого акта *upozornění* ‘предупреждение’ от предостережения в том, что объектом бенефактивности в первом случае может быть не только адресат, но и сам говорящий.

Совет представляет по своей сути вторжение в личностную сферу собеседника: советующий навязывает свое мнение, принимая на себя ответственность за последствия своего совета (здесь *совет* способен смыкаться с *убеждением* и даже с *приказом*). Однако, как свидетельствуют контексты, это характерно для чешского речеупотребления в значительно меньшей степени, чем для русского (не случайно в пражской академической грамматике чешского языка *совет* рассматривается в одном параграфе с *предложением*). Тем самым чешский *совет* в целом оказывается менее настоятельным, чем русский.

12. Группу семантико-прагматических побудительных интерпретаций, не маркированных ни по одному из названных выше признаков, образуют такие побудительные высказывания, как *vůzva* ‘побуждение, при-

зыв’, *pozvání* ‘приглашение’, *nabídka* ‘предложение’, *návrh* ‘предложение’, *vybídnutí* ‘предложение’.

Чешский язык структурирует данных участок поля императивности более дробно, чем русский. Русскому *предложению* соответствуют три чешских несинонимичных подтипа побуждения: *návrh*, *vybídnutí*. В случае с подтипом *nabídka* говорящий не только каузирует действие адресата, но и берет на себя определенные обязательства – речь идет, таким образом, о гибридном речевом акте, совмещающем в себе признаки директива и комиссива. Речевой акт *vybídnutí* представляет собой каузацию действия в чистом виде, «простое побуждение», тогда как речевой акт *návrh* не исключает (хотя далеко не всегда содержит) коннотации ‘каузируемое действие может быть полезно для адресата’ (тем самым он может сближаться с *советом*).

К речевому акту *nabídka* близок речевой акт *pozvání* ‘приглашение’, характеризующийся пресуппозицией ‘говорящий правомочен обеспечить выполнение адресатом каузируемого действия’.

К релевантным условиям речевого акта *vůzva* ‘побуждение, призыв’ иногда относят определенную степень его социальной или этической мотивированности – каузируемое действие осуществляется не непосредственно в интересах говорящего или адресата, а в интересах социума в целом. Гораздо чаще, однако, побуждение квалифицируется в тексте как *vůzva* тогда, когда автор не хочет конкретизировать, какой именно функциональный подтип побуждения имеется в виду, или же когда это не так уж и важно. Весьма нередко возможность обращения к иллюкутивно недифференцированному побуждению оказывается весьма кстати, так как иногда даже сам говорящий может не иметь ясного представления о своих собственных намерениях.

Подобная иллокутивная неопределенность и неоднозначность побудительного высказывания, как показывают контексты, для современного чешского речеупотребления характерна в заметно большей степени, чем для русского. С этим связана существенно меньшая, чем в соотносительных в стилевом и стилистическом отношении русских текстах, употребительность иллокутивно специализированных побудительных высказываний, особенности употребления иллокутивных глаголов в интерпретирующем предикате, а также особенности просодического оформления чешских и русских конструкций с формами императива.

Глава 2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПОДКАТЕГОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИМПЕРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. БАЗОВЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОБУЖДЕНИЯ 2 ЛИЦА

В современном чешском языке, как и в современном русском, конструкции с формами синтетического императива 2 лица ед. и мн. числа выступают как основное средство выражения побуждения, обозначая наиболее характерную с прагматической точки зрения директивную ситуацию. Однотипность морфологической структуры и семантическая однородность данных форм позволила В. С. Храковскому считать побудительные высказывания с ними эталонными повелительными предложениями [Теория... 1990: 190]. Не будучи осложнены никакими дополнительными коннотациями, не сигнализируя ни о наличии, ни об отсутствии тех признаков, которые дифференцируют различные социально значимые разновидности побуждения (*приказ, совет, просьба* и т. д.), конструкции с синтетическими императивными формами наиболее универсальны, а потому и наиболее употребительны. Дифференциация же различных оттенков побуждения легко осуществляется с помощью соответствующего просодического оформления⁵⁵, а также лексико-синтаксических средств, которые сужают его коммуникативный потенциал, уточняя его иллоку-

⁵⁵ Так, «императивные высказывания до включения интонации содержат еще не выраженные эмоционально-смысловые отношения, т. е., согласно концепции А. В. Бондарко, обладают потенциальной, а не результативной функцией» [Брызгунова 1988: 29]. Тем не менее ситуации, когда соответствующее просодическое оформление домысливается са-

тивное предназначение. Как отмечает И. М. Кобозева, предложение *Ну прочтите же это письмо!* интерпретируется только как (повторная) просьба, мольба, но не предложение, совет или разрешение; *Прочтите, если хотите, это письмо* – предложение, но не просьба, совет или разрешение; *Так и быть, прочтите это письмо* – разрешение, но не совет, предложение или просьба; *Прочтите, разве что, это письмо* – совет, но не разрешение, предложение или просьба. В основе такого семантического эффекта лежит взаимодействие значения модального слова (частицы) с модальной рамкой конкретной разновидности побуждения, отбираются те, которые не противоречат значению модального слова (частицы) [Кобозева 1988: 64], ср. аналогичные чешские примеры: *Posad'te se! No tak se přece posad'te! Jen se posad'te. Tak se jen pěkně posad'te! Posad'te se laskavě. Klidně se posad'te* [Mluvnice češtiny, 1987].

Об употребительности тех или иных лексических единиц в составе рассматриваемых конструкций можно судить по их представленности в «Чешском национальном корпусе».

Поиск в SYN2000 по формуле [tag=".i.S...2.*"] дал 69 395 примеров употребления 3 982 словоформ, по формуле [tag=".i.P...2.*"] – 78 225 примеров употребления 4 630 словоформ.

Среди форм, которые программа Vonito определила как формы императива 2 лица ед. числа⁵⁶, около трети употреблено в текстах SYN2000

мим реципиентом, вполне обычны, ср. восприятие любого письменного текста, где интонация, как правило, не фиксируется.

⁵⁶ Следует иметь в виду, что автоматически сгенерированный программой Vonito список не учитывает возвратности/невозвратности глагола, так что, например, отмеченные 293 примера употребления формы *vrat'* в действительности включают в себя случаи употребления не только формы *vrat'*, но и формы *vrat' se*, ср.: *Pak to <vrat'> na pánev a opeč. <SYN2000 S|NOV|1995|vrazlek>; <Vrat'> se už konečně z toho zatraceného Řecká! <SYN2000 S|NOV|1996|pecel>*.

более 4 раз (серым выделены формы, интерпретированные в качестве императива ошибочно⁵⁷):

viz – 8078 *употреблений*; *srov* – 1550; *dej* – 1524; *pojd'* – 1497; **top** – 1291; **der** – 1290; *řekni* – 1120; *nech* – 1114; *jdi* – 1081; *počkej* – 1000; *podívej* – 943; *riskuj* – 803; *starej* – 662; **hloubi** – 658; *bud'* – 642; *stůj* – 632; *ber* – 570; **tel** – 567; *pal* – 542; *neboj* – 541; *srovnej* – 529; *nedej* – 502; *promiň* – 471; *běž* – 436; *čti* – 388; *vezmi* – 369; *neváhej* – 351; *dělej* – 347; *poslyš* – 346; *poslouchej* – 336; *rozuměj* – 335; *ukaz* – 332; *nedělej* – 327; *zkus* – 327; *vol* – 325; **děl** – 323; *udělej* – 317; *neříkej* – 309; *toč* – 307; *otevři* – 302; *drž* – 300; *věř* – 297; *vrať* – 293; *koukej* – 293; *odpusť* – 287; *nebud'* – 287; *měj* – 285; *napiš* – 266; *přijď* – 259; *raf* – 258; *nezlob* – 257; *přestaň* – 240; *zaplať* – 240; *nezapomeň* – 239; *pověz* – 236; *pust'* – 218; **hol** – 215; *pamatuj* – 214; *mlč* – 212; *zůstaň* – 206; *nechod'* – 198; *sedni* – 191; *pomoz* – 191; **luč** – 184; **praž** – 183; *nemysli* – 179; *chraň* – 176; **vel** – 174; *miluj* – 174; *hled'* – 173; *hádej* – 169; *dávej* – 168; *odpověz* – 167; *vypadni* – 164; *zavolej* – 162; *chtěj* – 159; *povídej* – 157; *spi* – 150; *jed'* – 149; *probud'* – 148; *zeptej* – 147; **skup** – 145; *vzpomeň* – 145; *dovol* – 143; **haš** – 143; *dívej* – 143; *piš* – 138; *zapomeň* – 138; *padni* – 134; *vstaň* – 134; **černej** – 131; *zavři* – 125; **těžkej** – 124; *táhni* – 121; *hrej* – 117; *haj* – 115; *přečti* – 115; *posad'* – 114; *uklidni* – 112; *hledej* – 110; *koukni* – 110; *smiluj* – 109; **voz** – 107; *snaž* – 107; *šeptej* – 104; *has* – 103; *slyš* – 102; *neplač* – 101; *neblbni* – 101; **raz** – 101; *zachraň* – 100; *hod'* –

⁵⁷ Выделение серым отсутствует, если хотя бы часть обнаруженных программой Bonito словоформ определена в качестве форм императива корректно, ср.:

6367: <doc S|NOV|1988|poprav> " Tak mi je <предlož> . "

47879: <doc S|ADM|1998|besidka> Rada fond má právo na to , aby schvalovala všechny finanční transakce , aby jí byly <предlož> e ny . . .

48745: <doc S|PUB|1996|bv-3> Urči 50 takových rostlin , <предlož> re-
cepty na vaření u 10 z nich a z 5 skutečně připrav pokrm .

56416: <doc S|PUB|1994|refl9410> Sloven . <предlož> .

100; *neber* – 99; **zlej** – 99; *najdi* – 98; *vítej* – 96; *neptej* – 92; *sbal* – 92; *zpívej* – 91; *vyber* – 90; *nechtěj* – 88; *říkej* – 87; *uč* – 84; *přijed'* – 84; *poslechni* – 84; *pozdravuj* – 83; *připrav* – 82; *služ* – 81; *čekej* – 78; *poznej* – 78; *čaruj* – 78; *pohled'* – 78; *neblázni* – 77; *vejdi* – 77; *nes* – 75; *začni* – 74; **druž** – 73; *neměj* – 72; **klap** – 71; *vysvětli* – 69; *nevěř* – 69; *žij* – 68; **smluv** – 68; *chyt'* – 68; *hraj* – 68; *nezapomínej* – 67; *nič* – 66; *pokračuj* – 66; *přeber* – 66; *zmiz* – 66; *staň* – 66; *ved'* – 64; *vstávej* – 64; *přijmi* – 63; *vyřid'* – 63; *nekecej* – 62; **nahlas** – 62; *odejdi* – 62; *utíkej* – 62; *ozvi* – 61; *uvědom* – 61; *zahraj* – 61; *spas* – 61; *pospěš* – 61; *skoč* – 60; *žehnej* – 60; **pil** – 59; **zař** – 58; *pečet'* – 58; *měř* – 57; **fas** – 57; *schovej* – 57; *nauč* – 57; *všimni* – 57; *věz* – 56; *seber* – 56; *otoč* – 54; *vydrž* – 53; *přidej* – 53; *leť* – 53; *pujč* – 53; *pracuj* – 52; *sežeň* – 52; *příznej* – 51; *trp* – 51; *modli* – 51; *nedívej* – 50; *polib* – 50; *netrap* – 50; *sed'* – 50; *zvedni* – 49; *učiň* – 49; *kaž* – 49; *ochraňuj* – 49; *neopouštěj* – 47; *obrat'* – 47; *přemýšlej* – 47; *nepovídej* – 47; *zelenej* – 47; *sleduj* – 45; *podrž* – 45; **poj** – 45; *rozděl* – 45; *nestarej* – 44; *neplet'* – 44; *lez* – 44; *sni* – 44; *nechej* – 44; *nečekej* – 44; **ruš** – 43; *hoř* – 43; *napij* – 43; *lehni* – 43; *polož* – 43; *vzpamatuj* – 42; *zachovej* – 42; *dožeň* – 42; *jednej* – 41; *chod'* – 41; *zbav* – 41; *nediv* – 41; *hlídej* – 41; *vyprávěj* – 41; *uteč* – 40; *přej* – 40; *prostři* – 40; *nelži* – 40; *zab* – 40; *nebreč* – 40; *nesměj* – 40; **množ** – 39; *pij* – 39; **línej** – 38; *sud'* – 38; *opakuj* – 38; *pomáhej* – 38; **vez** – 38; *vykašli* – 37; *nekoukej* – 37; *vzbud'* – 37; *panuj* – 37; **korej** – 37; *přepni* – 37; *nesnaž* – 36; *nekřič* – 36; *rozmysli* – 36; *rci* – 36; **oder** – 36; *uhni* – 36; *přived'* – 36; *nelez* – 36; *hrab* – 35; *pomysli* – 35; *nalej* – 34; *bav* – 34; *považ* – 34; *neodcházej* – 33; *sundej* – 33; *naval* – 33; *chovej* – 33; *postarej* – 33; *šetři* – 33; **dvoj** – 33; *oroduj* – 33; *přisahej* – 32; *nevšímej* – 32; *pohni* – 32; *nerozčiluj* – 31; *nehledej* – 31; *vyjdi* – 31; *nedívej* – 31; *kaj* – 31; *patři* – 31; **lepši** – 31; *přines* – 31; *nehraj* – 31; *uvažuj* – 31; **neuměj** – 30; *usměj* – 30; *zamkni* – 30; *zabij* – 30; **laj** – 30; *popiš* – 30; *nepokoušej* – 30;

opatruj – 30; nenech – 30; uznej – 30; spolehni – 30; **vlastni** – 30; přístup – 30; popros – 29; strč – 29; vař – 29; obleč – 29; uvaž – 29; **lap** – 29; ohlédni – 29; **modrej** – 29; zařid' – 29; **hotov** – 28; důvěřuj – 28; pojed' – 28; **stanov** – 28; **sil** – 28; nevracej – 28; odpočiň – 28; taž – 27; nežvaň – 27; vypij – 27; vypni – 27; bojuj – 27; zazpívej – 27; směj – 27; vsad' – 27; natáhni – 27; opři – 27; porad' – 27; pomni – 27; zahod' – 27; **větši** – 26; užij – 26; **buč** – 26; vyskoč – 26; potěš – 26; bij – 26; vypravuj – 26; **uměj** – 26; zjistí – 26; střílej – 25; svěř – 25; odpočívej – 25; nakresli – 25; vyser – 25; vyspi – 25; **slav** – 25; nevykládej – 25; dojdi – 25; vlož – 25; počítej – 25; **osec** – 25; uchovej – 25; vydej – 24; ptej – 24; syč – 24; hejbni – 24; prchni – 24; zhasni – 24; zapni – 24; uved' – 24; mávej – 24; chápej – 24; urči – 24; trhej – 24; zvi – 24; nezačinej – 24; urvi – 24; následuj – 23; dus – 23; **červenej** – 23; **sviň** – 23; mni – 23; sněž – 23; sáhni – 23; nespěchej – 23; plav – 23; neser – 23; vzdej – 22; zavírej – 22; peč – 22; spust' – 22; neřvi – 22; nepočítej – 22; čiň – 22; rad' – 22; pokrč – 22; **části** – 22; odlož – 22; nelituj – 22; ulož – 22; nepouštěj – 22; odhod' – 21; porovnej – 21; znič – 21; nedovol – 21; **civ** – 21; sviť – 21; připomeň – 21; nenut' – 21; usmívej – 21; udržuj – 21; pískej – 21; trhni – 21; obejmi – 21; zemři – 21; nezdržuj – 21; nepij – 21; straš – 21; vynech – 21; vyslov – 21; povol – 20; uvolni – 20; nejezdi – 20; zapamatuj – 20; padej – 20; nestůj – 20; těš – 20; nezoufej – 20; vzpomínej – 20; **žlutej** – 20; dopřej – 20; **vyš** – 20; **přísluš** – 20; nepřeháněj – 20; **zdrav** – 20; spinkej – 19; chcípni – 19; použij – 19; prašť – 19; dokaž – 19; oprav – 19; chop – 19; **chul** – 19; střež – 19; zamysli – 19; nepiš – 19; rozhlédni – 19; změň – 19; polez – 19; líbej – 19; umyj – 19; lámej – 19; **prav** – 18; válej – 18; vyhýbej – 18; zkoušej – 18; uhod' – 18; vytáhni – 18; požádej – 18; nedopust' – 18; udeř – 18; vraž – 18; styd' – 18; nezkoušej – 18; mrkni – 18; opovaž – 18; **ober** – 18; neutíkej – 18; vymysli – 18; neobtěžuj – 18; posluž – 18; rozvaž – 18; **znač** – 18; pozvi – 17; vyzkoušej – 17; vylez – 17; nenechávej – 17; vyliž – 17; **cpi** – 17; požehnej – 17; za-

pal – 17; nehýbej – 17; **tas** – 17; skloň – 17; užívej – 17; nenamáhej – 17; vlez – 17; spočítej – 16; netvař – 16; daruj – 16; zadrž – 16; propust' – 16; slituj – 16; odved' – 16; doplň – 16; vyslyš – 16; plač – 16; rač – 16; neřež – 16; vyhod' – 16; věnuj – 16; slož – 16; vodpusť – 16; naděj – 16; **večeř** – 16; kopni – 16; nepospíchej – 16; nelekej – 16; nečiň – 16; zabal – 15; zapiš – 15; zdař – 15; bdi – 15; nehled' – 15; ukřižuj – 15; mrdej – 15; nesahej – 15; spěchej – 15; ověř – 15; soustřed' – 15; nebav – 15; nefňukej – 15; nebol – 15; umři – 15; nestyd' – 15; nehas – 15; podepiš – 15; cvič – 15; **mať** – 15; nepřestávej – 15; mazej – 15; využij – 15; nelam – 15; sděl – 15; netrestej – 15; neposlouchej – 15; prohlédni – 15; nespí – 15; tanči – 15; spěj – 15; natoč – 14; zajed' – 14; označ – 14; nabídni – 14; zboř – 14; přilož – 14; oblékni – 14; **baj** – 14; zajdi – 14; braň – 14; provázej – 14; **kameň** – 14; řid' – 14; važ – 14; prozrad' – 14; neohlížej – 14; **spoř** – 14; naslouchej – 14; **skol** – 14; **vítěz** – 14; zpomal – 14; češ – 14; zasad' – 14; ochutnej – 14; dotkni – 14; plat' – 14; svlékni – 14; smiř – 14; **klič** – 14; neotvírej – 14; pozoruj – 14; pouštěj – 13; chytej – 13; spoutej – 13; vystup – 13; zdvihni – 13; nedotýkej – 13; **suš** – 13; neopovažuj – 13; neodkládej – 13; vysvobod' – 13; **pač** – 13; nepochybuje – 13; raduj – 13; uklid' – 13; poděkuj – 13; hul – 13; lej – 13; nasad' – 13; zhas – 13; povšimni – 13; tancuj – 13; **omam** – 13; klid' – 13; nerozlučuj – 13; postůj – 13; tvař – 13; pohlad' – 13; nabal – 13; vybav – 13; nehněvej – 13; roluj – 12; klekni – 12; sázej – 12; **zděs** – 12; odvolej – 12; přicházej – 12; posud' – 12; namaluj – 12; vyznej – 12; **bac** – 12; odjed' – 12; nestraš – 12; **dmi** – 12; odvaž – 12; dýchej – 12; vracej – 12; uvař – 12; předved' – 12; vyžeň – 12; vyslechni – 12; obuj – 12; dbej – 12; nakloň – 12; vzchop – 12; **sdruž** – 12; vyhledej – 12; nevolej – 12; přesvědč – 12; ztrat' – 12; přejdi – 12; nevzdávej – 12; vyndej – 12; utři – 12; **nader** – 12; pluj – 12; vyuč – 12; zatanči – 11; vybírej – 11; chytňi – 11; nečum – 11; zkoumej – 11; **pruž** – 11; děkuj – 11; snášej – 11; neruš – 11; naplň – 11; odstraň – 11; **cil** – 11; **dober** – 11; nastup – 11; nepřipomínej – 11;

hajej – 11; makej – 11; nenadávej – 11; nepřerušuj – 11; posvěť – 11; nekaž – 11; **pul** – 11; saj – 11; sej – 11; natři – 11; neřeš – 11; stiskni – 11; **znam** – 11; znej – 11; nehni – 11; zopakuj – 11; posečkej – 11; používej – 11; navštiv – 11; **rovnej** – 11; nehřeš – 11; pomodli – 11; **neper** – 11; **šoulej** – 11; čum – 11; nekuř – 11; zmáčkni – 11; shoř – 11; žer – 10; poruč – 10; varuj – 10; zkontroluj – 10; **neděl** – 10; **krop** – 10; očekávej – 10; neděs – 10; nenaříkej – 10; **odsud** – 10; usiluj – 10; **horši** – 10; nemrač – 10; nechval – 10; **cli** – 10; neubližuj – 10; nevstávej – 10; nekupuj – 10; prober – 10; prověřuj – 10; vylož – 10; tuž – 10; nešahej – 10; ponech – 10; postupuj – 10; **tesař** – 10; **mraz** – 10; pyšni – 10; **hlub** – 10; brnkni – 10; pouč – 10; přijdi – 10; dopomáhej – 10; sklapni – 10; dobývej – 10; rvi – 10; smaž – 10; napověz – 10; **vab** – 10; jezdi – 10; ustup – 10; přeskoč – 10; změř – 10; opust' – 10; **věsti** – 10; nejez – 10; **nemam** – 10; odejmi – 10; ujisti – 10; oslov – 10; nadechni – 10; ožeň – 10; krot' – 10; pospíchej – 10; pomiluj – 10; svlékni – 10; vyplň – 9; vyjádři – 9; rozved' – 9; tlač – 9; najež – 9; nečti – 9; předkloň – 9; uprav – 9; **zprav** – 9; zavaž – 9; vyhraj – 9; dočkej – 9; svleč – 9; vyhni – 9; utiš – 9; nenič – 9; **bil** – 9; usedni – 9; nepři – 9; zahrej – 9; zřekni – 9; bliž – 9; hni – 9; posvit' – 9; poběž – 9; neurážej – 9; házej – 9; přitahuj – 9; maluj – 9; ovládej – 9; dodržuj – 9; doprovod' – 9; **stop** – 9; šlapej – 9; neotravuj – 9; vychutnej – 9; **nechutnej** – 9; zuj – 9; **domaž** – 9; kuř – 9; sejmi – 9; utáhni – 9; nevyslovuj – 9; konej – 9; zabíjej – 9; nenos – 9; neuved' – 9; dopověz – 9; podrob – 9; přenes – 9; zajisti – 9; nerouhej – 9; upaluj – 9; hlásej – 9; potrestej – 9; netahej – 9; **neuper** – 8; rozpust' – 8; skryj – 8; neseď – 8; obsyp – 8; stříkej – 8; nestřílej – 8; **chrasti** – 8; zaber – 8; hoň – 8; nandej – 8; zvěstuj – 8; **tiš** – 8; zaved' – 8; **mizej** – 8; **těž** – 8; **ječ** – 8; neposer – 8; jmenuj – 8; spolkní – 8; poříd' – 8; zazvoň – 8; nasedni – 8; **schul** – 8; doved' – 8; **kos** – 8; sper – 8; vzkaž – 8; **chyběj** – 8; **menši** – 8; vyklop – 8; nešetři – 8; rozluč – 8; žádej – 8; **zahranic** – 8; založ – 8; netěš – 8; obětuj – 8; **valaš** – 8; zaměř – 8; rozdávej – 8; stoupni – 8; nenamlouvej – 8; nepřej – 8; neztrácej – 8; vytvoř – 8; křič – 8;

8; nenamlouvej – 8; nepřej – 8; neztrácej – 8; vytvoř – 8; křič – 8; nermuť – 8; ulev – 8; opal – 8; neplakej – 8; umej – 8; podnes – 8; rozsviť – 8; menš – 8; krácej – 8; vrhni – 8; zaparkuj – 8; kousni – 8; neházej – 8; šlápni – 8; ohlas – 8; neval – 8; zabezpeč – 7; kušuj – 7; nesváděj – 7; moř – 7; ruč – 7; živ – 7; nezačni – 7; štíhlej – 7; uspoř – 7; uvěř – 7; zvolěj – 7; přesuň – 7; zasměj – 7; nadstav – 7; zanech – 7; škrtni – 7; ulehni – 7; proved' – 7; zvedej – 7; kryj – 7; nepodceňuj – 7; popadni – 7; napni – 7; pověs – 7; ukazuj – 7; vypal – 7; odpovídej – 7; vyčisti – 7; utrhni – 7; stáhni – 7; rozbij – 7; útoč – 7; dohlédni – 7; nesud' – 7; splň – 7; popřej – 7; hov – 7; tenčí – 7; zhyň – 7; považuj – 7; slez – 7; uháněj – 7; ukradni – 7; vykládej – 7; nehádej – 7; nenapínej – 7; chystej – 7; projdi – 7; zažeň – 7; neděkuj – 7; nevaž – 7; odevzdej – 7; nevymlouvej – 7; neposílej – 7; posiluj – 7; neschovávej – 7; vytrvej – 7; opatři – 7; dones – 7; foukej – 7; proper – 7; namysli – 7; seder – 7; neobávej – 7; vrč – 7; ušetři – 7; upozorni – 7; předej – 7; charakterizuj – 7; sehni – 7; připiš – 7; přelož – 7; sejdi – 7; ujmi – 7; pohlédni – 7; polej – 7; podporuj – 7; přivez – 7; hlad' – 7; skonči – 7; nekup – 7; nemel – 7; lož – 7; zastrč – 7; nevotravuj – 7; naber – 7; miř – 7; nevytahuj – 7; posil – 7; dostaň – 7; netas – 7; poznávej – 7; kupuj – 7; vztáhni – 7; bydli – 7; nevymýšlej – 6; nesedej – 6; odcházej – 6; přehod' – 6; zasviť – 6; plivni – 6; vykrákej – 6; přitiskni – 6; připomínej – 6; vládni – 6; nespoléhej – 6; učeš – 6; spoléhej – 6; překroč – 6; vyjmi – 6; nezapírej – 6; brzdi – 6; nežeň – 6; otácej – 6; posuň – 6; nevzpomínej – 6; vstrč – 6; neodpovídej – 6; ustroj – 6; všímej – 6; vzmuž – 6; jisti – 6; přenech – 6; nepřibližuj – 6; poklekni – 6; papej – 6; vytrí – 6; očisti – 6; zkrat' – 6; slep – 6; nevyčítej – 6; koj – 6; krm – 6; přestěhuj – 6; obstaruj – 6; namaž – 6; zalévej – 6; nabízej – 6; dolej – 6; rdi – 6; promysli – 6; vydechni – 6; uzdrav – 6; osvědč – 6; skákej – 6; uber – 6; sportuj – 6; obdivuj – 6; vyráběj – 6; vod' – 6; prohlídni – 6; nebraň – 6; uchraň – 6; dopij – 6; píchej – 6; poleť – 6; proměň – 6; píchni – 6; doufej – 6; třpyť – 6; štěkni – 6; mži – 6; neu-

kvapuj – 6; nedbej – 6; přimluv – 6; zeb – 6; liš – 6; utrať – 6; vysvlíkni – 6; sedávej – 6; kamenuj – 6; nehlopni – 6; páči – 6; maž – 6; přitáhni – 6; rozpomeň – 6; vdej – 6; poskytni – 6; kresli – 6; zařad' – 6; kopej – 6; zvykej – 6; beč – 6; vystrč – 6; zacházej – 6; přitlač – 6; mrač – 6; zapři – 6; pofoukej – 6; dadej – 6; nacpi – 6; přivoň – 6; vyved' – 6; tykej – 6; nepohrdej – 6; nevez – 5; nesvlíkej – 5; vyskeř – 5; nezůstávej – 5; získej – 5; navrat' – 5; nahni – 5; klof – 5; nařid' – 5; dohlídni – 5; zemni – 5; neodvracej – 5; nedovolej – 5; rozevři – 5; roztrhni – 5; nakup – 5; neočekávej – 5; osvobod' – 5; nevysvětluj – 5; vydělej – 5; popři – 5; oblékej – 5; nezabíjej – 5; nežádej – 5; nežer – 5; bouchni – 5; rozšiř – 5; neztrat' – 5; ztiš – 5; řeš – 5; narovnej – 5; sežer – 5; vypust' – 5; představuj – 5; nemuč – 5; hejbej – 5; buduj – 5; vykuř – 5; vyplat' – 5; ukonči – 5; rozbal – 5; neudělej – 5; řvi – 5; zasedni – 5; dýchni – 5; rozdej – 5; neměň – 5; vyjmenuj – 5; nevyhrožuj – 5; nevydej – 5; shlédni – 5; působ – 5; neprovokuj – 5; navlékni – 5; tluč – 5; usekni – 5; zvaž – 5; neposmívej – 5; nestrachuj – 5; lpi – 5; snes – 5; odklid' – 5; zatni – 5; přikryj – 5; uřízni – 5; převleč – 5; strkej – 5; zachovávej – 5; neotáčej – 5; napomoz – 5; pomaluj – 5; zameť – 5; neuč – 5; navrhni – 5; odepiš – 5; nahrad' – 5; nalož – 5; uchop – 5; pohybuje – 5; neukazuj – 5; tni – 5; přátel – 5; neviň – 5; vij – 5; ohřej – 5; končí – 5; vyměň – 5; žasni – 5; nechovej – 5; soupeř – 5; uhas – 5; dupej – 5; doporuč – 5; bratři – 5; zmrz – 5; nehrej – 5; neraduj – 5; příslib – 5; nevod' – 5; polam – 5; vytoč – 5; nevěš – 5; přidrž – 5; vraždi – 5; nahlédni – 5; nepatři – 5; nezpívej – 5; nepal – 5; nepředstavuj – 5; předlož – 5; nevyptávej – 5; usad' – 5; žihli – 5; vdechni – 5; dopomoz – 5; trvej – 5; poser – 5; utec – 5; posti – 5; vybal – 5; odmítني – 5; přesvědči – 5.

Естественно, не все из обнаруженных программой словоформы действительно являются формами императива. Например, лишь 662 обнаруженных программой примеров употребления словоформы *starej* о форме императива (*starej se*) речь идет лишь в 24 случаях, из 103 примеров

употребления словоформы *has* – лишь в 2 случаях, из 47 примеров употребления словоформы *zelenej* – в единственном случае.

В качестве формы императива программа Bonito может определить, например, форму 3 лица мн. числа индикатива (ниже пример 1), прилагательного (пример 2), 1-причастия (пример 3), существительного (пример 4), сокращенное слово (пример 5), аббревиатуру (пример 6), имя, фамилию либо их фрагмент (примеры 7, 8), фрагмент слова, разорванного переносом (пример 9), слово из иноязычной цитаты (примеры 10-15), ошибочно написанное слово (пример 16), ср.:

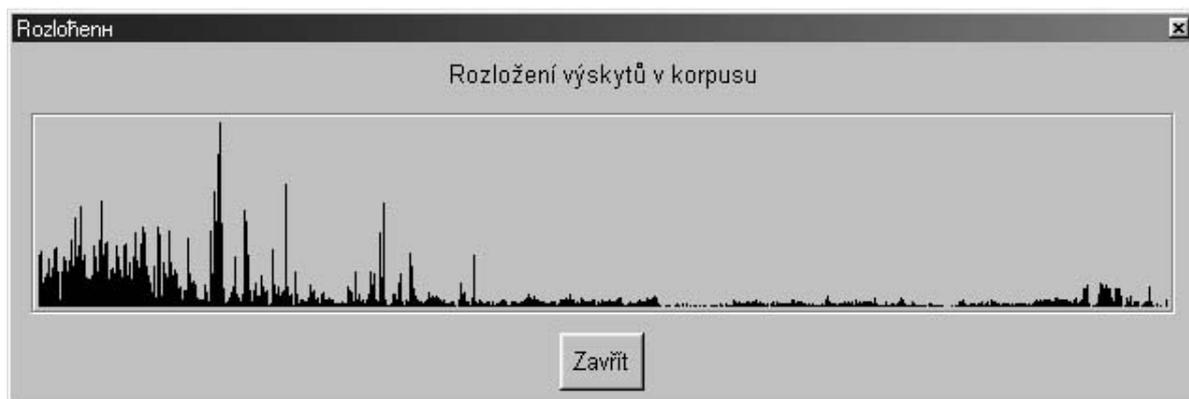
1. Prosím tě , kam jsi zmizela , oni už <chtěj> jet . <SYN2000 S|NOV|1991|kap>
2. " Nebud'te tak <zlej> na paní matku . " <SYN2000 S|NOV|1995|vrazlek>
3. Den už taky pomalu a jistě <has> . <SYN2000 S|NOV|1994|top4>
4. Pokud půjde o splnutí , může podle Třetí směrnice plán fúze obsahovat i zřizovací akt nebo návrh zřizovacího aktu a stanovy nebo návrh <stanov> nové společnosti . <SYN2000 S|SCI|1999|aop299>
5. Pro 6 / 9 a 9 / 12 , univ . hledáček 75 / 360 , zaostřovací <zař> . pro obj . <SYN2000 S|POP|1998|fotogr98>
6. Technologie , která má propojit BSDI Unix a Linux , se nazývá <LAP> (Linux Application Platform) . <SYN2000 S|PUB|1999|cw99>
7. Sudí <Ruš> v písemném vyjádření mimo jiné říká : " Toto nařčení a obvinění tvrdě odmítám . <SYN2000 S|PUB|1993|mf930714>
8. Chlápek , který to vyhrál - pochopitelně měl počítačlo - se jmenoval Čan <Kaj> Kit . <SYN2000 S|NOV|1996|matskol>
9. Jako jediná tehdy porazila kompletní německé <druž> - stvo . <SYN2000 S|PUB|1992|mf920221>
10. Pourquoi le <vol> de corbeaux qui t ' entoure <SYN2000 S|VER|1997|napravni>

11. Scurrilitates vem <vel> verba otiosa et risum moventia aeterna clausura in omnibus locis damnamus , et at ad talia eloquia discipulum aperire os non permittitur . <SYN2000 S|NOV|1988|eco>
12. Ah , what demon <has> tempted me here ? <SYN2000 S|NOV|1992|ing>
13. <Ved'> som zdravý ! <SYN2000 S|NOV|1993|svet>
14. Bier <oder> Wein ? <SYN2000 S|NOV|1989|adelheid>
15. Volga , Volga , <mat'> radnája , " odpověděl a vybral bílými rukavicemi zatáčku v křižovatce . <SYN2000 S|COL|1996|hovory>
16. Marsilius měl však <lepší> nápad : vyslat s Michalem císařského legáta , který by papeži předložil názor stoupenců císaře . <SYN2000 S|NOV|1988|eco>

Тем не менее, как показывает визуальный контроль контекстов, в абсолютном большинстве случаев императивные формы определены программой корректно.

Как видно из приводимых ниже диаграмм, конструкции с синтетическим императивом 2-го лица встречаются во всех типах представленных в SYN2000 текстов, при этом, впрочем, употребление форм единственного числа более характерно для беллетристики (крайне левая область диаграммы), в форм множественного числа – для специальной литературы (левая область диаграммы ближе к центру), ср.:

Формы единственного числа (SYN2000):

Формы множественного числа (SYN2000):

В современном чешском речепотреблении, как и в современном русском, имеют место случаи, когда императивные формы 2 лица ед. и мн. числа некоторых глаголов, находясь в начале высказывания, частично утрачивают своё лексическое значение и начинают функционировать как своего рода сигнал, предваряющий особо важную, по мнению говорящего, информацию⁵⁸. В чешском языке, по наблюдению авторов [Mluvnice češtiny 1987: 335-336], это касается прежде всего императивных форм глаголов *představit si* ‘представить, вообразить себе’, *poslouchat* ‘слушать, подслушивать; слушаться’, *počkat* ‘подождать’, *podívat se* ‘посмотреть, поглядеть, взглянуть’, *koukat* ‘смотреть, глядеть, заглядываться; обращать внимание, выглядывать’, *ukázat* ‘указать, показать’, ср.: *Představ si, rozrthal ho na kusy* ‘Представь себе, он разорвал его на куски’; *Poslyšte, a kdo vy vlastně jste?* ‘Слушайте [букв. послушайте], а кто вы, собственно, такой?’; *Poslechni, kdo je ti milejší?* ‘Слушай [букв. послушай], кто тебе всех милее?’; *Počkej, kape to na koberec!* ‘Подожди, капает на ковёр’;

⁵⁸ Тем самым императив функционально сближается с вокативом, так что императив и вокатив могут рассматриваться вместе, ср. формулировку названия исследования *Syntaktická charakteristika imperativu a vokativu v českých výzvoových větách* ‘Синтаксическая

Podívejte, jděte pěkně domů ‘Слушайте [букв. посмотрите], идите-ка вы домой’; *Koukni, loupežníku, nedělej drahoty* ‘Слушай [букв. посмотри], разбойник, не ломайся’; *Ukaž, pověsíme ten obraz sem!* ‘Слушай [букв. покажи], картину мы повесим сюда!’ и т. д.

Подобное «сигнальное» использование императивных форм названных глаголов в чешском речепотреблении весьма распространено. Так, рассказ К. Чапека *Případ doktora Mežlíka* начинается такой конструкцией, а всего на неполных пяти страницах рассказа мы обнаруживаем семь (!) подобных примеров (1–7), ср.:

(1) „**Poslyšte**, pane Dastychu,“ řekl zamyšlený policejní úředník dr. Mežlík starému kouzelníkovi, „já k vám vlastně jdu na poradu“.

(2) „Čím víc na to myslím, tím míň do toho vidím. **Poslouchejte**, člověk by se z toho zbláznil“.

(3) „**Počkejte**, já vám to povím po pořádku“.

(4) „**Poslouchejte**, v takovém počasí necourá člověk jen tak náhodou po ulicích“.

(5) „Tak **počkejte**: Když si to tak šlapu, jde proti nám nějaký člověk“.

(6) „**Koukněte se**, to byl můj první větší případ; <...>“.

(7) „Ale když si probírám ten případ, tak vidím, že — **Poslouchejte**,“ vyhrkl s úlevou, „já myslím, že to byla jen šťastná náhoda“.

Поиск в текстах SYN2000 названных словоформ дал следующие результаты:

	ед. число	мн. число
<i>koukej/koukejte</i>	293	134
<i>koukni/koukněte</i>	110	101

характеристика императива и вокатива в чешских побудительных высказываниях? [Svobodová 1987].

<i>počkej/počkejte</i>	1000	676
<i>podívej/podívejte</i>	943	1513
<i>poslouchej/poslouchejte</i>	335	336
<i>poslyš/poslyšte</i>	346	400
<i>představ⁵⁹/představte</i>	320	873
<i>ukaž/ukážete</i>	332	279

Поскольку чешский принадлежит к языкам, в истории которых близость форм дейктического оптатива и императива привела к их совпадению, нередко трудно провести границу между выраженным императивной конструкцией директивным и недирективным волеизъявлением, ср. близкие речевые акты *разрешения* и *согласия*. Для выражения директивного и недирективного волеизъявления может использоваться одна и та же словоформа, ср. приводимые авторами [Mluvnice češtiny 1987: 337] примеры *Vrat' se!* 'Вернись!' (приказ) и *Šťastně se vrat'!* 'Счастливого возвращения!' (пожелание). Исходя из концепции А.В. Бондарко и его понимания императивности и оптативности [Теория...1990: 72-89], мы рассматриваем примеры типа *Brzy se uzdrav!* 'Выздоровливай поскорее!' как случаи, когда языковое значение императивности выступает как способ представления смысла оптативности.

⁵⁹ В абсолютном большинстве случаев данное сочетание графем (*Představ/představ*) в текстах SYN2000 представляет собой форму род. падежа мн. числа довольно употребительного (особенно в публицистических и специальных текстах) существительного *představa* 'представление'. В результате автоматически размеченными в качестве формы существительного оказались все представленные в текстах SYN2000 подобные сочетания и программа Bonito не обнаружила в подкорпусе SYN2000 ни одной императивной формы 2 лица ед. ч. глагола *představit si*. Тем не менее визуальная проверка 2601 контекста употребления сочетания графем *Představ/představ* показал, что в 320 случаях речь идет все же об императивной форме.

2.2. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОГО ПОБУЖДЕНИЯ 2 ЛИЦА

Кроме форм синтетического императива, в составе побудительных высказываний 2 лица могут использоваться и аналитические императивные конструкции, встречаемость которых в текстах SYN2000 и SYN2005, впрочем, на два, а то и на три-четыре порядка ниже – речь идет не о десятках тысяч примеров, а о сотнях, десятках, а то и о единицах. Это сочетания *at' + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива*, *necht' + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива*; *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие*; *at' + инд. наст. вр. глагола být + краткое страдательное причастие*; *pojď(te) + инфинитив*; *běž(te) + инфинитив*; *koukej(te) + инфинитив*; *hled'(te) + инфинитив*; *chraň(te) se + инфинитив*; *opovaž(te) se + инфинитив*; *varuj(te) se + инфинитив*, *rač(te) + инфинитив*, ср.:

- Tak at' mě příště probudíš!* <SYN2000 S|NOV|1969|milavra> ‘Чтоб разбудил(а) [букв. пусть разбудишь] меня в следующий раз!’
- Ale do roka a do dne necht' ty stojíš na soudě božím, kde ti bude spravedlivě naměřeno!* <SYN2005 Wenig Adolf, Pověsti o hradech, 1997, NOV, JUN> ‘Но не позже, чем через год и день, явись на суд Божий [букв. да стоишь], где тебе воздастся по справедливости’
- Běžte, signoro, rychle, at' jste už pře-vlečeny,* <SYN2000 S|NOV|1996|klima> ‘Бегите, синьора, быстрее, переоденьтесь [букв. пусть вы уже переодеты]’
- Svatý Jene, Jene z Nepomuku, budiž pozdraven ve světském hluku vesnic,* ‘О, святой Ян Непомуцкий, славься [букв. будь поприветствован] в

*našich měst...*⁶⁰ <SYN2000
S|PUB|1998|proste98>

*Nebud'te chudobní, **pojd'te zbohatnout.***
<SYN2000 S|MIS|199f|efemost>

*Beníku, **běž si sednout a hraj!***
<SYN2000 S|NOV|1964|zbabelci>

*Nežvaňte a **koukejte se procházet!***
<SYN2000 S|COL|1989|zaruka>

*A **hled' to přinést, než se vrátí otec.***
<SYN2000 S|NOV|1992|lit>

*Ale on mi řekl: "**Chraň se to udělat!**"*
<SYN2000 S|NOV|1998|novzakon>

*Dobře, nebudu tě už víc přemlouvát,
ale **opovaž se za mnou přijít, až si
zlámeš kosti.*** <SYN2000
S|NOV|1995|jejitouh >

*Ale **varujte se ho dotknout** a buďte co
nejvíce nehybné!* <SYN2000
S|NOV|1996|klima>

*"**Jen račte zůstat,**" přerušil ho Prokop.*
<SYN2000 S|NOV|1982|krakatit>

*ся [букв. будь поприветствован] в
светской суете деревень и наших
городов...'*

'Не будьте бедными, богатейте!
[букв. пойдите богатеть]'

*'Беник, садись-ка [букв. беги
сесть] и играй!'*

*'Не болтайте и а ну гулять [букв.
смотрите прогуливаться]!'*

*'И смотри принеси это [букв.
смотри это принести] до воз-
вращения отца.'*

*'Но он сказал мне: «Не вздумай
[букв. остерегайся] это сде-
лать!»'*

*'Хорошо, больше я не буду тебя
отговаривать, но попробуй толь-
ко ко мне приди [букв. осмелюсь
ко мне прийти], когда перелома-
ешь себе кости.'*

*'Но смотрите не трогайте его и
попытайтесь не двигаться'*

*'«Конечно, оставайтесь [букв.
извольте остаться]», – перебил*

⁶⁰ Мы полагаем, что верующий человек продуцирует подобные высказы-
вания именно как побудительные.

<SYN2000 S|NOV|1982|krakatit> *его Прокоп.'*

Мы проверили функционирование данных форм и конструкций по материалам Чешского национального корпуса, прежде всего подкорпусов SYN2000 и SYN2005.

2.2.1. Чешские конструкции *at'* + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива, *necht'* + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива; *bud'*(*iž*) / *bud'te*(*ž*) + краткое страдательное причастие; *at'* + инд. наст. вр. глагола *být* + краткое страдательное причастие

2.2.1.1. Конструкция *at'* + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива встречается в текстах Чешского национального корпуса достаточно регулярно. Поиск по формуле [word="[Aa]t'"] [0,10} [tag="VB.....2.*"] within <s> дал 1119 примеров в SYN2000 и 1929 примеров в SYN2005, из них 747 примеров могут интерпретироваться как содержащие форму аналитического императива, ср., например:

Co k tomu potřebujete, si nafasujte ve skladu a zítra at' na tom makáte! *'Получите на складе всё, что вам нужно, и чтоб завтра над этим*

<SYN2000 S|NOV|1994|borivoj>; *работали!'*

At' už nikdy nevysloviš jméno toho hada! <SYN2000 S|NOV|1988|eco> *'Не смей никогда произносить имя этой гадины!'*

At' Terezičce neurazíte ruce *'Смотрите не сломайте Терезке*
<SYN2000 S|NOV|1993|pi225> *руки.'*

Hezky poděkuj, a už at' jsi pryč. *'Вежливо поблагодари и сматывайся.'*
<SYN2000 S|NOV|1988|poprav>

2.2.1.2. В текстах Чешского национального корпуса мы можем встретить и примеры употребления аналитических императивных конструкций *necht'* + презентно-футуральная форма индикатива 2 лица. Сле-

дует, впрочем, отметить, что случаи употребления подобных конструкций единичны. Поиск по формуле [word="[Nn]echt"] [0,10] [tag="VB....2.*"] within <s> не обнаружил ничего в SYN2000 и дал 18 примеров в SYN2005, из которых после визуальной проверки контекстов осталось 4 примера. В последнем и отчасти в первом примере побудительная семантика явно превалирует над чисто оптативной. В качестве побудительных мы вправе интерпретировать и оставшиеся второй и третий примеры, если будем рассматривать их как заклинание или молитву (адресатом побуждения выступает не слушающий, а Божество, способное реализовать каузируемое действие, см. также 2.2.1.3.), ср.:

*Ale do roka a do dne **necht'** ty **stojíš** na soudě božím, kde ti bude spravedlivě naměřeno!* <SYN2005 Wenig Adolf, Pověsti o hradech, 1997, NOV > *'Но не позже, чем через год и день, явись на суд Божий [букв. да стоишь], где тебе воздастся по справедливости'*

***Necht'** vystoupíš na jeho trůn, **necht'** pro něj **spoutáš** schrány srdcí v Sechet-hetep* <SYN2005 Ashley Mike, Velká kniha egyptských detektivek, 2004, COL> *'Да воссядешь на его трон, да очаруешь ради него все сердца в Сехет-Гетепе.'*

***Necht'** vás přivítá andělský chór a s Lazarem, který byl chudý, **necht'** **nalznete** věčný pokoj...* <SYN2005 Hailley Arthur, Hotel, 1994, NOV> *'Да приветствует вас хор ангелов, и с Лазарем, который был бедняком, да обряцете вечный покой...'*

*A ještě něco; zlobíte-li se na mne jako na člověka (běda, nevím proč!), **necht'** se na mne **nezlobíte** jako na literáta* <SYN2005 Čapková Jarmila, Vzpo- *'И еще кое-что. Если вы сердитесь на меня как на личность (увы, не знаю, почему), не сердитесь на меня как на писателя.'*

mínky, 1998, FAC>.

2.2.1.3. Особо следует оговорить конструкцию *at'* + *презентно-футуральная форма индикатива 1 лица ед. числа*. Поиск по формуле [word="[Aa]t'"] []{0,5} [tag="VB.S...1.*"] дал 1570 примеров в SYN2000, из них 72 примера могут интерпретироваться как содержащие форму аналитического императива. Мы были бы вправе ожидать, что эта конструкция специфицирована для выражения автопрескрипции, когда говорящий является адресатом собственного волеизъявления и исполнителем действия (о проблеме выделения императивных форм 1 лица ед. числа в русском языке см. [Теория... 1990 : 195-197]). Тем не менее примеры с этой конструкцией, которые можно было бы интерпретировать как автопрескрипцию⁶¹, в текстах SYN2000 единичны, ср.:

Když už něco dělám, tak at' to dělá – ‘Если уж я что-то делаю, я буду делать
lá pořádně <SYN2000 [букв. пусть я это делаю] как полагает-
 S|COL|1993|zab1> ся’

Гораздо чаще эта конструкция встречается в непобудительных желательных высказываниях, ср.:

At' se vzbudím a zjistím, že to byl – ‘Вот бы мне проснуться и обнару-
všechno jenom zlý sen. жить [букв. пусть я проснусь и обна-
 <SYN2000 S|NOV|199f|kalib> ружу], что всё это было лишь страш-
 ным сном.’

Zemřete-li, – at' se probudím opět – ‘Если вы умрете, пусть я опять про-

⁶¹ В ряде случаев возможна неоднозначная интерпретация, ср.: *Tak pojd', holka. At' se podívám, co jsi zač.* <SYN2000 S|NOV|1996|vykupne> ‘Давай, девчонка! Посмотрю-ка, чего ты стоишь / Чтобы я мог посмотреть, чего ты стоишь!’ Речь может идти и о самопобуждении (*посмотрю-ка*), и о графически некорректно оформленном придаточном цели (*чтобы я посмотрел*).

ze sna! <SYN2000
S|NOV|1996|klima>

снись!

At' to mám z krku <SYN2000
S|NOV|1990| honzlova >

Иметь бы эту заботу в прошлом'

Впрочем, еще чаще (более трети из рассмотренных 72 примеров) данная конструкция используется для выражения побуждения 2 лица, ср.:

Už at' tě tam nevidím! <SYN2000
S|NOV|1995| jejitouh>

Чтоб я тебя там не видел(а) [букв. пусть я тебя там не вижу]!

*Řepková, okamžitě at' tě vidím
dole, slyšíš?*
S|COL|1985|metracek>

'Ржепкова, сейчас же вниз [букв. пусть я вижу тебя внизу], слышишь?'

*Ježíš se ho zeptal: "Co chceš,
abych pro tebe udělal? " Slepce
odpověděl: " Mistře, at' vidím!*
<SYN2000
S|NOV|1998|novzakon>

Отвечая ему, Иисус спросил: Чего ты хочешь от меня? Слепой сказал ему: Учитель! чтобы мне прозреть [букв. пусть вижу]. (Мк.10: 51 Синодальный перевод)

Речь идет фактически о побуждении через экспликацию результата каузируемого действия. Это, по нашему мнению, не мешает рассматривать данные конструкции в качестве форм аналитического императива, так как нечто подобное возможно и в случае с эталонными синтетическими императивными формами 2 лица, ср. русские примеры *Не упади!* *Не простудись!* и т. д. (поскольку глаголы 'упасть' и 'простудиться' обозначают неконтролируемое действие, подобные побудительные высказывания означают 'Веди себя так, чтобы минимизировать опасность падения, простуды и т.д.').

Особо следует оговорить функционирование подобных конструкций в сказках, фантастических историях и анекдотах, когда исполнителем по-

буждения является некий фантастический субъект (волшебная шапочка, кукла, золотая рыбка и т.д.), ср.:

*Pomyslil si: **At' jsem** na zámku, a byl na zámku. ... Myslí si Pan-krác: **At' jsem** hned pryč. **At' tu nejsem!** a kdovíco ještě, ale klobouček tu na hlavě nesedí a nic se mu neplní.* <SYN2000 S|COL|1978|fimfarum>

'Он подумал: «Пусть я буду в замке». И тут же оказался в замке. ... Панкрац думает: «Пусть я сейчас же исчезну. Пусть меня здесь не будет». И всякое такое, но шапочки у него на голове нет и ничего ему не исполняется.'

*A sáhl do aktovky po šesté (ale jak víme, měl už jen půl přání), aby z ní vylovil loutku Pana Tau a strčil si ji za teplákovou bundu, a přál si: " **At' skočím** v skoku do dálky dál než Borovička.* <SYN2000 S|COL|1990|pantau>

'И он сунул руку в портфель в шестой раз (как мы помним, у него осталось только половина желания), вытащил куклу господина Тау, сунул ее за пазуху и пожелал: «Пусть я прыгну в длину дальше Боровички»'

*Policejti jsou nadšeni a první říká: " **At' jsem** hned doma!" A zmizel.* <SYN2000 S|MIS|199f|efemvtip>

'Полицейские в восторге, и первый говорит: «Пусть я сейчас же буду дома!». И исчез.'

Наконец, чаще всего (почти половина из рассмотренных 72 примеров) данная конструкция используется в контекстах типа русского *пропади я пропадом, если...*, ср.:

<i>At' se propadnu</i> ⁶² , <i>jestli vypadáte v pořádku.</i> <SYN2000 S NOV 1993 des>	<i><u>Провались я</u></i> [букв. пусть я провалюсь], <i>если вы выглядите нормально'</i>
<i>At' visím</i> , <i>jestli to vím.</i> <SYN2000 S NOV 1993 koule>	<i>Пусть меня повесят</i> [букв. пусть я вишу], <i>если я это знаю'</i>
<i>At' jsem na místě mrtvá</i> , <i>jestli jsem dnes od rána neměla na sobě modré šaty s bílou mašlí!</i> <SYN2000 S COL 1991 sezona>	<i><u>Пусть я умру</u> на месте, если на мне с утра не было синего платья с белым батом!</i>
<i>At' jsem ztracený.</i> <i>Něco na tom je.</i> <SYN2000 S SCR 1994 makropul>	<i><u>Будь я проклят.</u> Что-то в этом есть'</i>

2.2.1.4. Яркой отличительной чертой чешской императивной системы является наличие в ней аналитических образований *bud'(iž) / bud'te(ž)* + *краткое страдательное причастие*, традиционно рассматриваемых в чешских грамматиках в качестве **страдательных императивных форм**, ср. [Mluvnice češtiny 1987: 336]. Подобные конструкции регулярно используются в современном чешском речеупотреблении для экспликации побуждения (пожелания), ср.:

<i>Bud' uvalen zákaz dodávek na všechna moře, bud'te Mloci postaveni mimo zákon, bud'te prokleti a vy-loučeni z našeho světa, bud' utvořena Liga národů</i>	<i><u>Пусть будет провозглашен запрет</u> [букв. будь провозглашен запрет] поставок в любые моря, <u>пусть саламандры будут объявлены</u> [букв. будьте саламандры объявлены] вне закона, <u>пусть будут они прокляты и изгнаны</u> [букв. будьте они прокляты и изгнаны]</i>
---	---

⁶² В текстах SYN2000 это сочетание (*at' se propadnu*) в подобных контекстах встретилось нам 15 раз.

proti Mlokùm! <SYN2000 из нашего мира, пусть будет образована Ли-
S|NOV|1981|s_mloky> *га наций* [букв. *будь образована Лига наций*]
против саламандр!'

Поиск по формулам [word="[Bb]ud'"] []{0,10} [tag="Vs.*"] within <s> и [tag="Vs.*"] [word="[Bb]ud'"] within <s> дал 1235 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 182 примера) и 1336 примеров в SYN2005 (осталось 235 примеров). Столь высокий отсев объясняется употребительностью словоформы *bud'* в составе неимперативной конструкции *bud'... nebo... 'или... или...'*.

Поиск по формулам [word="[Bb]udiž"] []{0,10} [tag="Vs.*"] within <s> и [tag="Vs.*"] [word="[Bb]udiž"] within <s> дал 370 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 356 примера) и 492 примера в SYN2005 (осталось 446 примеров).

Поиск по формулам [word="[Bb]ud'te"] []{0,10} [tag="Vs.*"] within <s> и [tag="Vs.*"] [word="[Bb]ud'te"] within <s> дал 124 примера в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 99 примеров) и 168 примеров в SYN2005 (осталось 149 примеров).

Поиск по формулам [word="[Bb]ud'tež"] []{0,10} [tag="Vs.*"] within <s> и [tag="Vs.*"] [word="[Bb]ud'tež"] within <s> дал 7 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 3 примера) и 7 примеров в SYN2005 (осталось 3 примера).

Следует отметить, что хотя все четыре варианта данной конструкции (с элементами *bud'*, *budiž*, *bud'te*, *bud'tež*) могут употребляться в составе побудительных (желательных) высказываний и второго, и третьего лица, существует определенная предпочтительность их выбора (элементы *bud'* и *bud'te* – синтетические императивные формы глагола *být* 'быть' единственного и множественного числа соответственно, элементы *budiž* и *bud'tež* – они же, но в архаизованной огласовке).

В текстах SYN2000 вариант *bud'* + *краткое страдательное причастие* нами отмечен в побудительных (желательных) высказываниях как второго, так и третьего лица (21 и 36 примеров соответственно), ср. семантика второго лица [a], третьего лица [b]:

[a] *Ó Pangur Báne, bud' povýšen nade všechny jiné kočky* <SYN2000 S|NOV|1995|filkozpe>

[b] *Celé lidstvo bud' připraveno bránit své bytí se zbraní v rukou* <SYN2000 S|NOV|1981|s_mloky>

Вариант *bud'te* + *краткое страдательное причастие* отмечен почти исключительно в составе высказываний второго лица (40 примеров из 44), ср. побуждение второго лица [a], третьего лица [b]:

[a] *Kapitáne, bud'te připraven zahájit útok po velmi krátkém varování.* <SYN2000 S|NOV|1996|vykupne>

[b] *Bud' uvalen zákaz dodávek na všechna moře, bud'te Mloci postaveni mimo zákon, bud'te prokleti a vyloučeni z našeho světa.* <SYN2000 S|NOV|1981|s_mloky>

Вариант *budiž* + *краткое страдательное причастие* встречается почти исключительно третьего лица (218 примеров из 220), ср. побуждение второго лица [a], третьего лица [b]:

[a] *Skleničko skleněná, budiž pozdravena...* <SYN2000 S|COL|1992|pec>

[b] *Dar budiž předveden!* <SYN2000 S|NOV|1996|veclaska>

Сходная ситуация наблюдается и с вариантом *bud'tež* + *краткое страдательное причастие* – (1 пример второго лица, 10 примеров третьего лица), ср. побуждение второго лица [a], третьего лица [b]:

[a] *Ale blahoslavení bud'tež vy, středáci, kteří jste nezůstali ani vepředu, ani vzadu.* <SYN2000 S|COL|1994|pi197>

[b] *Zvířata kousavá bud'tež opatřena náhubky.* <SYN2000 S|PUB|1993|refl9327>

2.2.1.5. Наряду с конструкцией *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие* в качестве формы аналитического страдательного императива должна рассматриваться, как мы полагаем, также и конструкция *at' + индикатив наст. вр. глагола být + краткое страдательное причастие*, представленная в текстах SYN2000 и SYN2005. О функциональной соотносительности данных аналитических конструкций свидетельствует, в частности, тот факт, что обе они используются для перевода на чешский язык латинских страдательных глагольных форм. В частности, в текстах SYN2000 представлены оба варианта чешского перевода известного латинского выражения *Audiat et altera pars*: <*At' je slyšena*> *i druhá strana*; <*Budiž slyšena*> *i druhá strana*.

Следует, однако, отметить, что употребительность конструкции *at' + индикатив наст. вр. глагола být + краткое страдательное причастие* существенно ниже употребительности функционально с ней соотносимой конструкции с *bud'(iž) / bud'te(ž)* и если для выражения побуждения 3 лица данная конструкция используется достаточно регулярно⁶³, для выражения побуждения 2 лица она практически не употребляется. Поиск по формуле [word="[Aa]t'"] [word="jsi"] []{0,10} [tag="Vs.*"] не дал ни одного примера ни в SYN2000, ни в SYN2005, а поиск по формуле [word="[Aa]t'"] [word="jste"] []{0,10} [tag="Vs.*"] дал единственный пример:

Běžte, signoro, rychle, at' jste už pře- *Бегите, синьора, быстрее, пере-*

⁶³ Поиск по формуле [word="[Aa]t'"] [word="je"] []{0,10} [tag="Vs.*"] дал 114 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 70 примера) и 119 примеров в SYN2005 (осталось 59 примеров); поиск по формуле [word="[Aa]t'"] [word="jsou"] []{0,10} [tag="Vs.*"] дал 50 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 19 примеров) и 47 примеров в SYN2005 (осталось 32 примера).

vlečeny, <SYN2000
S|NOV|1996|klíma>

oděňte se [букв. *пусть вы уже
переодеты*]

2.2.2. Чешские конструкции *pojd'(te) + инфинитив; běž(te) + инфинитив; koukej(te) + инфинитив; hled'(te) + инфинитив; chraň(te) se + инфинитив; opovaž(te) se + инфинитив; varuj(te) se + инфинитив, rač(te) + инфинитив*

По мнению ряда авторитетных исследователей, в частности, авторов пражской академической грамматики (1987), характер аналитического императива могут приобретать сочетания инфинитива смыслового глагола с синтетическими императивными формами некоторых глаголов, утрачивающих (по крайней мере, частично) в подобных сочетаниях своё лексическое значение. Речь идёт о сочетаниях *pojd'(te) + инфинитив; běž(te) + инфинитив; koukej(te) + инфинитив; hled'(te) + инфинитив; chraň(te) se + инфинитив; opovaž(te) se + инфинитив; varuj(te) se + инфинитив, rač(te) + инфинитив.*

2.2.2.1. Конструкция *pojd'(te) + инфинитив* используется в современном чешском языке не только для выражения иллокутивно универсального побуждения 2 лица, но также и для инклюзивного побуждения. Тем самым возникает грамматическая омонимия: конструкции типа *pojd'-te se podívá* могут означать и 'посмотрите-ка' (побуждение 2 лица), и 'давайте посмотрим' (инклюзивное побуждение). В результате однозначно о побуждении именно 2-го лица можно говорить лишь в случаях, когда оно маркируется еще каким-либо образом (например, когда говорящий мыслится не как субъект, а как объект каузируемого действия (первый из приведенных ниже примеров), либо когда восприятию говорящего в качестве одного из субъектов каузируемого действия препятствует лексическое значение смыслового глагола (второй пример), ср.:

Vezmu bič, rozrazím dveře a zařvu: 'Я беру кнут, распахиваю дверь и
 "Tak mě pojd' zmlátit!" <SYN2000 ору: «Ну, давай избеи меня!»'
 S|PUB|1994|ref19444>

Hrabala z druhé strany, panebože, 'Она рыла с другой стороны, бо-
kdybychom si ulámaly prsty, s tímhle же, да тут мы все пальцы пере-
nehnem, utrhlo se to ve velkých kusech, ломаем, а с места ничего не сдви-
pojd'te někdo pomoct, lidi, prosím vás, нем, такие глыбы обвалились, лю-
honem, Hugo je pod tímhle balvanem, ди, помогите кто-нибудь, быст-
ten neodvalíme samy. <SYN2000 рее, Гуго под этим валуном, мы
 S|NOV|1990|honzlova> *сами не справимся.'*

Кроме того, может оживляться внутренняя форма конструкции *pojd'(te) + инфинитив*, возникшей в результате семантического сближения начала физического перемещения в пространстве с началом какой-либо деятельности, тем более, что в целом ряде случаев подобное физическое перемещение является необходимой предпосылкой этой деятельности ('*пойди(те) посмотреть*'). Подобное оживление внутренней формы невозможно лишь в тех случаях, когда этому препятствует лексическое значение смыслового глагола, ср.:

*Nebud'te chudobní, **pojd'te zbohatnout.*** 'Не будьте бедными, давайте
 <SYN2000 S|MIS|199f|efemost> *богатейте!'*

Как видно из приводимой ниже диаграммы, построенной по материалам текстов SYN2000, конструкции с *pojd'(te)* характерны прежде всего для беллетристики (крайне левая область диаграммы), а также (в заметно меньшей степени) для публицистических текстов (правая область диаграммы), ср.:

pojd'(te) + инфинитив (SYN2000)

Поиск по формулам [word="[Pp]ojd'"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> и [word="[Pp]ojd'te"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 602 примера в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 410 примеров) и 1335 примеров в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов осталось 899 примеров). Как мы видим, корпус SYN2005, в котором доля художественных текстов значительно больше, чем в SYN2000, содержит существенно больше примеров рассматриваемых конструкций.

В текстах SYN2000 мы обнаружили следующие сочетания формы *pojd'(te)* с инфинитивом:

*pojd' + инфинитив*⁶⁴

<*pojd' se podívat*> (20); <*pojd' si sednout*> (11); <*pojd' si hrát*> (6); <*pojd' spát*> (6); <*pojd' mi pomoci*> (5); <*pojd' si s námi hrát*> (5); <*pojd' si poslechnout*> (4); <*pojd' mi pomoci*> (3); <*pojd' stoupat*> (3); <*pojd' dát*> (2); <*pojd' mi dát*> (2); <*pojd' se na ni podívat*> (2); <*pojd' se na to napít*> (2);

⁶⁴ Поиск по формуле [word="[Pp]ojd'"] []{0,10} [tag="Vf.*"] дал 397 примеров, подвергшихся затем визуальному контролю. Астериксом отмечены сочетания с пропущенным возвратным компонентом *se*, двумя астериксами – сочетания с пропущенным компонентом *si*. Речь идет о примерах типа следующего: *Honem se <pojd' kouknout>, tamhleten chlápek spadl do vody.* <SYN2000 S|NOV|1997|doktorv>; *Nebo si <pojd' sednout>.* <SYN2000 S|COL|1996|divak>.

<pojd' se posadit> (2); <pojd' se projít> (2); <pojd' se radovat> (2); <pojd' se trochu projít> (2); <pojd' si lehnout> (2); <pojd' si zatancovat> (2); <pojd' tančit> (2); <pojd' zkusit> (2); <pojd' běhat>; <pojd' dejchat>; <pojd' dneska ráno ke mně spát>; <pojd' doprovodit>; <pojd' ještě tančit>; <pojd' jíst>; <pojd' kouknout>*; <pojd' mě obejmout>; <pojd' mě roztláčit>; <pojd' mě vyprovodit>; <pojd' mi na chvilku pomoci>; <pojd' mi opláchnout>; <pojd' mi přidržet>; <pojd' mi sem pomoci>; <pojd' mi sundat>; <pojd' mi ustlat>; <pojd' mi utírat>; <pojd' na cestu se dát>; <pojd' na něco podívat>; <pojd' nám dělat>; <pojd' nám pomoci>; <pojd' nám s ní pomoci>; <pojd' obcovat>; <pojd' obědvat>; <pojd' pít>; <pojd' pomoci>; <pojd' pozdravit>; <pojd' prát>; <pojd' pročísnout>; <pojd' předvést>; <pojd' rozestlat>; <pojd' se bít>; <pojd' se dívat>; <pojd' se honem podívat>; <pojd' se kouknout>; <pojd' se mrknout>; <pojd' se na něj podívat>; <pojd' se na to podívat>; <pojd' se nad nás povyšovat>; <pojd' se napít>; <pojd' podívat>*; <pojd' se položit>; <pojd' se proběhnout>; <pojd' se raději dívat>; <pojd' se s námi projít>; <pojd' se se mnou podívat>; <pojd' se schovat>; <pojd' se také podívat>; <pojd' se taky na to podívat>; <pojd' se tam kouknout>; <pojd' se tam se mnou podívat>; <pojd' se trochu prospat>; <pojd' už posadit>*; <pojd' se vykoupat>; <pojd' sednout>**; <pojd' sehrát>; <pojd' sestřičko veslovat>; <pojd' si, Mirku, také do ní (Němky) kopnout>; <pojd' si ještě chvilku povídat>; <pojd' si k nám sednout>; <pojd' si na chvíli promluvit>; <pojd' si na chvilku ke mně sednout>; <pojd' si na chvilku sednout>; <pojd' si na minutu promluvit>; <pojd' si něco koupit>; <pojd' si povídat>; <pojd' si promluvit>; <pojd' si předtím ještě chvilku hrát>; <pojd' si s náma dát>; <pojd' si se mnou zahrát>; <pojd' si sem sáhnout>; <pojd' si sem sednout>; <pojd' si sundat>; <pojd' si taky bouchnout>; <pojd' si to taky zkusit>; <pojd' si to vyměnit>; <pojd' si vzít>; <pojd' si zahrát>; <pojd' si zakopat>; <pojd' si zaplavat>; <pojd' spinkat>; <pojd' stále hledat>; <pojd' své štěstí hledat>; <pojd' tady

ošetřit>; <*pojd' tam skočit*>; <*pojd' tancovat*>; <*pojd' to ukončit*>; <*pojd' to zapít*>; <*pojd' to zkusit*>; <*pojd' ty peníze radši někam projíst*>; <*pojd' ukázat*>; <*pojd' uzavřít*>; <*pojd' večeřet*>; <*pojd' vyzkoušet*>; <*pojd' vyzvednout*>; <*pojd' zmlátit*>; <*pojd' zruinovat*>.

*pojd'te + инфинитив*⁶⁵

<*pojd'te si hrát*> (51); <*pojd'te se podívat*> (31); <*pojd'te si sednout*> (6); <*pojd'te podívat*>* (5); <*pojd'te to dělat*> (5); <*pojd'te si posílat*> (4); <*pojd'te hrát*> (3); <*pojd'te to zkusit*> (3); <*pojd'te (si) hrát*> (2); <*pojd'te hádat*> (2); <*pojd'te s námi vydělávat*> (2); <*pojd'te se na něj podívat*> (2); <*pojd'te se na ni podívat*> (2); <*pojd'te se projít*> (2); <*pojd'te si povídat*> (2); <*pojd'te si to dopovědět*> (2); <*pojd'te si zahrát*> (2); <*pojd'te tančit*> (2); <*pojd'te zbohatnout*> (2); <*pojd'te bydlet*>; <*pojd'te dát*>; <*pojd'te dnes ministrovat*>; <*pojd'te dokončit*>; <*pojd'te hledat*>; <*pojd'te ho hledat*>; <*pojd'te hovořit*>; <*pojd'te Jarošov ještě si dát*>; <*pojd'te k nám bydlet*>; <*pojd'te likvidovat*>; <*pojd'te mě doprovodit*>; <*pojd'te mě pobavit*>; <*pojd'te mi otevřít*>; <*pojd'te mi podržet*>; <*pojd'te mi pomoci*>; <*pojd'te mi posvětit*>; <*pojd'te mi povědět*>; <*pojd'te mi ukázat*>; <*pojd'te miminku zatancovat*>; <*pojd'te myslet*>; <*pojd'te najíst*>; <*pojd'te nakoupit*>; <*pojd'te nám o něm něco povědět*>; <*pojd'te nám pomoci*>; <*pojd'te nás držet*>; <*pojd'te navštívit*>; <*pojd'te něco dělat*>; <*pojd'te někdo pomoci*>; <*pojd'te políbit*>; <*pojd'te pověsit*>; <*pojd'te pracovat*>; <*pojd'te prosím prověřit*>; <*pojd'te připít*>; <*pojd'te rozdat*>; <*pojd'te s námi na chvílku zabloudit*>; <*pojd'te s námi nahlédnout*>; <*pojd'te s námi poděkovat*>; <*pojd'te s námi podpořit*>; <*pojd'te s námi putovat*>; <*pojd'te s námi stavět*>; <*pojd'te s vítat*>; <*pojd'te se bavit*>; <*pojd'te se hlavně vrátit*>; <*pojd'te se honem podívat*>; <*pojd'te se*

hýbat>; <*pojd'te se k nám podívat*>; <*pojd'te se kouknout*>; <*pojd'te se na něco podívat*>; <*pojd'te se na Šebíka podívat*>; <*pojd'te se najíst*>; <*pojd'te se nám podepsat*>; <*pojd'te se posadit, napít se a povyprávět*>; <*pojd'te se radši napít*>; <*pojd'te se rozloučit*>; <*pojd'te se s námi podívat*>; <*pojd'te se se mnou podívat*>; <*pojd'te se sem na něco podívat*>; <*pojd'te se schovat*>; <*pojd'te se sladkostí zpít*>; <*pojd'te se tam podívat*>; <*pojd'te se uklidnit*>; <*pojd'te se všichni podívat*>; <*pojd'te se vyspat*>; <*pojd'te se zase vrátit*>; <*pojd'te schválně sednout*>; <*pojd'te si dopředu něco sníst*>; <*pojd'te si hezky lehnout*>; <*pojd'te si honem poslechnout*>; <*pojd'te si k nám přisednout*>; <*pojd'te si někam sednout*>; <*pojd'te si pohrát*>; <*pojd'te si popovídat*>; <*pojd'te si prohlédnout*>; <*pojd'te si přece sednout a jíst*>; <*pojd'te si s námi nohy hrát*>; <*pojd'te si sem sednout*>; <*pojd'te si složit*>; <*pojd'te si teď se mnou vydechnout a povídat*>; <*pojd'te si tedy teď trochu povídat*>; <*pojd'te si to k nám honem poslechnout*>; <*pojd'te si to ode mne někdo přepojit*>; <*pojd'te si to poslechnout*>; <*pojd'te si to slíbit*>; <*pojd'te si vypít*>; <*pojd'te si zatančit*>; <*pojd'te slavit*>; <*pojd'te snídat*>; <*pojd'te spát*>; <*pojd'te to hledat*>; <*pojd'te to spolu zkusit*>; <*pojd'te to zapít*>; <*pojd'te trénovat*>; <*pojd'te tu zem zachránit*>; <*pojd'te tyto podivnosti prozkoumat*>; <*pojd'te uždibovat*>; <*pojd'te zahrnout*>; <*pojd'te zas nadávat*>; <*pojd'te, prosím, ochutnat*>.

Отметим, что конструкция *pojd'(te) + инфинитив* может выступать в письменных текстах также в огласовке *pod'(te) + инфинитив* («проглатывание» [j] в словоформах *pojd'* и *pojd'te* характерно для разговорной речи; в корпусах разговорной речи РМК и ВМК огласовка *pojd'* зафиксирована

⁶⁵ Поиск по формуле [word="[Pp]ojd'te"] []{0,10} [tag="Vf.*"] дал 373 примеров, подвергшихся затем визуальному контролю. Астериксом отмечены сочетания с пропущенным возвратным компонентом *se*

нами один единственный раз, огласовка *pojďte* не представлена вообще), ср.:

Pod' si sem sednout <SYN2000 *'Присядь-ка сюда.'*

S|NOV|1964|zbabelci >

Co se tumlujete? vřak veřer jede dalři *'Что вы суетитесь? Ведь вечером*
Brňák, pod'te se na chvilku posadit ke *едет еще один брненский поезд,*
mně <SYN2000 S|NOV|1992|nocnich *присядьте-ка на минутку ко мне.'*

>

Поиск по формулам [word="[Pp]od'"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> и [word="[Pp]od'te"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 31 пример в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 22 примера) и 44 примера в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов осталось 32 примера).

Чешской аналитической императивной конструкции с *pojď(te)* отчасти соответствует русская аналитическая императивная конструкция с *дай(me)*, при этом, однако, при экспликации побуждения 2-го лица форма *дай(me)* сочетается не с инфинитивом (тогда речь пойдет об инклюзивном побуждении), а с презентно-футуральной формой индикатива или императива, ср. *Дай об этом ему скажешь ты! Дайте об этом ему скажете вы! Дай говори! Дайте говорите!*

Мы полагаем, что эта модель выступает и в высказываниях типа *Дай быстрее!*, когда речь может идти об опущении презентно-футуральной формы: *Дай [собирайся / двигайся / ...] быстрее!*, ср.: [разговор по телефону:] *Да! Слушаю! Что значит: динамит его не берет? А ты тротилом дай! Что? Давал тротилом? Не берет? <...> говорю, дай взрывай все это <...>.* (В. Шендерович. Куклы).

Приведенный пример демонстрирует, кроме того, обыгрывание рассматриваемой конструкции, состоящее в «департикуляризации» элемента

давай, внезапно обретающего способность иметь формы прошедшего времени (*давай* > *давал*), ср. аналогичную «департикуляризацию» при инклюзивном побуждении в словах некогда популярной песни «*Даешь Варшаву! Даешь Берлин!*» (*давай* > *даешь*, *дашь*) и в рассказе Е. Попова «Как съели петуха»: «*Садись! Давай выпьем!*» / *И точно – сели, и точно – дали. Выпили.*

2.2.2.2. Высокая частотность конструкции *pojď(te)* + *инфинитив* поддерживает возможность функционирования сочетания *běž(te)* + *инфинитив* в форме тематически близкого глагола в качестве аналитической императивной конструкции. Так, очевидно, что в приводимых далее и подобных им примерах лексическое значение глагола *běžet* ослаблено, и говорящий отнюдь не ожидает, что их собеседник бросится бежать, ср.:

A doktor Kurka oslovil muže s úsměvem: "Pane, jste ve zdravotnickém zařízení, tady je třeba klid. Jestli s něčím nesouhlasíte, běžte si stěžovat. <SYN2000 S|FAC|1990|snar>

‘А доктор Курка, улыгнувшись, обратился к мужчине: «Уважаемый, вы в медицинском учреждении, здесь надо соблюдать тишину. Если вы с чем-то не согласны, идите жалуйтесь [букв. бегите жаловаться].’

Beníku, běž si sednout a hraj! <SYN2000 S|NOV|1964|zbabelci>

‘Беник, давай садись [букв. беги сесть] и играй!’

Отметим, что в то время как конструкция *pojď(te)* + *инфинитив* используется не только для выражения побуждения 2-го лица, но и для инклюзивного побуждения, конструкция *běž(te)* + *инфинитив* используется исключительно для выражения побуждения 2-го лица.

Поиск по формулам [word="[Bb]ěž"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> и [word="[Bb]ěžte"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 255 примеров в

SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 161 примеров) и 539 примеров в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов осталось 462 примеров).

В текстах SYN2000 нами были обнаружены следующие сочетания формы *běž(te)* с инфинитивом:

*běž + инфинитив*⁶⁶

<*běž podívat*>* (8); <*běž spát*> (5); <*běž se zeptat*> (5); <*běž lehnout*>** (4); <*běž se umýt*> (3); <*běž si sednout*> (3); <*běž hrát*>** (2); <*běž odpočinout*> (2); <*běž otevřít*> (2); <*běž se podívat*> (2); <*běž se vyčpat*> (2); <*běž sednout*>** (2); <*běž si hrát*> (2); <*běž si zas hrát*> (2); <*běž dodělat*>; <*běž ji pohoupat*>; <*běž koupit*>; <*běž mě ohlásit*>; <*běž něco dělat*>; <*běž někoho kopnout*>; <*běž objednat*>; <*běž oblíct*>*; <*běž oblíct*>**; <*běž oblíknout*>*; <*běž okamžitě zasadit*>; <*běž oslavovat*>; <*běž osprchovat*>*; <*běž pomoci*>; <*běž prosím tě radši do chléva nakrmit*>; <*běž se jich zeptat*>; <*běž se jinam napásti*>; <*běž se kouknout*>; <*běž se na ten maglajz podívat*>; <*běž se napít*>; <*běž se obléknout*>; <*běž se omluvit*>; <*běž se připravit*>; <*běž se teda osprchovat*>; <*běž se trochu proběhnout*>; <*běž se učit*>; <*běž se umejt*>; <*běž se umýt, převléct, napudrovat*>; <*běž se věnovat*>; <*běž se vyměnit*>; <*běž se vysrat*>; <*běž se živit*>; <*běž schovat*>*; <*běž si dát*>; <*běž si ho chytat*>; <*běž si ho zítra vyzvednout*>; <*běž si koupit*>; <*běž si lehnout*>; <*běž si stěžovat*>; <*běž si to ošetřit*>; <*běž si vzít*>; <*běž si zas někde hrát*>; <*běž si zatančit*>; <*běž stěžovat*>**; <*běž šlohnout*>; <*běž to na tabuli opravit*>; <*běž to vyřídit*>; <*běž to zkusit*>; <*běž udělat*>; <*běž uklízet*>; <*běž vyjednat*>

⁶⁶ Поиск по формуле [word="[Bb]běž" []]{0,10} [tag="Vf.*"] дал 150 примеров, подвергшихся затем визуальному контролю. Астериксом отмечены сочетания с пропущенным возвратным компонентом *se*, двумя астериксами – сочетания с пропущенным компонентом *si*.

běžte + инфинитив⁶⁷

<běžte se podívat> (9); <běžte podívat>*(4); <běžte se zeptat> (3); <běžte se vycpat> (2); <běžte se poradit>(2); <běžte koupit>(2); <běžte hrát>; <běžte mu říci>; <běžte natrhat>; <běžte navštívit>; <běžte nejdřív zeptat>*; <běžte osobně dát tenhle dopis přeložit>; <běžte přesvědčit>; <běžte se jich zeptat>; <běžte se na To podívat>; <běžte se posadit>; <běžte se proběhnout nebo projít>; <běžte se přitom podívat>; <běžte se saunit >; <běžte se tam někdo podívat>; <běžte se tam přeptat>; <běžte se tedy podívat>; <běžte se však podívat>; <běžte se vyspat>; <běžte se ženskými taky loupat>; <běžte si dát>; <běžte si domů hrát>; <běžte si je někdy poslechnout>; <běžte si lehnout>; <běžte si na ně posvítit>; <běžte si někam dát>; <běžte si okamžitě vyčistit>; <běžte si stěžovat>; <běžte si tam sednout>; <běžte si válčit>; <běžte spát>; <běžte stěžovat>**; <běžte stoupnout>; <běžte studovat>; <běžte štěkat>; <běžte to hlásit>; <běžte to vyfotit>; <běžte užít>**; <běžte vybrat>; <běžte vycpat>*; <běžte vyspat>*; <běžte vytírat>; <běžte zapít>; <běžte zas vyhrávat>.

2.2.2.3. Достаточно употребительными в современных чешских текстах являются и конструкции *koukej(te) + инфинитив*, ср.:

Tak koukej mazat pro tu flašku. ‘Давай вали за бутылкой!’

<SYN2000 S|NOV|1990|grusa>

Tak se koukej pohnout. <SYN2000 ‘Давай шевелись!’

S|NOV|1993|vybuch>

Nežvaňte a koukejte se procházet! ‘Не болтайте и давайте гуляйте!’

<SYN2000 S|NOV|1990|grusa>

⁶⁷ Поиск по формуле [word="[Bb]ěžte"] []{0,10} [tag="Vf.*"] дал 96 примеров, подвергшихся затем визуальному контролю. Астериксом отмечены сочетания с пропущенным возвратным компонентом *se*, двумя астериксами – сочетания с пропущенным компонентом *si*.

<SYN2000 S|COL|1989|zaruka>

Tak různě, a teď už koukejte vystou- ‘Да по-разному, а теперь уже да-
pit. <SYN2000 S|NOV|199f|steel> вайте выходите.’

Поиск по формулам [word="[Kk]oukej"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> и [word="[Kk]oukejte"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 167 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 137 примеров) и 471 пример в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов осталось 404 примера).

В текстах SYN2000 нами были обнаружены следующие сочетания форм *koukej(te)* с инфинитивом:

*koukej + инфинитив*⁶⁸

<*koukej mazat*> (16); <*koukej vykopat*> (5); <*koukej zmizet*> (4); <*koukej vypadnout*> (3); <*koukej být*> (2); <*koukej jít*> (2); <*koukej říct*> (2); <*koukej brzo ukázat*>; <*koukej brzy napsat*>; <*koukej cítiti*>; <*koukej dostat*>; <*koukej honem najet*>; <*koukej ji vzít*>; <*koukej jim dát nažrat*>; <*koukej jíst*>; <*koukej jít do mého pokoje umýt*>; <*koukej jít pracovat a vydělávat*>; <*koukej kápnout*>; <*koukej letět*>; <*koukej maskovat*>; <*koukej mi pomoci*>; <*koukej mi sundat*>; <*koukej mi to říct*>; <*koukej mluvit*>; <*koukej mne rychle rozdělat*>; <*koukej nám promptně zaopatřit*>; <*koukej nám přidat*>; <*koukej nám to vysvětlit*>; <*koukej něco dělat*>; <*koukej nějakou chvíli hezky hájat*>; <*koukej odsud mazat*>; <*koukej plavat*>; <*koukej pohnout*>; <*koukej položit*>; <*koukej poslat*>; <*koukej postavit*>; <*koukej rozbalit*>; <*koukej se dostat*>; <*koukej se honem uzdravit*>; <*koukej se nenechat zbouchnout*>; <*koukej se nenechat*>; <*koukej se sebou něco dělat*>; <*koukej*

⁶⁸ Поиск по формуле [word="[Kk]oukej"] []{0,10} [tag="Vf.*"] дал 144 примера, подвергшихся затем визуальному контролю. Астериксом отме-

se stát>; <*koukej se svlíkat*>; <*koukej sebou hodit*>; <*koukej sekat*>; <*koukej sem co nejrychleji přijet*>; <*koukej si chytit*>; <*koukej si nachystat*>; <*koukej si sbalit*>; <*koukej snažit*>*; <*koukej spát*>; <*koukej střílet*>; <*koukej to tu všechno dát*>; <*koukej to udělat*>; <*koukej to už otevřít*>; <*koukej to vypít*>; <*koukej toho nechat*>; <*koukej uhnout*>; <*koukej už jít*>; <*koukej už vypadnout*>; <*koukej užít*>**; <*koukej v každém případě mazat*>; <*koukej vlízt*>; <*koukej vocad' mazat*>; <*koukej vstávat*>; <*koukej vyndat*>; <*koukej vyřídít*>; <*koukej vyžrat*>; <*koukej založit*>; <*koukej zaplatit*>; <*koukej zase brzy ukázat*>; <*koukej zastavit*>; <*koukej zavěsit*>; <*koukej zvyknout*>.

*koukejte + инфинитив*⁶⁹

<*koukejte mazat*> (3); <*koukejte poslouchat*> (2); <*koukejte být*>; <*koukejte dávat*>; <*koukejte ho chytit*>; <*koukejte ho využít*>; <*koukejte honem rychle vykoumat*>; <*koukejte chovat*>; <*koukejte jej prodati*>; <*koukejte ji tedy honem rychle najít*>; <*koukejte mi ulovit*>; <*koukejte najít*>; <*koukejte padat*>; <*koukejte prodávat*>; <*koukejte se co nejdřív dostat*>; <*koukejte se procházet*>; <*koukejte se už konečně udobřit*>; <*koukejte schovat*>; <*koukejte si jí nandat*>; <*koukejte si najít*>; <*koukejte si už sednout*>; <*koukejte si vybrat*>; <*koukejte taky někam jet*>; <*koukejte to ocenit*>; <*koukejte to uznat*>; <*koukejte to v té kopii vypsát*>; <*koukejte toho nechat*>; <*koukejte tu slečnu nechat*>; <*koukejte vycouvat*>; <*koukejte vystoupit*>; <*koukejte zmizet*>.

2.2.2.4. Подобно тому, как употребительность конструкций *běž(te) + инфинитив* поддерживается высокой частотностью конструкций *pojd'(te) + инфинитив*, к конструкциям *koukej(te) + инфинитив* примыкают менее

чены сочетания с пропущенным возвратным компонентом *se*, двумя астерисками – сочетания с пропущенным компонентом *si*.

⁶⁹ Поиск по формуле [word="[Kk]koukejte"] []{0,10} [tag="Vf.*"] дал 54 примера, подвергшихся затем визуальному контролю.

употребительные конструкции с тематически близким⁷⁰ глаголом *hled'(te)*
+ инфинитив, ср.:

⁷⁰ Ср. соответствующие статьи в [ЧРС 1976]:

kouk||at³⁹², **-ám** *nedok. ob. 1. ~at (se) na koho, co n. bez předm.* смотреть*II, глядеть*II *spis. na koho, čo n. bez předm.; po kom, čem (po zná-
mých na ulici ap.)* оглядыватьсяI *na koho, čo spis.; do čeho (do knihy, do
zrcadla ap.)* смотреть *vo čto, ~at (se) před sebe* смотреть вперёд; **~at (se) z
okna** **смотреть n. глядеть из окна; přen. po kom (po děvčatech, po chlap-
cích)** заглядыватьсяI *na koho spis.* • *expr. to ~áš, (co)!* ну что уставился?; **to
bude ~at (co nesu, jak to umím ap.)!** вот глаза-то вытаращит!; вот удивит-
ся-то! • *rozk. koukej (se), koukejme (se), koukejte (se) v platnosti citosl.*
(*vyjadřuje upozornění n. údiv*) смотри(те)!, гляди(те)!: **~ej (již jdou!)**
смотри!, гляди!: **~ejme (se), jak(ý) je chytrý** смотрите, какой (он) умный.
2. nač обращатьI внимание *na čto spis.; na peníze nekoukám* о деньгах я
не думаю, денег я не жалею *spis.; ve spoj. s aby..., jak by..., at'..., s inf.*
старатьсяI **5 inf. spis.; ~á, jak by si polepšil** он старается улучшить своё
положение; **~ám si ulehčit v práci** я стараюсь облегчить себе работу *spis.;*
~ej, aby se ti nic nestalo! смотри, чтобы с тобой чего не случилось!; **~ej,
at' jsi pryč, ~ej zmizet!** ну-ка проваливай!, убирайся! **3. ž čeho (tyč z vody,
kapesník z kapsy ap.)** выглядыватьI *iz čeho spis.; ~á jí sukně (pod kabátem)*
у неё (из-под пальто) выглядывает юбка; *přen. z očí mu ~á uličnictví* по
глазам видно, что он озорник *spis.* • *expr. z čeho (o zisku, o nepřijemnosti)*
предвидеться*II *spis. neutr.; co mi z toho ~a?* какая (мне) выгода от
этого?, какая (мне) в этом корысть? *spis.; čto já budu s čeho imet'?*; **z to-
ho (mi) nic nekouká** мне это ничего не даёт *spis.; z toho ~á kriminál* это
пахнет тюрьмой.

hled||ěti³⁷⁶, **-ím** *nedok. 1. na koho, co n. bez předm.* глядеть*II,
смотреть*II *na koho, čo n. bez předm.; ~ět před sebe* глядеть перед собой;
~ět za kým смотреть *vsled komy, ~ět vstríc záhubě n. tváří v tvář smrti*
смотреть смерти в лицо *n. в глаза* • *přen. okna domu ~í do zahrady* окна
дома выходят в сад • **vpravo hled'!** *voj.* равнение направо! □ **~ět pánu-
bohu do oken** считатьI ворон; **~ět svrchu n. spatra na koho** смотреть*II
свысока *na koho, относиться*II свысока к кому. 2. v tvaru rozk. zpus. hled',
hled'me, hled'te, ob. heled' ap. (v platnosti upozorňující částice s odstínem
výzvy, domluvy) hled', nech toho! эй, оставь это!; **hled', abys neupadl**
смотри, не упади!; **hled'te, jak se vystrojila!** посмотрите, как она
разоделась! **3. s inf. n. vedlejší větou** старатьсяI *s inf.; ~ím to udělat včas* я
стараюсь сделать это к сроку; **hled' přijít včas, hled', abys přišel včas!**
смотри, не опоздай!, постарайся не опоздатьI **4. nač, k čemu (částěji v zápo-
ru) nehledíme-li na podrobnosti, můžeme být spokojeni** если не*

A hled' to přinést, než se vrátí otec. 'И смотри принеси это до возвра-
<SYN2000 S|NOV|1992|lit> *щения отца.'*

S takovými myšlenkami však daleko 'С такими настроениями вы далеко
nedojdete, hled'te se změnit. *не уйдете, давайте-ка меняйтесь.'*
<SYN2000 S|PUB|1995|v1_19_95>

При этом в то время как конструкции *hled'(te) + инфинитив* оформлены единственным или множественным числом в приблизительно равном количестве случаев, для конструкций *koukej(te) + инфинитив* характерно прежде всего единственное число. Это, безусловно, связано с тем, что конструкции *koukej(te) + инфинитив* в бо́льшей степени маркированы как разговорные⁷¹ – множественное число употребляется не только при обращении к нескольким лицам, но и при обращении «на вы» к одному лицу, а «выканье» для стилистически сниженной речи подходит гораздо меньше, чем для речи нейтральной.

Поиск по формулам [word="[Hh]led'"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> и [word="[Hh]led'te"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 57 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 30 примеров)

принимать во внимание мелочей *n.* если не обращать внимание на мелочи, мы можем быть довольны • (*často ustrnule*) **nehledě, nehledíc k čemu, nač** несмотря на что. **5. ~ět si koho, čeho** заботиться*II о ком, чем, смотреть*II за кем, чем, заниматьсяI чем, **~í si své práce** он занимается своим делом; **hled' si svého!** занимайся своим делом!, делай своё дело!, не вмешивайся не в своё дело! **4. darovanému koni na zuby nehled'!** *příslolí* дарёному коню в зубы не смотрят.

⁷¹ Конструкции *hled'(te) + инфинитив*, в отличие от конструкций *koukej(te) + инфинитив*, могут встречаться и в «серьезных» текстах, например, в текстах Нового Завета: *Vůči těm, kdo nejsou křesťané, se chovejte rozvážně a hled'te v té věci využít vhodné příležitosti.* <SYN2000 S|NOV|1998|novzakon>. [Син. пер.: Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. (Послание к колоссянам)].

и 172 примера в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов осталось 135 примера).

В текстах SYN2000 нами были обнаружены следующие сочетания форм *hled'(te)* с инфинитивом:

*hled' + инфинитив*⁷²

<*hled' si najít*> (3); <*hled' ale také pro ni něco ušetřit*>; <*hled' barev, světla, zlata užívati*>; <*hled' brzo umřít*>; <*hled' být*>; <*hled' ji rozluštit*>; <*hled' mne toho zbavit*>; <*hled' náhody jí vytvářet*>; <*hled' poznat*>; <*hled' se smířit*>; <*hled' se vdát*>; <*hled' si užívat*>; <*hled' to nejošklivější zde odstranit*>; <*hled' to přinést*>; <*hled' ukořistit*>; <*hled' upamatovat*>; <*hled' z toho poznat*>; <*hled' získat*>; <*hled' ztratit*>.

*hled'te + инфинитив*⁷³

<*hled'te co nejdřív obnovit*>; <*hled'te dostat*>; <*hled'te odpálit*>; <*hled'te se dostat*>; <*hled'te se trochu přemáhat*>; <*hled'te se změnit*>; <*hled'te udržet*>; <*hled'te ukázat*>; <*hled'te v té věci využít*>; <*hled'te vše do víkendu urovnat*>; <*hled'te vyškrábat*>; <*hled'te vyzvědět*>; <*hled'te zapomenout*>.

2.2.2.5. Особо следует оговорить чешские конструкции *rač'(te) + инфинитив*, в современном речепотреблении уместные лишь в особых ситуациях (в устах распорядителя на торжественном приеме, официанта в дорогом ресторане и т.п.). Налет архаичности, свойственный конструкциям с *rač'(te)*⁷⁴, приводит к тому, что в ситуациях иных подобные обороты продуцируются чаще всего с иронией, ср.:

⁷² Поиск по формуле [word="[Hh]led'"] []{0,10} [tag="Vf.*"] дал 45 примеров, подвергшихся затем визуальному контролю.

⁷³ Поиск по формуле [word="[Hh]led'te"] []{0,10} [tag="Vf.*"] дал 29 примеров, подвергшихся затем визуальному контролю.

⁷⁴ В текстах XIX века, а также при стилизованном выражении и в текстах современных возможен и вариант типа *rač' zpívat* (с формой гла-

Tvář za oknem cosi nezřetelně zahučela, ale kapitán Exner zcela určitě zaslýchl: "...všichni fizlové... na záda...", a pak řekla: "Tady je archeologický výzkum, pane." / "Ten mě právě zajímá." / "Tak **raďte přijít** ve dne. Mimochodem, co vás tak strašně zajímá, že burcujete lidi z nejlepšího spánku?" (V. Erben. Poklad byzantského kupce)

‘*Физиономия за окном что-то про- бормотала, причем Экснер вполне отчетливо расслышал «...все мен- ты... к чертовой матери...», а потом произнесла: «Здесь археологические раскопки, уважаемый». / «Именно они меня и интересуют.» / «Так со- благоволите прийти днем! Кстати, что же это вас так страшно заин- тересовало, что вы будите людей среди ночи?»*’

Поиск по формулам [word="[Rr]ač" []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> и [word="[Rr]ačte" []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 311 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 239 примеров) и 531 пример в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов оста- лось 385 примеров), ср.:

Pane Bože, rač nám požehnati těch- to darů, které nyní z ruky tvé štědré požívati budeme! <SYN2000 S|NOV|1991|mirak>

‘*Господи, благослови [букв. соизволь благословить] эти дары, которые из рук твоих щедрых ныне воспри- имем.*’

Račte si všimnout, že jsem nikde neřekla, že být nevoják je ryze žen-

‘*Извольте заметить, я никогда не говорила, что быть невоенно-*

гола *račit* мн., а в ед. числа): *Pust' voly, roucho změj, na kůň se rač posadit a s námi jeti.* (A. Jirásek. Staré pověsti české) ‘*Оставь волов, смени одежду, на коня изволь сесть и с нами ехать*’; [письмо:] *Seženeš-li nějakou pomoc od cizích církví pro své bratří, prosíme tě, **nerač vylučovati** nás a našich z milosrdenství té lásky.* (M. Hanuš. Osud národa) ‘*Если же ты получишь ка- кую-либо помощь от чужих церквей для своих братьев, просим тебя, не лишай [букв. не изволь исключать] нас и наших милосердия той любви*’.

ská záležitost <SYN2000
S|NOV|1995|kantilen>

обязанным – чисто женское дело'

В текстах SYN2000 нами были обнаружены следующие сочетания форм *rač(te)* с инфинитивом:

*rač + инфинитив*⁷⁵

<*rač nám požehnati*> (2); <*rač vyslyšet*> (2); <*rač, můj milý, nechati*>; <*rač chápat*>; <*rač mě doprovodit*>; <*rač naším Patronem býti, u Boha se přimluvit, vyprositi*>; <*rač odvrhnouti*>; <*rač povážiti*>; <*rač přispíšiti, od hanby zlého chrániti, pomáhati*>; <*rač si posloužit*>; <*rač všimnout*> **; <*rač vyslyšet*>.

*račte + инфинитив*⁷⁶

<*račte dovolit*> (23); <*račte odpustit*> (13); <*račte rozumět*> (9); <*račte vědět*> (8); <*račte se podívat*> (7); <*račte si vybrat*> (7); <*račte vstoupit*> (7); <*račte vzít*> (7); <*račte prominout*> (5); <*račte chápat*> (3); <*račte si všimnout*> (3); <*račte jít*> (2); <*račte prominouti*> (2); <*račte se posadit*> (2); <*račte se přesvědčit*> (2); <*račte točit*> (2); <*račte usednout*> (2); <*račte uvážit*> (2); <*račte uznat*> (2); <*račte věděti*> (2); <*račte vyzkoušet*> (2); <*račte vzíti*> (2); <*račte, panstvo, vyslechnouti*>; <*račte, prosím, nasednout*>; <*račte, prosím, otevřít*>; <*račte, vznešený pane, milostivě vyslechnout*>; <*račte ... odpustit*>; <*račte čísti*>; <*račte dáti*>; <*račte dávat*>; <*račte doplnit*>; <*račte dopovědět*>; <*račte je požádat*>; <*račte je utratit*>; <*račte jeho fortel v tom poznati*>; <*račte jej okamžitě opustit*>; <*račte jen vzít*>; <*račte ji proto včas namířit*>; <*račte jíti*>; <*račte klidně a hodně pomalu vstávat*>; <*račte končiti*>; <*račte laskavě odpustit*>; <*račte laskavě*

⁷⁵ Поиск по формуле [word="[Rr]áč"] []{0,10} [tag="Vf.*"] дал 18 примеров, подвергшихся затем визуальному контролю.

uvážit>; <raďte laskavě vyhovět>; <raďte laskavě zaslati>; <raďte mě opustit>; <raďte mě zapsat>; <raďte mi nechat>; <raďte mi prosím věřit>; <raďte mi především sdělit>; <raďte mi tedy laskavě zaslati>; <raďte milostivě odpustit>; <raďte milostivě odpustit>; <raďte mne do jeskyně této následovat>; <raďte mne ještě nechat>; <raďte mne následovat>; <raďte mně skvosty své ukázat>; <raďte nám je svěřit>; <raďte nám odpustit>; <raďte nám to vysvětlit>; <raďte nejmilostivěji přeložiti>; <raďte odemknout>; <raďte okamžitě opustit>; <raďte okamžitě přijít>; <raďte ovšem říci>; <raďte pohledět>; <raďte pochopit>; <raďte pojít>; <raďte pokračovat>; <raďte poodstoupit>; <raďte poslouchat>; <raďte posoudit>; <raďte povysadit >; <raďte prosím čísti>; <raďte provést>; <raďte přesvědčit>; <raďte přijmout>; <raďte přiměti>; <raďte psát>; <raďte rozhodnout>; <raďte rozsvítit>; <raďte řešit>; <raďte říci>; <raďte s sebou přinést>; <raďte sdělit>; <raďte se, madame, podívat>; <raďte se, prosím, posadit>; <raďte se ještě jednou zeptat>; <raďte se laskavě rozhlédnout>; <raďte se odebrat>; <raďte se pořádně podívat>; <raďte se přeptat>; <raďte se sakra usadit>; <raďte se slušně ustrojiti>; <raďte se uklidnit>; <raďte se usadit>; <raďte se zařadit>; <raďte si ale všimnout>; <raďte si dát>; <raďte si dobře povšimnout>; <raďte si jen vybrat>; <raďte si koupit>; <raďte si laskavě povšimnout>; <raďte si pamatovat>; <raďte si prosím sami odpovědět>; <raďte si prosím zapamatovat>; <raďte si to přečíst>; <raďte si uhodit>; <raďte si uvědomit>; <raďte si už zvyknout>; <raďte si vzít>; <raďte si vzpomenout>; <raďte snést>; <raďte tázat>; <raďte to přijmout>; <raďte to, vážený, přičíst>; <raďte ukázat>; <raďte uvědomit>; <raďte uzavřít>; <raďte vaši montércimru ponechat>; <raďte věnovat>; <raďte vidět>; <raďte vstoupiti>; <raďte všimnout>; <raďte vycucat>; <raďte vykoupat>; <raďte vyřizovat>; <raďte vystoupit>; <raďte z toho dě-*

⁷⁶ Поиск по формуле [word="[Rr]ačte"] []{0,10} [tag="Vf.*"] дал 312 примеров, подвергшихся затем визуальному контролю.

lat>; <*raďte zatím počkati*>; <*raďte zkusit*>; <*raďte zmáčknot*>; <*raďte zůstat*>.

Формы *rač(te)*, в отличие от форм *bež(te)*, *koukej(te)*, *hled'(te)*, *chraň(te) se*, *opovaž(te) se*, в составе рассматриваемых конструкций могут присоединять к себе отрицание⁷⁷, что свидетельствует о бóльшей семантической самостоятельности этой формы в составе аналитической конструкции.

В текстах SYN2000 нам встретились следующие сочетания формы *neraďte*⁷⁸ с инфинитивом: *neraďte se urazit (5)*; *neraďte se hněvat (2)*; *neraďte se smát (1)*; *neraďte mne mítí v podezření (1)*; *neraďte se zlobit (1)*; *neraďte raději chodit sám (1)*; *neraďte plakat (1)*; *neraďte přepisovat (1)*; *neraďte být smutná (1)*; *neraďte se, prosím, urazit (1)*; *neraďte se zbláznit (1)*; *neraďte obtěžovat (1)*; *neraďte se lekat (1)*; *neraďte se prosím horšit (1)*.

Судьбу конструкции *rač(te) + инфинитив* можно сравнить с судьбой семиологически тождественной ей русской конструкции *изволь(те) + инфинитив*, экзотичность которой привела к тому, что в современном речеупотреблении она используется, как принято считать [Лобанова, Слесарева, 1984: 123], для экспликации категорического требования, ср.: «Нет, – резко ответил Генерал. – Это приказ штаба. И **изволь подчиняться**, Копыто». (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

Ранее обе конструкции (чешская *raďte + инфинитив* и русская *извольте + инфинитив*) сигнализировали лишь о вежливой позиции говорящего, ср.:

⁷⁷ В рассматриваемых конструкциях с формами *bež(te)*, *koukej(te)*, *hled'(te)*, *chraň(te) se*, *opovaž(te) se* отрицание способно присоединяться только к инфинитиву смыслового глагола: *koukej nepropadnout*.

⁷⁸ Сочетание формы *nerač* с инфинитивом нами не зафиксировано.

чешский пример:

“*Neračte se o nic starat, pane major,*” «Не извольте ни о чем беспоко-
řekl Švejek. (J. Hašek. Osudy dobrého иться, господин майор», – сказал
 vojáka Švejka) Швейк.

русский пример:

[крепостная горничная – барину:] **Извольте же идти**; разбудите, боюсь. (А. С. Грибоедов. Горе от ума).

Современные и чешские, и русские авторы могут обращаться к подобным конструкциям как к средству языковой стилизации и архаизации речи персонажа, ср. примеры из «Паноптикума старых криминальных историй» Й. Марека (действие которых происходит в конце XIX – начале и первой трети XX века) и «Про Федота стрельца, удалого молодца» Л. Филатова (действие происходит в абстрактном сказочном прошлом):

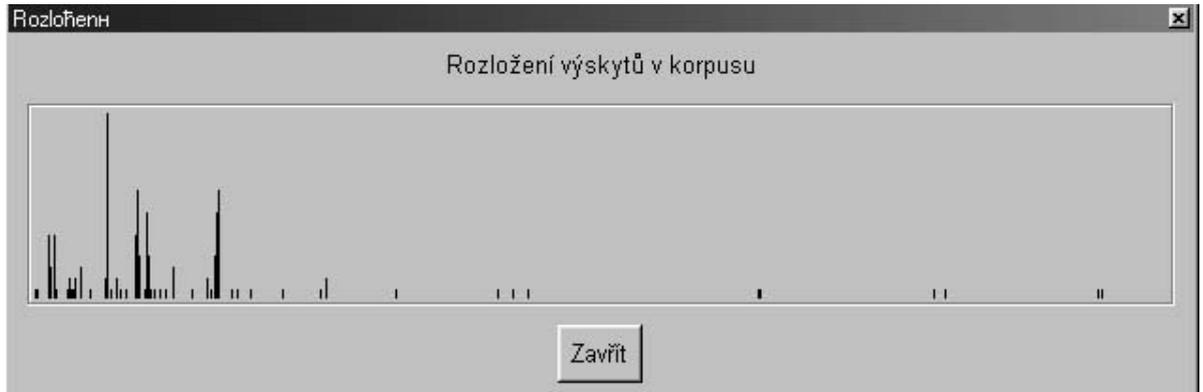
чешский пример:

Kromě toho, račte chápat, je mi to Кроме того, поймите [букв. извольте
poněkud trapné... Lépe je mlčet понимать], мне неловко... Лучшие мол-
 (J. Marek) чать.

русский пример:

Не извольте сумлеваться, Чай, оно не в первый раз!.. (Л. Филатов).

Как видно из приводимых ниже диаграмм, конструкция *rač(te) + инфинитив*, а также конструкции *koukej(te) + инфинитив* и *běž(te) + инфинитив*, подобно конструкциям *rojď'(te) + инфинитив*, встречаются прежде всего в беллетристике (крайне левая область диаграммы), ср.:

rač(te) + инфинитив (SYN2000)*bež(te) + инфинитив (SYN2000)**koukej(te) + инфинитив (SYN2000)*

2.2.2.6. Упоминаемые в [Мluvnické češtiny 1987: 335] формы *chraň(te) se*, *opovaž(te) se*, *varuj(te) se* в составе рассматриваемых конструкций неупотребительны и в нашем материале представлены единичными примерами, ср.:

- Ale on mi řekl: "Chraň se to udělat!"* 'Но он сказал мне: «Остерегайся
<SYN2000 S|NOV|1998|novzakon> делать это!»'
- Ale **chraňte se** mi přijít znovu do ces-
ty. Příští setkání byste zaplatil draze!* 'Но смотрите не попадитесь мне
<SYN2005 Hulpach Vladimír, Indi- еще раз. Наша следующая встреча
ánské příběhy, 1998, COL> вам дорого обойдется!'
- Dobře, nebudu tě už víc přemlouvat,
ale **opovaž se** za mnou přijít, až si
zlámeš kosti.* <SYN2000 'Хорошо, больше я не буду тебя
S|NOV|1995|jejitouh> отговаривать, но когда перелома-
ешь себе кости, попробуй ко мне
прийти.'
- My vám laskavě dovolíme, abyste nás
bránili, ale **opovažte se** nám sem **cpát**
nějaké vojáky nebo jaderné zbraně.* 'Мы вам позволим нас защищать,
<SYN2000 S|PUB|1997|ln97159p> но попробуйте совать нам сюда
каких-нибудь солдат или ядерное
оружие.'
- A **varuj se** příležiti, třeba tě Cesare,
hlupák, pozval!* <SYN2000 'И не вздумай вернуться, даже ес-
S|NOV|1996|klima> ли Цезаре, глупец, тебя позовет!'
- Ale **varujte se** ho **dotknout** a buďte co
nejvíce nehybné!* <SYN2000 'Но смотрите не трогайте его и
S|NOV|1996|klima> постарайтесь не двигаться!'

Поиск по формуле [word="[Cc]hraň"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 22 примера в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 2 примера) и 43 примера в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов осталось 3 примера), по формуле [word="[Cc]chraňte"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> не дал ни одного примера в SYN2000 и дал 5 примеров в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов осталось 2 примера).

Поиск по формуле [word="[Oo]považ"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 12 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 11 примеров) и 34 примера в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов остался 31 пример), по формуле [word="[Oo]považte"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 5 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 5 примеров) и 8 примеров в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов остался 6 примеров).

Поиск по формуле [word="[Vv]aruj"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 3 примера в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 2 примера) и на одного примера в SYN2005, по формуле [word="[Vv]arujte"] []{0,10} [tag="Vf.*"] within <s> дал 2 примера в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 2 примеров) и 5 примеров в SYN2005 (после визуальной проверки контекстов остался 3 примера).

Упомянутые в [Mluvnice češtiny 1987: 335] в качестве аналитических императивных конструкции *střež(te)* + *инфинитив* в нашем материале не зафиксированы. Поиск по формулам [word="[Ss]třež"] []{0,10} [tag="Vf.*"] и [word="[Ss]třežte"] []{0,10} [tag="Vf.*"] не дал ни одного примера ни в SUN2000, ни в SYN2005.

2.3. БАЗОВЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПОБУЖДЕНИЯ

В случае с иллокутивно специализированным побуждением в обоих сопоставляемых языках речь идет прежде всего о побудительных эксплицитных перформативных конструкциях. В отличие от иллокутивно универсальных конструкций с императивом, конструкция перформативная позволяет более или менее однозначно специфицировать иллокутивный тип побуждения в обоих сопоставляемых языках, ср. чешск. *Přikazují ti*

(rozkazují ti, zakazují ti, žádám tě, vyzývám tě, prosím tě, navrhuji ti, doporučuji ti, rádím ti...), abys tam přišel /...abys tam nechodil и русск. *Я приказываю тебе (велю тебе, запрещаю тебе, требую от тебя, призываю тебя, прошу тебя, предлагаю тебе, рекомендую тебе, советую тебе...)* *туда пойти / туда не ходить.*

Так же, как и в случае с иллокутивно универсальным побуждением, речь идет о категориальной императивности, поскольку главной (а в большинстве случаев и единственной) функцией высказываний рассматриваемого типа является именно экспликация побуждения, однако в отличие от императивных побудительных высказываний, побудительные высказывания перформативные за пределами письменного официально-делового общения достаточно малоупотребительны. Так, в нашем извлеченном сплошной выборкой материале перформативные высказывания (включая периферийные типы) составляют около 2% чешских побудительных высказываний и около 4% – русских. Для сравнения отметим, что императивные побудительные высказывания (включая периферийные типы) составляют 71% (66% – базовые типы, 5% – периферийные типы) для чешского материала и 69% (соответственно 64% и 5%) – для материала русского.

Как нам представляется, реальная малоупотребительность эксплицитных перформативных формул в обоих сопоставляемых языках связана или, вернее, взаимосвязана именно с их основным свойством – максимальной выразительностью и однозначностью. В речевом общении действует «максима идиоматичности» Серля («говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично» [Серль 1986: 215]).

Точность и однозначность важна в *официальной* сфере, и там эксплицитные перформативные формулы к месту. В связи с этим отметим то

обстоятельство, что для демонстрации наиболее существенных черт перформативности создатель термина «перформатив» Дж. Л. Остин обращается прежде всего к о ф и ц и а л ь н о м у речевому общению.

Так же к месту эксплицитные перформативы и при выражении тех социально значимых разновидностей побуждения, которые маркированы по параметру «различия в энергичности, с которой подается иллокутивный акт» (о предложенных Дж. Р. Серлем двенадцати параметрах см. [Серль 1986: 175]).

За пределами же названных сфер буквальность не приветствуется, а поэтому и эксплицитные перформативные формулы с их слишком выразительным оформлением, затрудняющим их переосмысление (мы имеем в виду обычные в обоих языках транспозиции одного подтипа побуждения в другой, например, *просьба* → *требование*, *совет* → *предостережение* и т. п.), оказываются не у дел.

Вслед за Дж. Л. Остином мы различаем *эксплицитные* перформативные конструкции типа *Я прошу вас дать мне воды!* и функционально эквивалентные им *имплицитные* (скрытые) перформативные конструкции типа *Воды!*⁷⁹. Таким образом, рассматриваемая нами *перформативность* оказывается шире *коинциденции* Э. Кошмидера⁸⁰, с которой она

⁷⁹ Ср.: «Любое высказывание, являющееся в действительности перформативным, должно обладать свойством раскладываться или раскрываться в такой форме, которая содержит глагол в первом лице единственного числа настоящего времени действительного грамматически залога изъявительного наклонения. <...> Поэтому «С поля» эквивалентно «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля». <...> «Вас предупреждают, что бык опасен», эквивалентно высказыванию «Я, Джон Джонс, предупреждаю вас, что бык опасен» или "Этот бык опасен. Джон Джонс (подпись)"» [Остин 1986: 62-63].

⁸⁰ Ср.: «Под коинциденцией я подразумеваю совпадение слова и действия, но отнюдь не в смысле простой одновременности, а в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое дей-

иногда соотносится [Апресян 1995. Т. 2: 199]. Это в определенном смысле обуславливается внутренней формой обоих терминов. В то время как *коинциденция* декларирует совпадение описания действия и выполнения этого действия, *перформативность* декларирует их тождество (произнесение определенных слов является выполнением определенного действия), что, в частности, позволяет Ю. Д. Апресяну, выдвигающему тезис о приоритете перформативной формулы над перформативным глаголом, рассматривать в качестве перформативных такие высказывания, как *Прости!* (эквивалент высказывания *Прошу у тебя прощения*), *Честное слово!* (эквивалент *Даю тебе честное слово*), *Спасибо!* (эквивалент *Я благодарю*) и т. п. [Апресян 1995. Т. 2: 203], о коинцидентальности которых говорить не приходится. Удачной представляется концепция Й. Крекича, относящего к эксплицитным побудительным перформативам (включая косвенно-эксплицитные) побудительные высказывания, содержащие перформативный глагол в той или иной форме либо его производное [Крекич 1993: 10-11].

Привлеченные художественные тексты позволили нам дополнить список «директивных» (*direktivní*) и «комиссивно-директивных» (*závazkově-direktivní*) чешских перформативных глаголов, составленный М. Хиршовой (см. [Hirschová 2004: 100]; добавленные нами глаголы подчеркнуты): *doporučovat* ‘рекомендовать, советовать’; *dovolovat* ‘позволять, разрешать’; *hlásit se* ‘вызываться’; *nabádat* ‘побуждать, призывать’;

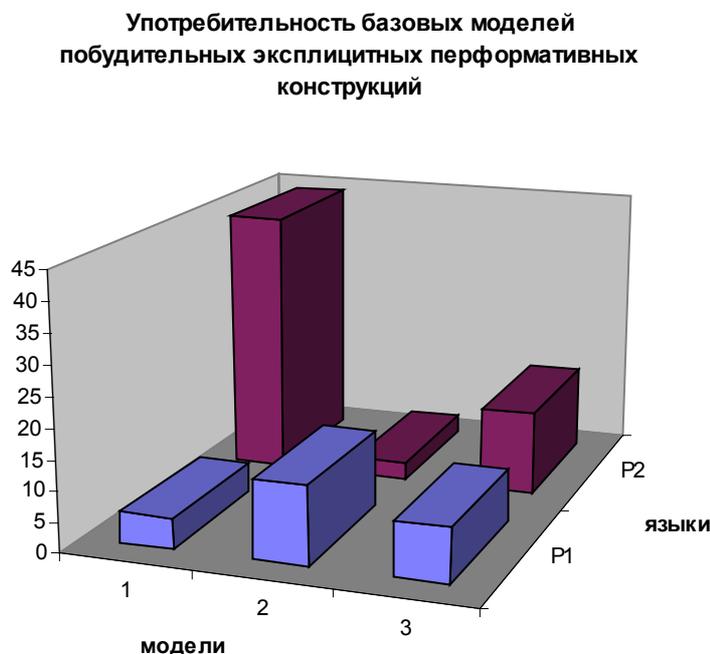
стве. Если, например, высказывание *piszę* «я пишу» ни при каких обстоятельствах не есть сам акт писания, являясь лишь сообщением об этом акте, то высказывание *proszę* «я прошу» может быть как раз той просьбой, о которой это высказывание говорит, и именно этот случай мы называем коинциденцией. Очевидно, речь идет здесь только о глаголах говорения (в широком смысле) и только о первом лице, так как произнесение слов говорящего, естественно, не может быть действием кого-то другого». [Кошмидер 1962: 163].

nabízet ‘предлагать’; *napomínat* ‘делать замечание’; *nařizovat* ‘предписывать, приказывать, давать распоряжение’; *navrhovat* ‘предлагать’; *objednávat* ‘заказывать’; *obsílat* ‘вызывать’; *odporučovat* ‘рекомендовать’; *pobízet* ‘побуждать, понукать’; *poroučet* ‘приказывать, командовать, распоряжаться’; *pověřovat* ‘уполномочивать’; *požadovat* ‘требовать’; *prosit* ‘просить’; *přihlašovat se* ‘делать заявку’; *přikazovat* ‘приказывать, распоряжаться’; *přimlouvát se* ‘ходатайствовать’; *připomínat* ‘напоминать’; *ptát se* ‘спрашивать’; *radit* ‘советовать’; *rozkazovat* ‘приказывать, велеть’; *schvalovat* ‘одобрять, соглашаться, утверждать’; *tázat se* ‘спрашивать’; *ukládat* ‘поручать’; *upozorňovat* ‘предупреждать, предостерегать’; *varovat* ‘предостерегать, предупреждать’; *velet* ‘командовать’; *volat* ‘звать, призывать’; *vybízet* ‘предлагать’; *vyprošovat si* ‘выпрашивать, испрашивать’; *vyzývat* ‘вызывать, призывать, приглашать, требовать’; *zakazovat* ‘запрещать, воспрещать’; *zaklínat* ‘заклинать’; *zamlouvat si* ‘заказывать’; *zapovídat* ‘запрещать, воспрещать’; *zapřísahat* ‘заклинать, умолять’; *zvat* ‘звать, призывать’; *žádat* ‘просить, требовать’.

2.3.1. «Коинцидентальная» перформативность

В соответствии с нашим материалом, в обоих сопоставляемых языках около трети от общего числа побудительных перформативных высказываний образовано с помощью эксплицитных перформативных формул, в которых отчетливо выделяется «модусная» часть, содержащая форму 1 л. ед. ч. индикатива настоящего времени перформативного глагола (*Прошу садиться*), и «диктумная» часть, содержащая инфинитив (*Прошу садиться*), либо придаточное предложение (*Я требую, чтоб улыбнулся ты; Предупреждаю, что туда идти опасно*), либо существительное (прежде всего отглагольное существительное со значением действия –

Прошу прощения)⁸¹. При этом употребительность той или иной модели в сопоставляемых языках будет неодинаковая: в то время как в чешском наиболее употребительной моделью является модель с оформленным кондиционалом придаточным предложением в «диктумной» части перформативного высказывания, для русского речеупотребления более узальной является модель с инфинитивом, ср. следующую диаграмму, демонстрирующую абсолютную и относительную употребительность названных моделей в нашем извлеченном сплошной выборкой материале.

Языки:

Ряд P1 – чешский язык.

Ряд P2 – русский язык.

⁸¹ Если «диктум» очевиден из ситуации и контекста, он может редуцироваться до местоимения или даже до нуля, ср. чешск. *To neradím* и русск. *Не советую, гражданин, не советую*.

Модели:

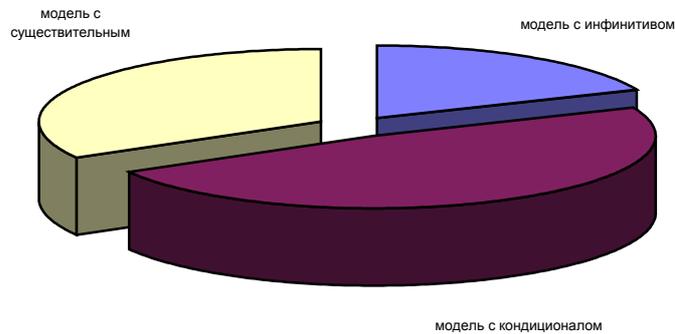
1. Модель с инфинитивом типа чешск. *Radím otevřeně mluvit o všem, co se týká dětí a rodičů* и русск. *Я прошу обратить на это внимание!*
2. Модель с оформленным кондиционалом / сослагательным наклонением придаточным предложением типа чешск. *Žádám, abyste⁸² mě vy-slech!* и русск. *Я требую, чтобы вы меня выслушали!*
3. Модель с существительным типа чешск. *Žádám náhradu škody!* и русск. *Я требую возмещения ущерба!*

Кроме того, несмотря на то обстоятельство, что хотя абсолютная употребительность модели с существительным в русском речупотреблении все же выше, чем в речупотреблении чешском (это связано с более высокой употребительностью эксплицитных перформативных конструкций в русском речупотреблении в целом), ее относительная употребительность (доля высказываний, образованных по данной модели в общем числе высказываний, образованных по всем трем моделям) выше в речупотреблении чешском⁸³, ср. две диаграммы ниже.

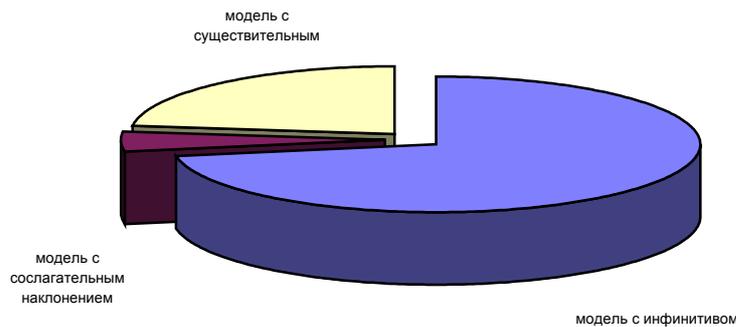
⁸² Теоретически в составе чешских эксплицитных перформативных конструкций вместо элемента *abych/abys/aby/abychom/abyste* возможен элемент *kdybych/kdybys/kdyby/kdybychom/kdybyste* [Mluvnice češtiny 1987: 340], однако в нашем материале подобные примеры единичны, ср.: *A já ted' **prosím** pana profesora Čepelku, **kdyby** byl tak laskav, ujal se spěvního partu, já ho pokusím doprovodit* (Divadlo Jára Cimrmana, hra Vražda v salonním kupé).

⁸³ Данное обстоятельство вполне согласуется с большей, по сравнению с русским, функциональной нагруженностью чешских «глагольных существительных» (verbální substantiva), включаемых, в соответствии с чешской школьной традицией, в парадигму глагола, ср., например, [Havránek, Jedlička 1981], [Mluvnice češtiny 1986].

Относительная употребительность чешских базовых моделей

Относительная употребительность русских базовых моделей

В обоих сопоставляемых языках в составе названных моделей способно употребляться абсолютное большинство побудительных перформативных глаголов.

В текстах SYN2000 в составе данных трех типов перформативных конструкций нами были обнаружены формы следующих перформативных глаголов: *doporučovat* ‘рекомендовать, советовать’ (515 употреблений); *prosit* ‘просить’ (497); *nabízet* ‘предлагать’ (325); *žádat* ‘просить, требовать’ (189); *navrhovat* ‘предлагать’ (133); *radit* ‘советовать’ (40); *vyzývat* ‘вызывать, призывать’ (35); *přimlouvát se* ‘ходатайствовать’ (33); *varovat* ‘предостерегать, предупреждать’ (23); *schvalovat* ‘одобрять,

соглашаться, утверждать' (18); *zakazovat* 'запрещать, воспрещать' (16); *nařizovat* 'предписывать, приказывать, давать распоряжение' (11); *zapřísahat* 'заклинать, умолять' (11); *požadovat* 'требовать' (11); *volat* 'звать, вызывать, призывать' (8); *vyprošovat si* 'выпрашивать, испрашивать' (7); *poroučet* 'приказывать, командовать, распоряжаться' (2); *ukládat* 'поручать' (3); *vybízet* 'предлагать' (1); *zapovídat* 'запрещать, воспрещать' (1); *připomínat* 'припоминать, напоминать' (1), ср.:

Doporučuji vám však, moji milí čtenáři a čtenářky, abyste po rodičích nechtěli praktickou názornou ukázkou, když zrovna zlobíte... <SYN2000 S|NOV|1997|pohadka>

Pak vás ovšem prosím, abyste se případu věnovala výhradně ve svém volném čase a nepoužívala žádné zařízení nemocnice Memorial. <SYN2000 S|NOV|1996|pece1>

Nabízím vám, abyste si vybral, ke komu se dáte: k zavražděnému nebo k vrahovi? <SYN2000 S|COL|1998|klusevr>

"Můj pane, žádám o dovolení promluvit," řekla bez dechu; <SYN2000 S|NOV|1996|veclaska>

Navrhuju, aby ses nejdřív ubytovala, vybalila si věci a pak se vydala do tý jeho ulice. <SYN2000 S|NOV|1991|kap>

Radím vám, abyste co nejrychleji vyhledal pokladnu, jste unaven a je už pozdě. <SYN2000 S|NOV|1995|pasaz>

Vyzývám vás, abyste se okamžitě rozešli! <SYN2000 S|NOV|1992|ekl>

Přimlouvám se za povinné testování na AIDS! <SYN2000 S|PUB|1991|lnd91303>

"Varuji vás, abyste si brali, což někteří z vás už teď činíte, jako rukojmí pacienty, " napsal Stráský minulý týden dodavatelům léků. <SYN2000 S|PUB|1997|mf970412>

Tak abys věděl, tvůj výběr ti schvaluju. <SYN2000 S|NOV|1993|jenny>

Zakazuju ti používat blbého slova symbol! zvedal Avenarius hlas.
<SYN2000 S|NOV|1993|nes2>

*Jsem člověk a **nařizuju** ti, aby ses zastavil.* <SYN2000
S|NOV|199f|kalib>

***Zapřísahám** vás, abyste nikomu neříkal mé pravé jméno.* <SYN2000
S|NOV|1997|tvare>

*Odpuštění, Věro, a méně ponížení **požaduji** od Tebe.* <SYN2000
S|FAC|1996|orten>

*V dnešní těžké době **volám** Vás ke spolupráci – bez rozdílu stavů.*
<SYN2000 S|POP|1995|kapocesf>

*Dámo, bylo to krásné a **vyprošuju si** další tanec.* <SYN2000
S|NOV|1993|pi187>

***Poroučím** vám, abyste pokračovaly, nebo zmrskám vás znovu, že z toho
pojete!* <SYN2000 S|NOV|1996|klima>

*Arnošt, **ukládám** vám, abyste si do příštího prvního prostudoval Freudův
Úvod do psychoanalýzy.* <SYN2000 S|COL|1989|vrazda>

*Proto vás **vybízím**, abyste se rozhodli pro lásku k němu.* <SYN2000
S|NOV|1998|novzakon8>

*Ale starý mnich ještě třikrát zopakoval Trilbyho jméno a opakoval svá
slova v témže pořadí: "Zapřísahám tě," vyhlašoval, " jménem moci, již mi dáva-
jí svátosti, abys opustil chalupu rybáře Dougala, a **zapovídám** ti, aby ses tam
kdy vracel, leda za podmínek, které jsem ti uložil, když jsem podruhé odzpíval
svaté litanie k Panně Marii." <SYN2000 S|NOV|1997|nodier>*

*Velmi naléhavě prosím a **připomínám**, abyste na Den 97 přinesli nějaké
občerstvení, nádoby atd.* <SYN2000 S|FAC|1997|clavis97>

Это не означает, разумеется, что в составе подобных конструкций не
могут встретиться иные перформативные глаголы, например, глаголы
napomínat ‘делать замечание’, *odporučovat* ‘рекомендовать’; *upozorňovat*

‘предупреждать, предостерегать’, ср. примеры из художественной литературы XIX-начала XX века:

*Jednou, dvakrát, do třikráte **napomínám** vás, kdo jste se provinil, abyste mi to vyznali!* (Z. Winter. Mistr Kampanus);

*Ponevadž pan Brouček ve svém kritickém postavení nemohl se věnovati zevrubnému bádání archeologickému a leccos asi přehlédl nebo nesprávně si zapamatoval, **odporučuji** citovanou knihu všem, kdož by hledali obširnějšího poučení o staročeském bytu a jeho zařízení.* (S. Čech. Nový epochální výlet pana Broučka...);

***Upozorňuji** vás ještě jednou, abyste se přiznal.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

Лидирующий (наравне с глаголом *doporučovat*) по употребительности среди чешских перформативных глаголов глагол *prosit* способен употребляться также и в составе побудительных эксплицитных перформативных высказываний, «диктумная» часть которых оформлена в виде придаточного предложения с союзом *zda*, ср.:

<i>Proto Vás prosím, zda byste mohli potvrdit psaní velkých písmen v následujících názvech ulic...</i>	<i>‘И поэтому я вас прошу подтвердить [букв. прошу, не могли бы вы подтвердить] правильность написания заглавных букв в следующих названиях улиц...’</i>
<SYN2000 S SCI 199g naserec>	

В обоих сопоставляемых языках некоторые глаголы способны образовывать эксплицитные перформативные побудительные высказывания, «диктумная» часть которых оформлена в виде придаточного предложения, присоединенного к «модусной» части с помощью изъяснительного союза, а именно чешского союза *že* и русского союза *что*. Речь идет о чешских глаголах *nabízet*, *upozorňovat*, *varovat* и русском глаголе *предупреждать*, ср.:

<i>Nabízím tě, že tě tam doprovodím</i> (пример из [Mluvnice češtiny 1987: 325])	<i>‘Я могу тебя туда проводить’</i> [букв. *Я предлагаю тебе, что я тебя туда провожу]
<i>Půjdete rovnou tam. Kdybyste si to náhodou rozmyslela a chtěla návštěvu, kterou jsem vám doporučil, odložit, upozorňuji vás, že vás mohu dát předvolat.</i> (V. Erben. Bláznova smrt)	<i>‘Вы пойдете прямо туда. Если вы вдруг передумаете и захотите отложить это рекомендуемое мной посещение, предупреждаю, что я могу вызвать вас повесткой’.</i>

Поиск по формуле [word="[Vv]aruj[iu]"]{0,5} [word="že"] дал 6 примеров в SYN2000 (после визуальной проверки контекстов осталось 5 примеров), поиск по формуле [word="[Nn]abízím]"]{0,5} [word="že"] – 6 примеров (осталось 2 примера), поиск по формуле [word="[Uu]pozorňuj[iu]"]{0,5} [word="že"] – 149 примеров.

И в чешском, и в русском возможны своего рода эллиптические варианты данных эксплицитных перформативных высказываний с пропуском союза, ср.:

<i>Já tě varuju, – už zase křičel Karel, – [že] já už takhle nemůžu dál. Když odtud nepůjdeš se mnou, půjdu sám.</i> (J. Procházka. Vrah se skrývá v poli)	<i>‘«Я предупреждаю тебя, – снова кричал Карел, – [что] я дальше так не могу. Если ты не поедешь со мной, я уеду один’.</i>
--	---

Особенностью высказываний данного типа, отличающей их от высказываний с кондиционалом / сослагательным наклонением, является то обстоятельство, что каузируемое действие не *эксплицируется* «диктумом», а *имплицуруется* им. Так, в случае с предложением «подвезти собеседника куда-либо» имплицуруются некоторые его действия, связанные принятием предлагаемой услуги (при этом очевидно, что речь не идет о «просьбе о разрешении», поскольку подобный речевой акт не мар-

кирован по соответствующим признакам). В случае же с *предостережением* имплицируются некоторые действия, невыполнение которых собеседником приведут к эксплицируемым «диктумом» неблагоприятным для собеседника последствиям⁸⁴.

Кроме того, очевидно, что речь идет о гибридных речевых актах, вмещающих в себе признаки директивов и комиссивов – одним и тем же речевым актом говорящий не только побуждает собеседника к некоторому действию, но и берет на себя некоторые обязательства.

В обоих сопоставляемых языках представлены глаголы, способные образовывать побудительные эксплицитные перформативные высказывания, «модусная» часть которых содержит в себе (полностью или частично) и «диктумное» значение. Речь идет о чешских глаголах *omlouvati se, zvat, volati* и лексически соотносительных с ними русских глаголах *извиняться, призывать, вызывать, звать*.

Наиболее характерными в этом плане являются конструкции с чешским возвратным глаголом *omlouvati se* и русским возвратным глаголом *извиняться*. Выражая *извинение* – социально значимый подтип *просьбы*, эксплицитные перформативные конструкции типа чешск. *omlouvám se* и русск. типа *я извиняюсь* явно соотносятся с рассмотренными выше эксплицитными перформативными моделями типа чешск. *prosím, abyste mě omluvil; prosím za odpuštění / prominutí* и русск. *прошу меня простить / извинить; прошу прощения / извинения*. При этом стилистическая значимость подобных конструкций в сопоставляемых языках неравная.

⁸⁴ Естественно, что высказывание данного типа, имплицирующее некоторое действие собеседника, может дублировать экспликацию этого же действия предыдущим высказыванием либо дублироваться его экспликацией высказыванием последующим, что и происходит в приведенных примерах.

В русском речеупотреблении конструкции с формой *извиняюсь* характерны, как правило, для стилистически сниженного способа выражения, ср.: «Пардон! – отозвался Фагот. – **Я извиняюсь**, здесь разоблачат нечего, все ясно!» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Перенос данного перформатива из стилистически сниженной сферы речеупотребления возможен с помощью распространения его зависимыми словами, ср.: *Прошу прощения, Александр Иванович, я вас так обеспокоил. Еще раз решительно извиняюсь и немедленно вас покидаю.* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

В то же время в речеупотреблении чешском подобные конструкции стилистически нейтральны, ср. некоторые примеры из романов В. Эрбена, которые нельзя стилистически адекватно перевести на русский язык «буквально», т. е. конструкцией *извиняюсь* (говорящий – рафинированный молодой человек, выражающийся, как правило, подчеркнуто литературно):

Omlouvám se, že volám příliš pozdě. ‘Простите, что звоню так поздно.’

„**Omlouvám se,**“ řekl Exner, „a nerad bych vás dlouho zdržoval.“ ‘«Я приношу свои извинения, – сказал Экснер, – и не буду вас долго задерживать».’

Omlouvám se vám, že jsem obtěžoval... ‘Простите, что занял ваше время...’

Omlouvám se. Velmi spěchám. ‘Извините, я очень спешу.’

Omlouvám se. Na shledanou. ‘Приношу свои извинения. До свидания.’

Прочие глаголы данной группы (чешские глаголы *zvat, volat* и русские глаголы *призывать, вызывать, звать*) используются в составе побудительных эксплицитных перформативных конструкций довольно ред-

ко и характерны практически исключительно для подчеркнуто официального общения, ср.:

„*Ve jménu krále,*“ *opra*koval vůdce, „*zvu* тебе, *Jene* ze Smojna, *před* soud nejjasnějšího císaře a *krále!*“ (P. Chocholoušek. Jan Pancéř) ‘«Именем короля, – повторил предводитель, – я **зову** / **вызываю** тебя, Ян из Смойна, на суд всемилостивейшего [букв. светлейшего] императора и короля!»’

Občané a *občanky*, *drazí* přátelé! *Volám* vás *všecky* k *bdělosti* a *pohotovosti!* (J. Procházka. Hon na lišku) ‘Граждане, дорогие друзья! Я **призываю** вас всех к бдительности и готовности!’

Volám vás *k* *pořádku!* <SYN2000 S|COL|1997|staprap > ‘Я **призываю** вас к порядку!’

В рассмотренных выше высказываниях «диктумное» значение проникло в «модусную» часть эксплицитного перформативного высказывания. Однако в обоих сопоставляемых языках возможно и альтернативное перераспределение «диктумного» и «модусного» значений. Речь идет о довольно распространенных и традиционно рассматриваемых в общей массе эксплицитных перформативных высказываний случаях, когда перформативный предикат выступает в роли своего рода комментария к побуждению, выраженному обычной императивной конструкцией или как-либо иначе, ср. чешск. *Ale sama za ním nechod'te, radím vám dobře* и русск. *Примите меры, доктор, умоляю!*

В текстах SYN2000 в составе подобных конструкций нами были обнаружены следующие глаголы: *prosit* (619 употреблений), *zapřísahat* (20), *radit* (11), *varovat* (5), *nařizovat* (4), *poroučet* (2), *navrhovat* (1), *žádat* (1), *vyprošovat si* (1), *zaklínat* (1), *vybízet* (1), *napomínat* (1), ср.:

*Moc tě **prosím**, pohni se trošku. <SYN2000 S|NOV|1991|kap>*

***Zapřísahám** vás, jednejte rychle! <SYN2000 S|NOV|1988|eco>*

*Dobře ti **radím**, zajdi si za psychiatrem. <SYN2000 S|VER|1996|stachura>*

*Nedělejte si, madame, legraci z mých nohou, **varuji** vás! <SYN2000 S|NOV|1996|veclaska>*

***Narizuju** ti . . . zabi ho! <SYN2000 S|NOV|1994|top4>*

*A proto **navrhují**, co takhle protrhnout stereotyp něčím **POŘÁDNĚ** praštěným ... <SYN2000 S|MIS|199f|efemost>*

***poroučím** ti to, zaříd' to <SYN2000 S|SCI|1997|cl-3-97t>*

*Za to **žádám** velice: Bože, vzbud', nakloň mé srdce <SYN2000 S|SCI|1997|cl-3-97t>*

*To si **vyprošuju**, stoupněte si a řekněte, jaký máte duchod. <SYN2000 S|PUB|1998|mf980606>*

*Proboha, láska, **zaklínám** tě, odjed' odtud, dokud je čas! <SYN2000 S|COL|1992|pec>*

*Pro Boží milosrdenství vás, bratři, **vybízím**: přinášejte sami sebe v obět živou, svatou a Bohu milou! <SYN2000 S|POP|1997|liturgie>*

***Zapřísahám** vás, kupci, otevřete své krámky, **napomínám** vás, peně-zoměnci, nezavírejte své banky! <SYN2000 S|SCR|1990|ecce>*

Изобилие примеров с глаголом *prosit* объясняется способностью формы *prosím* десемантизироваться и функционировать в качестве формального экспликатора вежливости (аналогично русскому *пожалуйста*). Более того, процессы делексикализации и деграмматикализации⁸⁵ часто приводят к тому, что словоформа *prosím* превращается в полифункциональную частицу с широчайшим спектром ситуаций ее употребления, ср.

⁸⁵ Процессы декатегоризации и делексикализации словоформы *prosím* подробно анализируются в [Широкова 1998: 60-62], [Широкова 1999].

идущие подряд примеры из романа М. Капека: *Prosím tě, pojd' sem!* (s. 8) 'Пожалуйста, подойди сюда!', *Prosím tě, kde?* (s. 10) 'Боже мой, где?', *Ano, prosím, taky tady tu stavbu vedle vás* (s. 11) 'Да-да, и эту стройку рядом с вами', *My, prosím, v žádném případě nejdem z kopce.* 'У нас, знаете ли, в любом случае всё в порядке'.

О десемантизации и деграмматикализации можно говорить в случае абсолютного большинства примеров со словоформой *prosím*, содержащихся в SYN2000. Так, в 29% примеров эта словоформа выступает в качестве показателя формальной вежливости, а еще в 66% случаев – в качестве полифункциональной частицы.

2.3.2. «Некоинцидентальная» перформативность

Рассмотренные выше модели представляют собственно «коинцидентальные», по Кошмидеру, побудительные перформативные высказывания. Однако нередко мы имеем дело с редукцией или трансформацией как «модусной», так и «диктумной» части, при этом трансформация «модусной» части более характерна для чешского речеупотребления, чем для русского. В случае трансформации «модусной» части, как и в случае с «некатегориальным» побуждением, речь идет об экспликации того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания, а именно об экспликации действия в презентно-футуральной перспективе (русск. *Я попрошу / (по)просил бы вас зайти*), экспликации необходимости (русск. *Я вынужден просить вас удалиться*), возможности (русск. *Могу я просить вас спеть еще?*), волеизъявления (*Я хочу / хотел бы вас (по)просить заходить почаще*). Строго говоря, с точки зрения классической теории речевых актов, данные высказывания лежат на границе (или даже за границей) прямых и косвенных речевых актов: формально речь идет о констатации необходимости, вопросе о возможности и т. д.

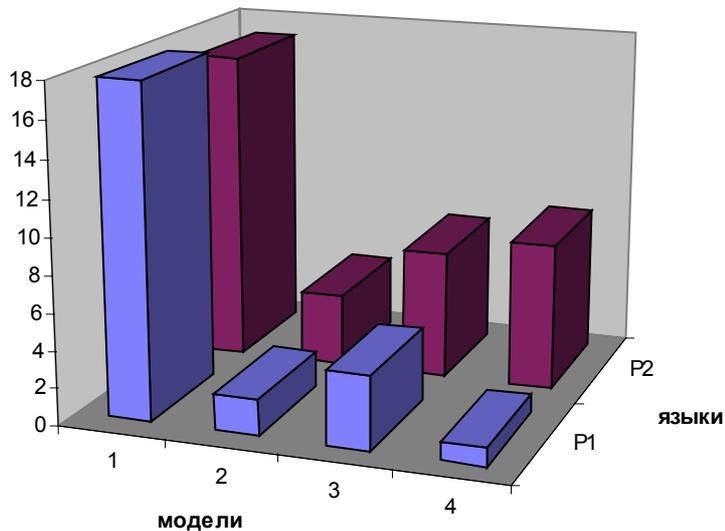
Й. Крекич относит подобные высказывания к *косвенно-эксплицитным перформативам* [Крекич 1993: 11].

Как видно из приводимой ниже диаграммы, иллюстрирующей употребительность названных моделей в нашем извлеченном сплошной выборкой материале, обращение к экспликации возможности, необходимости или волеизъявления⁸⁶ при образовании побудительных эксплицитных перформативных высказываний характерны для современного русского речеупотребления в значительно меньшей степени, чем для современного чешского, тогда как к экспликации действия носители обоих языков обращаются приблизительно в равном числе случаев⁸⁷. Весьма показательным представляется тот факт, что употребительность чешских моделей с трансформированной подобным образом «модусной» частью, как показывает диаграмма, оказывается выше употребительности аналогичных русских моделей, и это при том, что общая употребительность чешских побудительных эксплицитных перформативных высказываний в подвергнутых сплошной выборкой художественных текстах, как отмечалось в начале раздела, вдвое ниже общей употребительности русских побудительных эксплицитных.

⁸⁶ Ю. Д. Апресян говорит в этой связи о «вежливых» перформативных высказываниях типа *Позвольте <разрешите, должен, хочу> вас предупредить, Осмелюсь доложить, Смею вас уверить* [Апресян 1995, Т. II: 203] и отсылает к работам [Fraser 1975], [Davison 1975].

⁸⁷ При этом чешские высказывания рассматриваемого типа с тематизацией действия в абсолютном большинстве случаев оформлены кондиционалом, тогда как для русского речеупотребления возможно обращение не только к сослагательному наклонению, но и к презентно-футуральной форме индикатива глагола совершенного вида.

Употребительность моделей с трансформацией
"модусной" части

Языки:

Ряд P1 – русский язык.

Ряд P2 – чешский язык.

Модели:

1. Экспликация действия типа чешск. *Radil bych ti, abys učinil totéž* и русск. *Я бы советовал тебе сделать то же самое; Попрошу освободить кабинет.*
2. Экспликация необходимости типа чешск. *Jsem nucen vás požádat, abyste zůstal* и русск. *Я вынужден просить вас остаться.*
3. Экспликация возможности типа чешск. *Mohu vás požádat, abyste zůstal?* и русск. *Я могу попросить вас остаться?*
4. Экспликация волеизъявления типа чешск. *Chtěl bych vás požádat, abyste zůstal* и русск. *Я хочу попросить вас остаться.*

Как показывают обнаруженные нами в текстах SYN2000 примеры, наиболее узуальной (342 примера из 494) является трансформация *индикатив* → *кондиционал* перформативного глагола (которая может сопро-

вождаться его перфективацией), на втором месте – экспликация волеизъявления (76 примеров), далее экспликация возможности (60 примеров) и экспликация долженствования (16 примеров).

Поскольку в современном чешском языке, как и в современном русском, подобные трансформации могут рассматриваться в качестве показателя формальной вежливости⁸⁸, в конструкциях рассматриваемого типа уместны лишь формы «неавторитарных» перформативных глаголов, ср. обычность сочетаний *prosil bych...*, *doporučoval bych...*, *radil bych...*; *chtěl bych požádat / poprosit*; я бы (no)просил / (no)рекомендовал / (no)советовал, но не сочетаний *я бы приказал, *я бы хотел приказать.

В текстах SYN2000 в составе рассматриваемых высказываний нами были обнаружены формы следующих глаголов: *doporučit* (96 употреблений), *prosit* (76), *poprosit* (59), *doporučovat* (58), *radit* (39), *přimlouvát* (28), *navrhovat* (20), *navrhnout* (19), *požádat* (18), *varovat* (17), *poradit* (16), *nabídnout* (14), *upozornit* (13), *vyzvat* (4), *nabádat* (1), *přimluvit* (1), *žádat* (1), ср.:

Ale doporučil bych vám, abyste začala užívat rimantadin. <SYN2000 S|NOV|1996|epidem09>

Kromě toho bych vás prosil, abyste zašel za jedním doktorem, jmenuje se Barnaby Fletcher. <SYN2000 S|NOV|1995|vrazlek>

Rád bych vás poprosil ještě o jednu službu, Joanno. <SYN2000 S|NOV|1996|pecel>

Tak bych vám vřele doporučovala, abyste se podíval na záznam. <SYN2000 S|NOV|199f|kalib>

⁸⁸ Ср.: «Кондиционал по сравнению с индикативом <...> смягчает категоризм утверждения, делает его менее настойчивым, более вежливым» [Широкова 1983: 95].

*"**Já bych** ti upřímně **radil**, aby ses na to vykašlal," řekl a vyčkával. <SYN2000 S|NOV|1994|smilide>*

*A proto **bych se** velice **přimlouval** za podporu malého Davida proti Goliášovi. <SYN2000 S|PUB|1992|mf920113>*

***Navrhoval bych** vám spíše, abyste své příští happeniny pořádal na zcela opuštěném místě, stranou od civilizace. <SYN2000 S|PUB|1994|lnnp9411>*

*Na základě testu inteligence a rozhovoru s tebou **bych ti ráda navrhla**, abys tuto obec urychleně opustila a přestěhovala se do Cambridge. <SYN2000 S|NOV|1995|filkozpe>*

*Nyní **bych** vás **rád požádal**, pane Meeksi, abyste se upamatoval na zmíněnou dobu, a abyste soudu poskytl charakterové hodnocení těchto dvou žákyň. <SYN2000 S|NOV|1996|hearts7>*

***Musím** vás ale **varovat**, že jakmile uděláte sebemenší chybu, nebo se na druhé straně pokusíte o nějaký trik, kněz si vás najde a zničí vás. <SYN2000 S|NOV|1994|smilide>*

***Rád bych** vám **poradil**, abyste v Praze zašel do Klementina, tam je v Univerzitní knihovně, takhle na konci chodby ve druhém patře, oddělení novin. <SYN2000 S|PUB|1992|lnd92250>*

*Nebo vám **mohu nabídnout**, abyste přespala u mne. <SYN2000 S|NOV|1997|doktorv>*

*A já **bych** vás zase **ráda upozornila** na to, že je tu zákaz zastavení. <SYN2000 S|NOV|1997|doktorv>*

*Prosím, než mandátová komise spočítá hlasy – já **bych** vás **vyzval** pane doktore, abyste si svůj malý tým odvedl – myslím, že než to spočítáte, uplyne přesně ta půlhodina, o kterou jde a já bych do té doby řekl některé informace, které si myslím, že jsou důležité. <SYN2000 S|ADM|1999|valhrom>*

*Třebaže taková ministerstva leckde ve světě existují a fungují ke spokojenosti všech zainteresovaných, u nás **bych nabádal** k vřelejší úvaze.* <SYN2000 S|POP|1997|techt97>

*Na závěr **bych se rád přimluvil** za odlišení měkkých a tvrdých drog v zákoně a určení trestních možností přímo v zákoně,* <SYN2000 S|PUB|1997|mf970712>

*Jen a jen proto tě **musím** se vši důrazností **žádat**, aby ses vyvaroval bezmyšlenkovité roztěkanosti, pokud někdy dopustíš, aby v tvé domácnosti nikdo neměl kliku.* <SYN2000 S|PUB|1995|v1_25_95>

В качестве особого случая трансформации «модусной» части эксплицитного перформативного высказывания можно рассматривать его номинализацию типа чешск. *zakazuji, abyste mi tykal* → *zákaz tykání* и русск. *я предлагаю осмотреть гараж* → *есть предложение осмотреть гараж*, *прошу закрывать за собой дверь* → *просьба закрывать за собой дверь*. В обоих сопоставляемых языках подобные конструкции крайне малоупотребительны и неоднозначно воспринимаются разными носителями языка: одни считают их сугубо официальными, другие, напротив, – подчеркнуто разговорными, выражающими т. н. *альтернативную норму солидарности*.

2.4. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТИПЫ ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПОБУЖДЕНИЯ

В обоих языках побудительные высказывания, способные интерпретироваться как скрытые перформативы, можно разделить на высказывания, содержащие глагольную форму (чешск. *Stát!* [← *Přikazují: Stát!*], *Otevřít!* [← *Přikazují: Otevřít!*]; русск. *Стоять!* [← *Я приказываю стоять!*], *Открыть!* [← *Я приказываю открыть!*]) и высказывания, глагольной формы не содержащие (чешск. *Ven!* [← *Přikazují: Ven!*] *Vodu!*

[← *Přikazuji / Prosím: Vodu!*] *Rychle!* [← *Přikazuji / Prosím / Radím: Rychle!*]; русск. *Вон!* [← *Я приказываю выйти вон!*] *Воды!* [← *Я приказываю / Прошу воды!*] *Быстро!* [← *Я приказываю / Прошу / Советую делать то, что ты (вы) делаешь (делаете) быстро!*]). Это деление соотносится, конечно же, с традиционной классификацией побудительных высказываний без императивной формы (ср. [Типология... 1992: 9-10]), которая опирается на *формальные* критерии, тем не менее в пользу подобного деления говорят и некоторые особенности семантики и функционирования скрытых перформативов первого и второго типа. Все эксцерпированные нами из чешских текстов инфинитивные побудительные конструкции выражают *категорическое* побуждение. В текстах SYN2000 среди иллокутивно маркированных побудительных высказываний инфинитивные конструкции нами обнаружены также только в «авторитарном» массиве, ср. примеры с «авторитарными» интерпретирующими каузативами *zavelet, poručit, přikázat, rozkázat, nařídít*:

Přistoupil k tanku a zavelel: 'Он подошел к танку и скомандовал:
"Osádko – **vysednout!**" <SYN2000 S|NOV|1990|prapor> «Экипаж – выходи! [букв. выйти]»

Vyskočil, <...>, podal spolucestujícímu baterku a poručil: "Svítit!" 'Он вскочил, <...> подал спутнику фонарик и приказал: «Свети!»
<SYN2000 S|NOV|1993|pi187> [букв. светить]'

"Zaostřit," přikázal Barnes. '«Сфокусируй! [букв. сфокусировать]», – приказал Барнс.'
<SYN2000 S|NOV|1993|koule>

"Sednout," rozkázal. <SYN2000 S|NOV|1997|mashpar> '«Сесть!» – приказал он.'

*Tak soudruh Stalin nařídil: **Sebrat!*** 'Тогда товарищ Сталин распорядился: «Арестовать!»'
<SYN2000 S|NOV|1992|ing>

В русском речеупотреблении инфинитивные побудительные конструкции также специфицированы для выражения *категорического* побуждения, ср. [Виноградов 1972: 475], [Храковский, Володин 1986: 196-202; 210].

Скрытые перформативы второго типа (не содержащие глагольной формы) также нередко эксплицируют категорическое побуждение и свободно сочетаются со скрытыми перформативами первого типа, ср.:

Dost! Dost, Lavičková! Končit! Papíry ze stroje! (V. Erben. Bláznova smrt) '*Хватит! Хватит, Лавичкова! Коней! [букв. Заканчивать!] Бумагу из машинки!*'

Тем не менее для скрытых перформативов, не содержащих глагольной формы, достаточно обычно и их использование для выражения побуждения, которое не маркируется не как «авторитарное», ср. некоторые примеры из SYN2000 с интерпретирующими каузативами *zapřísahat, prosit, žádat, vyzývat, poradit, varovat, upozornit*:

"Jen do toho, "zapřísahal všechny a všichni se do toho opravdu pustili. <SYN2000 S|PUB|1991|lnnp9122> '*«Наддайте! [букв. за дело]» – умолял он каждого, и все действительно наддали.'*

"Rychle, rychle, proboha!" prosil Tortorici. <SYN2000 S|COL|1997|kuname> '*«Быстрее, быстрее, ради Бога!» – просил Торторичи.'*

"Rezoluci!" žádali ze všech stran. <SYN2000 S|NOV|1990|zivago> '*«Резолюцию!» – требовали со всех сторон.'*

"Odvalu!" vyzýval. <SYN2000 S|NOV|1996|bovary3> '*«Смелее! [букв. Отваги!]*» – подбадривал [букв. призывал] он.'

"Do ramene," poradila Beth. '*«В плечо», – посоветовала Бэт.'*

<SYN2000 S|NOV|1993|koule>

"*Klid,*" *varoval Norman.* <SYN2000 S|NOV|1993|koule> '«Спокойнее,» – предостерегал Норман.'

"*Výtah, Victorie!*" *upozornil ji náhle Archie, až ji vylekal.* <SYN2000 S|NOV|199d|milenci> '«Лифт, Виктория,» – крикнул [букв. предупредил] ей Арчи так внезапно, что она испугалась.'

В высказываниях этого типа в той или иной степени «скрытым» может оказаться не только характер побуждения (просьба, приказ, совет), но и его пропозициональное содержание, что требует от слушающего (= исполнителя) дополнительных усилий. Так, в коммуникативно-прагматической ситуации приказа «вписанный в иерархическую систему адресат – подчиненный – испытывает ее давление; сознание его не свободно, и он понимает “скупые” или “случайные” слова начальства как косвенный речевой акт, имплицитно содержащий приказание, конкретный смысл которого выводится на основании “общего фонда знаний” о начальнике – о его поведении, убеждениях, интересах и т. п.» [Алисова, Бунтман 1988: 9]. Боязнь не опознать побуждение либо интерпретировать его некорректно обусловлены тем известным обстоятельством, что невыполнение *приказа* наказуемо, влечет за собой санкции [Morris 1960: 202]. Тем не менее «сбои» все же возможны, ср.: *Ротмистр останавливается и хрипит: «Замок!» По его черному лицу катится пот. Максим не понимает. Набежавший Панди отталкивает его, приставляет дуло автомата к двери под ручкой и дает очередь.* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

В иных, нежели приказ, коммуникативно-прагматических условиях говорящий не может рассчитывать на то, что его слова будут с трепетом ловиться слушающим (= исполнителем) и поэтому должен быть более конкретен. Обращение же к скрытым перформативам может повлечь не-

понимание, ср.: «*Чайник...*» / «*Что-о?!*» / «*Чайник...*» / «*Кто чайник?*» / «*М-м-м...*» / «*Не понял.*» / «*Дай воды!*» / «Так бы, понимаешь, сразу и говорил! *А то: чайник, чайник...*» (В. Шендерович. Куклы).

На периферии группы высказываний рассматриваемого типа находятся номинативные высказывания типа *Волна! Машина!*, способные, по нашему мнению, интерпретироваться как эллиптические эквиваленты перформативных высказываний типа *Я предупреждаю тебя (вас), что приближается волна / машина.* В отличие от высказываний типа *Стоять! Воды! Спокойно! Минутку!* подобные высказывания не эксплицируют каузируемое действие (объект действия, условия его протекания и т. д.), а лишь называют причину, вследствие которой совершение действия необходимо. В литературе высказывалось мнение о возможности делить номинативные высказывания такого типа «на социально закрепленные слова-сигналы (*Газы! Танки! Тревога!*) и обычные существительные, способные обозначать перемену внешней ситуации (*Осторожно: поезд! Какой-то стук*)» [Воейкова 1988: 41].

В качестве скрытых побудительных перформативных высказываний можно рассматривать и высказывания с побудительными междометиями⁸⁹, ср. *Тсс!* = '*Я прошу / требую / ...: Тсс!*'

2.5. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

В составе высказываний, выражающих побуждение через экспликацию каузируемого действия, используются конструкции с формами индикатива или кондиционала. Сюда, безусловно, можно включить и кон-

⁸⁹ В числе русских «побудительных междометных предложений» называются такие образования, как *Тпру! Нно-о! На! Тсс! Эй! Айда!* [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 399].

струкции с инфинитивом, рассмотренные выше (в качестве скрытых перформативных высказываний). При этом немалую роль играет оформление побуждения вопросительной или невопросительной конструкцией, а также наличие или отсутствие отрицания.

2.5.1. Конструкции с формами 2 лица ед. и мн. числа индикатива

Использование в побудительных речевых актах невопросительных конструкций с презентно-футуральными формами 2-го лица индикатива в абсолютном большинстве случаев можно рассматривать как демонстрацию говорящим отсутствия у него малейших сомнений в том, что каузируемое действие будет выполнено.

Обращение к подобным конструкциям в обоих языках – довольно сильное средство, а потому оно и используется нечасто. Так, в романе М. Капека, где представлено более четырех сотен императивных форм 2 лица, среди обнаруженных нами 39 примеров с «побудительным» индикативом лишь 2 (!) примера содержат формы 2 лица. Оба примера – воинские приказы, отдаваемые начальником подчиненному, причем во втором из них за индикативной побудительной конструкцией следует обычная императивная, ср.:

<i>Budeš tady hlídat trabanta, kdyby se mi holubičku náhodou někde ztratily. V takovém případě je zadrž!</i> (М. Капек. A je to gól!)	<i>Ты будешь здесь сторожить трабант, на тот случай, если я случайно потеряю из вида наших голубок. Тогда задержи их!</i>
---	---

В текстах SYN2000 среди иллокутивно маркированных побудительных высказываний рассматриваемые конструкции нами обнаружены прежде всего в «авторитарном» массиве, ср. некоторые примеры с «авторитарными» интерпретирующими каузативами *velet, poručit, přikázat, rozkázat, nařídít*:

- "*Výborně se to podařilo!*" *zašeptal Fabio a velel banditům: "Ty se budeš modlit a zpívat, jako kněz nad hrobem. A ty budeš plakat!*" <SYN2000 S|NOV|1996|klima> '«Получилось отлично!» – шепнул Фабио и приказал бандитам: «Ты будешь молиться и петь псалмы, как священник над гробом. А ты будешь плакать!»'
- "*Zůstaneš tady!*" *poručila jí Colleen.* <SYN2000 S|NOV|1996|epidem03> '«Ты останешься здесь!» – приказала ей Коллин.'
- "*Tyto lidi okamžitě zadržíte,*" *přikázal mu Verkramp.* <SYN2000 S|NOV|1997|sharpe> '«Этих людей немедленно задержать [букв. вы немедленно задержите],» – приказал ему Феркрамп.'
- "*Na příští zabočíte!*" *rozkázal jsem.* <SYN2000 S|COL|1992|prokleti> '«На следующей поворачивайте [букв. вы повернете]!» – приказал я.'
- "*Vy dva pojedete se mnou domů,*" *úsečně nařídil otec.* <SYN2000 S|NOV|1996|klenot3> '«Вы двое едете со мной домой,» – коротко велел отец.'

Употребление подобных конструкций в «неавторитарных» высказываниях единично, хотя и возможно. При этом лексически или синтаксически может быть выражена неуверенность говорящего в успешности речевого акта, ср. третий из приводимых далее примеров:

- "*Pojedeš se mnou,*" *navrhla jsem ti, "už sis na mou péči zvykl!"* <SYN2000 S|COL|1985|metracek> '«Пойдешь со мной, – предложила я ему, – ты уже привык к моей заботе.»'
- "*Napišete jen prohlášení,*" *navrhoval kostlivý.* <SYN2000 S|NOV|1996|k...> '«Вы напишете только декларацию,» – предлагал костлявый.'

S|NOV|1991|ryb>

Pocity dětí snad nejlépe vystihuje prosba jednoho malého účastníka kurzu, který poslední páteční den poprosil našeho lektora: "Pane učiteli, vid'te, že řeknete mamince, že nemůžu odejít před čtvrtou hodinou!" <SYN2000

‘О чувствах детей лучше всего говорят просьба одного маленького участника курса, попросившего в последнюю пятницу нашего лектора: «Господин учитель, ведь вы скажете маме, что я не могу уйти до четырех часов!»’

S|PUB|1997|cw97>

Зато вопросительные конструкции с презентно-футуральными формами 2-го лица индикатива используются именно в «неавторитарных» побудительных высказываниях, ср.:

Nevezmete si s námi kotletku? na- bízel pan Kryštof. <SYN2000

‘«Не хотите [букв. вы не возьмете с нами] котлетку?» – предлагал господин Криштоф.’

S|COL|1992|pec>

"Nezajdete se na něho podívat?" navrhl jsem. <SYN2000

‘«Вы не зайдете на него посмотреть?» – предложил я.’

S|COL|1992|prokleti>

"Neřekneš to nikomu?" prosil. <SYN2000 S|COL|1985|metracek>

‘«Ты никому не скажешь» – просил он.’

При этом в отличие от русского языка, в котором подобные высказывания оформляются, как правило, конструкцией с отрицанием⁹⁰, для чешского речеупотребления достаточно обычны конструкции без отрицания, ср.:

"Dáte si kávu?" nabídla Amanda. *‘«Не хотите [букв. возьмете себе]*

⁹⁰ См., например, [Безяева 1998].

<SYN2000 S NOV 1996 pece1>	<i>кофе?» – предложила Аманда.</i> '
<i>Uzval ji: "Dáš si se mnou?"</i>	'Он спросил [букв. призвал] ее: «Ты не
<SYN2000 S NOV 1995 otcem>	<i>пойдешь со мной?»</i> '
<i>"Přijdete zítra na hon, že ano?"</i>	'«Вы придете завтра на охоту, ведь
<i>prosila, když komandant vystoupil.</i>	<i>да?» – просила она, когда комендант</i>
<SYN2000 S NOV 1997 sharpe>	<i>вышел.</i> '
<i>"Vezmeš si je, vid'?" <u>zaprošil.</u></i>	'«Ты возьмешь их себе, да?» – попро-
<SYN2000 S COL 1985 metracek>	<i>сил он.</i> '

2.5.2. Конструкции с формами 1 лица индикатива

В обоих сопоставляемых языках говорящий может сообщать адресату о запланированном действии, ожидая от него согласия (мы имеем дело, таким образом, с *просьбой о разрешении*, иногда рассматриваемой в качестве особого социально значимого подтипа просьбы⁹¹). Высказывания типа *Я открою дверь* можно интерпретировать в качестве эллиптических эквивалентов высказываний типа *Если вы не возражаете, я открою дверь; С вашего разрешения, я открою дверь*. При этом в качестве *разрешения* может интерпретироваться отсутствие негативной реакции со стороны адресата, ср.:

⁹¹ Специфика интерактивных условий просьбы о разрешении обусловливается следующим: (1) говорящий собирается сам реализовать либо воздержаться от реализации определенной деятельности; (2) для этого его поведения существуют определенные препятствия, ограничения или запреты; (3) адресат компетентен данные препятствия, ограничения или запреты ликвидировать. Именно эта ликвидация и является действием, побуждение к которому содержится в данном высказывании. Ср.: [Grep], [Karlík 1986: 73], [Mluvnice češtiny 1987: 341]. А. В. Дорошенко определяет просьбу о разрешении как «вынужденную просьбу» [Дорошенко 1986: 24]. Обстоятельный анализ «просьбы о действии» и «просьбы о разрешении» в современном русском языке см. в [Безяева 1998].

[подчиненный – своему начальнику:] *Ted' se radši půjdu trochu projít, abych ty myslivce co nejlvíc vyvětral.* (М. Капек. *A je to gól!*)

‘Сейчас я лучше прогуляюсь, чтобы все эти рюмки «мысливецкой» поскорее выветрились.’

Нередко подобные примеры могут интерпретироваться не только как просьба о разрешении (адресат побуждения – собеседник), но и как самопобуждение (адресат побуждения – сам говорящий), что не должно нас смущать (о том, что одно и то же высказывание может выполнять различные функции по отношению к разным участникам акта коммуникации, см. [Кларк, Карлсон 1986]).

Специфической особенностью чешского речепотребления является возможность использования презентно-футуральных индикативных форм 1 лица ед. числа для экспликации категорического побуждения (прежде всего воинского *приказа, команды*) 2 лица⁹², ср.:

“Baštím a nebavím se,” křičel svobodník a loupal kolem sebe očima. <...> “Nekecám a spu se!” vřískl svobodník. “Jestli si někdo myslí, že je v hotelu, tak ať si to nemyslí!” (М. Švandrlík. *Černí baroni aneb válčili jsme za Čepičky*)

‘«Жрать! Не болтать! [букв. жру и не болтаю]» – кричал ефрейтор, тараща глаза. <...> «Не трепаться! Набивать брюхо! [букв. не треплюсь и набиваю брюхо], – завизжал ефрейтор. – Если кто-то думает, что он в отеле, так пусть это не думает!»’

⁹² На эту особенность чешского языка, традиционно не отмечаемую в грамматиках, внимание автора впервые обратила преподаватель Карлова университета в Праге д-р А.Трнкова. Следует также сказать, что это явление было отмечено в новаторской книге [Příruční mluvnice češtiny 1995: 321].

С теми или иными стилистическими эффектами данная конструкция может быть использована и за пределами субординационных воинских отношений, ср.:

[*deti – соседской собаке:*] *A tak* ‘Лаять оглушительно [букв. Я лаю *štěkám jako hrom!* (м/фильм *Mach* как гром)!’

a Šebestová. O utrženém sluchátku)

Особо следует оговорить и случаи транспозиции индикативных форм 1 лица множественного числа (*инклюзив* → *второе лицо*), допустимой и в русском (о чем свидетельствует, в частности, возможность буквального перевода), но более характерной для чешского речеупотребления, ср.:

"A cvičíme, milostivá paní!" *přikázala* ‘«Тренируемся, любезнейшая!» – тихо *zala tiše.* <SYN2000 *приказала она.*’

S|COL|1985|metracek>

Makáme, makáme, slečno, ať máme ‘Работаем, работаем, барышня, заработаем себе на оладьи!’

me na bramboráky! (film *Báječná léta pod psa*)

2.5.3. Конструкции, оформленные сослагательным наклонением / кондиционалом

Между русским сослагательным наклонением и генетически коррелирующим с ним чешским кондиционалом много общего⁹³. Весьма пока-

⁹³ Отметим возможность обозначения русского *сослагательного наклонения* словом *Konditional* в немецком тексте [Panzer 1967], словом *conditional* – в английском [Jakobson 1957], словом *conditionnel* – во французском [Garde 1962], которые (названные слова трех языков) при

зательными являются случаи обозначения явлений обоих языков в работах сопоставительного характера каким-то одним из этих двух терминов, будь это термин *кондиционал* [Широкова 1974: 19], или термин *сослагательное наклонение* [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 235-237]. Мы можем встретиться даже с мнением (не разделяемым, впрочем, всеми исследователями, ср. [Широкова 1983: 94]), что в функциональном отношении различия между чешским и русским языком в области кондиционала / сослагательного наклонения не столь уж велики и касаются лишь частностей оформления [Русская грамматика 1979: 205]. Известно, что носитель чешского языка обращается к кондиционалу⁹⁴ гораздо чаще, чем носитель русского – к сослагательному наклонению [Широкова 1983], и эта отмечаемая в сопоставительных исследованиях закономерность сохраняется и в сфере высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения: употребительность чешского кондиционала существенно выше употребительности русского сослагательного наклонения в составе перформативных высказываний, в составе конструкций, выражающих побуждение через экспликацию необходимости или возможности каузируемого действия, через экспликацию его полезности, либо через экспликацию волеизъявления прескриптора данного действия. Бóльшая употребительность кондиционала налицо и в сфере оформленных кондициона-

переводе на русский могут выглядеть как «кондиционалис», ср. [Брехт 1985: 102, 105, 107].

⁹⁴ *Кондиционалом* на последующих страницах везде, где специально не оговаривается обратное, мы будем обозначать т. н. *кондиционал настоящего времени* (*kondicionál přítomný*). Так называемый *кондиционал прошедшего времени* (*kondicionál minulý*) «обозначает нереальное и нереализованное в прошлом действие» [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 241], то есть не может в принципе использоваться в речевом акте побуждения, предполагающем презентно-футуральную перспективу, и тем самым не представляет интереса для нашей проблематики.

лом / сослагательным наклонением независимых побудительных высказываний⁹⁵.

В исследованиях по русистике мы можем встретиться с мнением, что «если побуждение к действию, выраженное с помощью специальной императивной формы (*расскажи, поезжай*), – это **программа действий**, приписываемая адресату, то побуждение к действию, выраженное с помощью формы сослагательного наклонения, – это **программа перестройки действия** (*ты бы рассказал; (лучше) ты бы поехал*)⁹⁶. <...> Другими словами, когда говорящего интересует только выполнение адресатом какого-либо действия, он адресует побуждение собеседнику с помощью формы императива; если же говорящий, кроме того, желает показать свое отрицательное отношение к наблюдаемому в действительности и предложить программу перестройки какого-либо действия (или перейти от бездействия к какому-либо действию), он использует форму сослагательного наклонения» [Рябова, Одинцова, Кулькова 1992: 155-158]. Мы склонны попытаться взглянуть на данную ситуацию под несколько иным углом зрения. Нам представляется, что побудительно употребленные конструкции с формами сослагательного наклонения / кондиционала⁹⁷ противопоставляются не столько императиву, сколько побудительно

⁹⁵ Так, в нашем извлеченном сплошной выборкой чешском материале число примеров подобного типа с кондиционалом почти в четыре раза превышает число примеров с сослагательным наклонением в соотносительном по объему русском материале..

⁹⁶ Как считает А. М. Ломов, форма сослагательного наклонения «в основном используется при “корректировке” действия (с помощью обстоятельств типа *громче, быстрее, аккуратнее* и т. д.): *Говорили бы вы тише; Читали бы вы громче; Писали бы вы аккуратнее*» [Ломов 1977: 103].

⁹⁷ Чешский кондиционал в значительно меньшей степени подчиняется, если подчиняется вообще, данной отмеченной для русского сослагательного наклонения закономерности.

употребленному индикативу, при этом речь идет о противопоставлении **категориальных** значений наклонений. Индикативом говорящий декларирует реальность действия, реальность в прошлом, настоящем или будущем (поскольку речь идет не о самой действительности, а о ее языковом представлении, есть реальность и в будущем). Презентно-футуральная индикативность – это реальность, протянувшаяся в будущее, реальность, которая как бы уже есть и которую в силу этого уже нельзя изменить, поэтому высказывания типа *Завтра ты едешь домой, Ты сейчас же уйдешь отсюда* используются для экспликации тех социально значимых подтипов побуждения, при которых говорящий (= прескриптор) уверен (декларирует уверенность), что слушающий (= исполнитель) выполнит либо по крайней мере попытается выполнить каузируемое действие. Сослагательное же наклонение описывает действительность гипотетическую, действительность, которая может стать реальностью, а может и не стать, поэтому высказыванием типа *Съездил бы ты завтра домой* имплицитно выражается возможность неисполнения слушающим (= прескриптором) каузируемого действия, а тем самым высказывания данного типа могут быть использованы для экспликации побуждений, не маркированных как авторитарные. Императив же способен выражать как авторитарное, так и не-авторитарное побуждение, поэтому, на наш взгляд, речь может и должна идти не только об эквивалентной двучленной оппозиции *программа действия* (императив) :: *программа перестройки действия* (сослагательное наклонение), хотя идея альтернативности, безусловно, может индуцироваться идеей гипотетичности⁹⁸, но и о привативной трехчленной оппозиции *категорическое побуждение* (индикатив) :: *побуждение* (императив) :: *не-категорическое побуждение* (сослагатель-

⁹⁸ ‘Гипотетическое’ = ‘не-реальное’, а следовательно, ‘альтернативное’ по отношению к реальному.

ное наклонение)⁹⁹. Мы склонны полагать, что в то время как для русского языкового сознания более существенной является, по-видимому, первая оппозиция, для чешского языкового сознания – вторая.

Весьма примечательно также следующее межъязыковое различие. В то время как почти все содержащиеся в нашем материале русские примеры рассматриваемого типа оформлены по модели *Шли бы (вы) (лучше) домой*¹⁰⁰, среди чешских примеров модель с «чистым» кондиционалом (если не считать конструкций с модальными глаголами и интеррогативных конструкций, заслуживающих отдельного рассмотрения) представ-

⁹⁹ Не случайно во всех приводимых Р. А. Кульковой примерах, призванных иллюстрировать, как говорящий с помощью сослагательного наклонения «предлагает адресату речи другую программу действия, осуществление которой могло бы преобразовать реальную ситуацию в более целесообразную, лучшую; говорящий советует или предлагает адресату речи **перестроиться**, изменить свои действия, которые привели к положению вещей, оцениваемому автором текста отрицательно» [Рябова, Одинцова, Кулькова 1992: 157], сослагательное наклонение может без ущерба для (по крайней мере общего) смысла высказывания быть заменено императивом, ср.: (1) *Одному сидеть жутко, страх берет. Рассказал бы ты [расскажи – А. И.] что-нибудь, Сема. (Чехов)*; (2) *Ехали бы [поезжайте – А. И.] в Калязин, ну, в Углич, в Рыбну, а то нашли куда! знаете, какие времена, а едете. (Салтыков-Щедрин)*; (3) *Почаще бы ты приезжал [приезжай – А. И.], Шурка! А то за большими делами совсем забыл мать. (из журнала)*; (4) *”Лекции, лекции, – недовольно заметил профессор. – Поговорили бы [поговорите – А. И.] лучше с живыми людьми”.* (Шукшин).

¹⁰⁰ Ср., например: *Да замолчите же вы! Постыдились бы такие вещи при девушке говорить!* (Е. Попов. Голубая флейта); *«А ты бы лучше меня отпустил, игемон, – попросил неожиданно арестант, и голос его стал тревожен, – я вижу, что меня хотят убить».* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *«У тебя болезненный вид, – сказал Григорий Алексеевич. – Ты б зашел к Буху».* (Ф. Горенштейн. Ступени); *«Шел бы ты домой, – говорит друг Эрни. – Перебрал ты малость».* (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине).

лены единичными примерами¹⁰¹. Абсолютное же большинство чешских примеров рассматриваемого типа содержит элементы **a-** либо **kdy**-¹⁰². Поскольку чешский союз *abych / abys / aby / ...* в определенном смысле соотносим с русским союзом *чтоб(ы)* (и чешский, и русский союзы могут быть использованы для присоединения придаточного цели), а в русском речеупотреблении конструкции типа *Чтоб ты немедленно убрался отсюда!*¹⁰³, если верить подвергнутому нами сплошной выборке материалу

¹⁰¹ Ср., например, "*Tak bys nenastoupil,*" *navrhl jsem*. <SYN2000 S|NOV|1969|sekyra> <s 001-p61s1>. О неузуальности побудительного использования конструкций с «чистым» кондиционалом красноречиво говорит и то обстоятельство, что оно может отмечаться в специальных исследованиях [Широкова 1974: 45], но игнорироваться теми же авторами в работах обобщающего характера [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 239].

¹⁰² Вспомогательные формы глагола *bych, bys, by, bychom, byste, by* могут сливаться с подчинительными союзами **a** и **kdy** в одно полифункциональное слово, которое одновременно участвует в образовании форм кондиционала и в формировании сложного предложения: *a + bych, bys, by... → abych, abys, aby... чтобы я, ты, он...; kdy + bych, bys, by... → kdybych, kdybys, kdyby... если бы я, ты, он...*

¹⁰³ Коль скоро сочетание *abych / abys / ... + l-форма* регулярно рассматриваются при характеристике чешского кондиционала (см. цитируемые выше работы), мы не видим причин, говоря о русском сослагательном наклонении, игнорировать генетически близкое ему сочетание *чтоб + l-форма*, рассматриваемое авторами [Русская грамматика 1980. Т. II: 111] в составе синтаксического побудительного наклонения и специфицированного в русской разговорной речи для выражения категорического побуждения. Конструкции *чтоб(ы) + l-форма* нередко рассматриваются в составе русского «кондиционалиса», ср.: «В Брехт 1977 предложено семантическое и синтаксическое обоснование того, что союз *чтобы* состоит из союза *что* плюс модальный показатель *бы*. Тот факт, что эта частица функционирует в русском языке как энклитика, занимая в предложении вторую позицию (или же позицию сразу после глагола), объясняет ее слитное написание с вводящим придаточное предложение союзом *что*. В независимых предложениях частица *бы* встречается после первого ударного слова или сразу за глаголом. В придаточных она всегда стоит после союза *что*, кроме тех случаев, когда *что* вводит придаточное усту-

(в котором они единичны¹⁰⁴), употребительны в значительно меньшей степени, чем конструкции типа *Шел бы ты отсюда!*, при межъязыковом сравнении мы имеем дело со своего рода зеркальной ситуацией: в чешском языке употребительность конструкций с «чистым» кондиционалом в составе побудительных высказываний многократно уступает употребительности конструкций с не-«чистым» кондиционалом, в русском же языке – наоборот. Обращают на себя внимание также и межъязыковые различия в функциональной нагруженности чешских и русских конструкций рассматриваемого типа в плане выражения категорического / не-

пительное, в котором позиция *бы* значительно менее жестко регламентирована» [Брехт 1985: 116]. В качестве системно соотносительных рассматривает данные феномены чешского и русского языка и Т. Н. Молошная, ср.: «В русском языке С[ослагательное] Н[аклонение] образуется сочетанием глагольной формы на *-л* (ее вариантом может быть форма с нулевой флексией, например, *мог*) и неизменяемой частицы *бы* (или *б*). Давно установлено, что морфологическая форма глагола, входящая в это сочетание, значения прош. вр. не выражает, а лексическое значение частицы *бы* (*б*) стало ее грамматическим значением; соединение же этих двух единиц порождает грамматическое значение СН. Тяготение безударной частицы *бы* (*б*) к первому полноударному слову в предложении приводит к сближению или даже к слиянию этой частицы с некоторыми союзами и частицами, например, *чтобы* (*чтоб*), *если бы*, *якобы*, *хотя бы* и пр. Подобное слияние не означает, что частица *бы* (*б*) перестает быть компонентом А[налитической] Ф[ормы] СН. Дистантное положение компонентов этой формы не только допустимо, но и чрезвычайно распространено: *Глаза бы мои тебя не видели!*; *Чтоб глаза мои тебя не видели!*. В этой связи можно вспомнить термин “разрывная морфема”, бытовавший в лингвистике: морф *-л* (*-#*) и морф *бы(б)* составляют разрывную морфему, или АФ, СН, независимо от их позиции в предложении. <...> Из слияния изменяемых (в отличие от русск. неизменяемой *бы*) вспомогательных форм СН *bych*, *bys*, *by* и т. д. с частицей *a'* и союзом *kdu* возникли изменяемые по лицам и числа[м] вспомогательные сращения *abych*, *abys*, *abu* и т. д., которые также участвуют в формировании значения СН» [Молошная 1990: 115, 117].

¹⁰⁴ Ср., например: *Вернись вечером, и чтобы газета была готова.* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

категорического побуждения. В то время как в русском языке конструкции типа *Шел бы ты домой* специфицированы для выражения некатегорического побуждения, а конструкции типа *Чтоб ты немедленно убрался* – для выражения побуждения категорического, в чешском языке для выражения некатегорического побуждения регулярно используется как «чистый», так и не-«чистый» кондигионал (для экспликации категорического побуждения специфицирована лишь одна из нескольких возможных моделей, а именно модель *ne + a-* + кондигионал н.в.¹⁰⁵).

«Отрицательное» побуждение может выражаться не только моделью *ne + a-* + кондигионал н.в., но и моделью *a-* + кондигионал н.в. с негацией *l-формы*, при этом речь уже не будет идти о побуждении категорическом. В какой-то степени высказывания, оформленные по этим двум моделям, соотносятся как *запрет* и *предостережение*¹⁰⁶, и в пользу подобной интерпретации говорит также следующее обстоятельство:

¹⁰⁵ Авторы [Mluvnice češtiny 1987] обозначают, для большей терминологической четкости, структуры типа *Kdybyste přišel zítra* 'Пришли бы вы завтра', *Ne abys tam chodil* 'Не вздумай туда ходить' не как «кондигионал с *kdybyste*», «кондигионал с *abyste* с отрицанием в начале предложения» (как это было принято ранее), а как соответственно «*kdy* + кондигионал настоящего времени», «*ne + a + кондигионал настоящего времени*». Мы склонны принять новый способ описания рассматриваемых моделей как более корректный, отмечая лишь дополнительно графическую нерасчлененность форм типа *abych / abys / ...*, *kdybych / kdybys / ...*, ср.: «**kdy-** + кондигионал настоящего времени», «*ne + a-* + кондигионал настоящего времени».

¹⁰⁶ Не случайно в учебной литературе основное различие между ними определяется именно подобным образом, ср.:

«2) Совет с оттенком предостережения и опасения, что действие не будет выполнено, выражается отрицательными формами кондигионала с **abych, abys, aby...** Ср.: *Abys už nemluvil hlouposti! Не говорил бы ты глупости!* <...> *Abyste se nemýlil! Смотрите, не ошибитесь!*

3) Настоятельный приказ, категорическое запрещение с оттенком предупреждения передается формой кондигионала с **abych, abys, aby...** с постановкой отрицания в начале предложения. [Ср.:] *Ne abyste přišli*

В представленных в нашем материале высказываниях, оформленных по модели *ne + a- + кондиционал н.в.*, действие, к воздержанию от которого побуждается слушающий (= исполнитель), непосредственно называется, ср.:

Bud' na sebe opatrnej, Bedřichu! Ne, aby ses zase držel moc při zdi! (Dikobraz) *Будь осторожен, Бедржих! Смотри не держись слишком уж у стенки!*

[*nana в кресле – маленькому ребенку с книжкой.*] *Dobře, ale jen dvě stránky. A ne abys potom zase říkal, že čtu pěkný blbosti!* (Dikobraz) *Ладно, но только две страницы. И не вздумай потом опять говорить, что я читаю ерунду!*

В высказываниях же, оформленных по модели *a- + кондиционал с негацией l-формы*, эксплицируются, как правило, возможные негативные последствия осуществляемых в данный момент действий слушающего (= исполнителя), ср.:

Ale na náraz to citlivý bude. Aby ti to neupadlo na zem, rozumíš. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů) *Но на сотрясение это среагировать может. Как бы это у тебя не упало как-нибудь на пол, понимаешь?*

Eman si však neodpustil, aby ještě Zemanovi neřekl: – Abyste z toho neměl malér, pane poručík. Politickej! (J. Procházka. Vrah se skrývá v poli) *Эман не удержался, чтобы не сказать Земану: «Как бы у вас не было из-за этого неприятностей, господин поручик. Политических!»*

pozdě na večeři! Sotrite, ne vzdumajte opozdat' na uжин! Ne aby sis to koupil! He vzdumaj kúpnit' sebe eto!» [Широкова, Васильева, Едличка 1990: 239].

Можно в связи с этим вспомнить и поддерживаемое В. С. Храковским разграничение *прохибитивного* и *превентивного* высказываний¹⁰⁷ (в богемистике подобное разграничение не принято и в обоих случаях речь будет идти о *прохибитивности* [Mluvnice češtiny 1987: 337]).

Если мы, однако, попытаемся мысленно визуализировать функционально-семантическое поле императивности в чешском языковом пространстве, то пара, образуемая двумя массивами, оформленными по рассматриваемым двум моделям высказываний, будет несколько смещена в направлении сгущения *предостережение*, так что даже центр массива высказываний, оформленных по модели *ne + a- + кондиционал н.в.*, расположен ближе к центру сгущения *предостережение*, чем к центру сгущения *запрет*¹⁰⁸.

¹⁰⁷ «По своей семантике превентивные предложения, с одной стороны, сходны с прохибитивными, а с другой – отличаются от них. Сходство состоит в том, что в превентивных предложениях, как и в прохибитивных, выражается адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно неисполнения действия, а отличия заключаются в том, что волеизъявление предстает как пожелание того, чтобы исполнитель контролировал ситуацию и не выполнил бы называемое действие, которое, по мнению говорящего, в случае его осуществления, нанесет ущерб либо исполнителю, либо говорящему, либо какому-нибудь другому лицу. Указанные различия между прохибитивными и превентивными предложениями фиксируются терминологически. Принято говорить, что в прохибитивных предложениях выражается запрет, тогда как в превентивных предложениях выражается предостережение [Дурново 1922]» [Теория... 1990: 213].

¹⁰⁸ Продолжив вектор $\vec{X} \rightarrow Y$ (где X – центр массива *ne + a- + кондиционал н.в.*, а Y – центр массива *a- + кондиционал н.в. с негацией l- формы*), мы наткнемся на массивы высказываний, оформленных по моделям *at' + ne- + 2 л. наст. вр. индикатива (At' to neposíláš po Zdeňkovi 'Смотри не посылай это со Зденеком / Чтоб ты это не посылай со Зденеком')* и *at' + pení + participium passivi (At' tu není nakouřeno 'Чтоб здесь не было накурено!')*, которые авторы [Mluvnice češtiny 1987: 339], несмотря на то, что с этими моделями, по их мнению, «связана пресуппозиция возможно-

Поскольку «отрицательные» модели с *a-* + *кондиционал н.в.* специфицированы для выражения *предостережения* и *запрета*, вполне закономерно, что коррелирующая с ними «положительная» модель *a-* + *кондиционал н.в.* специфицирована для выражения *совета* и *приказа*. Предпосылкой возможности использования модели *a-* + *кондиционал н.в. без негации* для выражения *совета* является ее соотносимость с моделью *a-* + *кондиционал н.в. с негацией l-формы* (речь может идти о некой обобщенной модели *a-* + *кондиционал н.в. с негацией / без негации l-формы*), а предпосылкой возможности ее использования для выражения *приказа* является ее соотносимость с моделью *ne* + *кондиционал* (речь может идти, таким образом, и об *альтернативной* обобщенной модели: *ne / Ø* + *кондиционал н.в. без негации l-формы*). Ср. следующие примеры с рассматриваемой моделью, первый из которых содержит *совет*, а второй – *приказ*:

<p>[<i>ранним утром в провинциальный городок приезжает служебная машина со столичным номером, и из нее выходит похожий на доцента человек:</i>] “<i>Budu se s vámi vracet?</i>” <i>zeptal se řidič.</i> / “<i>Nevím,</i>” <i>řekl tiše docent, sáhl po aktovce a vystoupil z vozu.</i> “<i>Snad abyste se šel někam vyspat</i>”. (V. Erben. Bláznova smrt)</p>	<p>«<i>Мне подождать вас [букв. Я буду с вами возвращаться]?</i>», – <i>спросил водитель.</i> / «<i>Не знаю,</i> – <i>ответил доцент, беря портфель и выходя из машины.</i> – <i>Наверное, вам стоит пойти куда-нибудь выпататься</i>»</p>
--	--

<p>[<i>Следователь говорит по телефону с подчиненными:</i>] <i>Ted' hned zavolaš</i></p>	<p><i>Сейчас ты сразу же позвонишь Беранеку. Собирайте группу и</i></p>
--	---

сти альтернативного поведения адресата, в связи с чем речь идет скорее о функции *предостережения*», рассматривают в числе средств экспликации *запрета*.

Beránkovi. Seberte partu a přijed'te. приеъжайте. Чтoб в семь утра
Abyste v sedm ráno byli na místě. (V. были на месте»
 Erben. Bláznova smrt)

Мы говорили о «смещении» массивов, образуемых высказываниями, оформленными по модели *ne + a- + кондuиционал н.в.* и по модели *a- + кондuиционал н.в. с негацией l-формы* (либо некоего совокупного массива, образуемого высказываниями, оформленными по «обобщенной»¹⁰⁹ модели *a- + кондuиционал н.в. с негацией l-формы / всей конструкции*), относительно центров сгущений *запрет* и *предостережение*. В случае с массивом высказываний, оформленных по модели *a- + кондuиционал н.в. без негации l-формы*, подобное смещение к центру сгущения *совет* (относительно центров сгущений *совет* и *распоряжение*) будет еще более значительным: абсолютное большинство содержащихся в нашем извлеченном сплошной выборкой материале примеров рассматриваемого типа выражают именно *совет*.

Авторы [Mluvnice češtiny 1987: 345] отмечают рассматриваемую модель, осложненную частицами *snad, možná*, «сигнализирующими неуверенность говорящего в целесообразности (účelnost) того, что он предлагает» (высказывания типа *Snad (možná) abys ti zavolal 'A не позвонит ли тебе ему'*), в качестве одного из средств выражения *предложения (návrh)*, которое они, таким образом, фактически смешивают (т.е. объединяют в одном массиве) с *советом*. Авторы [Mluvnice češtiny 1987: 345], решив разграничивать *предложение (návrh)* и *совет (rada)*, постулируя для первого «возможность» каузируемого действия (*možné jednání*), а для второго – его «желательность» (*žádoucí jednání*), несколькими строками далее фактически дезавуируют данное весьма существенное, на наш

¹⁰⁹ Возможен, безусловно, и такой вариант обобщения.

взгляд, различие, определяя *предложение* как «обращение внимания Адресата на возможную реализацию / нереализацию такой деятельности, которую говорящий считает адекватной ситуации Адресата». Нам представляется, что идея адекватности (взаимодействующая с идеей желательности), имплицитно присутствует и в первой из приведенных выше цитат, т.к. нельзя сомневаться в целесообразности, если идея целесообразности (связанная с идеей адекватности и с идеей желательности) вообще ни при чем.

Модель *kdy-* + 2 / 3 л. *кондиционала н.в.* специфицирована в чешском языке, по свидетельству [Mluvnice češtiny 1987: 340], для выражения *просьбы*. Именно *просьбу* и выражает большинство высказываний подобного типа¹¹⁰, представленных в нашем материале, ср., например:

Tady je, prosím, pistole. V pořádku. *Вот [ваш] пистолет. В полной сохранности. Прошу. Вы не вернете мне расписку?*
Prosím. To potvrzení kdybyste mi vrátil. *сохранности. Прошу. Вы не вер-*
 (V. Erben. Poklad byzantského kupce) *нете мне расписку?*

Тем не менее следует отметить также способность данной модели образовывать высказывания с актуальной коммуникативной функцией не только *просьбы*, но и *совета*, что обуславливается, на наш взгляд, тем обстоятельством, что подобные образования могут интерпретироваться как эллиптические эквиваленты не только структур типа *byl bych rád*,

¹¹⁰ Целый ряд примеров содержит фразеологизованное усложнение данной модели: *kdybyste byl tak laskav a* [‘будьте так любезны и’] + *l-* форма смыслового глагола, ср. примеры из романа В. Эрбена *Bláznova smrt: Kdybyste byl tak laskav a doprovodil mě tam* ‘Вы не будете столь любезны проводить меня туда?’; *Kdybyste byl tak laskav, pane Krempe, a chvíli se mi věnoval...* ‘Вы не будете столь любезны, господин Кремпа, уделить мне минуту вашего внимания...’; [стоящий у края бассейна – пловцу:] *Kdybyste byl tak laskav a připlul blíž...* ‘Вы не будете столь любезны подплыть поближе...’

kdybys(te)... [Mluvnice češtiny 1987: 340]¹¹¹, но и структур типа bude / bylo by lépe, kdybys(te)... ‘будет / было бы лучше всего, если бы ты (вы)...’, ср., например:

<p><i>Ale ministrova choť nevěnovala mnoho pozornosti tomuto ději, nýbrž řekla, jako by to učinila každá jiná paní: “Prosím tě, kdybys raději jedl; vystydne ti to”. (K. Čapek. Ztracený dopis)</i></p>	<p>‘Однако супруга министра не проявила к этому особого интереса и сказала, как это сделала бы всякая другая супруга на ее месте: «Ешь [букв. если бы ты ел] лучше, а то все остынет».’</p>
--	---

Более того, актуализация идеи гипотетичности, связанной с категориальным значением кондиционала в целом, может приводить к тому, что высказывание, оформленное по этой модели, интерпретируется как **предложение**, ср.:

<p><i>"Pane, kdybyste počkal na druhé straně síně," navrhl Moneo.</i></p> <p><SYN2000 S NOV 1996 bozimedu></p>	<p>‘«Господин, подождите [букв. если бы вы подождали] в другом конце зала», – предложил Монео.’</p>
---	---

Рассматривая возможность использования оформленных сослагательным наклонением / кондиционалом вопросительных конструкций в побудительных высказываниях в современных чешском и русском языках, следует отметить немаловажное межъязыковое различие.

В современном русском речепотреблении в составе побудительных высказываний оформленные сослагательным наклонением вопросительные конструкции ощутимо менее узуальны, чем соответствующие конструкции с индикативом, ср.: *Ты не зашел бы туда? :: Ты не зайдешь туда?*

¹¹¹ Ср. следующий пример: “*Vaše přítomnost,*” řekl, “*není nezbytně nutná, ale **byl bych rád, kdybyste přišla***”. (V. Erben. Bláznova smrt) ‘«Ваше присутствие, – сказал он, – не обязательно, однако мне было бы очень приятно, если бы вы пришли»’.

При этом, как и в рамках индикатива, для выражения побуждения используется конструкция с отрицанием, тогда как конструкция без отрицания специфицирована для выражения именно вопроса, а не побуждения, ср.: *Ты зашел бы туда? Ты зайдешь туда?*

В современном же чешском речепотреблении в составе побудительных высказываний, оформленных вопросительной конструкцией, кондиционал используется гораздо активнее индикатива (по данным SYN2000 почти в 2,5 раза активнее), при этом речь идет прежде всего о конструкциях без отрицания, ср. некоторые из весьма многочисленных примеров с разными интерпретирующими каузативами:

Ukázal jsem na ni a vubídl Nicka: 'Я показал на нее и попросил [букв. побудил] Ника: «Не сядешь за руль "Ujal by ses vedení?" <SYN2000 S|NOV|1997|marcin> [букв. ты взял бы управление]?»'

"Vypnul byste prosím motor?" požádal ho. <SYN2000 S|NOV|1994|smilide> '«Вы не выключите [букв. вы выключили бы] мотор?» – попросил он его.'

"Dala by sis kávu?" nabídl Robert. <SYN2000 S|NOV|1996|epidem05> '«Ты не хочешь [букв. ты взяла бы себе] кофе?» – предложил Роберт.'

Оформленные кондиционалом вопросительные конструкции с отрицанием также возможны (хотя и менее узуальны, чем без отрицания¹¹²), ср., например:

"Nepřinesl byste nám dvě Shirley Temple?" požádal Radar číšníka, '«Вы не принесете [букв. вы не принесли бы] нам две бутылки Shirley

¹¹² Среди представленных в текстах SYN2000 примеров рассматриваемого типа с интерпретирующим предикатом их почти в 10 раз меньше, чем без отрицания.

který se dostavil k jejich stolu, aby jim oznámil, že vedení baru hotelu Ritz zásadně nedovoluje konzumaci přinesených nápojů. <SYN2000 S|NOV|1997|mashpar>

Temple?» – попросил Радар официанта, подошедшего к их столику, чтобы сообщить, что в баре отеля «Пиц» ни в коем случае нельзя распивать принесенные с собой напитки.'

Nezkusila byste promluvit s panem režisérem? navrhł pan Anton.

«Вы не хотите поговорить [букв. вы не попробовали бы поговорить] с режиссером?» – предложил господин Антон.'

Весьма употребительной в составе побудительно употребленных вопросительных конструкций с кондиционалом является и модель *co + kdy-/a-*¹¹³ + кондиционал н.в., специфицированная, насколько можно судить по представленным в текстах SYN2000 примерам с интерпретирующим каузативом, для экспликации *предложения*, ср.:

"Co kdybys začal příjemnou teplotou koupelí?" navrhla jsem.

<SYN2000 S|NOV|1996|hearts6>

«А не начать ли [букв. что, если бы ты начал] с приятной теплой ванны», – предложила я.'

"Co kdybyste mu zavolal," navrhł Jack. <SYN2000

S|NOV|1996|epidem04>

«Может, вам ему позвонить [букв. что, если бы вы ему позвонили]», – предложил Джек.'

"Co abys šel sem a posadil se?" navrhł velký černoš. <SYN2000

S|NOV|1996|epidem06>

*«Может, подойдешь и присядешь [букв. *что чтобы ты подошел и присел]», – предложил огромный негр.'*

¹¹³ В абсолютном большинстве случаев речь идет о варианте с *kdy-*.

Модель *byl bys(te) tak laskav(a) a* в составе побудительно употребленных вопросительных конструкций с кондиционалом специфицирована для экспликации *просьбы*, ср.:

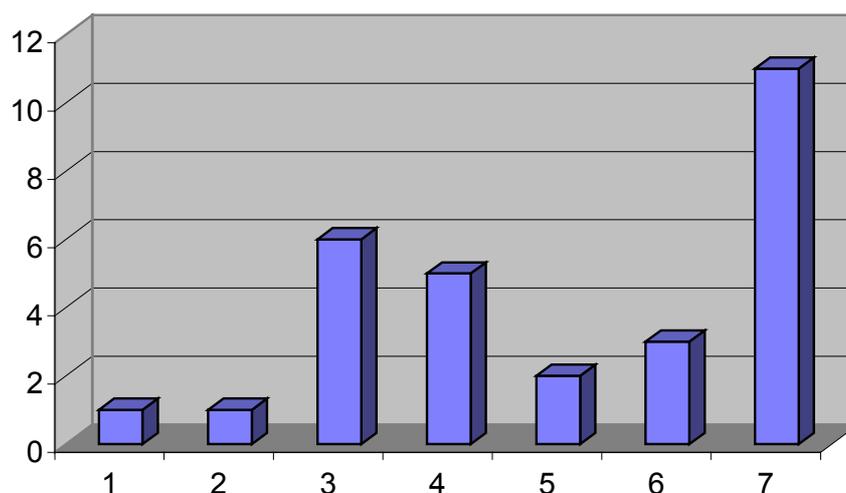
"Slečno Taylorová, byla byste tak laskava a připevnila si tenhle mikrofonek na klope saka?" *požádal ji s úsměvem jeden z techniků a podával jí miniaturní, černý mikrofon.* <SYN2000 S|NOV|1995|jejitouh> *«Мадмуазель Тейлор, вы не прикрепите [букв. были бы так любезны и прикрепили] этот микрофон на отвороте?» – улыбнувшись, попросил ее один из техников и подал миниатюрный черный микрофон.»*

"Byl byste tak laskav a vyřídil mu to?" *požádal Whattley.* <SYN2000 S|NOV|1997|mashlon> *«Вы не передадите [букв. были бы так любезны и передали] ему это?» – попросил Уотли.»*

Относительную употребительность рассмотренных выше моделей в современном чешском речепотреблении можно проиллюстрировать следующей диаграммой, составленной на основе содержащихся в текстах SYN2000 примерах с интерпретирующим предикатом:

Модели:

1. *Kdybyste počkal na druhé straně síně.*
2. *Tak bys nenastoupil.*
3. *Ne abys někomu o tom říkal.*
4. *Dala by sis kávu?*
5. *Nepřinesl byste nám dvě Shirley Temple?*
6. *Byl byste tak laskav a vyřídil mu to?*
7. *Co kdybyste mu zavolal?*

В заключение отметим, что реализующаяся в рамках побудительных высказываний оппозиция *сослагательное наклонение (некатегорическое побуждение) ~ индикатив (категорическое побуждение)* в русском языковом сознании может переосмысливаться как оппозиция *неимперативная конструкция с **бы** (некатегорическое побуждение) ~ неимперативная конструкция без **бы** (категорическое побуждение)*¹¹⁴, ср. два следующих примера из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», иллюстрирующих данную оппозицию «безглагольными» побудительными высказываниями:

(1) «*И молодец! И правильно!*» – с цинической, самоуничтожающей злобой подумал Рюхин и, оборвав рассказ о шизофрении, попросил: «*Арчибальд Арчибальдович, водочки бы мне...*»;

(2) «*Кресло мне,*» – негромко приказал Воланд, и в ту же секунду, неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг.

¹¹⁴ В [Брехт 1985] убедительно доказывается, что «*бы* в русском языке является независимой модальной частицей, привносящей в предложение значение ирреальности», а реализующаяся в рамках побудительных высказываний оппозиция *сослагательное наклонение / кондиционал ~ ин-*

Материалом, свидетельствующим о подобном явлении в чешском языке, мы не располагаем.

2.6. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

Усиление категоричности может быть достигнуто экспликацией даже не самого возможного действия адресата, а *последствий* этого действия, ср. характерный пример из чешского классического фильма «Пекарь императора»:

A dostanu padesát zlatých!

‘С вас 50 золотых! [букв. И я получу 50 золотых]’¹¹⁵.

Для русского речеупотребления подобный способ экспликации побуждения менее узуален, чем для чешского, однако все же возможен, о чем свидетельствует, на наш взгляд, допустимость буквального перевода следующего примера:

Až do zazvonění zde bude absolutní klid! (V. Erben. Bláznova smrt)

‘До самого звонка здесь будет абсолютная тишина!’

«Абсолютная тишина до конца урока», естественно, не может не являться следствием вполне определенных действий учеников.

В определенной степени говорить об экспликации последствий каузируемого действия можно и применительно к русским примерам типа *А ну, поднялся!* (актуализуется перфектная семантика эловых форм: ‘поднялся’ = ‘являющийся поднявшимся’, ср. [Бондарко 1971: 87]. В основе

дикатив основана, как мы отмечали несколькими страницами выше, именно на противопоставлении категориальных значений наклонений.

¹¹⁵ На что собеседник отвечает «*Не дам!*», т. е. реагирует на реплику именно как на побуждение, отказываясь его выполнять.

подобного употребления «лежит представление о каузируемых действиях как об уже совершившихся реальных фактах» [Теория... 1990: 74].

Следует отметить весьма жесткие ограничения лексического характера, накладываемые на возможность обращения к данному способу экспликации побуждения. Так, принято считать, что речь идет об относительно небольшой группе глаголов, «у которых формы прош. вр. (особенно мн.ч., реже ед.ч.) могут иметь императивное значение и употребляться в повелительных предложениях. Это прежде всего глаголы СВ однонаправленного движения с префиксом *по-* типа *пойти, поехать, побежать*. Далее, в эту группу входят и другие глаголы СВ, обозначающие начальную (или конечную) фазу движения: *двинуть(ся), тронуть(ся), поднять(ся), взять(ся), начать, кончить*» [Теория... 1990: 236-237], ср.: «*Пошел к черту!*» – сказал детина, озираясь. (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

Примеры рассматриваемого типа в нашем материале единичны (при этом в большинстве случаев речь идет о конкретной словоформе – *пошел!*). Тем не менее данная модель экспликации побуждения остается в русском языковом сознании говорящего живой и теоретически может быть реализована. Примером может служить команда «*Упал, отжался!*», служившая какое-то время в качестве яркой детали речевого портрета одного из героев телесериала «Куклы». Показательно и то, что подобные конструкции продолжают оставаться в сфере внимания русистов, ср. [Беликов 2001].

2.7. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ НЕОБХОДИМОСТИ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ

И в чешском, и в русском языках достаточно обычным средством формирования побудительного высказывания является квалификация то-

го или иного действия (поведения) агенса как необходимого (ненеобходимого) или возможного (невозможного), что обусловлено присутствием сем необходимости и / или возможности в смысловой структуре побудительного высказывания.

Речь идет о постулативном долженствовании¹¹⁶ и постулативной возможности. Понятие «постулативной возможности» соотносится с используемым Е. И. Беляевой понятием «внешней деонтической возможности, обусловленной волеизъявлением говорящего» [Теория... 1990: 132-136]. Термины *дедуктивное, объективное и постулативное* долженствование (возможность) представляются нам более удачными, чем используемые некоторыми исследователями соотносительные с ними термины *поссибилятивное, абиллятивное и пермиссивное* долженствование (возможность) [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 319].

В обоих сопоставляемых языках группы модальных модификаторов необходимости и возможности объединяют различные по своим морфологическим характеристикам единицы. Так, русский язык располагает модальными глаголами *мочь* и *сметь*¹¹⁷, прилагательными *должен, вы-*

¹¹⁶ Мы пользуемся данным термином вслед за П. Адамцем, по мнению которого «общее значение долженствования разбивается на три подгруппы: O^1 – дедуктивное долженствование, O^2 – объективное долженствование и O^3 – постулативное долженствование. Все эти значения [в чешском речепотреблении – А. И.] выражаются глаголом *muset*, ср. *To musí být hodný člověk*. “Это, должно быть, добрый человек”, *Musel náhle odejet* “Ему пришлось внезапно уехать” и *Musíš tu pomoci* “Ты должен ему помочь”» [Adamec 1974: 151], распространив его употребление и на возможность.

¹¹⁷ Глагол *иметь* может быть использован в качестве модального окказионально и лишь в стилизованном речепотреблении, ср.: *Обвиняемый номер семьдесят три-тринадцать приговаривается к смертной казни, срок исполнения приговора не определяется, вплоть до исполнения приговора обвиняемый имеет пребывать на воспитательных работах.* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

нужден, принужден, обязан, нужен, необходим, предикативными наречиями (словами категории состояния) *можно, нельзя, нужно, надо, необходимо, положено, пора*, глаголами и сочетаниями *следует, полагается, стоит, не мешает, надлежит, приходится/придется*, существительными *долг, обязанность, право*, некоторыми устойчивыми оборотами типа *имеет смысл, есть необходимость* и т. д. [Теория... 1990: 133-136; 147]. Группы семантически и функционально соотносительных чешских модальных модификаторов столь же разнородны, ср. *muset, moci, smět, mít, potřebovat, lze, dá se, jde [to zařídit]; je (bylo, bude) nutno (nutné), třeba (potřeba, potřebné), nezbytné, možno (možné), žádoucí, záhodno (záhodné), radno, dlužno, vhodné, náležité, slušné, čas; být nucen, povinen; mít možnost, právo, povinnost, za úkol, potřebu; sluší se / slušelo by se, hodí se / hodilo by se, patří se/patřilo by se, stojí za to / stalo by za to* и т. д. [Mluvnice češtiny 1987: 280].

При этом, однако, узуальная употребительность тех или иных разрядов модальных модификаторов в сопоставляемых языках различна. Для выражения постулативного долженствования или постулативной возможности чех использует прежде всего конструкции с модальными глаголами *muset* 'быть должным, обязанным', *moci* 'мочь', *smět* 'сметь', *mít* 'иметь' с отрицанием и без него. Носитель же русского языка обращается прежде всего к неспрягаемым модификаторам *(не) должен, (не) надо, можно, нельзя*. Из спрягаемых русских модификаторов узуален лишь глагол *мочь*, конструкции с которым представлены в нашем материале в количестве, соотносительном с числом конструкций с модификатором *можно*. Меньшая, по сравнению с чешским, встречаемость в русском речеупотреблении форм модального глагола *сметь* (с отрицанием и без него) может быть обусловлена, на наш взгляд, следующим обстоятельством. В русском языке подобные формы сигнализируют, как правило, ав-

торитарную позицию говорящего и употребляются прежде всего в эмоционально окрашенных высказываниях, ср.: *Ты не смеешь / Вы не смеете разговаривать со мной в подобном тоне!* Чешские же конструкции с формами модального глагола *smět* более нейтральны, а потому и способны использоваться чаще, ср., например:

Jenom mi nesmíte nadávat, ‘Только потом не ругайте меня [букв. не
jestli nic nevyhrajete. (М. смеете меня ругать...], если ничего не
Капек. *A je to gól!*) выиграете.’

Po několika minutách mlčení ‘Помолчав несколько минут, доктор Ро-
doktor Rous nesměle ус несмело пробормотал: «Не сердитесь
promluvil: “Nesmíte se na mě на меня [букв. вы не смеете на меня сер-
zlobit... Kdybychom byli známi, диться]... Вот если бы мы с вами были
přátelé, rozumíte... Například s знакомыми, друзьями, вы понимаете... С
Čejchanem by se mi hovořilo Чейханом, например, говорить об этом
velmi volně...” (V. Erben. мне было бы просто...»
Bláznova smrt)

Условия употребления и особенности семантики чешских модальных глаголов *muset* и *mít* детально проанализированы в статье [Adamec 1974], при этом для нашей проблематики были особенно интересны следующие ее положения:

При выражении постулативного долженствования с помощью глагола *muset* в большинстве случаев используется презентная форма модального глагола в сочетании со смысловым глаголом совершенного вида, ср. *Musím si odpočinout* ‘Я должен отдохнуть’, *Musíme si stanovit přesný plán* ‘Мы должны составить точный план’, *Musíš jim pomoci* ‘Ты должен им помочь’. Несовершенный вид возможен в случаях, когда коррелят совершенного вида отсутствует (ср. *Musíš být opatrnější* ‘Ты должен быть более осторожным’) или же тогда, когда речь идет о действии атемпораль-

ном, гномическом или же de facto футуральном, ср. *Musíš pracovat systematictěji* ‘Ты должен работать более систематически’, *Učitel musí své žáky zapalovat pro svůj předmět* ‘Учитель должен будить в учениках интерес к своему предмету’, *Ted’ se musíš léčit* ‘Теперь тебе надо лечиться’.

Употребление модального глагола в форме будущего времени «смягчает» настоятельность высказывания (видимо, тем, что реализация каузируемого действия как бы отодвигается в неопределенное будущее), ср. *Musíš se léčit // Budeš se muset léčit*, *Musíme si stanovit přesný plán práce // Budeme si muset stanovit přesný plán práce*.

Формы кондиционала модального глагола *muset* при выражении постулативного долженствования употребляются довольно редко, хотя и возможны, ср. *Jestli máme stihnout ten vlak, museli bychom jít rychleji* ‘Если мы хотим [букв. если нам надо] успеть на поезд, нам сто́ит [букв. стоило бы] пойти побыстрее’, *Abys něčeho dosáhl, to bys musel pracovat úplně jinak* ‘Для того, чтобы чего-нибудь достичь, тебе надо работать по-другому’. При этом речь может идти о своего рода переходных случаях между постулативным и объективным долженствованием.

Модальный глагол *mít* имеет более сложную семантику, чем глагол *muset*. Его употребление может свидетельствовать о том, что инициатором (инспиратором, арбитром) долженствования является не сам говорящий, а кто-то иной, либо о том, что постулируемое действие не реализуется, что может вести или уже привело к нежелательным последствиям, ср. высказывание *Máš pracovat pečlivěji* – ‘Тебе надо работать старательнее’ в контексте *Mistr ti vzkazuje, že máš pracovat pečlivěji* – ‘Мастер тебе передает, что тебе надо работать старательнее’ и в контексте *Nepaříkej, že se ti to nepovedlo, máš pracovat pečlivěji* – ‘Не жалуйся, что у тебя это не получилось, тебе надо работать старательнее’.

Формы кондиционала модального глагола *mít*, в отличие от форм кондиционала глагола *muset*, выражая постулативное долженствование, сигнализируют пониженную категоричность долженствования, ср. *Měl bys pracovat systematictěji* ‘Тебе стоило [букв. стоило бы] работать более систематически’, *Jiří by měl Mileně pomoci* ‘Иржи стоило бы помочь Милене’, *Měl byste s ním promluvit* ‘Вам бы стоило с ним поговорить’. Формы кондиционала модального глагола *mít* оказываются, таким образом, семантически соотносимыми с индикативными формами не того же глагола *mít*, а глагола *muset*.

Отрицание при выражающих долженствование конструкциях может выполнять две основные функции: **анулативную** функцию (отрицание необходимости действия не исключает, тем не менее, его возможности) и **контрастивную** функцию (речь идет о необходимости нереализации действия). В отличие от русского языка, в котором наиболее узувальные выражающие долженствование конструкции регулярно выражают и анулативное, и контрастивное отрицание (ср. *У меня сейчас помощник, так что я уже не должен делать все сам* (анулативное отрицание) // *Ты не должен забыть об этом* (контрастивное отрицание); *Сегодня выходной, так что нам не надо вставать* (анулативное отрицание) // *Больному ни в коем случае не надо вставать* (контрастивное отрицание) и т. д.), в чешском языке анулативное отрицание выражается, как правило, с помощью отрицательных форм модального глагола *muset*, а контрастивное отрицание – с помощью отрицательных форм глагола *mít*, ср. *Nemusí pracovat* = ‘нет необходимости, чтобы он работал’, *Nemá pracovat* = ‘надо, чтобы он не работал’. Функции контрастивного коррелята к отрицательным формам глагола *muset* выполняют отрицательные формы иных модальных глаголов – глаголов *moci* ‘мочь’ и *smět* ‘сметь’. Ср. отрицание *Nemůžeš / nesmíš tak přepínat své síly* ‘Тебе не надо [букв. ты не можешь /

не смеешь] так перенапрягаться’ и утверждение *Musíš si už odpočinout* ‘Тебе уже надо отдохнуть’, *Takhle se to nemůže / nesmí dělat* ‘Так это нельзя делать’ и *Musí se to udělat jinak* ‘Это надо сделать по-другому’, *Nemůžete / nesmíme ho nechat bez pomoci* ‘Мы не можем оставить его без помощи’ и *Musíme ti pomoci* ‘Мы должны ему помочь’¹¹⁸.

В тех случаях, когда чешский узус допускает употребление конструкций с отрицательными формами обоих глаголов (глагола *posí* и глагола *smět*), обращение к отрицательным формам глагола *smět* может свидетельствовать либо об усилении категоричности, либо о подчеркивании морального аспекта долженствования.

Постулативно употребленные формы глагола *muset* с отрицанием в кондиционале семантически соотносительны с индикативными формами и выражают некоторое смягчение категоричности, ср. *Taky ti nemusíš / bys ti nemusel hned nadávat!* – ‘Тебе совсем не обязательно его сразу ругать!’

Постулативно употребленные конструкции с отрицательными формами модального глагола *mít* в индикативе выражают контрастивное отрицание тех значений, которые выражаются данными формами без отрицания, а именно:

(1) O³’ (общая сентенция): *Správná definice nemá být příliš dlouhá* ‘Корректное определение не должно быть слишком длинным’. В подобных случаях возможны и отрицательные формы глагола *smět*, ср. *Děti se nemají / nesmějí příliš rozmazlovat* ‘Детей не следует слишком баловать’;

¹¹⁸ В определенных условиях (в эмоционально окрашенных высказываниях) может произойти, по мнению П. Адамца, транспозиция выражаемого конструкциями с отрицательными формами модального глагола *muset* анулативного отрицания в отрицание контрастивное или же отрицание, неоднозначно интерпретируемое, ср. *Nemusíš hned ze všeho dělat tragédie!* – ‘Тебе совсем не обязательно изо всего сразу делать трагедию!’

(2) O^{3A} (передача чужого мнения): *Vzkazují ti, že tam dnes nemáš chodit* ‘Я передаю тебе, что тебе сегодня туда не надо ходить’, *Volal nám, že na něho nemáte čekat* ‘Он звонил, чтобы мы его не ждали [букв. что мы не должны...]’;

(3) O^{3B} (задача – избежать нежелательных последствий): *Nediv se, že se urazil, nemáš tu pořád nadávat* ‘Не удивляйся, что он обиделся, ты не должен его все время ругать’.

Обращение к кондиционалу свидетельствует об ослаблении категоричности, ср.: *Už bychom asi neměli čekat* ‘Наверное, нам уже не стоит ждать’, *Neměl bys k němu být tak přísný* ‘Не стоит тебе быть с ним таким строгим’, *Neměl by se tolik spoléhat na jiné* ‘Не стоит ему настолько полагаться на других’, *Neměli byste je nechat bez pomoci* ‘Вам не стоит оставлять их без помощи’ [Adamec 1974: 135-149].

Основным средством экспликации постулативной возможности в чешском языке следует считать конструкции с формами модального глагола *moči* (без отрицания), оформленные индикативом или (реже) кондиционалом, ср. некоторые из весьма многочисленных примеров:

– *Můžeš bejt rád, že od tebe žena odešla. Byla to fuchtle, řekl krejčí.* (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*)

‘«Радуйся [букв. можешь радоваться], что жена от тебя ушла. Это была шлюха», – сказал портной.’

Bylo vidět, že ztratil všechnu autoritu, a když řekl slabým beznadějným hlasem: “Mohli byste mně také pomoci,” tu všichni z eskorty dívali se ztrnule a nehnula se ani živá noha. (J. Hašek. *Osudy*)

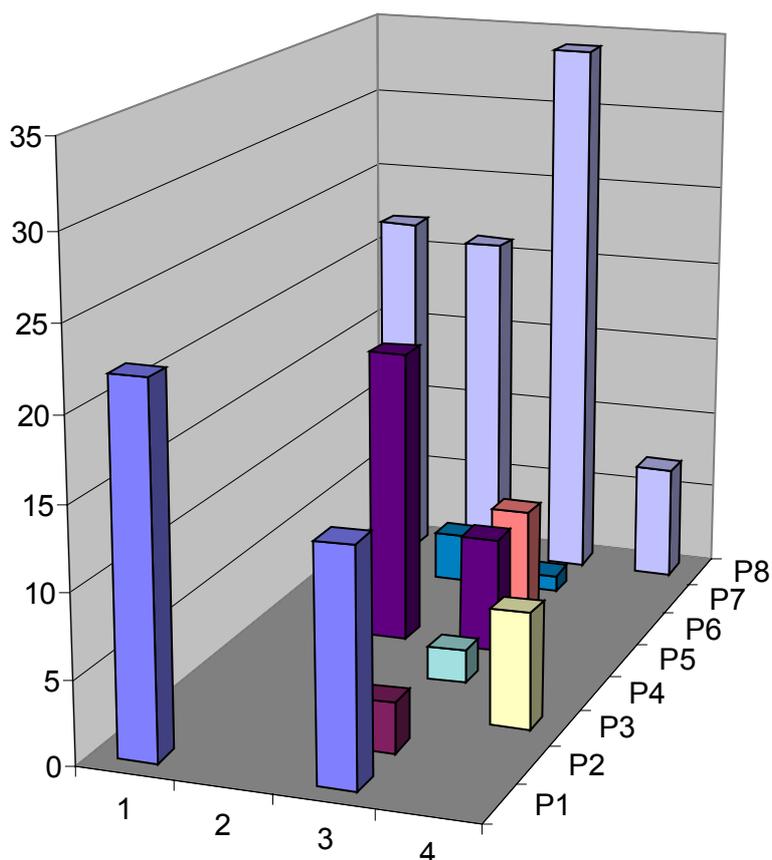
‘Было видно, что он потерял всякий авторитет, и когда он безнадежным голосом сказал: «Помогли бы хоть», – конвойные смотрели куда-то в сторону, и никто не пошевелился’.

dobrého vojáka Švejka)

Эксплицирующие постулативную возможность конструкции с модальным глаголом *smět* (без отрицания) не узуальны, ср. один из немногих подобных примеров:

<p><i>Autokar s fotbalovou jedenáctkou havaroval. Hráči stojí před nebeskou bránou. Svatý Petr přísně praví: “Fotbalisty nepřijímáme!” Sportovci odcházejí a vtom svatý Petr zavolá: “Je tu s vámi i střední útočník?” “Tady jsem!” hlásí se Pavel. “Ty smíš u nás zůstat, chlapče. Viděl jsem tě hrát v posledním zápase. Ty nejsi fotbalista”. (Dikobraz)</i></p>	<p><i>‘Автобус с футбольной командой попал в аварию. Игроки стоят перед небесными воротами. Святой Петр строго говорит: «Футболистов мы не принимаем». Спортсмены уходят, и вдруг святой Петр спрашивает: «Центральный нападающий с вами?» «Здесь!» – откликается Павел. «Иди сюда [букв. ты смеешь у нас остаться], парень. Я видел твою последнюю игру. Ты не футболист»’</i></p>
--	---

Об относительной употребительности рассматриваемых конструкций может свидетельствовать следующая диаграмма, построенная на основе представленных в текстах SYN2000 примерах данного типа, снабженных авторским иллокутивным комментарием, ср.:

Глаголы:

- 1 *mušet*
- 2 *mít*
- 3 *moci*
- 4 *smět*

Конструкции:

- P1 Невопросительная конструкция с индикативом без отрицания
- P2 Вопросительная конструкция с индикативом без отрицания
- P3 Невопросительная конструкция с индикативом с отрицанием
- P4 Вопросительная конструкция с индикативом с отрицанием
- P5 Невопросительная конструкция с кондиционалом без отрицания
- P6 Вопросительная конструкция с кондиционалом без отрицанием

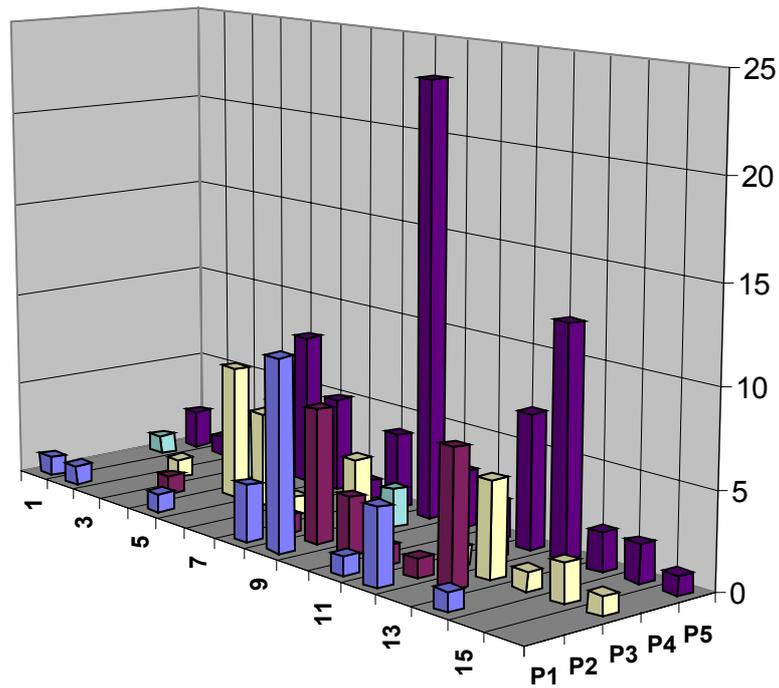
- P7 Вопросительная конструкция с кондиционалом с отрицанием
P8 Общее число употреблений по всем конструкциям

Примеры к диаграмме:

- P1-1 "*Musíte s ní mluvit oficiálním tónem, pane rado,*" *domlouval mi Smiley.* <SYN2000 S|NOV|1994|smilide> '«Говорите [букв. вы должны говорить] с ней официальным тоном, господин советник», – убеждал его Смили'.
- P1-3 "*Můžete se podívat,*" *nabídl mi.* <SYN2000 S|NOV|1995|vrazlek> '«Посмотрите [букв. вы можете посмотреть]», – предложил он ему'.
- P2-3 "*Můžete mi to zahrát ještě jednou?*" *požádal.* <SYN2000 S|NOV|199h|leponap> '«Вы не сыграете [букв. вы можете сыграть] мне это еще раз?» – попросил он'.
- P3-4 "*Heďte, nesmíte si to tak brát,*" *radil mladý policista.* <SYN2000 S|NOV|1997|doktorv> '«Слушайте, не берите в голову [букв. вы не смеете брать]», – советовал молодой полицейский'.
- P4-3 "*Nemůžeš to vydržet do rána? zaprosila její matka.* <SYN2000 S|NOV|1992|jep> '«Ты не можешь потерпеть до утра?» – попросила ее мать'.
- P5-2 "*Asi byste si měla lehnout,*" *doporučil jí.* <SYN2000 S|NOV|199h|leponap> '«Наверное, вам стоит лечь», – посоветовал он ей'.
- P5-3 "*Dobrý, ale vy byste mě pak mohl hodit domů... máte to po směru a sotva pět minut...,*" *prosil Dominik* '«Хорошо, но потом вы не подбросите [букв. вы бы могли подбросить] меня домой...

- táhnoucí už nohy za sebou.* *вам это по дороге, да и всего-*
 <SYN2000 S|NOV|1969|milavra> *то пять минут», – попросил*
Доминик, ноги которого уже
заплетались’.
- P6-3 *"Moh byste mi podat moje karty?"* *‘«Вы не подадите [букв. вы бы*
požádal ho místo odpovědi a Mitch *могли подать] мне мои кар-*
začal sbírat karty rozházené po *ты?» – вместо ответа попро-*
zemi. <SYN2000 *сил он, и Митч начал соби-*
 S|NOV|1994|pobrehli> *рать разбросанные по земле*
карты’.
- P7-2 *"Neměl byste jít radši k doktorovi,* *‘«Вам бы лучше пойти к док-*
když vás něco takového trápí?" do- *тору, раз уж вас мучает что-*
poručila máti. <SYN2000 *то вроде этого», – советовала*
 S|NOV|1968|durrell> *мать’.*
- P7-3 *"Nemohla by sis jí vykasat?" na-* *‘ «Ты не можешь [букв. ты бы*
vrhl Rost’a. <SYN2000 *не могла] ее засучить?» –*
 S|COL|1991|sezona> *предложил Ростя’.*

Как видно из приведенных примеров, выражающие постулативное долженствование и постулативную возможность конструкции используются для образования побудительных высказываний с самой разной иллокутивной значимостью, однако явное лидерство занимают *совет, предложение, просьба* (в таком порядке), см. следующую диаграмму:

Модальные глаголы:

P1 *muset*

P2 *mít*

P3 *moci*

P4 *smět*

P5 *общее число по всем модальным глаголам*

Глаголы в интерпретирующем предикате:

1 *přikázat*

2 *nařídit*

3 *pokynout*

4 *napomenout, napomínat*

5 *prosit, zaprosit*

6 *žádat, požádat*

7 *přemlouvát*

8 *domlouvát*

- 9 radit, poradit
 10 doporučit
 11 varovat
 12 upozornit, upozorňovat
 13 navrhnout, navrhovat
 14 vyzvat
 15 nabídnout
 16 vybídnout

Специфической возможностью чешского речеупотребления является возможность использования модальных глаголов *muset* (с отрицанием и без него) и *smět* (с отрицанием) в составе возвратных конструкций *musí se* ‘следует, должно, полагается’ и *nesmí se* ‘не следует, нельзя’, ср.:

Na ty kluky maďarský se musí jít vostře. ‘С этими венграми надо обращаться круто.’
 (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

“*Ale zelenina,*” *upozorňoval ho, “se v tomhle případě nesmí zapražít. To poznámám...”* (V. Erben. *Blázňova smrt*) ‘«Но овощи, – предупреждал он, – нельзя прожаривать. Я особо отмечаю это...»’

Рассмотренные выше конструкции с глаголами *muset*, *mít*, *smět*, *moci* покрывают абсолютное большинство (практически все) представленные в нашем материале примеры на постулативное долженствование и постулативную возможность. Примеры с иными модальными спецификаторами единичны, ср., например:

[*покупательница – продавцу:*] ‘Сегодня мне нужны духи с чертовски обольстительным запахом.’
Potřebuji dnes úplně ďábelský svůdný parfém!” (Dikobraz)

*Po dlouhé cestě na hory manžel-
řidič, úplně vyčerpaný, odstavuje
auto. “Tak, parkoviště bychom už
měli, teď je ještě třeba zjistit, do
kterého města jsme se to vlastně
dostali”.* (Dikobraz)

*Tak to by možná chtělo podívat se,
jestli tu nemáme nějakého
námořníka. Myslím v kartotéce... (J.
Marek. Panoptikum starých krimi-
nálních příběhů)*

*Poslyšte, kadete Bieglere, myslím, že
jste se učil, že máte na otázky svého
představeného odpovídat” /*

*“Ovšem,” řekl kadet Biegler, “jest
takový passus. Nutno ovšem předem
rozebrati náš vzájemný poměr.*

*Pokud je ti známo, nejsem nikam
ještě přidělen”.* (J. Hašek. Osudy
dobrého vojáka Švejka)

*Samozřejmě někdy můžeš z nich mít
nějaký prospěch, ale spoléhat na to
nelze.* (J. Marek. Můj strýc Odys-
seus)

*‘После долгой езды в горах супруг-
водитель, совершенно измотан-
ный, паркует машину. «Так, место
для стоянки мы вроде как нашли,
теперь надо выяснить, куда же
мы, собственно, приехали».’*

*‘Наверное, стоит посмотреть,
нет ли у нас какого-нибудь моряка.
Я имею в виду в картотеке...’*

«Слушайте, кадет Биглер, я полагаю, вас учили, что вы обязаны отвечать на вопросы вашего начальника» / «Действительно, – сказал кадет Биглер, – есть такой пассаж. Но сначала надо выяснить наши взаимоотношения. Насколько мне известно, я еще никуда не назначен».’

*‘Ты можешь иметь от них когда-
никогда выгоду, но рассчитывать
на это нельзя.’*

Наш русский материал представляет более равномерное распределение примеров рассматриваемого типа по отдельным модальным лексемам и моделям.

Интересно, что в то время как в общей массе высказываний, описывающих ситуацию необходимости, «в ряду прочих модальных лексем слово *должен* занимает особое место, являясь безусловной доминантой данного ряда [Теория... 1990: 147], высказывания, эксплицирующие в русском речепотреблении долженствование постулативное, образуются прежде всего с помощью словоформы *надо*. На втором месте стоит *нужно* и лишь на третьем – *должен, -а, -ы*. При этом среди побудительно-долженствовательных высказываний представлены те же формально-синтаксические модели, что и в общей массе долженствовательных высказываний¹¹⁹.

¹¹⁹ В общей массе долженствовательных высказываний С. Н. Цейтлин предлагает выделять «следующие конструктивные разновидности предложений, содержащих лексемы со значением необходимости в качестве стержневых: а) *Брат должен был с ним поговорить; Ты обязан подчиниться; Учитель вынужден ставить ему тройки*; б) *Матери нужно срочно с ним поговорить; Тебе необходимо там побывать*; в) *Вам следует туда пойти; Ему надлежит извиниться*; г) *Есть необходимость вам с ним объяснить*; д) *Долг солдата – подчиняться приказу; Твоя обязанность – смотреть за детьми*; е) *Его приезд необходим; Мне нужна ваша поддержка*. Перечисленные выше конструкции различаются способом представления основных компонентов предметной ситуации, но сам набор компонентов остается неизменным. В каждом предложении конструктивное ядро включает элемент со значением субъекта действия, элемент, обозначающий действие, а также модальную лексему (модальный оператор). Во всех структурах, кроме последней, действие выражено инфинитивом. В последней конструкции для выражения действия используется отглагольное существительное (налицо номинализация процесса). Компонент со значением субъекта действия занимает в предложении позицию либо подлежащего (структура а), либо дополнения (структуры б, в, г), либо определения (структуры д, е). Отсутствие вербального выражения субъекта свидетельствует либо об эллипсисе (незамещенной позиции), либо о синтаксическом нуле» [Теория... 1990: 147-148]. Из приведенных примеров не могут выступать в качестве долженствовательно-побудительных лишь пример *Учитель вынужден ставить ему тройки* (данная лексема специфицирована для выражения *объективного*, по терминологии [Adames 1974], долженствования) и пример *Брат должен был*

2.8. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ ПОЛЕЗНОСТИ КАУЗИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

Обращение к данному средству формирования побудительного высказывания закономерно для экспликации совета или предостережения, хотя естественно, что специфицированность данного средства для экспликации совета или предостережения не исключает его использования для выражения просьбы, приказа, требования и т. д. (в подобных случаях речь будет идти о транспозиции *совет* → *просьба*, *совет* → *требование*, *совет* → *приказ* и т. д.).

В обоих сопоставляемых языках может быть использована конструкция типа чешск. *nejlepší (je / bude) + инфинитив* и русск. *лучше (всего) (вам / мне / нам...) + инфинитив*, эксплицирующая предпочтительность того или иного действия потенциального исполнителя.

Наш чешский материал представляет также конструкции типа *nejlepší / (nej)líp (je / bude / by bylo), když / kdyby...* ‘лучше всего (будет / было бы), если / если бы...’, *čím..., tím líp...* ‘чем..., тем лучше...’, *uděláte dobře / nejlépe, když...* ‘вы сделаете хорошо / лучше всего, если...’, *udělal byste dobře / nejlépe, kdybyste...* ‘вы бы сделали лучше всего, если бы вы...’, которые в принципе могут быть дословно переведенными на русский язык:

Uděláte dobře, když se taky posadíte. ‘Вы сделаете хорошо, если тоже присядете.’
(J. Hašek)

“*Nejlépe uděláte,*” *rokračoval účetní* ‘«Вы сделаете лучше всего, – про-

с ним поговорить (высказывание описывает некую ситуацию в прошлом, а для побуждения необходима презентно-футуральная перспектива; для того, чтобы данное предложение могло функционировать в качестве должностовательно-побудительного высказывания, достаточно замены *был* на *будет* или на нулевую связку настоящего времени).

šikovatel Vaněk, “když necháte všechno plavat”. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) *должал фельдфебель Ванек, – если дадите всему идти своим чередом.’*

В нашем русском материале *полезность* каузируемого действия выражается также конструкциями типа *стóит / неплохо / хорошо / приятно... (было) (бы) + инфинитив*, ср.:

«Итак, мой благородный дон, – сказал дон Рэба, обращаясь к Румате, – было бы чрезвычайно приятно услышать ваши ответы на некоторые интересующие нас вопросы». (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом); *«Я полагаю, что когорта Молниеносного может уйти, – ответил гость и прибавил: – Хорошо бы было, если бы на прощанье она продефилировала по городу».* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Предпочтительность того или иного действия исполнителя в обоих языках может быть выражена также с помощью конструкции типа *(самое) главное / важное + инфинитив / существительное с семантикой действия (состояния)*, ср.:

чешские примеры:

Hlavní ve všem počínání je vůbec začít. *‘Во всем самое главное – вообще начать.’*
(J. Marek. Můj strýc Odysseus)

Pohyby, chlapče, pohyby jsou důležité. *‘Движение, парень, движение – вот что самое важное.’*
(J. Marek. Můj strýc Odysseus)

русский пример:

«Стало быть, Миша Корнев, – думал Данилов, – ходил к Земскому... Надо будет обязательно расспросить Земского... Теории его ладно, хотя и они любопытны... Главное – выяснить про Мишу...» (В. Орлов. Альтист Данилов).

Для экспликации *своевременности* каузируемого действия чешский язык располагает конструкциями типа *je největší / nejvyšší čas, aby / abys...*, а русский язык – конструкциями типа *пора / самое время + инфинитив*, ср.:

«**Самое время** нам выпить с тобой», – сказала она. (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века).

Побуждение рассматриваемого типа может также оформляться как утверждение о том, что именно так поступают (готовы поступить, поступили бы) в данной ситуации достойные подражания люди (например, сам говорящий), ср.:

чешский пример:

[отец – сыну, вручая ему деньги:] <i>Otcovský podíl je posvátný a moudrý člověk ho rozhojí, dodal ještě starý slavnostně.</i> (J. Marek. Můj strýc Odysseus)	‘«Наследство – вещь святая, и мудрый человек его приумножит», – добавил старый торжественно.’
--	---

русский пример:

Мужчина должен заниматься настоящим мужским делом. Я бы на твоём месте поступила в пожарные. (А. Беляев. Ариель).

В обоих сопоставляемых языках побуждение данного типа может также выражаться квалификацией осуществляемого (либо планируемого, возможного и т. д.) действия / поведения как нежелательного, неуместного, нелепого, вредного и т. д., ср.:

чешские примеры:

<i>Nesmíte tak příliš horlivě se hnát do služby. Není nic ošklivějšího nad splašeného ordonance <...>.</i> (J. Hašek.	‘Вам не следует так уж гореть на службе. Нет ничего отвратительнее суматошного ординарца
--	--

Osudy dobrého vojáka Švejka) <...>’
Ale ještě maličkost... Nebylo by snad ‘И еще одна деталь... Наверное,
dobré, kdyby o mé návštěvě věděla... было бы не совсем хорошо, если
celá škola... (V. Erben. Bláznova smrt) бы о моем визите знала... вся
 школа...’

русские примеры:

«Подождите, Доуэль, – вмешивался в разговор Ларе. – Вам **вредно** говорить». (А. Беляев. Голова профессора Доуэля); **Зря** беспокоитесь, Верочка. (И. Ефремов. Лезвие бритвы); «Вы взрослый человек, – сердито сказал Данилов, – а, видно, уверили себя в каком-то детском вздоре... Это и **смешно**, и **неприятно**...» (В. Орлов. Альтист Данилов); Информатор щелкнул, помолчал и добавил поучающе: «Завидовать **дурно**. Завидовать **дурно**». (А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству).

В обоих сопоставляемых языках прекращение осуществляемого исполнителем действия может каузироваться конструкцией типа чешск. *dost* + существительное / местоимение в род. п. и русск. *хватит* + инфинитив / существительное или местоимение в род. п., *нечего* + инфинитив, ср.:

чешский пример:

Ale dost už těch velkých scén, Inko. ‘Но довольно уже этих сцен, Ин-
 (J. Procházka. Hon na lišku) ка.’

русские примеры:

«**Хватит, хватит!**» – перебила Элли. (А. Волков. Волшебник изумрудного города); *И нечего* на меня орать, сами вы виноваты <...>. (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

В обоих сопоставляемых языках побуждение прекратить или воздержаться от какого-либо действия может эксплицироваться квалификацией его как *недостойного*.

Чех в подобной ситуации обращается к конструкциям типа *není vám hanba* и особенно к конструкциям типа *Že se nestydíš...*, которые можно рассматривать как ставшие самостоятельными эллиптические эквиваленты конструкций типа *Já se divím, že se nestydíš...* ‘Я удивлен, что тебе не стыдно...’, ср.:

<p>“<i>Že se nestydíš,</i>” zlobila se manželka, když ráno vstoupila do kuchyně, “<i>pít na lačný žaludek rum!</i>” / “<i>Na jaký lačný žaludek?</i>” diví se manžel. “<i>Vždyť já si už dal dvě piva!</i>” (Dikobraz)</p>	<p>‘«<i>И не стыдно тебе пить на голодный желудок ром!</i>» – сердилась супруга, выйдя утром на кухню. / «<i>На какой еще голодный желудок?</i> – удивляется муж. – <i>Ведь я уже выпил две бутылки пива!</i>»’</p>
--	---

<p><i>Že vám není hanba</i> takhle otravovat poctivý lidi, soudruhu. (J. Procházka. Vrah se skrývá v poli)</p>	<p>‘<i>И не стыдно вам, товарищ, надоедать честным людям.</i>’</p>
--	--

Русский может обратиться в подобной ситуации к конструкциям типа *и / как не стыдно (тебе); ты бы постыдился*, ср.:

«Вы бы все-таки постыдились, – сказал бармен, – при людях-то... Совесть совсем потеряли». (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века).

Побуждение к воздержанию от какого-либо действия (поведения), либо к действию (поведению) альтернативному может осуществляться квалификацией действия, осуществляемого исполнителем в текущий момент, как неуместного, ср. чешский пример и его русский перевод:

<p>“<i>Vždyť nejste na divadle, řvete jako operní zpěvák, Švejku,</i>” ulekaně</p>	<p>‘«<i>Ведь вы же не на сцене, вы ревете как оперный певец, Швейк</i>», – испу-</p>
--	--

ozval se nadporučík Lukáš, když Švejk zazpíval poslední větu. (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

ганно воскликнул надпоручик Лукаш, когда Швейк пропел последние слова.

В обоих языках в подобных ситуациях возможен риторический вопрос о причинах осуществляемого исполнителем неуместного поведения, ср.

чешский пример:

“Co si neseďneš?” ptal se Vodička, který už seděl na židli u zdi, “tamhle máš židli”. (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

«Чего ты не садишься? – спросил Водичка, который уже сидел на стуле у стены, – вон тебе стул».

русский пример:

«Гражданин! – опять встрял мерзкий регент. – Вы что же это волнуете интуриста?» (М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*).

О том, что речь идет именно о **риторическом** вопросе, свидетельствует, на наш взгляд, и возможность оформления подобных высказываний в письменном тексте (в обоих языках) **без** вопросительного знака, ср.

чешский пример:

Proč nejdeš spát. Sedíš tady jako vodník na vrbě. (V. Erben. *Blázňova smrt*)

«Почему ты не идешь спать. Си-дишь здесь как водяной на вербе.»

русский пример:

«Дашь ты мне когда-нибудь отдохнуть, свинья!» – взвизгнула фигура. (Е. Попов. *Вера*, или дополнительные сведения о жизни).

О прескриптивном характере оценки (высказанная оценка способна стимулировать ответные действия собеседника) см., например, в [Арутюнова, Падучева 1985: 14], [Хазова 1988: 138], [Мискинянц 1989: 51], [Останин 1995: 109].

2.9. ПОБУЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЭКСПЛИКАЦИЮ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ

Подобно тому, как постулативное долженствование или постулативная возможность могут рассматриваться в качестве зон пересечения функционально-семантических полей долженствовательности и императивности либо возможности и императивности, в ряде случаев следует говорить о зоне пересечения функционально-семантических полей императивности и оптативности.

Обратимся к понятию оптативного высказывания и его статусу в современных чешском и русском языках. Прежде всего следует отметить, что этот статус в богемистике *выше*, чем в русистике. В то время как «в соответствии с русской грамматической традицией среди предложений, функционирующих как высказывания, по коммуникативной установке принято различать: повествовательные (*Ты хорошо рисуешь; Петров едет в Москву; Я думаю, что пойдет дождь*), вопросительные (*Ты хорошо рисуешь? Едет Петров в Москву? Сказать, что я думаю? Можно вечером позвонить вам домой?*) и повелительные, или побудительные (*Рисуй хорошо; Пусть Петров едет в Москву; Скажи, что ты думаешь; Позвоните мне вечером домой*)» [Теория... 1990: 185], в чешской грамматической традиции в число основных коммуникативных функций наряду с сообщением (*oznámení*), вопросом (*otázka*), побуждением (*výzva*) включается и желание (*přání*), а в соответствии с этим выделяются не три, а четыре основных типа «форм высказывания» (*výrovné formy*): констатирующая (*konstatační*) ФВ ≈ ‘повествовательное предложение’; интерпро-

гативная (interogační) ФВ ≈ ‘вопросительное предложение’; императивная (imperativní) ФВ ≈ ‘повелительное предложение’ и оптативная (optativní) ФВ ≈ ‘желательное предложение’ (ср. рекомендованные министерством образования ЧССР в качестве **учебников** [GrepI, Karlík 1986: 41], [Mluvnice češtiny 1987: 319])¹²⁰. Понятие *желательные предложения* (věty přací) используют даже те авторы, которые объединяют их с *повелительными предложениями* (věty rozkazovací) в общий тип *побудительных*¹²¹ *предложений* (věty žádací), ср. вышедший пятым изданием **учебник** [Navránek, Jedlička 1981: 254, 323, 325]. Что же касается русской школьной традиции, то «забракованное Ломоносовым желательное наклонение почти не упоминается в последующих грамматиках до К. С. Аксакова и Ф. И. Буслаева» [Виноградов 1972: 458], да и сейчас, хотя и используется (ср. [Русская грамматика 1980. Т. II: 99, 105-110]), однако далеко не повсеместно. Важно отметить также то, что и функциональная нагруженность, и, как следствие, употребительность чешского кондиционала существенно превосходит функциональную нагруженность и употребительность системно соответствующего ему русского морфологического сослагательного наклонения, ср. [Широкова 1974]. Нам представляется поэтому, что русский язык в силу как объективных (т.е. собственно языковых), так и субъективных (сложившаяся традиция) факторов предоставляет мѣньшие возможности для вычленения функционально-семантической категории оптатива, чем чешский или ряд иных европейских языков (не случайно Г. Г. Сильницкий, автор раздела «Функцио-

¹²⁰ Подобная классификация весьма удобна в школьной практике: один из названных типов ФВ объединяет предложения, графически маркированные в письменном тексте вопросительным знаком, а три остальные распределяются по трем морфологическим наклонениям – индикативу, императиву, кондиционалу.

¹²¹ Именно так переводит сочетание *žádací věta* [ЧРС 1976].

нально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики» в [Теория... 1990], в подразделе «Оптатив» обращается к иностранным примерам чаще, чем к русским)¹²². Естественно, что сказанное ни в коей мере не означает, что мы пытаемся посягнуть на «права гражданственности» оптатива в русском языковом пространстве (мы можем выделить полей и категорий ровно столько, сколько пожелаем, мы лишь должны иметь в виду, что чем больше мы их выделим, тем выше вероятность их пересечения, того, что они будут многократно перекрывать одно и то же языковое явление). Просто если мы попытаемся визуализировать выделенные нами функционально-семантические поля оптативности и императивности в виде неких многомерных образований (одно измерение – инвентарь формальных средств, другое – узуальность того или иного средства, третье – общая употребительность высказываний данного типа и т.п.), то «разница объемов» этих образований в чешском языковом пространстве будет меньше, чем в языковом пространстве русском.

Под пересечением функционально-семантического поля императивности и функционально-семантического поля оптативности мы понимаем не только то, что одна и та же комбинация формальных языковых средств может использоваться (в различных ситуациях) и в качестве побудитель-

¹²² Г. Г. Сильницкий, для которого наклонение – это «грамматическая категория, эксплицирующая способ регулирования субъектом речи его коммуникативно-информационного взаимодействия с адресатом» [Теория... 1990: 90], соответственно двум основным функциям информации – «управляющей» и «осведомительной» (ср. [Братко, Кочергин 1977: 147]) – различает два основных функционально-коммуникативных типа наклонений: «волитивный» и «когнитивный» (ср. «инфлюативный» и «информативный» уровни второсигнального взаимодействия в [Поршнев 1974: 195-196]), при этом волитивный тип наклонения «служит грамматическим средством выражения различных видов мотивированности глагольного действия волевой установкой субъекта речи на реализацию или

ного, и в качестве оптативного высказывания, но и то, что одно и то же высказывание может быть (при определенных обстоятельствах) **одновременно** и побудительным, и оптативным¹²³.

А поэтому критерии, предлагающие жесткий выбор по типу *некое свойство :: некое противоположное свойство, его исключаящее* и тем самым не допускающие *пересечения* полей императивности и оптативности в приведенном понимании (критерии типа *императив* – адресованное волеизъявление, *оптатив* – неадресованное¹²⁴) при разграничении императива и оптатива мы считаем принципиально неприменимыми. Речь может идти, как нам представляется, лишь о критериях типа *обязательность некоего свойства :: факультативность этого свойства* (так, *побуждение* предполагает обязательность: 1) компонента каузации в семантической структуре волеизъявления; 2) презентно-футуральной перспективы; 3) адресованности волеизъявления; 4) интенциональности предиката и, возможно, ряда других, менее значимых признаков. Для оптативного же волеизъявления эти признаки являются факультативными.

В обоих сопоставляемых языках желательность может эксплицироваться конструкциями с глаголами волеизъявления (в чешском языке это глаголы *chtít, přát (si)*, в русском – *хотеть, желать*), соотношение которых в сопоставляемых языках неравное.

нереализацию этого действия» и включает в себя **императив** (прямое волитивное наклонение) и **оптатив** (косвенное волитивное наклонение).

¹²³ Так, Р. А. Буралова, анализирующая русские высказывания с независимым инфинитивом, выделяет наряду с «чистой оптативностью» и «побудительностью» также и «оптативность с оттенком побуждения» [Буралова 1988: 32].

¹²⁴ Критерий *адресованности / неадресованности* довольно распространен, ср., например, [Распопов 1973], [Распопова 1985], [Беляева 1985].

В современном русском речепотреблении основным модальным глаголом волеизъявления является глагол *хотеть*, он стилистически нейтрален, тогда как глагол *желать* стилистически маркирован, «употребляется или в “высоком стиле,” или при повышенной эмоциональности, или, наконец, в особых сферах общения, например, в речи обслуживающего персонала при обращении к клиентам» [Теория... 1990: 183]. Наш русский материал фиксирует единичные примеры с *желать*.

В чешском же речепотреблении соотношение конструкций с глаголами *přát (si)* и *chtít* более ровное. Так, в нашем материала число конструкций с *chtít* хотя и превышает число конструкций с *přát (si)*, но не в десять раз (соотношение конструкций с глаголами *хотеть* и *желать*¹²⁵ в нашем русском материале), а лишь в полтора раза. Возможно, реальной употребляемости конструкций с *přát (si)* (отметим и значительный общий перевес чешских примеров на побудительную желательность в нашем материале – и это при том, что сплошной выборке нами были подвергнуты приблизительно равные массивы текстов) способствует то обстоятельство, что данный глагол, в отличие от глагола *chtít* и в отличие от глаголов *хотеть* и *желать*, является в современном чешском речепотреблении перформативным [Mluvnice češtiny 1987: 353, 354]¹²⁶.

В обоих сопоставляемых языках названные глаголы желания могут выступать в формах индикатива или сослагательного наклонения / кон-

¹²⁵ Отметим, что формы данного глагола во всех наших примерах употреблены с отрицанием, поэтому следует говорить не столько о лексемах *хотеть* и *желать*, сколько о *хотеть* и *не желать*.

¹²⁶ Поэтому чешское высказывание типа *Přeji si, aby na té skále stál zlatý zámek* значит не только ‘Я хочу, чтобы на этой скале стоял золотой замок’, но и ‘Я высказываю желание, чтобы на этой скале...’. В русском же речепотреблении перформативным является не лексически соотносительный чешскому глаголу *přát (si)* глагол *желать*, а сочетание *желать удачи*, ср. [Апресян 1995. Т. II: 202].

диционала, при этом в последнем случае речь идет, как правило, о «смягченном» волеизъявлении.

Волеизъявительные высказывания с формами названных глаголов мы склонны разделить на два основных типа.

Во-первых, в высказывании может непосредственно эксплицироваться действие слушающего (либо иного, не тождественного слушающему агенса), которое является желательным¹²⁷ для говорящего (либо иного, не тождественного говорящему автора волеизъявления). В этих случаях в русском языке закономерна «конструкция с придаточным дополнительным, вводимым союзом *чтобы* в сочетании с глаголом в сослагательном наклонении» [Теория... 1990: 183], а в чешском – конструкция с кондиционалом, ср.

чешские примеры:

*Já taky **chci, abyste** všichni odpovídali něměcky, a ne tou vaší patlaninou.* (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

‘И еще я хочу, чтобы вы все отвечали по-немецки, а не на этой вашей тарабарщине.’

*Přeji si, **abyste** mluvil vždy pravdu a vykonával bez reptání všechny mé rozkazy.* (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

‘Я хочу, чтобы вы всегда говорили только правду и безропотно выполняли все мои приказания.’

*“Přál bych si jen,” řekl Josef Krempa, “**abyste** odešel”.* (V. Erben. *Bláznova smrt*)

‘«Я хочу только одного, – ответил Йозеф Кремпа, – чтобы вы ушли.»’

¹²⁷ Или же *нежелательным*, в этом случае каузируется *воздержание от действия / какое-либо альтернативное действие*.

русские примеры:

Не хочу, чтобы вы вмешивались в это дело. (А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству); *Я советский инженер и не желаю, чтобы со мной разговаривали таким тоном.* (А. Глебов)¹²⁸.

Во-вторых, в высказывании может эксплицироваться желательность некоторого действия (результата некоторого действия)¹²⁹ говорящего, возможного в результате определенных действий слушающего, которое тем самым имплицитруется данным высказыванием ('Я хочу с вами поговорить' = 'Поговорите со мной'), ср.:

чешские примеры:

*“Já **chci** žebro,” říkal ke kuchařovi, ‘«Я хочу ребро, – говорил он пова-
“včera jsi mi dal oháňku”.* (J. Hašek. *ру, – вчера ты мне дал хвост».*
Osudy dobrého vojáka Švejka).

*Zákaznice žádá prodavačku, “**Chtěla bych** na obličej nějaký růžový pudr. ‘Посетительница просит продав-
Něco podobného, jako máte vy”.* *щицу: «Я бы хотела розовую пудру
(Dikobraz) для лица. Что-то такое, как у
вас».*

русские примеры:

*«Нет, нет, – сказал Юрий Дмитриевич. – Мы ведь с вами еще не до-
говорили. <...> Я сейчас говорить **хочу**...»* (Ф. Горенштейн. Ступени);

¹²⁸ Пример Е. Е. Корди в [Теория... 1990: 183]. Отметим, что при обычности употребления в составе подобной конструкции глагола *хотеть* глагол *желать* встречается достаточно редко. Во всяком случае, в 10 000 стандартных книжных страниц художественного текста, подвергнутых нами компьютерной обработке, не было обнаружено ни одного примера этого типа.

¹²⁹ Высказывания типа *Я хочу цветок*, которые мы склонны рассматривать как эллиптические эквиваленты высказываний типа *Я хочу **получить** цветок*, также подпадают под это определение.

Прошу прощения, но я хотел бы знать, как вы проникли в дом. (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом); «*Не желаю на эту тему разговаривать*», – *объявил Гай.* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

Специфической особенностью чешского речеупотребления является большая употребительность в составе высказываний рассматриваемого типа конструкций с кратким прилагательным *rád, -a, -i, -y*¹³⁰, оформленные кондиционалом¹³¹. В нашем материале конструкции с *rád* содержатся почти в половине желательных-побудительных высказываний, ср. некоторые из весьма многочисленных примеров:

Rád bych se s vámi o něčem pohovořil. ‘Я бы хотел поговорить с вами
(V. Erben. Poklad byzantského kupce) кое о чем.’

Já bych přece jen raději¹³² vědel, ‘Я бы хотел сначала знать, откуда вы взяли эту фотографию.’
(V. Erben. Poklad byzantského kupce)

Оба сопоставляемых языка располагают и некоторыми иными лексическими средствами формирования желательных высказываний, реальная употребительность которых для выражения побуждения, по нашим наблюдениям, невысока. Так, в нашем русском материале представлены единичные примеры с [мне] *неохота*, [мне] *надоело*, *я не намерен*, ср.:

¹³⁰ Чешские конструкции *rád, -a, -i, -y* + наст. вр. индикатива типа *Rád čtu* ‘Я люблю читать’ являются грамматической калькой немецкого *Ich lese gern*.

¹³¹ Оформление подобной конструкции индикативом для высказываний рассматриваемого типа не характерно, ср. следующий пример, в котором высказывание с *rád* выражает мотивацию волеизъявления, выраженного предыдущим высказыванием с императивной конструкцией, но не само волеизъявление: “*Chtěl jsi něco?*” / “*Ne,*” řekl muž. “*Nech nás o samotě.*” / Exner vstal. “*Ale ne. Pojděte dál,* jestli máte čas, paní. *Rád si promluví s oběma.*” (V. Erben. Blázňova smrt).

¹³² *Raději* – сравнительная степень от *rád*.

Мне надоело повторять тебе одно и то же... (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров); «*Неохота мне лазить по обрывам*», – сказал Антон. (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом); *Не намерен с вами спорить*. (И. Ефремов. Лезвие бритвы).

2.10. ПОБУЖДЕНИЕ В РАМКАХ УСТАРЕВШИХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ

В чешском языке, наряду с фамильярным обращением к собеседнику «на ты» (tykáni) и вежливым обращением «на вы» (vykáni), существует также устаревшее разговорное обращение «на они» (onikáni) и разговорное фамильярно-покровительственное обращение «на он» (onkáni). А поскольку в рамках любой этикетной формы общения, будь то «тыканье», «выканье», «ониканье» или «онканье», должна предполагаться возможность обратиться к собеседнику с побуждением, данное явление безусловно имеет право быть рассмотренным в рамках описания средств и способов экспликации данной коммуникативной функции.

2.10.1. «ОНИКАНЬЕ»

«Ониканье» обязано своим возникновением существовавшему когда-то чешско-немецкому двуязычию и представляет собой вежливое обращение к собеседнику формой, совпадающей с презентно-футуральной формой 3 лица мн. числа индикатива¹³³.

Войдя в чешское речепотребление в XVIII веке, «ониканье», в качестве очевидного германизма, весьма не приветствовалось деятелями чеш-

¹³³ О том, идет ли при этом речь о побудительном высказывании или о высказывании с иной актуальной коммуникативной функцией, определяет контекст и ситуация.

ского национального возрождения¹³⁴, так что начиная уже с первых десятилетий XIX века сфера его употребления ограничивается некодифицированной речью, ср. некоторые примеры из чешских авторов XIX–начала XX веков:

Šourková se při tomto připomenutí trochu zakabonila: “A jdou, ani mi nevzpomínají! Starej se mi na svůj svátek natáh <...>.” (K. H. Mácha. Martin Žemla) ‘Услышав это, Шоуркова нахмурилась: «Оставьте, даже и не говорите [букв. оставят... не вспоминают] мне об этом! Мой-то на праздник нализался <...>».’

Vstávají, pane redaktor, / nelekají se, / jdeme v noci, nejsme však zloději, / jenom komise. (K. Havlíček Borovský. Tyrolské elegie) ‘Вставайте, господин редактор, не бойтесь [букв. встают... не боятся], мы пришли ночью, но мы не воры, а всего лишь комиссия.’

“No, tedy nám povědí, jak to bude a kdo všechno tam bude?” vyzvídala ‘«Ну а теперь расскажите [букв. расскажут] нам, что это все будет

¹³⁴ Сопоставив прикладные грамматики чешского языка XVIII века, можно наблюдать, как «ониканье» вытеснило непрямую адресацию, контаминированную с «онканьем», а потом было само вытеснено «выканьем»: *Dobreg den můg Pane / gak se má?* (Jandyt, 1705) → *Dobry den, můg Pane, gak se magj?* (Pelcl, 1775) → *Dey Pán Bůh dobrý den, gak se máte?* (Pelcl 1795; 1798). Начиная с 1810 года «ониканье» исчезает со сцены, тогда как ранее оно было одинаково обычным как для переводных, так и для оригинальных пьес. Многие деятели чешского национального возрождения (vlastenci), вначале письменно «оникавшие», ближе к рубежу XVIII-XIX веков в письмах, адресованных своим единомышленникам, заменяют «ониканье» «выканьем», но по-прежнему «оникают» в своей прочей корреспонденции. Наблюдения и примеры *Betsch M. Zur Entwicklung des Systems der Anredepronomen in Tschechischen 1700-1850 // Beiträge der Europäischen Linguistik (POLYSLAV) 1 / Giger M., Wiemer B. (Hrsg.). München, 1998. S. 37-44.*

- paní Klepandová (B. Němcová. Kávová společnost) *и кто там будет,» – допытывалась пани Клепандова.'*
- “*Tak si ji **jdou** koupit do Pražského deníku!*” *odsekla bába a přidala několik jadrných hrubostí a nadávek.* (L. Stroupežnický. Pták z říše bájí) *«Ну вот в газету и идите [букв. идут] за покупками», – отсекла баба и добавила пару сочных ругательств.'*
- Člověče, *hodějí se do civilu!* (I. Olbracht. Kariéra Eduarda Žáka) *‘Дружище, переоденьтесь [букв. переоденутся] в штатское!’*
- Ale taky nikomu nic **neříkají** ... ani muk!* (J. John. Holínky dědy Perjšáka) *‘Но только никому не рассказывайте [букв. не рассказывают]... ни слова!’*
- “*Policejní ředitel, váš šéf, jest mům strýcem!*” *A ukazuje na nešťastného pana Markupa, zvolal: “**Odvedou ho!**”* (J. Hašek. Perzekuce nové strany kruhy vládními) *‘«Директор полиции, ваш начальник, приходится мне дядей! – И провозгласил, показав на бедного господина Маркупа: – Арестуйте [букв. арестуют] его!»’*
- Ale **řeknou** mně, kam moh jít, když neměl na těle ani kšandu!?* (K. Čapek. Zmizení herce Bendy) *‘Но скажите [букв. скажут] мне, куда он мог идти, когда на нем даже подтяжек не было?!’*

Немало примеров на «ониканье» в анекдотах первой четверти XX века, ср: *Leč ožralec toho nechápe. Nakloní se a řekne: „Člověče, **jen dají pozor** – aby z **nich** jednou nebyl ministr-krajan!“* (J. Mahen. Pan komisař); *Tak **ráčejí** proti tomu švindlu jak náleží zakročit.* (Anekdoty a humoresky 1910. Nová agenda); *ЧЕТАР: Добре. Než pan kadet přijde, **odskočej** do kantýny a **řeknou** kantýnskému, aby **jim** dal pro mne dvě športky, že je večer*

*zaplatím – ale **pospíšej si!*** (Nájemník 1910, č. 5); ***Poslouchají,** voni Vomáčko, kolik koní má škadrona?* (Kopřivý 1911, č. 16); *Milostpaní, **koupějí si písek, nebude!** My písek už rozvážet nebudeme.* (Bourali jsme vesele c. k. mocnářství zpuchřelé: anekdoty, humoresky a satiry z konce rakousko-uherské říše); *Konduktér požádal flegamtika, aby se legitimoval. Ten vytáhl z kapsy vizitku, kterou mu dal Potiorek; konduktér srazil podpatky, zasalutoval a Potiorkovi zašeptal do ucha: „**Nechají** toho! Bylo by to marný! To je ten vůl, co to projel v Srbsku!“* (Bourali jsme...); ***Poslouchaj, daj** mně dva rýnský a že **jim** ty voly zdvihnu.* (Hanácké kopřivý 1918-1919, č. 4); *On na žádnou otázku neodpovídal, jen více a více na „toho lumpa“ nadával. Konečně k otázce, koho myslí, řekl: „No, toho vraha Pribinoviče, co zabil Františka Ferdinanda d’Este. Ale **řeknou** mi, pane auditor, koho oni mysleli, když mě proto vyšetřují?“* (Bourali jsme...).

Современные чешские авторы могут насыщать «ониканьем» речь персонажей тех своих произведений, действие которых происходит в прошлом – в XIX-начале XX века (либо в абстрактном прошлом мира волшебной сказки). Так, Й. Марек использует «ониканье» в романе «Мой дядя Одиссей» и в сборнике «Паноптикум старых криминальных историй», Я. Копш – в «криминальной хронике старой Праги», авторы журнала «Дикобраз» – в миниатюрах «из жизни старых пражан», составители сборника анекдотов – в разделе «Еврейские анекдоты», И. Брдечка и О. Липски – в фильме «Адела еще не ужинала» о пражских приключениях популярного в конце XIX века американского детектива Ника Картера, Я. Дрда – в литературных «Чешских сказках», Л. Смоляк – в пародийной пьесе о юности автора будущего чешского гимна Й. К. Тыла, ср. например:

[извозчик приежжесму:] *Tak si ‘Садитесь и скажите* [букв. сядут и *sednou* а *povědí* mi, já jich скажут] мне, и я вас [букв. их] доведу,

dovezu jako v peřince. (J. Marek. *как на перине.*’

Můj strýc Odysseus)

Pane Šmidmajer, oni mi tu zdržujou moje lidi, a já je potřebuju jinde! Už toho nechaj a jdem!.. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů)

Pamatujou si, paní Vejmelková, že jsem ještě nikdy nikomu nic špatnýho neřekla a neřeknu. (Dikobraz)

„Co by tomu řekli, pane Steigermark, dnes je den smíření, kdybychom si odpustili, co jsme si udělali, a žili nadále v přátelství? Heleďte, já jim přeju od srdce co i oni mi přejou...“ / „No prosím, Kohn, už zase začínaj...“ (Špalíček dobrých českých vtipů)

No kouknou se na ni jak povokřála! (Adéla ještě nevečeřela)

Tak jdou, jdou, pane čerchmant, nic se neostejhají, vemou si se mnou krapítek májové houbovky! (J. Drda. Zapomenutý

‘Господин Шмидмайер, вы [букв. они] мне тут задерживаете [букв. задерживают] моих людей, которые мне нужны в другом месте. Прекращайте-ка [букв. прекращают] это и пошли!..’

‘Помните [букв. помнят], пани Веймелкова, что я еще никогда никому ничего плохого не сказала и не скажу.’

‘«Послушайте [букв. что бы они этому сказали], господин Штейгермарк, сегодня день примирения, давайте простим друг другу всё, что мы сделали, и будем добрыми друзьями. Слушайте, я вам [букв. им] от всего сердца желаю того, что и вы мне желаете [букв. что и они мне желают]...» / «Ну вот, Кон, опять вы начинаете [букв. опять они начинают]...»’

‘Посмотрите [букв. посмотрят] только, как она посвежела’

‘Идите, идите [букв. идут], господин черт, не стесняйтесь [букв. не стесняются], поешьте [букв. поедят] со мной майской грибной похлебки!’

čert)

Spolehnou se, pan mistr. Sichr, jak vy Češi říkáte. (L. Smoljak. Hymna aneb urfidlovačka) *‘Будьте спокойны [букв. понадеются], пан мастер. Зихер, как вы чехи говорите.’*

Мы встречаем «ониканье» в фильме «Все мои близкие» о трагической судьбе большой еврейской семьи во время гитлеровской оккупации Чехословакии (фильм снят в 1999 году!), ср.:

– *Tady je ta smlouva. Napíšou tam kolik můžou dát a at' to můžeme zapít!* *‘– Вот договор. Впишут туда, сколько вы можете дать, и отметим это дело!’*

– *Chcete tím říct, že tam můžu napsat jakoukoliv částku?* *– Вы хотите сказать, что я могу туда вписать любую сумму?*

– *Už jsem řek. Napíšou tam a podepíšou.* (фильм *Všichni moji blízcí*) *– Я же сказал. Впишут и подпишут.’*

«Ониканье» нередко сопровождается и лексическими германизмами (в том числе отсутствующими в литературном языке), ср. следующий пример, просто избыточный ими (нем. *putzen* – ‘чистить’, *das Gewehr* – ‘винтовка’, *der Gefreute* – ‘ефрейтор’, *der Lauf* – ‘ствол’):

Tohle že je vyucisovanej kver? Nestyděj se? A to chtějí být frajtre? <...>. Dám jim lauf protáhnout, zatím počkaj! (Nájemník 1910, č. 5) *‘И это вычищенная винтовка? И вам [букв. им] не стыдно? И вы еще хотите [букв. они хотят] быть ефрейтором? <...> Я распоряжусь прочистить вам [букв. им] ствол, а пока подождите [букв. подождут]!’*

Эти германизмы могут быть даже графически не освоены (нем. die Münze – ‘1. монета. 2. монетный двор’ -werk – суффикс с собирательным значением, ср.:

Tak Karpíšek, kde mají ten svůj ‘Так, Карпишек, где этот ваш [букв. у
münzwerk? Nic nezapírají, них] монетный двор? Не отнекивай-
*všechno se ví do puntíku! (J. тесь [букв. не отнекиваются], мы зна-
Kopš. Pražské pitavaly) ем все!’*

В качестве явного германизма обращение «на они» могло интерпретироваться как более *официальное*. Так, «оникает», обращаясь к уважаемому клиенту, трактирщик («Nový epochální výlet pana Broučka tentokrát do patnáctého století» С. Чеха), от смущения начинает «оникать» старый крестьянин, оказавшись перед английским королем («Klapzubova jednáctka» Э. Басса). «Оникать» может безработный, обращаясь к фабриканту (кинофильм Hej Rup), или школьный сторож, говоря с пожилым учителем (кинофильм Cesta do hlubin študákovy duše). Поначалу «оникает» незнакомцу (но уже на второй день начинает «тыкать») бабка Плайзнерка из литературной сказки Яна Дрды «Zapomenutý čert», ср.:

“Libějí přese vylézt, pane domácí; vždyť je tam plno neřesti,” ‘«Извольте [букв. изволят] же вылез-
*ho starostivý Würfel. (S. Čech. тать, господин домохозяин, ведь там
Nový epochální výlet pana полно грязищи», звал его заботливый
Broučka tentokrát do patnáctého Вюрфель.’*
století)

Kouknou, kouknou, pane šef, jestli chtějí pro mě něco udělat, dají mně ‘Слушайте [букв. смотрят, смотрят], хозяин, если вы хотите [букв. если они хотят] для меня что-нибудь
na večeři. (фильм Hej Rup) сделать, дайте [букв. дадут] мне на

Co jim platný že *študujou a jsou* vědec když *neudělaj* zkoušky? Že něco *uměj* to nic neznamená. *Mu-sej* docílit titul a uznání. (фильм Cesta do hlubin študákovy duše).

ужин.’

‘Какой для вас [букв. для них] толк в том, что вы занимаетесь [букв. что они занимаются] и что вы [букв. они] ученый, если вы [букв. они] не сдали экзаменов? То, что вы что-то умеете [букв. они умеют], ничего не значит. Вы [букв. они] должны получить титул и признание.’

Показательно, что «ониканье» может восприниматься как более официальное не только по отношению к «тыканью», но и по отношению к «выканью». Об этом могут свидетельствовать следующие два примера, в которых говорящий «оникает», отдавая распоряжение непосредственному подчиненному, и «выкает», обращаясь к иному лицу, ср.:

Strážmistr, zřetelně pohnut
pohledem na dobrodušnou
Švejkovu tvář, dodal: “A
nevzpomínejte [«выканье»] *na*
mne ve zlém. Vezmou [«оника-*нье»] ho, pane závodčí, tady mají*
bericht”. (J. Hašek. Osudy
dobrého vojáka Švejka)

‘Стражмистр, заметно тронутый
добродушием, написанным на физио-
номии Швейка, добавил: «И не поми-
найте меня лихом. Ведите [букв.
возьмут] его, господин разводящий,
вот донесение».’

O vás [«выканье» – А. И.] *půjde*
bericht k soudu,” stručně řekl
rytmistr; “pane strážmistr, zavřou
[«ониканье»] *oba muže, ráno je*
přivedou [«ониканье»] *k výslechu*

‘Донесение о вас пойдет в суд, – ко-
ротко сказал ротмистр. – Господин
стражмистр, посадить [букв. поса-
дят] обоих, завтра утром привести
[букв. приведут] на допрос, а это до-

a ten bericht z Putimě несение из Путима изучить [букв.
proštudujou [«ониканье»] *a* изучат] и послать [букв. пошлют]
pošlou [«ониканье»] *mně do* мне на квартиру». '
bytu". (J. Hašek. Osudy dobrého
 vojáka Švejka)

Еще более показателен в этом плане третий пример, в котором «ониканьем» сменяется «тыканьем», когда один рядовой начинает проводить со своим товарищем воинские упражнения, ср.:

Ted' budeš dělat [«тыканье»] 'А сейчас будешь делать повороты
rohuby těla na místě. Rechts um! на месте. Напра-во! Ну и корова же
Člověče! Voni jsou [«ониканье»] вы [букв. они]. Ваши [букв. их] рога
kráva! Jejich [«ониканье»] *rohů* должны очутиться там, где было
mají se octnout tam kde měli раньше правое плечо. Отставить!
 [«ониканье»] *dřív pravý rameno. Napra-vo! Nale-vo!*
Herstellt! Rechts um! Links um!
 (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka
 Švejka)

Впрочем, речь идет о едва намеченной тенденции и никак не о закономерности, поскольку в абсолютном большинстве случаев «ониканье» и «выканье» в романе Я. Гашека находятся в свободном варьировании, ср. некоторые из многочисленных примеров их совмещения:

"*Nechte si* [«выканье»] *své* '«Оставьте свои учености, – перебил
učenosti," *přerušil ho desátník,* его сержант, – и идите [букв. идут]
"a jdou [«ониканье»] *raději* лучше подмести в казарме, сегодня
zamést cimru, dneska je na nich ваша [букв. их] очередь» '
 [«ониканье»]"

"*Polibte* [«выканье»] *ještě, bábo,* '«Поцелуйте еще распятие, бабуля, –

krucifix, ” poroučel strážmistr, приказал стражмистр, когда Пейз-
když Pejzlerka za ukrutného лерка, безостановочно всхлипывая,
vzlykotu odpřisáhla a pokřížovala поклялась и набожно перекрестилась.
se zbožně. “Tak a teď zas – А теперь отнесите [букв. отнесут]
odnesou [«ониканье»] krucifix, распятие обратно, у кого вы его
odkud si ho vypůjčili [«оника- одолжили [букв. они одолжили], и
нье»], a řeknou [«ониканье»], že скажете [букв. скажут], что оно
jsem ho potřeboval k výslechu!” потребовалось мне для допроса!»’

Невысокая представленность «ониканья» в художественных текстах объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что тогда, когда данное явление было живо в речи носителей чешского языка (период чешско-немецкого двуязычия), оно не допускалось в печатный текст как нелитературное и даже «непатриотическое», а когда право авторов печатать все, что они считают нужным, было признано, «ониканье» уже ушло в прошлое. Единственное художественное произведение, содержащее «ониканье» просто в изобилии – «Похождения бравого солдата Швейка...» Я. Гашека, шокировавшее современников своим языком (в послесловии к первой части романа Я. Гашек специально предупреждает читателей, что в дальнейших главах «...и солдаты, и штатские будут говорить и поступать так, как они поступают в действительности.» – цит. по русск. переводу П. Богатырева). Ср. некоторые из полутора сотен примеров побудительного «ониканья» в романе:

Švejk, obléknou se a půjdou k ‘Швейк, одевайтесь [букв. оденутся]
výslechu! и идите [букв. пойдут] на допрос!’

Lezou ven a nežvanějí! ‘Вылезайте [букв. лезут] наружу и не
болтайте [букв. не болтают]!’

Moc se nám tady neroztahujou! ‘Тут у нас особенно не хозяйничайте

<i>Nelekají se, pane feldkurát!</i>	[букв. <i>не хозяйничают!</i>] 'Не бойтесь [букв. <i>не пугаются</i>], господин фельдкурат!'
<i>Pane Herolde, jsou tak laskav, hrajou durcha a neblnou!</i>	'Господин Герольд, будьте так любезны [букв. <i>суть так любезен</i>], заказывайте максимум и не идиотничайте [букв. <i>заказывают и не идиотничают</i>].'

Интересно, что для «ониканья» характерны в целом те же способы оформления побуждения, что и для «выканья» или «тыканья». Так, наряду с рассмотренными выше конструкциями, которые, являясь основным средством экспликации побуждения в рамках «ониканья», коррелируют тем самым с императивными конструкциями 2 лица – основным средством выражения побуждения в рамках «выканья» и «тыканья», в нашем материале представлены следующие средства и способы экспликации побуждения:

Перформативные конструкции

Выражаемое в рамках «ониканья» перформативное побуждение теоретически будет отличаться от стандартного (т.е. выражаемого в рамках «выканья» или «тыканья») лишь формой обозначающего адресата побуждения местоимения, ср. неоконченное:

<i>Milostpane, proboha jich prosím, ”</i>	‘«Сударь, ради Бога вас [букв. <i>их</i>]
<i>ozvalo se žalostně z kuchyně, ale</i>	<i>прошу...» – раздалось с кухни, но</i>
<i>Švejk již končil svou válečnou</i>	<i>Швейк уже закончил свою военную</i>
<i>píseň. (J. Hašek. Osudy dobrého</i>	<i>песню.’</i>
<i>vojáka Švejka)</i>	

Следующий пример демонстрирует усложнение эксплицитной перформативной формулы: говорящий не равен прескриптору, ср.:

<i>Pane kantýnskej, pan cuksfir</i>	<i>‘Господин трактирщик, господин</i>
<i>Bartoš nechá se poroučet a prosí,</i>	<i>взводный Бартош кланяется и про-</i>
<i>aby mu poslali dvě športky, večer</i>	<i>сит послать [букв. просит, чтобы</i>
<i>prý je zaplatí. (Nájemník 1910, č.</i>	<i>они послали] ему две сигареты, он</i>
<i>5)</i>	<i>говорит, что вечером заплатит.’</i>

Отметим, что *prosím vás* закономерно трансформируется в *prosím jich* и тогда, когда речь идет о его его переходе в полифункциональную частицу со сложной семантикой, ср.:

<i>Švejcárková pokynula rukou, jako</i>	<i>‘Швейцаркова махнула рукой, как</i>
<i>by chtěla říci: “Inu, prosímich, to</i>	<i>будто хотела сказать: «Ну, что же</i>
<i>jináč nejde!”, a ubírala se zvolna</i>	<i>вы хотите [букв. я их прошу], по дру-</i>
<i>dále. (K. H. Mácha. Martin Žemla)</i>	<i>гому нельзя!» – и поплелась дальше.’</i>

<i>Prosimich, s dovolením, kam to</i>	<i>‘Извините [букв. я их прошу], куда</i>
<i>půjdem? (J. John. Oščádalův</i>	<i>это мы пойдём?’</i>
<i>kufírek)</i>	

Аналитические конструкции с at’

Как отмечалось выше, в рамках «выканья» и «тыканья» аналитические конструкции *at’ + 2 лицо индикатива* в современном чешском речепотреблении выражают эмоционально окрашенное категорическое побуждение. Так же и в рамках «ониканья» персонаж Я. Гашека обращается к конструкции с *at’*, когда «обычное» ониканье не помогло (при этом, естественно, конструкция *at’ + 2 лицо индикатива* трансформируется в конструкцию *at’ + 3 лицо индикатива*), ср.:

<i>“Poslouchají, bábo,” řekl</i>	<i>‘«Слушайте [букв. слушают], бабуля,</i>
---	--

strážmistr k Pejzlerce, přísně se jí dívaje do obličeje, “seženou někde krucifix na podstavci a přinesou ho sem.” Na tázavý pohled Pejzlerky zařval strážmistr: “Koukají, at’ už jsou tady!” (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) – *сказал стражмистр Пејзлерке, строго смотря ей в лицо, – достаньте [букв. достанут] где-нибудь распятие и принесите [букв. принесут] его сюда». В ответ на вопросительный взгляд Пејзлерки стражмистр заорал: «Вернуться немедленно! [букв. чтоб они уже были здесь]».*’

Аналитические формы с ráčít, hledět

Рассмотренные выше аналитические императивные конструкции с *ráčít, hledět* возможны и в рамках «ониканья», ср.:

“Račej odpustit, pane inšpektor,” řekl nejistým hlasem, “já to udělat musel”. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů) – *«Простите [букв. изволят простить], господин инспектор, – произнес он неуверенным голосом, – я должен был это сделать».*’

Tak ani tam nechodějí, jdou raději na Radomyšl, ale hledějí tam přijít k večeři, to jsou všichni četníci v hospodě. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) – *‘Тогда туда даже не ходите [букв. не ходят], идите [букв. идут] лучше на Радомышль, но смотрите придите [букв. смотрят придут] туда к ужину, тогда все жандармы в трактире.’*

Panímámo, nelíbějí se zlobit, ale tadyhle posílá rukama starostovejma Sejnohova žena holínky a mají hned vrátit dvacet zlatech – jináč řek starosta, aby – *‘Хозяйка, не сердитесь [букв. не со- благоволят сердиться], но жена Сейноги посылает через старосту сапоги, а вы должны вернуть двадцать золотых, а то староста сказал, что-*

žalovala. (J. John. Holínky dědy Pejšáka) *бы она подавала в суд.'*

Koukaj vypadnout! (фильм Adéla ještě nevečeřela). *'Убирайтесь! [букв. *смотрят убирать вон!]'*

Конструкции с десемантизированными формами

Так же, как и в рамках «тыканья» или «выканья», в рамках «ониканья» императивные формы некоторых глаголов, в частности, глаголов *kouknout* 'посмотреть, глянуть', *poslouchat* 'слушать, подслушивать, слушаться' и *vědět* 'знать', находясь в начале высказывания, могут частично утрачивать свое лексическое значение и начинают функционировать как своего рода сигнал, предваряющий особо важную, по мнению говорящего, информацию, ср.:

Kouknou, pane šef, jestli chtějí pro mě něco udělat, dají mně na večeři. (кинофильм *Hej Rup*) *'Слушайте [букв. смотрят], хозяин, если вы хотите для меня что-то сделать, дайте мне на ужин.'*

Poslouchají, já už mám před penzí, ale jsem rád, že jsem ještě na konci zažil takovou náhodu, jakou bych si nikdy ani neuměl představit. (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*) *'Слушайте [букв. слушают], я уже собираюсь на пенсию, но страшно рад, что успел встретиться с такой случайностью, какую никогда даже представить не мог.'*

“Vědí co, dám tedy zlatý padesát,” nabízel písař. (L. Stroupežnický. *Pták z říše bájí*) *«Знаете [букв. знают] что, я дам золотой пятьдесят», – предложил писарь.'*

Конструкции с кондиционалом

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может быть эксплицировано конструкцией с кондиционалом, при этом речь может идти о конструкциях как с отрицанием, так и без него, ср.:

[полицейский – сообщнику:] <i>Vědí, i kdybysme je vzali na pár hodin hop, ježíšmarjá, ne aby se dali zaleknout a otvírali zobák.</i> (I. Olbracht. Kariéra Eduarda Žáka)	‘Знаете [букв. знают], даже если мы вас [букв. их] на пару часов задержим, не давайте себя запугать [букв. чтоб они не дали себя запугать] и и не открывайте [букв. чтоб не открывали] пасть.’
“<i>Penze je krásná věc, aby věděli,</i>” řekl potom a napsal recept. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů)	‘«Пенсия – вещь прекрасная, знайте это [букв. чтобы они знали], – сказал он и выписал рецепт.’

Конструкции с модальными глаголами

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках ониканья побуждение может выражаться экспликацией необходимости или возможности каузируемого действия, что в чешском языке осуществляется прежде всего с помощью конструкций с модальными глаголами *muset* ‘быть должным, обязанным’, *tosí* ‘мочь’, *smět* ‘сметь’, *mít* ‘иметь’ с отрицанием и без него:

Модальный глагол muset

“<i>Dobrá,</i>” řekl Švejk, “<i>to mně musěj dát písemně, aby se vědělo</i>	‘«Хорошо, – сказал Швейк, – но только дайте мне этот приказ [букв. они

<...>, *kdo mně to udělal.* (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*) *должны мне дать...]* в письменном виде, чтобы потом <...> было известно, кто в этом виноват».’

Nemusejí se bát vlézt do nich. (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*) ‘Смело надевайте ее [букв. они не должны бояться надеть].’

Модальный глагол *mít*¹³⁵

“*Taky mají dát pokoj s tím posledním pomazáním,*” *bručel,* *oblékaje se neochotně,* “*vzpomenou si lidi umírat, když je člověk v nejlepší spánku*”. (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*) ‘«Не лезьте вы ко мне [букв. им следует не лезть] с этим соборованием, – ворчал он, неохотно одеваясь. – Вспоминаете [букв. вспоминают], когда человек только-только разоспался».’

“*Pane rechnerfeldvébl,*” *hlásil mu Švejk,* “*mají hned jít k magacínu, tam už čeká Fuchs s 10 maníky, budou se fasovat konzervy.* *Mají běžet laufšrit.* *Pan lajtnant dvakrát už telefonoval*”. (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*) ‘«Господин фельдфебель, – докладывал ему Швейк, – вам [букв. им] надо сейчас же идти на склад, там уже ждет Фукс с 10 солдатами, будут выдавать консервы. Вам [букв. им] приказано бежать бегом. Господин

¹³⁵ В нашем материале представлено и немодальное употребление глагола *mít* ‘иметь’ в рамках «ониканья», ср.: “*Nemají strachu, pane závodčí,*” *řekl Švejk,* “*uděláme nejlepší, když se k sobě přivážem. Tak se nemůžem jeden druhému ztratit. Mají s sebou želízka?*” (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*) ‘«Не бойтесь [букв. не имеют страх], господин разводящий, – сказал Швейк, – лучше всего будет, если мы друг к другу привяжемся. Тогда мы не сможем один другого потерять. У вас [букв. у них] есть с собой наручники?»’.

Osudy dobrého vojáka Švejka) обер-лейтенант звонил уже два
раза.’

Модальный глагол *moči*

Do Brucku nás vezou, jestli chtějí, pane obrfeldkurát, můžou ject s námi. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) ‘Нас везут в Брук, и если хотите [букв. хотят], господин обер-фельдкурат, поезжайте [букв. могут ехать] с нами.’

No tak! Tak si můžou teď myslet, že jsou v mordpartě. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů) ‘Ну вот! Вот и представляйте себе [букв. они могут думать] теперь, что вы в группе по убийствам.’

Модальный глагол *smět*

No nesmějí tak rychle, to musejí hodně pomalu. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) ‘Не так быстро [букв. не смеют так быстро], надо помедленнее [букв. они должны...]’

Экспликация полезности / неполезности

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может эксплицироваться экспликацией **полезности** для адресата каузируемого действия (семантическая интерпретация побуждения: *совет*) либо экспликацией негативных последствий осуществляемого или же планируемого адресатом действия, т. е. экспликацией его **неполезности** (семантическая интерпретация: предостережение), ср.:

Nejlepší udělají, když půjdou s námi ke zdejšímu faráři, aby nám ‘Лучше всего будет [букв. они сделают лучше всего], если вы пойдете

vrátil erární majetek. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

[букв. они пойдут] с нами к здешнему священнику, чтобы он вернул нам казенное имущество.'

“*Pane majore,*” *budil ho Švejk,* “*poslušně hlásím, že dostanou vši*”. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘«Господин майор, – будил его Швейк, – осмелюсь доложить, что вы нахватаете [букв. нахватывают] вшей».’

К приведенному выше примеру примыкает следующий, содержащий оформленную в рамках «ониканья» фразеологизованную конструкцию (ставшее самостоятельным придаточное предложение *Že se nestydíš / nestydíte...* ‘И как тебе / вам не стыдно... [букв. Что ты не стыдишься / вы не стыдитесь...]’), эксплицирующую социальную неадекватность осуществляемого адресатом действия¹³⁶, ср.:

Bába Pejzlerka udělala alarm, stáhla závodčího i Švejka s postele. Závodčímu řekla: “Že se nestydějí spát voblečenej jako boží dobytek,” <...>. (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘Бабка Пејзлерка подняла шум, стащила разводящего и Швейка с постелей. Разводящему она сказала: «И как вам [букв. им] не стыдно спать одетым, точно скотина», <...>’

Риторический вопрос

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может быть выражено с помощью риторического вопроса, ср.:

To se rozumí, že ran Znamenáček i ‘Ясно, что господин Знаменачек и

¹³⁶ Либо действия уже осуществленного – в этом случае речь идет о «совете на будущее».

ten dozorce zůstali stát jako тот стражник просто окаменели, но
zkoprněli, ale on si na ně dup a он [судья] топнул ногой и закричал:
rozkřikl se: “Poslechnou, nebo «Будете выполнять [букв. послуша-
ne!” (J. Hašek. Osudy dobrého vo- ются] или нет!»’
jáka Švejka)

2.10.2. «ОНКАНЬЕ»

«Онканье»¹³⁷, состоящее в использовании при обращении к собеседнику формы, совпадающей с претеритной или (реже) презентно-футуральной формой 3-го лица ед. числа индикатива, выражает снисходительно-покровительственное отношение к собеседнику. На первый взгляд может показаться, что речь идет о явлении, подобном русским примерам типа «Упал, отжался!» (ставшая крылатой реплика одного из персонажей телепередачи «Куклы»). Однако в русском языке речь идет отнюдь не о формах 3-го лица: если при эловой форме нет личного местоимения, лицо определяется из контекста (это может быть и 1-е, и 2-е, и 3-е лицо). В чешском же языке «голая» эловая форма однозначно свидетельствует о 3-м лице. Чешское «онканье» использует не только претеритные, но и презентно-футуральные формы, в русском же языке речь идет об исключительно претеритных формах. «Онканье», как видно из названия, ограничено 3-м лицом единственного числа, в русском же языке в случае с «авторитарным императивом»¹³⁸ речь может идти и о формах множественного числа, ср.: «Подвинулись, колонны!» (телепередача «Городок»: «братки» распахивают стоящих у них на дороге).

¹³⁷ Или «онаканье», если собеседник женского пола.

¹³⁸ Так это явление было названо в докладе В. И. Беликова на международном конгрессе «Русский язык: Исторические судьбы и современность» (МГУ, 2001).

В отличие от «ониканья», «онканье» не маркируется в сознании носителей языка как относящийся к ушедшей эпохе грамматический германизм¹³⁹. Невысокая употребительность «онканья» может быть обусловлена, на наш взгляд, спецификой его семантики («онканье» более жестко, чем «тыканье» или «выканье», предполагает определенное соотношение социальных ролей говорящего и адресата), а также его некодифицированностью (последнее обстоятельство становится особенно важным в эпоху массовой коммуникации, когда резко усиливаются процессы, ведущие к унификации и стандартизации языкового пространства). Тем не менее мы можем обнаружить «онканье» в речи персонажей художественных произведений, при этом можно выделить два типа случаев:

Во-первых, «онканье» может встречаться в текстах, созданных тогда, когда данное явление было еще достаточно употребительным, ср.:

<p>[хозяйка – служанке:] <i>Nemohla jít k jinému, ona hloupá? <...> No, teda šla k němu, řekla, že se nechám uctivě poroučet, aby měl ještě do prvního strpení, že se s ním spořádám.</i> (B. Němcová. Kávová společnost)</p>	<p>‘И ты [букв. она не могла] не могла пойти к другому, глупая? [букв. она глупая] <...> Тогда иди [букв. она шла] к нему, скажи [букв. она сказала], что я кланяюсь и прошу подождать еще до первого числа, что я с ним рассчитаюсь.’</p>
---	--

¹³⁹ Дело не в том, **является** ли данное явление германизмом или нет (скорее всего, является, во всяком случае оно явным образом соотносится с принятым некогда в германоязычных странах этикетным способом обращения в 3 лице единственного числа к лицу, стоящему существенно ниже на социальной лестнице, например, обращение дворянина – к слуге, офицера – к денщику и т.п.), а в том, **воспринимается** ли оно в качестве такового в глазах людей, имеющих определенное представление о **современном** немецком языке и не знающих особенно много о его истории, т. е. в глазах среднего чеха.

- [*хозяин – служанке:*] *Zuzanko, voda je nejzdravější nápoj, zůstala vždy při vodě, bude zdráva a šťastna.* (B. Němcová. *Babička*) ‘Зузанка, вода – самый здоровый напиток, пей [букв. пила] только воду, будешь [букв. будет] здоровой и счастливой’
- [*проститутка – прохожему:*] *Hezoune, šel si zafilipínkovat.* (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*) ‘Красавчик, пошли [букв. он пошел] развлечемся.’
- “*Nic si z toho nedělal,*” *těší ho kyprá dáma, až se ožení, pak dá matematice vale.* (K. Poláček. *Hostinec u kamenného stolu*) ‘«Да не переживай [букв. не переживал] из-за этого, – утешает его пышная дама, – когда женишься, скажешь [букв. он женится... он скажет] математике «пока».’
- Když se po vyzkoušení studentů vypsaných na jeden den vrátil nahoru do kanceláře, předal sešit paní sekretářce s pokynem: “Přepsala to do epické šíře!”* (P. Bartůňek. *Smích z poslucháren*) ‘Когда же, проэкзаменовав всех записанных на этот день студентов, он поднимался в канцелярию, то передавал тетрадку секретарше с указанием: «Перепиши-ка [букв. она переписала] это в эпос!»’

Во-вторых, к «онканью» обращаются и авторы современные¹⁴⁰ – речь идет о средстве стилизации. Так, оформленные «онканьем» фразы звучат в фильме К. Стеклого о бравом солдате Швейке (в тексте романа Я. Гашека, положенного в основу сюжета сценария, этой фразы нет!) и в историческом фильме «Пекарь императора», ср.:

¹⁴⁰ В этой связи нам кажется весьма показательным то обстоятельство, что «ониканье» и «онканье», традиционно игнорируемые в научных

- [генеральская вдова – слуге:] *Johan, on musel sofort na korpuskomando* (film *Dobrý voják Švejk*) *‘Йоганн, сейчас же иди [букв. он должен сейчас же] в штаб корпуса.’*
- [Рудольф II – придворному:] *Langu, šel sem!* (film *Císařův pekař a pekařův císař*) *‘Ланг, иди-ка [букв. он пошел] сюда!’*

В качестве стилистического средства использует «онканье» (наряду с «ониканьем») И. Марек, ср.:

- [барышня из ресторана – молодому герою:] *Kouknul, chlapečku, on je slušnej mužskej, šel se mnou, dáme si na pokoji ještě šampus na jejich účet.* (J. Marek. *Můj strýc Odysseus*) *‘Слушай [букв. он слушал], малыш, да ты [букв. он] парень хоть куда, иди [букв. шёл] со мной, закажем еще шампанского в номер за их счет.’*

Умело обыгрывает «онканье» Л. Смоляк, ср. следующую сценку из пародийной пьесы *Hymna aneb urfidlovačka*, в которой происходит «разговор глухих» (беседуют «двуязычный пражский еврей Мареш» и сын «чешскоговорящего чешского патриота»¹⁴¹ Йозеф – будущий драматург Й. К. Тыл):

грамматиках чешского языка, наконец-то нашли отражение в новаторском труде брненских авторов [*Příruční mluvnice češtiny* 1996: 595].

¹⁴¹ Среди действующих лиц комедии мы встречаем дочь Мареша «чешскоговорящую немецкую патриотку» Мاستилкову и соперника Йозефа «немецкоговорящего чешского патриота» Яммервейля. Пародируется пьеса Й. К. Тыла «Фидловачка», в которой впервые прозвучали слова будущего чешского гимна (в пародии они звучат на немецком языке: *Wo ist mein Heim, / Wo ist mein Heim? / Wasser fließen auf den Wiesen, / Wälder schäumen auf den Felsen, / Frühlingsflora im Park blüht, / Paradies auf ers-*

MAREŠ: *Podíval se, Josef. Jeho tatík povídal, že Čech se německy naučí snadno, ale Němec česky nikdy. Co kdyby se německy naučil von?*

JOSEF: *Vy jste se zbláznil, pane Mareš. Že by se můj tatík někdy učil německy, to je naprosto vyloučený.*

MAREŠ: *Von mi nerozuměl, Josef. Já nemyslel, že by se německy učil von jeho tatík. Já myslel, že by se německy učil von sám.*

JOSEF: *Von by se německy neučil ani sám, ani s někým.*

MAREŠ: *Ale von mi nerozumí. Vo něho mi nejde. Mně jde vo něho. Von by se měl učit německy, ne von. Copak von nerozumí česky?*

JOSEF: *Kdo vám říkal, že náš táta nerozumí česky? Přece jste s ním*

МАРЕШ: *Слушай [букв. посмотрел], Йозеф. Твой [букв. его] отец говорил, что чех легко выучит немецкий, а вот немец чешский никогда. А что если немецкий выучить тебе [букв. выучить ему]?*

ЙОЗЕФ: *Вы с ума сошли, пан Мареш. Чтобы мой отец учил немецкий? Совершенно исключено.*

МАРЕШ: *Ты [букв. он] не понял. Я не имел в виду, что немецкий будет учить твой [букв. его] отец. Я имел в виду, что немецкий язык должен учить ты [букв. он] сам.*

ЙОЗЕФ: *Он не будет учить немецкий язык ни сам, ни с кем-то еще.*

МАРЕШ: *Ты меня не понимаешь [букв. он меня не понимает]. Речь идет не о нем. Речь идет о тебе [букв. о нем]. Ты [букв. он] должен учить немецкий, а не он. Ты что, не понимаешь [букв. он не понимает] по-чешски?*

ЙОЗЕФ: *Кто вам сказал, что наш папа не понимает по-чешски? Вы же*

ten Blick, / och, das ist das schöne Böhmen, / tschechisch Böhmen, / unser Heim, / tschechisch Böhmen, / unser Heim).

mluvil, ne? Jak vás může něco takového napadnout?

MAREŠ: *(Chvilí přemýšlí.) Dal mi ruku a šel se mnou. (Odvede Josefa až k portálu jeviště.) Von se postavil sem.*

JOSEF: *Kdy? Jak tu prve byl?*

MAREŠ: *Von nemluvil, von jenom poslouchal.*

JOSEF: *Tak to s ním něco nebylo v pořádku. Protože normálně von nepustí nikoho ke slovu.*

MAREŠ: *Dával pozor. Von (ukáže na Josefa) je jeho (ukáže na opačnou stranu jeviště) syn. A von (ukazuje tamtéž) je jeho (ukáže na Josefa) tatík. Jasný?*

JOSEF: *No, dejme tomu.*

MAREŠ: *Von (ukáže na tatíkovu stranu) ať si mluví česky, ať se neučí německy, po něm to nikdo ne-*

с ним разговаривали, разве нет? И как вам только в голову такое могло прийти!

МАРЕШ: *(минуту размышляет) Дай мне [букв. он дал] руку и пойдём [букв. он пошел] со мной. (Отводит Йозефа к самому краю сцены). Становись [букв. он встал] сюда.*

ЙОЗЕФ: *Когда? Когда он был тут в прошлый раз?*

МАРЕШ: *Не говори, только слушай [букв. он не говорил, он только слушал]*

ЙОЗЕФ: *Значит, с ним что-то случилось. Потому что обычно он никому не дает сказать ни слова.*

МАРЕШ: *Внимание [букв. он был внимательным]. Ты [букв. он] (показывает на Йозефа) – его (показывает в противоположную сторону сцены) сын. А он (показывает туда же) – твой [букв. его] (показывает на Йозефа) отец. Ясно?*

ЙОЗЕФ: *Предположим.*

МАРЕШ: *Он (показывает в сторону «папы») пусть говорит по-чешски, пусть не учит немецкий, никто этого*

chce. Ale von (ukáže na Josefa), von by se německy učit měl. Protože kdyby von uměl německy, tak by um Gottes Willen rozuměl, co mu tu povídám, protože v němčině je to úplně jasný a logický, a von by si potom <...> von by si potom moh vzít naši Gertrudu. Jasný?

JOSEF: *Ano. Ted' už tomu začínám rozumět.*

MAREŠ: *Gott sei Dank!*

MASTÍLKOVÁ: *(Vyjde z domu.) Á, zaj gezond, her Josef. Taky nás přišel ajnládovat na tu jejich Fidlováčku? Ale copak? Copak tu stojí úplně štajf?*

JOSEF: *Váš pan otec má takový šílený nápad.*

MASTÍLKOVÁ: *Virklich?*

JOSEF: *Chce, aby se můj tatík naučil německy a oženil se s vaší Gertrudou.*

MASTÍLKOVÁ: *Vás??? Fátr! Je to pravda?*

от него не хочет. Но тебе бы [букв. ему бы] учиться немецкому стоило. Потому что если бы ты [букв. он] учил немецкий, ты бы [букв. он бы] um Gottes Willen понимал, что я тебе [букв. ему] говорю, потому что в немецком языке все просто и логично, а ты бы [букв. он бы] потом <...> мог жениться на нашей Гертруде.

ЙОЗЕФ: *Да. Теперь я начинаю понимать.*

МАРЕШ: *Gott sei Dank!*

МАСТИЛКОВА: *(выходит из дома) А, зай gezond, гер Йозеф. Ты тоже пришел нас айнладовать на эту вашу [букв. их] Фидловачку? Но что такое? Почему ты здесь стоишь [букв. он стоит] совершенно штайф?*

ЙОЗЕФ: *У вашего пана отца совершенно безумные идеи.*

МАСТИЛКОВА: *Вирклих?*

ЙОЗЕФ: *Он хочет, чтобы мой отец выучил немецкий язык и женился на вашей Гертруде.*

МАСТИЛКОВА: *Вас??? Фатер! Это правда?*

MAREŠ: *Český jazyk – nerad to říkám a jako univerzálního Žida mě to přímo bolí – je sice libozvučný, ale domluvit se v něm je prakticky nemožný. (Odejde.)*

МАРЕШ: *Хотя чешский язык – мне как универсальному еврею это просто больно говорить – и благозвучный, но договориться на нём практически невозможно. (Уходит)'*

О том, что речь идет о живом, пусть и малоупотребительном языковом средстве, свидетельствует и использование «онканья» в современных художественных переводах на чешский язык, ср. следующий фрагмент, в котором вежливое «выканье» временно сменяется фамильярным «онканьем», когда возникает потребность утихомирить собеседника:

“Nevzrušujte se [«выканье»]. Víím o té záležitosti víc, než si myslíte. A domnívám se, že vám můžu pomoci. Víím, kde ho hledat.”

‘«Не волнуйтесь. Я знаю об этом больше, чем вы думаете. И я думаю, что могу вам помочь. Я знаю, где его искать.»

Nahnul se přes bar.

Он наклонился через стойку.

“Kde?”

«Где?»

“Pustil tu košili, kámo,” řekl jsem potichu a ukázal mu obušek, “jinak se ocit jak dlouhej tak širokej na chodníku a poldům řeknu, že se mu udělalo šoufl.”

«А ну-ка пусти рубашку, приятель, – шепнул я ему и показал дубинку, – а то будешь валяться на тротуаре, а ментам я скажу, что тебе стало плохо.»

[«онканье»]

Pustil mě.

Он отпустил меня.

“Promiňte. Ale řekněte mi, kde je. A taky mi řekněte, jak je možný, že o tom tolik víte.”

«Извините. Но скажите мне, где он. И скажите, как это возможно, что вы об этом столько знаете.»

“Všechno má svůj čas. Jak víte

«Всему свое время. Как вы знаете,

[«выканье»], *existujou kartotéky: v* существуют картотеки: в больни-
netosnicích, v sirotčincích, v цах, в приютах, в приемных...»'
ordinacích...” (R. A. Heinlein;
 překl. J. Hlavička).

Оформленную «онканьем» фразу мы слышим в чешском дубляже итальянского фильма *Chi trova un amico, trova un tesoro* (1981)¹⁴², ср.:

Hej, počkal s tím!

Эй, погоди-ка!

«Онкает», обращаясь к своим детям, потомок чешского аристократического рода Кинских, ср.:

A pak [otec] ještě dodal: A dal na sebe pozor. Otec nám s bratrem totiž onká. (smích). (Интервью с Антонином Кинским в журнале Týden. 4.12.2000)

‘A potom [otec] еще добавил: «И будь внимательным» [букв. и был внимательным]. Отец нам с братом «онкает». (смех).’

Если подыскивать русские аналоги чешскому «онканью», то можно обратить внимание на три типа примеров (ни один из которых, впрочем, однозначно с чешским «онканьем» не соотносится).

Во-первых, это высказывания типа *A ну, пошёл отсюда!* Речь, однако, при этом идет не об особом этикетном способе общения, а об относительно небольшой группе глаголов, «у которых формы прош. вр. (особенно мн.ч., реже ед.ч.) могут иметь императивное значение и употребляться в повелительных предложениях. Это прежде всего глаголы СВ однонаправленного движения с префиксом *po-* типа пойти, поехать, побежать. Далее, в эту группу входят и другие глаголы СВ, обозначающие на-

¹⁴² Фильм выпущен в 2006 году на DVD фирмой *Levné knihy* КМа под чешским названием *Kdo najde přítele, najde poklad*.

чальную (или конечную) фазу движения: двинуть(ся), тронуть(ся), поднять(ся), взять(ся), начать, кончить» [Теория... 1990: 236-237].

Во-вторых, речь может идти о *непрямой адресации* – к способу обращения к собеседнику в третьем лице¹⁴³, ср.: «Помилуйте, что вы делаете, Афраний, ведь печати-то, наверное, храмовые!» / «*Прокуратору не стоит беспокоить себя* этим вопросом», – ответил Афраний, закрывая пакет. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Не скажет ли благородный дон*, что в городе. (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом). Подобные обороты возможны (с той же стилистической нагрузкой) и в чешском речеупотреблении, ср.:

<i>Kbyby pan dvorní rada dovolil...</i>	<i>Если господин советник разрешит...</i>
<i>naše čtenáře by jistě nejvíc</i>	<i>Наших читателей, конечно, больше</i>
<i>zajímalo, jak se lze té choroby</i>	<i>всего интересуется, как уберечься от</i>
<i>uchránit. (К. Čapek. Bílá nemoc).</i>	<i>этой болезни. (перевод Т. Аксель).</i>

Последние случаи демонстрируют фактический переход от «фигур слова» к «фигурам мысли», то есть от такого способа выражения, который неразрывно связан с языковым материалом, к такому, который с последним не связан.

Суммируя изложенное, следует констатировать, что «ониканье» и «онканье», уже долгое время являясь грамматическим архаизмом, проявляют удивительную стабильность, продолжая активно использоваться в произведениях художественной литературы и кинематографе в качестве яркого стилистического средства.

¹⁴³ В. И. Коровин, анализируя басню И. А. Крылова «Волк и Ягненок», отмечает, что с помощью оформления реплик в третьем или во втором лице подчеркивается социальная пропасть, разделяющая персонажей («Когда светлейший Волк позволит, осмелюсь я донести», «гневаться на-

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ

1. Основным средством выражения иллокутивно универсального побуждения в современном чешском речеупотреблении, как и в современном русском, являются конструкции с формами синтетического императива 2 лица ед. и мн. числа. Не будучи осложнены никакими дополнительными коннотациями, не сигнализируя ни о наличии, ни об отсутствии признаков, которые иллокутивно дифференцируют побуждение, конструкции с данными формами наиболее универсальны, а потому и наиболее употребительны. Иллокутивная дифференциация побуждения осуществляется с помощью соответствующих лексико-синтаксических средств, которые сужают его коммуникативный потенциал, роль же просодического оформления в уточнении выражающего оформленной императивной конструкцией высказывания в современном чешском речеупотреблении скромнее, чем в русском. Около 2/3 общего числа побудительных высказываний в современных чешских письменных текстах образовано конструкциями с синтетическими императивными формами, при этом употребление форм единственного числа более характерно для беллетристики, а форм множественного числа – для специальной литературы.

2. Императивные формы 2 лица ед. и мн. числа некоторых глаголов (прежде всего глаголов *počkat*, *podívat se*, *představit si*, *poslouchat*, *koukat*, *kouknout*, *ukázat*), находясь в начале высказывания, частично утрачивают своё лексическое значение и начинают функционировать как своего рода сигнал, предваряющий особо важную, по мнению говорящего, информацию.

3. Поскольку чешский принадлежит к языкам, в истории которых близость форм дейктического опатива и императива привела к их совпадению, нередко трудно провести границу между выраженным императивной конструкцией директивным и недирективным волеизъявлением, ср. близкие речевые акты *разрешения* и *согласия*. Для выражения директивного и недирективного волеизъявления может использоваться одна и та же словоформа, ср. *Vrat' se!* и *Šťastně se vrat'!* Исходя из концепции А.В. Бондарко и его понимания императивности и опативности, мы рассматриваем примеры типа *Brzy se uzdrav!* ‘Выздоровливай поскорее!’ в качестве случаев, когда языковое значение императивности выступает как способ представления смысла опативности. Чешские аналитические образования, традиционно рассматриваемые в качестве аналитических императивных конструкций (*at' + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива*, *at' + 1 лицо презентно-футуральной формы индикатива*, *necht' + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива*; *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие*; *at' + инд. наст. вр. глагола být + краткое страдательное причастие*; *pojď(te) + инфинитив*; *běž(te) + инфинитив*; *koukej(te) + инфинитив*; *hled'(te) + инфинитив*; *chraň(te) se + инфинитив*; *opovaž(te) se + инфинитив*; *varuj(te) se + инфинитив*; *střež(te) se + инфинитив*; *rač'(te) + инфинитив*) образуют периферийные типы иллокутивно универсального побуждения 2 лица. Употребительность подобных конструкций, по данным SYN2000 и SYN2005, на два, а то и на три-четыре порядка ниже употребительности конструкций с формами синтетического императива.

5. Конструкция *at' + 2 лицо презентно-футуральной формы индикатива* встречается достаточно регулярно, функционально эквивалентная ей (как принято считать) конструкция *necht' + презентно-футуральная*

форма индикатива встречается в текстах SYN2000 и SYN2005 в сотни раз реже. Конструкция *ať + 1 лицо презентно-футуральной формы индикатива* конвенциализована не для выражения автопрескрипции, как можно было бы предполагать, а также прежде всего для выражения побуждения (пожелания) 2 лица.

6. Яркой отличительной чертой чешской императивной системы является наличие в ней аналитических страдательных императивных форм *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие*. Следует отметить, что хотя все четыре варианта данной конструкции могут употребляться в составе побудительных (желательных) высказываний и второго, и третьего лица, существует определенная предпочтительность их выбора. Вариант *bud'te + краткое страдательное причастие* отмечен почти исключительно в составе высказываний второго лица. Варианты *bidž + краткое страдательное причастие* и *bud'tež + краткое страдательное причастие* встречаются почти исключительно в высказываниях третьего лица.

7. Наряду с конструкцией *bud'(iž) / bud'te(ž) + краткое страдательное причастие* в качестве формы аналитического страдательного императива должна рассматриваться также и конструкция *ať + индикатив наст. вр. глагола být + краткое страдательное причастие*, употребительность которых, впрочем, существенно ниже. Если для выражения побуждения (пожелания) 3 лица она используется достаточно регулярно, в побудительных (желательных) высказываниях 2 лица она практически не употребляется.

8. Конструкция *pojď'(te) + инфинитив* используется в современном чешском языке не только для выражения иллокутивно универсального побуждения 2 лица, но также и для инклюзивного побуждения. В результате однозначно о побуждении именно 2-го лица можно говорить лишь в

случаях, когда оно маркируется еще каким-либо образом (например, когда говорящий мыслится не как субъект, а как объект каузируемого действия, либо когда восприятию говорящего в качестве одного из субъектов каузируемого действия препятствует лексическое значение смыслового глагола.

9. Кроме того, может оживляться внутренняя форма конструкции *pojd'(te) + инфинитив*, возникшей в результате семантического сближения начала физического перемещения в пространстве с началом какой-либо деятельности, тем более, что в целом ряде случаев подобное физическое перемещение является необходимой предпосылкой этой деятельности. О возможности оживления внутренней формы конструкции следует говорить и в случае с конструкциями *běž'(te) + инфинитив*; *koukej(te) + инфинитив*; *hled'(te) + инфинитив*; *chraň(te) se + инфинитив*; *opovaž(te) se + инфинитив*; *varuj(te) se + инфинитив*; *střež(te) se + инфинитив*; *rač'(te) + инфинитив*, в связи с чем мы рассматриваем их (как и конструкции *pojd'(te) + инфинитив*) не в качестве форм аналитического императива, а в качестве аналитических императивных конструкций, которые лишь примыкают к парадигме чешского императива, но не являются ее полноценными составляющими. Конструкции *pojd'(te) + инфинитив*; *běž'(te) + инфинитив*; *koukej(te) + инфинитив*; *hled'(te) + инфинитив*; *rač'(te) + инфинитив* встречаются в текстах SYN2000 и SYN2005 достаточно регулярно, конструкции *chraň(te) se + инфинитив*; *opovaž(te) se + инфинитив*; *varuj(te) se + инфинитив* представлены единичными примерами, конструкция *střež(te) se + инфинитив* в текстах SYN2000 и SYN2005 нами не зафиксирована.

10. В современном чешском речепотреблении в составе выражающих побуждение базовых типов эксплицитных перформативных конструкций теоретически допустимыми являются следующие перформатив-

ные глаголы: *doporučovat* ‘рекомендовать, советовать’; *dovolovat* ‘позволять, разрешать’; *hlásit se* ‘вызываться’; *nabádat* ‘побуждать, призывать’; *nabízet* ‘предлагать’; *napomínat* ‘делать замечание’; *nařizovat* ‘предписывать, приказывать, давать распоряжение’; *navrhovat* ‘предлагать’; *objednávat* ‘заказывать’; *obsílat* ‘вызывать’; *odporučovat* ‘рекомендовать’; *pobízet* ‘побуждать, понукать’; *poroučet* ‘приказывать, командовать, распоряжаться’; *pověřovat* ‘уполномочивать’; *požadovat* ‘требовать’; *prosit* ‘просить’; *přihlašovat se* ‘делать заявку’; *přikazovat* ‘приказывать, распоряжаться’; *přimlouvát se* ‘ходатайствовать’; *připomínat* ‘напоминать’; *ptát se* ‘спрашивать’; *radit* ‘советовать’; *rozkazovat* ‘приказывать, велеть’; *schvalovat* ‘одобрять, соглашаться, утверждать’; *tázat se* ‘спрашивать’; *ukládat* ‘поручать’; *upozorňovat* ‘предупреждать, предостерегать’; *varovat* ‘предостерегать, предупреждать’; *velet* ‘командовать’; *volat* ‘звать, призывать’; *vybízet* ‘предлагать’; *vyprošovat si* ‘выпрашивать, испрашивать’; *vyzývat* ‘вызывать, призывать, приглашать, требовать’; *zakazovat* ‘запрещать, воспрещать’; *zaklínat* ‘заклинать’; *zamlouvat si* ‘заказывать’; *zapovídat* ‘запрещать, воспрещать’; *zapřísahat* ‘заклинать, умолять’; *zvat* ‘звать, призывать’; *žádat* ‘просить, требовать’. Наиболее употребительными из них, как показывает материал Чешского национального корпуса, являются глаголы *doporučovat*; *prosit*; *nabízet*; *žádat*; *navrhovat* (более ста употреблений в текстах SYN2000).

11. Как показывает материал, в современном чешском речеупотреблении, как и в современном русском, около трети от общего числа побудительных перформативных высказываний образовано с помощью эксплицитных перформативных формул, в которых отчетливо выделяется «модусная» часть, содержащая форму 1 л. ед. ч. индикатива настоящего времени перформативного глагола (*Žádám náhradu škody!*), и «диктумная» часть, содержащая инфинитив (*Radím otevřeně **mluvit** o všem, co se týká dětí*

a rodičů), либо оформленное кондиционалом придаточное предложение (*Vyzývám vás, abyste se okamžitě rozešli!*), либо существительное (*Dámy a pánové, prosím o pozornost*). При этом употребительность той или иной модели в чешском и русском языках будет неодинаковая: в то время как в чешском наиболее употребительной моделью является модель с оформленным кондиционалом придаточным предложением в «диктумной» части перформативного высказывания, для русского речеупотребления более узальной является модель с инфинитивом.

12. Приведенные выше модели представляют собственно «коинцидентальные», по Кошмидеру, побудительные перформативные высказывания. Однако нередко мы имеем дело с редукцией или трансформацией как «модусной», так и «диктумной» части, при этом трансформация «модусной» части более характерна для чешского речеупотребления, чем для русского. В случае трансформации «модусной» части, как и в случае с «некатегориальным» побуждением, речь идет об экспликации того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания, а именно об экспликации действия (*Radil bych ti, abys učinil totéž*), экспликации необходимости (*Jsem nucen vás požádat, abyste zůstal*), возможности (*Mohu vás požádat, abyste zůstal?*), волеизъявления (*Chtěl bych vás požádat, abyste zůstal*). Как показывает материал, наиболее узальной является трансформация *индикатив* → *кондиционал* перформативного глагола (которая может сопровождаться его перфективацией), на втором месте – экспликация волеизъявления, далее экспликация возможности и экспликация долженствования.

В качестве особого случая трансформации «модусной» части эксплицитного перформативного высказывания можно рассматривать его номинализацию типа *zakazují, abyste mi tykal* → *zákaz tykání*.

13. В современном чешском языке, как и в современном русском, побудительные высказывания, способные интерпретироваться в качестве скрытых перформативов, можно разделить на высказывания, содержащие глагольную форму (*Stát!* ← *Přikazují: Stát!*) и высказывания, глагольной формы не содержащие (*Ven!* ← *Přikazují: Ven!*). Если скрытые перформативы первого типа, как показывает материал корпуса, специализированы для выражения «авторитарного» побуждения, то вторые достаточно обычны и для выражения побуждения, в качестве «авторитарного» иллюкутивно не маркированного.

В качестве скрытых побудительных перформативных высказываний должны рассматриваться и высказывания с побудительными междометиями.

14. В современном чешском речеупотреблении, как и в современном русском, использование в побудительных речевых актах невопросительных конструкций с презентно-футуральными формами 2-го лица индикатива характерно для выражения «авторитарного» побуждения, зато вопросительные конструкции используются именно в «неавторитарных» побудительных высказываниях. При этом в отличие от русского языка, в котором подобные высказывания оформляются, как правило, конструкцией с отрицанием, для чешского речеупотребления достаточно обычны конструкции без отрицания, ср. *Vyzval ji: "Dáš si se mnou?"*

Та же закономерность прослеживается и при оформлении побудительного высказывания кондиционалом.

В современном русском речеупотреблении в составе побудительных высказываний оформленные сослагательным наклонением вопросительные конструкции ощутимо менее узуальны, чем соответствующие конструкции с индикативом, ср.: *Ты не зашел бы туда? :: Ты не зайдешь туда?* При этом, как и в рамках индикатива, для выражения побуждения ис-

пользуется конструкция с отрицанием, тогда как конструкция без отрицания специфицирована для выражения именно вопроса, а не побуждения, ср.: *Ты зашел бы туда? Ты зайдешь туда?*

15. В современном же чешском речепотреблении в составе побудительных высказываний, оформленных вопросительной конструкцией, кондиционал используется гораздо активнее индикатива, при этом речь идет прежде всего о конструкциях без отрицания, ср.: "*Vypnul byste pro-
sím motor?*" *požádal ho.*

16. Специфической особенностью чешского речепотребления является возможность использования презентно-футуральных индикативных форм 1 лица ед. числа для экспликации категорического побуждения (прежде всего воинского *приказа*) 2 лица, ср.: "*Baštím a nebavím se,*" *křičel svobodník a loupal kolem sebe očima.*

17. В чешском языке, как и в русском, группы модальных модификаторов необходимости и возможности объединяют различные по своим морфологическим характеристикам единицы, при этом, однако, узальная употребительность тех или иных разрядов модальных модификаторов в сопоставляемых языках различна. Если носитель русского языка для выражения постулативного долженствования или постулативной возможности обращается прежде всего к неспрягаемым модификаторам (*не*) *должен*, (*не*) *надо*, *можно*, *нельзя*, чех использует прежде всего конструкции с модальными глаголами *muset* 'быть должным, обязанным', *moci* 'мочь', *smět* 'сметь', *mít* 'иметь' с отрицанием и без него.

18. Обращение к экспликации полезности каузируемого действия как средству формирования побудительного высказывания в современном чешском речепотреблении характерно для таких иллокутивно маркированных подтипов побуждения, как *совет* или *предостережение*.

19. Подобно тому, как постулативное долженствование или постулативная возможность могут рассматриваться в качестве зон пересечения функционально-семантических полей долженствовательности и императивности либо возможности и императивности, в ряде случаев следует говорить о зоне пересечения функционально-семантических полей императивности и оптативности., под которым мы понимаем не только то, что одна и та же комбинация формальных языковых средств может использоваться (в различных ситуациях) и в качестве побудительного, и в качестве оптативного высказывания, но и то, что одно и то же высказывание может быть (при определенных обстоятельствах) *одновременно* и побудительным, и оптативным. А потому критерии, предлагающие жесткий выбор по типу *некое свойство :: некое противоположное свойство, его исключающее* и тем самым не допускающие *пересечения* полей императивности и оптативности в приведенном понимании (критерии типа *императив* – адресованное волеизъявление, *оптатив* – неадресованное) при разграничении императива и оптатива мы считаем принципиально неприменимыми. Речь может идти лишь о критериях типа *обязательность некоего свойства :: факультативность этого свойства*. Так, *побуждение* предполагает обязательность: 1) компонента каузации в семантической структуре волеизъявления; 2) презентно-футуральной перспективы; 3) адресованности волеизъявления; 4) интенциональности предиката и, возможно, ряда других, менее значимых признаков. Для оптативного же волеизъявления эти признаки являются факультативными.

Основными модальными глаголами волеизъявления в современном чешском речеупотреблении является глагол *chtít* и *přát (si)*.

Специфической особенностью чешского речеупотребления является большая употребительность в составе высказываний рассматриваемого типа конструкций с кратким прилагательным *rád, -a, -i, -y*, оформленные

кондиционалом. В нашем материале конструкции с *rád* содержатся почти в половине желательно-побудительных высказываний, ср.: *Rád bych se s vámi o něčem pohovořil.*

20. Основные принципы экспликации побуждения неимперативными грамматическими средствами сохраняются и при оформлении побуждения «ониканьем» – устаревшей этикетной формой обращения, вошедшей в чешский язык в XVIII веке под влиянием немецкого и состоящей в обращении к собеседнику в 3 лице множественного числа. Наряду с презентно-футуральными формами 3 лица мн. числа индикатива, которые, являясь основным средством экспликации побуждения в рамках «ониканья», коррелируют тем самым с императивными конструкциями 2 лица – основным средством выражения побуждения в рамках «выканья» и «тыканья», побуждение в рамках «ониканья» может быть выражено с помощью эксплицитной перформативной конструкции, с помощью аналитических императивных конструкций с *at', ráčít, hledět*, с помощью риторического вопроса, конструкций с модальными глаголами *muset* ‘быть должным, обязанным’, *moci* ‘мочь’, *smět* ‘сметь’, *mít* ‘иметь’ с отрицанием и без него, конструкций с кондиционалом, через экспликацию полезности/неполезности каузируемого действия.

21. «Онканье», в отличие от «ониканья», не маркируется в сознании рядового носителя языка однозначно как относящийся к ушедшей эпохе грамматический германизм и употребляется поэтому не только как средство стилизации (как яркая деталь речевого портрета малообразованных персонажей XIX–начала XX века, онемеченных чехов, пражских евреев и т.д.). К «онканью», выражающего фамильярно-покровительственное отношение к собеседнику, могут обращаться современные носители языка, в том числе переводчики произведений художественной литературы и кинематографа отнюдь не на историческую тему.

Глава 3. ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ

3.1.1. Синтетический императив 1 лица мн. числа

«Исходная» парадигма чешских синтетических императивных форм включает в себя, помимо форм 2 л. *piš* (НСВ), *napiš* (СВ) и мн. ч. *pište* (НСВ) *napište* (СВ), парадигматические формы 1 лица мн. ч., у большинства глаголов не омонимичные соответствующим презентно-футуральным формам индикатива (ср. *pište*, (НСВ), *napište* (СВ) – императивные формы, *pišete*, (НСВ), *napišete* (СВ) – индикативные).

Конструкции с синтетическими императивными формами 1 л. мн. числа безусловно являются основным средством экспликации инклюзивного побуждения в современном чешском речеупотреблении, ср. некоторые из весьма многочисленных примеров:

Leč vraťme se do dob Vídeňských, do onoho světa, který leží už daleko za námi! (J. Marek. *‘Однако давайте вернемся к венским временам, в тот мир, который лежит далеко позади.’*

Můj strýc Odysseus)

“Podívej, Vlád’o, už jsme dost nahovořili o tých problémech,” řekla manželka. “Hovořme teď zase o tvých starostech. Co ti, například, chceš koupit k vánocům?” (Dikobraz) *‘«Слушай, Владя, мы уже достаточно говорили о моих проблемах, – сказала супруга. – Давай теперь говорить о твоих делах. Что ты, например, собираешься подарить мне на рождество?»’*

vánocům?” (Dikobraz)

“*V domě oběšenčově nemluvmе о provaze,*” *pravil Krempa jedovatě.* (V. Erben. Bláznova smrt) «*В доме повешенного не будем говорить о веревке,*» – язвительно произнес Кремпа.’

Поиск в SYN2000 по формуле [tag="i.P...1.*"] дал 20 231 примеров употребления 1 519 словоформ.

Среди форм, которые программа Bonito определила как формы императива 1 лица ед. числа, около половины употреблено в текстах SYN2000 более 2 раз (серым выделены формы, интерпретированные в качестве императива ошибочно), ср.:

řekněme (1337 употреблений); *dejme* (1117); *připomeňte* (1014); *doufejme* (738); *podívejme* (724); *vraťme* (713); *pojďme* (587); *dodejme* (415); *nechte* (405); *uved'me* (398); *vzpomeňte* (370); *vezměme* (323); *představme* (320); *zkusme* (274); *jmenujme* (273); *buďme* (266); *předpokládejme* (246); *všimněme* (241); *pokusme* (219); *cvičme* (198); *nezapomínejme* (180); *ponechte* (178); *nezapomeňte* (172); *začněme* (171); *věřme* (164); *uvažujme* (158); *poznamenejme* (140); *přiznejme* (127); *připusťme* (126); *určeme* (117); *zastavme* (101); *mějme* (99); *věnujme* (97); *položme* (96); *říkejme* (91); *uvědomme* (90); *zůstaňte* (88); *hledejme* (83); *nebojme* (81); *počkejme* (81); *roztočme* (80); *zopakujme* (80); *zmiňme* (80); *povšimněme* (76); *nenechte* (73); *označme* (73); *ukažme* (71); *hled'me* (71); *přejděme* (70); *mluvme* (67); *ptejme* (66); *nedělejme* (65); *udělejme* (63); *zamysleme* (63); *nedivme* (60); *uvažme* (58); *shrňme* (55); *zdůrazněme* (54); *berme* (54); *nemluvmе* (53); *držme* (52); *srovnejme* (51); *nepředbíhejme* (48); *zabývejme* (48); *obraťme* (47); *pomáhejme* (47); *nebuďme* (47); *pomiňme* (47); *počítejme* (47); *pokračujme* (44); *vyjděme* (43); *snažme* (43); *připočtěme* (41); *nazvěme* (41); *opusťme* (37); *zachraňte* (37); *zapomeňte* (36); *využijme* (34); *přestaňte* (34); *dělejme* (33);

přidejme (33); radujme (32); nechtějme (32); nečekejme (32); pamatujme (32); nehledejme (32); nemylme (32); pojedme (32); doplňme (31); citujme (30); sledujme (29); porovnejme (29); poslechněme (28); pomozme (28); připojme (28); pohleďme (28); použijme (28); povězme (27); přístupme (26); myslme (26); popřejme (25); připravme (25); vyberme (25); naučme (25); těšme (25); rozumějme (25); nedejme (24); postavme (23); smiřme (23); soustředme (23); zeptejme (23); jděme (22); vypočítejme (22); vyčkejme (22); konstatujme (22); zaměřme (22); nepodceňujme (22); vypočtěme (21); učiňme (21); promluvme (21); modleme (21); dosadme (21); poznejme (20); pějme (20); dopřejme (20); jednejme (20); nedopustme (20); zapamatujme (20); učme (20); zvažme (20); podotkněme (19); omezme (19); veselme (19); čtěme (19); nemysleme (19); dívejme (18); hulme (18); nepřeceňujme (18); vsadme (18); zanechme (18); respektujme (17); přehrajme (17); nahlédněme (17); diskutujme (17); sestrojme (17); opakujme (17); skončeme (17); ocitujme (17); připijme (16); rozlišujme (16); zaznamenejme (16); koukejme (16); neříkejme (16); bavme (16); nevěřme (16); zvolme (16); přenesme (16); upřesněme (16); popišme (16); jedme (16); přičtěme (16); dívejme (15); zbavme (15); narýsujme (15); odhlédněme (15); přeskočme (15); přijměme (15); přečtěme (15); upozorněme (15); važme (15); vysvětleme (15); chápejme (15); zavedme (15); prosme (15); přenechme (14); spojme (14); hovořme (14); žijme (14); řešme (14); projděme (13); nenamlouvejme (13); vycházejme (13); analyzujme (13); spokojme (13); neptejme (13); neberme (13); vězme (13); vyhodme (13); utečme (13); pustme (13); nazývejme (13); vytvořme (12); nesnažme (12); braňme (12); posudme (12); vyšetřme (12); napijme (12); slyšme (12); zrekapitulujme (12); chtějme (12); okótujme (12); poučme (12); považujme (12); odložme (12); připočítejme (12); pozastavme (11); změňme (11); běžme (11); pracujme (11); pojmenujme (11); rozeberme (11); podporujme (11); odpovězme (11); nechodme (11); žádejme (11); přemýšlejme (11); nepřehlédněme

(11); dohodněme (11); dokažme (11); definujme (10); zrušme (10); používejme
 (10); nepodléhejme (10); nedávejme (10); vyjádřeme (10); vyjmenujme (10);
 provedme (10); nechejme (10); zachovejme (10); zvykejme (10); nemějme
 (10); chovejme (10); přeložme (9); napišme (9); poděkujme (9); pomysleme
 (9); tužme (9); nehrajme (9); pišme (9); proberme (9); chraňme (9); nezamě-
 ňujme (9); povídejme (9); volme (9); usilujme (9); vydejme (9); postupme (9);
 přibližme (9); nebavme (9); dovolme (9); vynechme (9); otevřme (8); pospěšme
 (8); odpustme (8); rozlučme (8); bojujme (8); zkontrolujme (8); neukvapujme
 (8); naslouchejme (8); vzdejme (8); sáhněme (8); nepletme (8); uznejme (8);
 neočekávejme (8); starejme (8); odbočme (8); pijme (8); neztrácejme (8); po-
 zorujme (8); oceňme (8); poslouchejme (8); čekejme (8); prozradme (7);
 vstupme (7); **palme** (7); uklidme (7); nedovolme (7); bojme (7); dbejme (7);
 trvejme (7); nabídněme (7); řidme (7); užívejme (7); pomodleme (7); nedisku-
 tujme (7); nepokoušejme (7); čiňme (7); vyjasněme (7); nehádejme (7); postu-
 pujme (7); prožijme (7); nepochybujme (7); jezme (7); hrajme (7); nesudme
 (7); ilustrujme (7); nedramatizujme (7); prohlédněme (7); najděme (7); důvě-
 řujme (7); nahradme (6); nepouštějme (6); vnímejme (6); rozhlédněme (6);
 nepočítejme (6); pohlédněme (6); spěme (6); sudme (6); rozdělme (6); pokou-
 šejme (6); chodme (6); vžijme (6); nevyklučujme (6); užijme (6); nepředstavuj-
 me (6); nakresleme (6); zapišme (6); poslyšme (6); očekávejme (6); nespeku-
 lujme (6); vedme (6); zapojme (6); budujme (6); ohlédněme (6); podtrhněme
 (6); stavme (6); zobrazme (6); přistupujme (6); ponechejme (6); nepropadejme
 (6); oddělme (6); nemalujme (6); zabraňme (5); nepřipustme (5); spěchejme
 (5); vyměňme (5); odstraňme (5); vyvarujme (5); neopakujme (5); tažme (5);
 oslavme (5); rozviňme (5); sedněme (5); odlišme (5); nepoužívejme (5); zakon-
 čeme (5); naplňme (5); vyhledejme (5); poukažme (5); nezužujme (5); dotkně-
 me (5); rekapitulujme (5); nedívejme (5); překresleme (5); zabme (5); nezou-
 fejme (5); pomlčme (5); slavme (5); nezatrácujme (5); nevyčítejme (5); slibme

(5); zkratíme (5); vejděme (5); přesuňme (5); plaťme (5); odmysleme (5); nepřestávejme (5); naznačme (5); formulujme (4); vychutnejme (4); nemeškejme (4); požadujme (4); pěstujme (4); kladme (4); zazpívejme (4); ctěme (4); stanovme (4); spočítejme (4); nezdržujme (4); neposuzujme (4); stůjme (4); parafrázujme (4); vyjměme (4); skoncuujme (4); sejděme (4); očísľujme (4); integrujme (4); zkoumejme (4); neopomeňme (4); pohybujme (4); vyřešme (4); poslužme (4); nespolehejme (4); posadme (4); podávejme (4); vynásobme (4); hádejme (4); vrhněme (4); zvykněme (4); sečtěme (4); nepodlehněme (4); potěšme (4); nenalhávejme (4); nekomplikuujme (4); kupujme (4); neponechávejme (4); sestupme (4); rozmysleme (4); požádejme (4); nežádejme (4); neházejme (4); vylučme (4); zpívejme (4); zabijme (4); přispějme (4); postarejme (4); vytvářejme (4); promysleme (4); nezabývejme (4); poohlédněme (4); doporučme (4); politujme (4); varujme (4); srovnávejme (4); nesvádějme (4); odpočiňme (4); milujme (4); nekupujme (4); otočme (4); zdržme (4); odhodme (4); reagujme (4); spustme (4); všímejme (4); uchovejme (4); nemlčme (4); nalijme (4); zjednodušme (4); nalistujme (4); rozejděme (4); nedomnívejme (4); posviťme (4); shodme (3); zvažujme (3); netrestejme (3); uvítejme (3); hlasujme (3); přijímejme (3); poskytněme (3); uložme (3); kalkulujme (3); skloňme (3); darujme (3); neklamme (3); ochraňujme (3); ustupme (3); posuzujme (3); nalejme (3); počněme (3); jásejme (3); přerušme (3); stiskněme (3); nevymýšlejme (3); nezlobme (3); nechovejme (3); vyhněme (3); táhněme (3); nesnižujme (3); odevzdejme (3); předkládejme (3); navratme (3); seznamme (3); vypravme (3); orientujme (3); posilme (3); rozložme (3); využívejme (3); přivítejme (3); přestavme (3); zapějme (3); volejme (3); chvalme (3); umluvme (3); oblečme (3); nenechávejme (3); zkoušejme (3); promiňme (3); pozvěme (3); zvyšme (3); neváhejme (3); plaťme (3); potlačme (3); netvařme (3); domysleme (3); pomněme (3); nestůjme (3); zahodme (3); stavějme (3); nepohoršujme (3); vzpomínejme (3); zorientujme (3); nepátřejme (3); poradme (3);

*pátřejme (3); domluvme (3); založme (3); stávkujme (3); nezakrývejme (3);
 tykejme (3); nepolemizujme (3); studujme (3); umístěme (3); považme (3); do-
 končeme (3); vymežeme (3); vydržme (3); objasněme (3); pokládejme (3); po-
 lezme (3); investujme (3); začínejme (3); uspějme (3); šetřme (3); podpořme
 (3); nebraňme (3); zaposlouchejme (3); předložme (3); vyslovme (3); načrtně-
 me (3); netahejme (3); vymysleme (3); probudme (3); nepřehánějme (3); ne-
 považujme (3); střežme (3); nehovořme (3); aplikujme (3); zahrajme (3); spěj-
 me (3); vyžeňme (3); navštivme (3); divme (3); lehněme (3); opomiňme (3);
 zařadme (3); setrvejme (3); odpojme (3); osvobodme (3); spoléhejme (3); ne-
 uchylujme (3); odmítněme (3); bděme (3); nenuťme (3); decentralizujme (3);
 vystříhejme (3); zanedbejme (3); odvažme (3); pozvedněme (3); vítejme (3);
 vynechejme (3); ne hazardujme (3); opouštějme (3); pochopme (3); zvedněme
 (3); spolehněme (3); shodněme (3); vybudujme (3); uctívejme (3); zavolejme
 (3); nečiňme (2); nevymlouvejme (2); vybavme (2); strhněme (2); nepokračuj-
 me (2); nehasme (2); protestujme (2); mučme (2); nezačínejme (2); nepomě-
 řujme (2); neochuzujme (2); nepěstujme (2); nešetřme (2); vyhrňme (2); nena-
 dávejme (2); přeplavme (2); prokažme (2); nevyzradme (2); vystavme (2); dě-
 kujme (2); odpočívejme (2); donuťme (2); vysvětlujme (2); zakládejme (2); za-
 řídme (2); nevzrušujme (2); neohrožujme (2); zaplaťme (2); zasadme (2); ne-
 pouštějme (2); nehledme (2); navažme (2); neoddělujme (2); pověsme (2);
 sejme (2); izolujme (2); nemařme (2); kažme (2); nezkoumejme (2); neodstr-
 kujme (2); spojme (2); odvrhněme (2); artikulujme (2); odjedme (2); uka-
 zujme (2); anektujme (2); neutrácejme (2); pozdravme (2); posbírejme (2); ne-
 zkoušejme (2); přinesme (2); zabalme (2); vstaňme (2); zameťme (2); neuspě-
 chejme (2); nerozmazávejme (2); nasekejme (2); předcházejme (2); krácejme
 (2); neklesejme (2); povzbudme (2); nemilujme (2); prozkoumejme (2); spolu-
 pracujme (2); točme (2); rozšiřme (2); vyslechněme (2); vypravujme (2); ne-
 zříkejme (2); odolejme (2); neplýtvějme (2); sněme (2); vyhýbejme (2); seber-*

me (2); neslibujme (2); usedněme (2); konejme (2); rozsviťme (2); povstaňme (2); nuťme (2); nepřehlížejme (2); odejděme (2); ignorujme (2); popovídejme (2); neprosme (2); nez bavujme (2); vyměňujme (2); lovme (2); nasedejme (2); korigujme (2); mlčme (2); lučme (2); nepřikládejme (2); prosazujme (2); nesbližujme (2); navrhněme (2); končeme (2); nepředstírejme (2); nerouhejme (2); nestavme (2); nestyděme (2); dělme (2); vyřaděme (2); hoděme (2); modřeme (2); staňme (2); umyjme (2); nestrkejme (2); zintegrujme (2); nezasahujme (2); nastavme (2); přimysleme (2); nespojujme (2); zadržme (2); nerozlišujme (2); porovnávejme (2); konfrontujme (2); načněmež (2); posuňme (2); přikročme (2); projednejme (2); svlečme (2); lezme (2); neomlouvejme (2); rozlišme (2); potřebujme (2); nemíchejme (2); ne vycházejme (2); nepodezírejme (2); pozdržme (2); uklidněme (2); nezastírejme (2); neděsme (2); žeňme (2); neradujme (2); obejděme (2); neodkládejme (2); nerozčilujme (2); nehlasme (2); podělme (2); neprodávejme (2); nenapodobujme (2); uctěme (2); riskněme (2); rozšiřujme (2); opravme (2); překládejme (2); následujme (2); zapojujme (2); zahrejme (2); modernizujme (2); vyzdvihněme (2); hodujme (2); obnovme (2); nezapírejme (2); masírujme (2); prodejme (2); kontrolujme (2); apelujme (2); utvořme (2); nasaděme (2); nekritizujme (2); padněme (2); doznejme (2); střežme (2); nerozcházejme (2); zadejme (2); nechvalme (2); abstrahujme (2); přesvědčme (2); nekažme (2); ověřme (2); nevšímejme (2); odečtěme (2); neodsuzujme (2); svrhněme (2); neukvapme (2); chyťme (2); prostudujme (2); překonejme (2); vytkněme (2); vytáhněme (2); rozvíjejme (2); netrpme (2); neriskujme (2); transformujme (2); nelekejme (2); nezvěme¹⁴⁴ (2); okoštujme (2);

¹⁴⁴ Видимо, оба раза речь идет об опечатке *nezvěmě* (вм. *nazvěmě*), ср. Pro naši situaci ji pracovně <nezvěme> metoda " push down or shift " <SYN2000 S|SCI|1999|aop699>; A když jsme o tom začali už obsáhleji mluvit , tak se nám zdálo , že použít toho seriálu jako součást širšího projektu , který <nezvěme> " 40 let komunistické totality v Československu " , může být výchovný , může být ilustrativní <SYN2000 S|ADM|1999|valhrom>.

*neodmítejme (2); odhalme (2); nekazme (2); nehodnotme (2); neoddávejme (2); smějme (2); zdvihněme (2); kopírujme (2); nekřičme (2); skočme (2); ubírejme (2); vykročme (2); povznesme (2); přihlížejme (2); nekřivdme (2); neopájejme (2); přidržme (2); neprotahujme (2); nepromarnme (2); přejděme (2); nezavádějme (2); přenechejme (2); nespílejme (2); neideologizujme (2); nezůstávejme (2); nepřeslechnme (2); vyrobme (2); předvedme (2); roztlučme (2); neomezujme (2); vybírejme (2); neztratme (2); stvořme (2); nedémonizujme (2); nevzdávejme (2); udělme (2); neupírejme (2); neobelhávejme (2); vyvodme (2); vyhrajme (2); nelkejme (2); vyřknme (1); neodpuťme (1); pinkejme (1); zošklivme (1); povolejme (1); navazujme (1); potrestejme (1); vypustme (1); nevnímejme (1); pochvalme (1); těžme (1); trénujme (1); neposílejme (1); neopouštějme (1); přísahejme (1); vzchopme (1); utřídujme (1); zavěsme (1); zatněme (1); nesypejme (1); nepolidšťujme (1); otužujme (1); prolisťujme (1); sklánějme (1); zatemněme (1); nechávejme (1); nepředpokládejme (1); vzhledněme (1); nepišme (1); nevyvolávejme (1); vypořádejme (1); vychovejme (1); vypůjčme (1); mrkejme (1); neprivatizujme (1); prospějme (1); zmenšeme (1); napomínejme (1); putujme (1); udržujme (1); překročme (1); demonstrujme (1); opišme (1); odmaskujme (1); dopijme (1); rozšířujme (1); nerezignujme (1); sponzorujme (1); zacházejme (1); bermež (1); rodme (1); vyběhnme (1); opásejmež (1); vyčkávejme (1); vztáhnme (1); nevyslovujme (1); nepyšněme (1); demolujme (1); doporučujme (1); upozorňujme (1); netěšme (1); odvolávejme (1); nezlehčujme (1); zaujmme (1); nezabředejme (1); nepřijímejme (1); netrhejme (1); tvařme (1); účtujme (1); derivujme (1); zasvěťme (1); přivedme (1); vyrábějme (1); ponořme (1); nekombinujme (1); nerozvíjejme (1); přestěhujme (1); nabízejme (1); vyjevme (1); vyžadujme (1); neobluzujme (1); stáhnme (1); ochutnejme (1); nenechejme (1); neshánějme (1); pořídme (1); neškubejme (1); zaměřujme (1); nezkracujme (1); smekněme (1); vyrvěme (1); nepřechvalme (1); nezdurazňujme (1); koptněme (1); litujme (1); **nevezme***

(1); neotálejme (1); pročtěme (1); klejme (1); nezahánějme (1); pobízejme (1);
 informujme (1); nevolme (1); vymýšlejme (1); obchodujme (1); zmírněme (1);
 dočkejme (1); nevydávejme (1); zvolněme (1); odskočme (1); pohněme (1); ne-
 propadněme (1); ustříhněme (1); nepopouštějme (1); převed'me (1); otálejme
 (1); tleskejme (1); oslovme (1); nemodleme (1); odměňme (1); protočme (1);
 crčme (1); směřujme (1); netvořme (1); nerozvádějme (1); usedněmež (1); ne-
 přejídejme (1); vracejme (1); procvičme (1); pomíjejme (1); vyznejme (1);
 zbystřeme (1); honosme (1); nevytýkejme (1); přihlašme (1); odpolitizujme (1);
 nezanášejme (1); zaslůžme (1); měřme (1); dokončujme (1); zachraňujme (1);
 potvrďme (1); akceptujme (1); trapme (1); vyvěsme (1); nepohr'bívejme (1);
 přiznávejme (1); zjednodušujme (1); nepodsouvejme (1); nestěžujme (1); kvi-
 tujme (1); nesplachujme (1); opomeňme (1); popelme (1); neskočme (1); vijme
 (1); promněme (1); nepřivolávejme (1); sbírejme (1); provádějme (1); neplá-
 nujme (1); neplačme (1); neměňme (1); utěšujme (1); vyzkoušejme (1); vybal-
 me (1); svěřme (1); odpouštějme (1); neporušujme (1); ujed'me (1); nezjedno-
 dušujme (1); nepřestaňme (1); klaňme (1); přesvědčujme (1); zažeňme (1);
 sved'me (1); zrevidujme (1); zderivujme (1); odevzdávejme (1); řežme (1); hli-
 dejme (1); obklopme (1); rozpracujme (1); dovolejme (1); neprodlužujme (1);
 přimluvme (1); snižujme (1); nerušme (1); urovnejme (1); přetvořme (1); dodr-
 žujme (1); nežehrejme (1); přistavme (1); přikryjme (1); zapuďme (1); nepři-
 pravme (1); nedotýkejme (1); šířme (1); odstříhněme (1); neužívejme (1); po-
 topme (1); přelezme (1); prodleme (1); trpme (1); nepijme (1); nečtěme (1);
 zesměšňujme (1); neživme (1); sesuňme (1); utraťme (1); polemizujme (1); vy-
 čítejme (1); pokročme (1); protáhněme (1); rozpečme (1); zalichoťme (1); pro-
 věřme (1); ohlížejme (1); kultivujme (1); zajděme (1); nadzvedněme (1);
 otravme (1); nepředjímejme (1); křivme (1); rubejme (1); schovejme (1); slijme
 (1); vyvážejme (1); necvičme (1); nepodporujme (1); oživme (1); paličkujme
 (1); nestřílejme (1); evokujme (1); nejezděme (1); přeřízněme (1); nasedněme

(1); neznepokojujme (1); osvěžme (1); neodepisujme (1); uchopme (1); ustaňme (1); nedopřejme (1); klidme (1); nefňukejme (1); nařídme (1); prohodme (1); nezamykejme (1); neodbočujme (1); zkoordinujme (1); vyspěme (1); snášejme (1); stříhejme (1); interpretujme (1); upevňujme (1); uberme (1); přeháňejme (1); nenaslouchejme (1); opisujme (1); nepřibližujme (1); ohledejme (1); zasněme (1); korespondujme (1); přidržujme (1); neodbíhejme (1); přistaňme (1); rozhovořme (1); ukryjme (1); ohledávejme (1); proviňme (1); nekochejme (1); dobijme (1); nepřěžeňme (1); setřemež (1); obhajujme (1); dokumentujme (1); odlezme (1); přisuzujme (1); přejměme (1); nepřecpávejme (1); nerozdávejme (1); kresleme (1); ovládněme (1); zacpávejme (1); veslujme (1); nevylejvejme (1); vpalme (1); postihujme (1); nakupujme (1); promítněme (1); vstupujme (1); uveřejněme (1); komunikujme (1); rozbíjejme (1); okoukejme (1); tasma (1); zbořme (1); větřejme (1); neničme (1); objasňujme (1); nezacházejme (1); poddejme (1); tančeme (1); neodřekněme (1); nedotkněme (1); vyrůstějme (1); nezastavujme (1); vyhovme (1); nepřičítejme (1); rozhojněme (1); potěžkávejme (1); **vpíšeme** (1); roznášejme (1); změřme (1); závidme (1); zpochybňujme (1); rozhodněme (1); omluvme (1); ležme (1); nehýbejme (1); rozehřejme (1); nelikvidujme (1); nekladme (1); obrňme (1); popušťme (1); chovejmež (1); posilujme (1); vylučujme (1); glosujme (1); neškatulkujme (1); pořádejme (1); potkávejme (1); charakterizujme (1); obhlédněme (1); nenotujme (1); namířme (1); inspirujme (1); vyčísleme (1); odlákejme (1); provětrejme (1); vypínejme (1); přitulme (1); netrumfujme (1); přizpůsobme (1); dozrajme (1); nejásejme (1); blahopřejme (1); zasmějme (1); rozmlaťme (1); neulehčujme (1); nekopejme (1); slézejme (1); utecme (1); odpovídejme (1); neškodme (1); vyhroťme (1); utvrzujme (1); nelitujme (1); množme (1); prokazujme (1); nespravujme (1); bilancujme (1); vyznávejme (1); zafixujme (1); stoupejme (1); nadýchněme (1); neopalujme (1); přilijme (1); pečme (1); zamílujme (1); přidávejme (1); nezatínejme (1); **balme** (1); opatrujme (1); uchová-

vejme (1); pojednejme (1); služme (1); udejme (1); nezahrávejme (1); neregulujme (1); vzdorujme (1); stopujme (1); ušetřeme (1); nešpiňme (1); vykonejme (1); nepřivírejme (1); přirovnejme (1); projevujme (1); zatleskejme (1); pokuřme (1); upravme (1); přičiňme (1); nehněme (1); zvolějme (1); znázorněme (1); přeberme (1); vysušme (1); přitakejme (1); modelujme (1); rozjímejme (1); umučme (1); práskněme (1); odcitujme (1); **secme** (1); zhlédněme (1); usaďme (1); projasněme (1); neobávejme (1); neustrňme (1); rozmluvme (1); pohovořme (1); hrejme (1); nechápejme (1); nevzpomínejme (1); nastiňme (1); odhadněme (1); tolerujme (1); neutíkejme (1); nakupme (1); nerozumějme (1); nepojmenovávejme (1); nebourejme (1); projedme (1); osvětleme (1); započítejme (1); nebalamuťme (1); symbolizujme (1); podržme (1); obávejme (1); popatřme (1); nepravme (1); tápejme (1); nalepme (1); suspendujme (1); splatme (1); pokloňme (1); utíkejme (1); létejme (1); zírejme (1); nespokojme (1); ztratme (1); natrhejme (1); **vezme** (1); lněme (1); zastřelme (1); nezmenšujme (1); odkážme (1); vytipujme (1); nestrojme (1); zamezme (1); vciťme (1); vyprávějme (1); ulijme (1); našpendleme (1); zaplavme (1); ohlasme (1); osladme (1); zdolávejme (1); posečkejme (1); odvolejme (1); propočtěme (1); nepředělávejme (1); **obrazme** (1); odklidme (1); nastolme (1); poletme (1); zafilozofujme (1); rozhodujme (1); nezničme (1); zakusme (1); setkejme (1); zatancujme (1); nanesme (1); upustme (1); napravme (1); vytrvejme (1); osmělme (1); spoutejme (1); sečkejme (1); rekonstruuje (1); zřekněme (1); pokrčme (1); sjednotme (1); odvráťme (1); souhlasme (1); experimentujme (1); zřídme (1); odmlouvejme (1); podmaňme (1); odstrašujme (1); neopisujme (1); zajišťujme (1); budmež (1); propojme (1); neidealizujme (1); pospíchejme (1); nejmenujme (1); střelme (1); uskutečňujme (1); nesměšujme (1); vzdalme (1); nevolejme (1); nerozdělujme (1); neposmívejme (1); unavme (1); rozmotejme (1); zauzlujme (1); chytejme (1); ochraňme (1); reformujme (1); losujme (1); nastudujme (1); zmrskejme (1); usmějme (1); motejme (1); zanechejme (1);

*běhejme (1); nekresleme (1); nevykupujme (1); vlezme (1); sperme (1); prodlé-
 vejme (1); nepodivujme (1); nezavrhujme (1); slezme (1); vymažme (1); netaž-
 me (1); zmizněme (1); dospějme (1); nevzývejme (1); nenakládejme (1); ne-
 marněme (1); spínejme (1); rozškrabme (1); neupadněme (1); udeřme (1); va-
 lORIZUJME (1); ujíždějme (1); nepodezřívajme (1); podivujme (1); mějmež (1);
 napadejme (1); zaokrouhleme (1); simulujme (1); neoživujme (1); vzývejme
 (1); zajed'me (1); sestavme (1); spekulujme (1); překážejme (1); přehlédněme
 (1); vyložme (1); otažme (1); pozvedejme (1); zapíchněme (1); formalizujme
 (1); střetněme (1); odpírejme (1); odsuzujme (1); nelámejme (1); pohrejme (1);
 oživujme (1); vzdělávejme (1); zrňme (1); neslevujme (1); rozdejme (1); pre-
 zentujme (1); přepněme (1); neuklidňujme (1); chopme (1); uléhejme (1); po-
 vzbuzujme (1); domýšlejme (1); pronásledujme (1); pojímejme (1); neobviňuj-
 me (1); nepoztrácejme (1); organizujme (1); přestřelme (1); vysvobod'me (1);
 neuctívajme (1); nepitvejme (1); nestaňme (1); umožněme (1); zodpovězme (1);
 hajme (1); překonávejme (1); neotvírajme (1); nevytvářejme (1); pročítejme
 (1); prožeňme (1); netrivializujme (1); sázejme (1); ochuťme (1); nesoupeřme
 (1); odsuňme (1); nejděme (1); nezvyšujme (1); neplat'me (1); usněme (1); sej-
 měme (1); neznevažujme (1); hodnot'me (1); nakloňme (1); vystupme (1); ne-
 nahrávejme (1); nepřístupme (1); nesedejme (1); zřekněmež (1); stojme (1);
 ošetřujme (1); vyrazme (1); představujme (1); zalistujme (1); nerozebírajme
 (1); nadeběhněme (1); netočme (1); pozeptejme (1); měňme (1); zamýšlejme
 (1); odmlčme (1); poved'me (1); ujistěme (1); přelijme (1); usměrněme (1); se-
 skupme (1); zůstávejme (1); oddejme (1); podsouvejme (1); nespěchejme (1);
 přihod'me (1); neprozrazujme (1); importujme (1); porozhlédněme (1); zpřes-
 ňujme (1); masírujmež (1); vdechněme (1); pojezme (1); nepřipomínejme (1);
 opájejme (1); otevírajme (1); nalezněme (1); zahrňme (1); plazme (1); nepo-
 slouchejme (1); napojme (1); přiviňme (1); povzdechněme (1); nerozpakujme
 (1); zakryjme (1); neprozrad'me (1); objevujme (1); diverzifikujme (1); přepo-*

čítejme (1); oběhejme (1); natočme (1); nesrovnávejme (1); potkejme (1); přibalme (1); doufejmež (1); rozpomeňme (1); nestříkejme (1); zdržme (1); nezakazujme (1); listujme (1); nabijme (1); pouvažujme (1); testujme (1); neuvažujme (1); neumožňujme (1); uraďme (1); zjistěme (1); objevme (1); nevyptávejme (1); zacitujme (1); poprosme (1); nediskreditujme (1); tlučme (1); nepohrdejme (1); usnadněme (1); vyjedme (1); nevyžadujme (1); holme (1); nepřistupujme (1); přiřukněme (1); zplodme (1); stupňujme (1); zprivatizujme (1); napněme (1); nežeňme (1); poznávejme (1); uhánějme (1); doceňme (1); prosaďme (1); vhodme (1); uvěřme (1); poběžme (1); neinformujme (1); udržme (1); přimhuřme (1); zapátrejme (1); oslavujme (1); usínejme (1); zalétněme (1); zhodnoťme (1); zarámujme (1); vepišme (1); odmítejme (1); nestarejme (1); zachovávejme (1); podložme (1); nespálujme (1); nepolitizujme (1); pečujme (1); dumejme (1); obracejme (1); neopomíjejme (1); sdělme (1); otvírejme (1); rozhybejme (1).

Русские аналоги типа *пойдёмте!* непарадигматичны и игнорируются, как правило, нормативными грамматиками, хотя сама возможность образования подобных форм сохраняется в сознании носителей языка и в принципе может быть реализована, ср. увиденный автором в московском метро рекламный плакат: *Летимте вверх!*

Определённый налёт «неправильности» характеризует все подобные формы, одни в меньшей, другие в большей степени, кроме, пожалуй, словоформ *идемте* и *пойдемте*, что, безусловно, связано в их относительной частотностью¹⁴⁵.

¹⁴⁵ В подвергнутом нами компьютерной обработке довольно большом массиве (около 10 000 стандартных книжных страниц) художественных текстов были обнаружены следующие формы рассматриваемого типа: *пойдемте* (97 примеров), *идемте* (29 примеров), *поедемте* (4 примера), *пройдемте* (4 примера), *перейдемте* (1 пример), *уедемте* (1 пример). Используются следующие взятые из Интернета

Ранее формы на *-те* были более узуальны, ср. некоторые примеры из произведений авторов XIX века: **Оставимте** мы эти пренья, *Перед Молчалиным не прав я, виноват.* (А. С. Грибоедов. *Горе от ума*); **Ребята!** не Москва ль за нами? **Умремте** ж под Москвой, *Как наши братья умирали.* (М. Ю. Лермонтов. *Бородино*); **Сделаемтесь** же, как многие делаютя. *Выстрелим друг в друга, но так, в сторону, мимо, понимаете?* (А. А. Бестужев-Марлинский. *Фрегат «Надежда»*); **Присядемте** и станем читать вместе (Ф. В. Булгарин. *Иван Иванович Выжигин*); **Господа, крикнемте** «*посматривай!*» (Н. Г. Помяловский. *Очерки бурсы*); **Теперь сде-**

(<http://www.sf.amc.ru/books/>) тексты: *Беляев А.* Ариель. Голова профессора Доуэля. Остров погибших кораблей. Человек, нашедший свое лицо; *Булгаков М.* Похождения Чичикова. Собачье сердце. Роковые яйца. Мастер и Маргарита. Барговый остров; *Булычев К.* Сто лет тому вперед. Тринадцать лет пути. Альтернатива. «Так вступал я...». Умение кидать мяч. Выбор. Белое платье Золушки. Смерть этажом ниже. Любимец. О страхе. Великий дух и беглецы. Девочка, с которой ничего не случится. Козлик Иван Иванович. Закон для дракона. На днях землетрясение в Лигоне. Марсианское зелье. Глубокоуважаемый микроб. Миниатюры. «Можно попросить Нину?». Показания Оли Н. Поминальник XX века. Лиловый шар. Заповедник сказок. Пленники астероида. Конец Атлантиды. Котел. День рождения Алисы. Город без памяти. Остров ржавого лейтенанта. Доказательство. Поселок. война с лилипутами. *Булычев К., Володин А., Данелия Г.А* слезы капали...; *Ефремов И.* Лезвие бритвы. Туманность Андромеды; *Головачев В.* Владыки. Непредвиденные встречи. Демон. истребитель закона. И возмездие со мною. отклонение к совершенству. Тень Люциферова крыла; *Кабаков А.* Последний герой. Невозвращенец. Сочинитель; *Орлов В.* Альтист Данилов; *Пелевин В.* Хрустальный мир. Девятый сон Веры Павловны. Омор Ра; *Перумов Н.* Русский меч; *Рыбаков В.* Трудно стать богом; *Стругацкие А. и Б.* Попытка к бегству. Трудно быть богом. Жук в муравейнике. За миллиард лет до конца света. Обитаемый остров. Понедельник начинается в субботу. Отягощенные злом, или сорок лет спустя. пикник на обочине. Жиды города Питера, или невеселые беседы при свечах. Улитка на склоне. Сказка о тройке. Волны гасят ветер. Страна багровых туч; *Волков А.* Волшебник Изумрудного города. Урфин Джюс и его деревянные солдаты. Семь подземных королей. Огненные бог Марранов. Желтый туман. Тайна заброшенного замка.

лаемте себе каждый комнатку в снегу и давайте спать! (Л. Н. Толстой. Метель).

Отметим, что авторитетные отечественные лингвисты продолжают включать формы типа *споёмте* и *будемте неть* в парадигму русского императива, ср. [Теория... 1990: 198].

3.1.2. Чешские конструкции типа *at' jdeme, necht' zamíříme*

В качестве аналитической императивной формы в современном чешском языке может рассматриваться конструкция *at' + презентно-футуральная форма индикатива 1 лица мн. числа*, способная выражать инклюзивное побуждение, ср.:

Jo, at' jedeme zpátky," řekl kapitán '«Да, пошли обратно», – сказал капитан Фере́йра.'

Ferreira. <SYN2000

титан Фере́йра.'

S|PUB|1996|spirit47>

Поиск по формуле [word="[Aa]t'"] []{0,5} [tag="VB.P...1.*"] дал 1172 примеров в SYN2000, из них 184 примера могут интерпретироваться как содержащие форму аналитического императива. Столь большой отсев после визуального контроля контекстов объясняется тем, что элемент *at'* употребляется не только в составе рассматриваемых аналитических императивных конструкций, но и в составе довольно употребительной конструкции *at'... nebo/či...* '(и)ли... (и)ли...' (ниже пример 1), при переводе прямой речи в косвенную (ниже пример 2), а также для ввода придаточных предложений уступки или цели (ниже примеры 3-4), ср.:

1. *Pokrok jde kupředu, at' chceme* 'Прогресс продолжается, хотим ли мы этого или не хотим,
nebo nechceme, <SYN2000
S|NOV|1994|borivoj>
2. *Řval na nás, at' se klidíme, odkud* 'Он орал на нас, чтобы мы уби-
jsme přišli. <SYN2000
рались, откуда пришли.'

S|NOV|1996|smrt>

3. *Datum a místo příští schůzky se vždycky psalo na papírek, **at' jsme byli** kdekoliv.* <SYN2000 S|NOV|1991|havel> *‘Дата и место следующей встречи всегда записывались на бумажку, где бы мы ни были.’*

4. *Nastartujte ten zatracený krám, **at' tu netrčíte.*** <SYN2000 S|NOV|1996|smrt> *‘Заводите этот клятый драндулет, чтобы нам не торчать здесь.’*

Следует отметить, что в последнем случае (а также в случаях аналогичных) интерпретация может быть неоднозначной. Например, приведенное высказывание вполне интерпретироваться также и как содержащее инклюзивное побуждение, то есть как *‘Заводите этот клятый драндулет, давайте не будем здесь торчать!’*.

Конструкция *necht' + презентно-футуральная форма индикатива I лица мн. числа* встречается в выражающих инклюзивное побуждение высказываниях существенно реже, однако также возможна, ср.:

Necht' své touhy zamíříme vzhůru, *‘Направим же все наши помышления nebot' otčina je tam, kde je náš vvyš, ибо Отечество там, где Отец Otec.* <SYN2005 Kearney Richard, *наш.*’
Samův pád, 1999, NOV>

Поиск по формуле [word="[Nn]echt'"] []{0,10} [tag="VB.P...1.*"] дал 38 примеров в SYN2000 (после визуального контроля контекстов осталось 3 примера) и 34 примера в SYN2005 (после визуального контроля контекстов осталось 5 примеров).

3.1.3. Чешские конструкции типа *pojd'(te/me) zpívat*

Как уже отмечалось в параграфе 2.2.2.1., конструкция *pojd'(te) + инфинитив* используется не только для выражения побуждения 2-го лица,

но также и для инклюзивного побуждения, причем в большинстве случаев различить их не представляется возможным. Однозначно инклюзивными являются конструкции *pojďte* + *инфинитив*, употребительность которых даже превышает употребительность конструкций *pojďte* + *инфинитив* или *pojď'* + *инфинитив*. Так, в текстах SYN2000 мы обнаружили 250 примеров употребления конструкций *pojďte* + *инфинитив*, 228 примеров – конструкций *pojďte* + *инфинитив* и 182 примера – конструкций *pojď'* + *инфинитив*, в текстах SYN2005 соответственно 444, 377 и 522 примера.

При этом в то время как чешские конструкции *pojď'* + *инфинитив* и *pojďte* + *инфинитив* при выражении инклюзивного побуждения соотносятся между собой примерно как русские конструкции *давай* + *инфинитив/индикатив* и *давайте* + *инфинитив/индикатив* (первая свидетельствует о единичности слушающего и о «тыкании», вторая – о множественности или «выкании»), употребление конструкции не исключает единичности слушающего и «тыканья», ср.:

Pojď'me si spolu popovídat, já tě 'Давай поговорим, я тебя внимательно
rozorně vyslechnu, ale někde jin- *выслушаю, но только где-нибудь в дру-*
de. <SYN2000 *гом месте.*'

S|NOV|1988|poprav>.

Таким образом, в случае с конструкциями речь может не только об «инклюзивном множественном числе» (говорящий + слушающий + еще кто-то), но и об «инклюзивном двойственном числе» (говорящий + слушающий) и данная чешская конструкция совмещает значения русский конструкций *давай* + *инфинитив/индикатив* и *давайте* + *инфинитив/индикатив*, ср.:

Pojď'me se teď na věci dívat ro- 'Давай(те) посмотрим на вещи разум-

zumně. <SYN2000
S|NOV|1993|des>

но.'

Tak se pojd'me bavit o ženských.
<SYN2000 S|NOV|1992|ing>

'Давай(те) говорить о женщинах.'

Pojd'me si tu otázku rozebrat.
<SYN2000 S|NOV|199f|kalib>.

'Давай(те) решим этот вопрос.'

Pojd'me mluvit o něčem jiným.
<SYN2000 S|NOV|1988|poprav>.

'Давай(те) говорить о чем-то другом.'

В современном чешском языке, как и в современном русском, в составе рассматриваемых конструкций вместо инфинитива может выступать индикатив настоящего или будущего времени, ср. извлечения из «Чешско-русских речевых параллелей в темах и ситуациях» [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988: 33, 37]:

Pojd', pojedeme v sobotu!

Давай поедем в субботу!

Pojd'te, domluvíme se takto: vy se seznámíte s prací, sestavíte si plán. A potom si promluvíme.

Давайте договоримся так: вы познакомьтесь с делами, составите план. Тогда и поговорим.

При этом следует, однако, отметить, что в то время как рассматриваемые чешские конструкции с индикативом, как и конструкции с инфинитивом, в целом менее употребительны, чем их русские корреляты. Мы полагаем, это может объясняться следующим: для чеха, располагающего парадигматической синтетической формой типа *zpívejme*, подобные конструкции интересны прежде всего как стилистическое средство (конструкции с *pojd'(te/me)* маркированы как разговорные), тогда как для русского, если иметь в виду нерегулярность образования форм типа *споем-те!*, аналитические конструкции зачастую являются единственным средством выражения инклюзивного побуждения, не омонимичным индикативом.

тиву, отсюда их мѣньшая стилистическая маркированность и бѳльшая употребительность.

«Побудительность» русского *давай(те)* и чешского *pojď'(te/me)* настолько велика, что они способны формировать инклюзивное побудительное высказывание без участия индикативной или инфинитивной формы смыслового глагола, ср.

чешский пример:

<p>“<i>Pojď'te dnes do té nové hospody, je tam útulno, budeš se tam cítit jako doma</i>” / “<i>Jako doma? To pojď' raději někam jinam</i>”.</p> <p>(Dikobraz)</p>	<p>‘«Пошли сегодня в эту новую пивную, там уютно, ты будешь чувствовать себя как дома» / «Как дома? Тогда <u>давай</u> лучше куда-нибудь в другое место»¹⁴⁶.</p>
---	---

русские примеры:

«*Действительно, а **давайте** ко мне!*» – сказал Данилов. (В. Орлов. Альтист Данилов); *Слушай, я опоздаю, **давай** в метро, будет быстрее.* (А. Кабаков. Сочинитель)

Об употребительности русских моделей с *давайте* весьма красноречиво говорит следующий отрывок, компактно содержащий в нескольких строчках все четыре рассмотренных выше варианта (*давайте* + наречие; *давайте* + инфинитив, *давайте* + Ø; *давайте* + 1 л. мн. ч. инд.), ср.:

– *Никто нас не убьет. **Давайте** попроще. Не нужны нам никакие остроумные осложнения. Мы люди и **давайте** действовать как люди.*

¹⁴⁶ В данном примере речь идет об аналитической императивной конструкции, включающей в себя элемент *pojď'*, а не о синтетической императивной форме *pojď'*, так как высказывание выражает побуждение 1 л. мн. ч., а не 2 л. ед. ч. Для того, чтобы содержащееся в данном примере инклюзивное побуждение выразилось синтетической императивной формой, пример должен выглядеть как *То **pojď'me** raději někam jinam.*

– *Давайте*, – устало сказал Саул. – *И давайте поедим*. Неизвестно, что будет дальше. (А. и Б. Стругацкие. Попытка к бегству).

Проницаемость границ *императив-индикатив* в случае с рассматриваемыми чешскими и русскими конструкциями проявляется, как мы считаем, прежде всего в лёгкости оживления их этимологической внутренней формы. Так, образование чешской аналитической конструкции *pojď(te/me)* + *инфинитив / индикатив* связано, безусловно, с семантическим сближением начала физического перемещения в пространстве с началом какой-либо деятельности, тем более, что в целом ряде случаев подобное физическое перемещение является необходимой предпосылкой этой деятельности, ср. переходный, на наш взгляд, случай, демонстрирующий это сближение:

<p><i>Hodila na okraj krbu nedokouřenou cigaretu a kývla na Rubeše.</i></p> <p>«<i>Pojďte, Bohouši, dáme si dvě partie, tady bude ještě šum a ruch, ani bychom neusnuli</i>». (V. Erben. <i>Bláznova smrt</i>)</p>	<p>‘Она бросила недокуренную сигарету и кивнула Рубешу. «Пойдёмте, Богоуш, сыграем ещё пару партий, здесь будет ещё столько шума, что всё равно не уснёшь»’.</p>
--	--

Легко оживляется и внутренняя форма русской конструкции *дай(те) + инфинитив/индикатив*, (‘позволь(те) мне/нам/ему ... сделать то-то и то-то’, ср. аналогичную внутреннюю форму англ. *let us go* и нем. *laßt uns gehen*), ср.: *Дверь лаборатории отворилась, и оттуда вышли два лаборанта, волоча чан с пустыми вёдрами. Третий лаборант, опасливо оглядываясь, суетился вокруг и бормотал: «Давайте, ребята, давайте, я помогу, тяжело ведь...»* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

3.2. ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ

Обращение к эксплицитным перформативным конструкциям при выражении инклюзивного побуждения для современного чешского речеупотребления не характерно. В текстах SYN2000 подобные примеры немногочисленны, причем речь идет лишь¹⁴⁷ о перформативных глаголах *navrhovat* (обнаружено 42 примера), *doporučovat* (8 примеров), *prosit* (5 примеров), *přimlouvát se* (3 примера), ср.:

Navrhují, abychom zašli za šéfem, ‘Я предлагаю зайти [букв. я
který mi tvůj úkol oficiálně předá, предлагаю, чтобы мы зашли] к шефу;
a já jej pak oficiálně dokončím. он официально перепоручит мне твое
<SYN2000 задание, а я его официально завершу’.
S|PUB|1994|mf941110>

Zatímco se i nadále bude hledat ‘Пока же ищут идеальное топливо, я
ideální palivo, doporučuji, abychom se zamysleli nad výhodami рекомендую нам задуматься [букв. я
zemního plynu. рекомендую, чтобы мы задумались]
<SYN2000 над преимуществами природного га-
S|PUB|1994|ref19433> за’.

Pavel Mertl, Blanka Nováková, Jan ‘Павел Мертл, Бланка Новакова, Ян
Čuřík a Zdeněk Zaoral. Prosím, Чуржик и Зденек Заорал. Прошу
abychom minutou ticha uctili jejich почтить [букв. я прошу, чтобы мы
ramátku. <SYN2000 почтили] их память минутой
S|PUB|1997|fites197> молчания.’

¹⁴⁷ Мы не рассматриваем примеры, способные интерпретироваться неоднозначно, ср.: *Ale prosím vás, abychom si netrivializovali tuto otázku.* <SYN2000 S|PUB|1997|mf970624>. В приведенном случае словоформа *prosím* может интерпретироваться и как форма перформативного глагола, и как частица.

S|PUB|1997|fites197>

Já se přimlouvám za to, jestli bychom vyzvali Českou televizi, aby zřídila diskusní fórum o všech otázkách veřejno – právní televize, které nás, jako veřejnost a také jako koncesionáře, zajímají.

<SYN2000 S|ADM|1998|barakcie>

‘Я выступаю за то, чтобы мы предложили Чешскому телевидению организовать дискуссионный форум по всем вопросам общественно-юридического телевидения, которые нас как общественность, а также как акционеров интересуют.’

Отметим, что среди 42 обнаруженных нами примеров рассмотренного типа с формой перформативного глагола *navrhovat* абсолютное большинство было образовано по модели *navrhují, abychom*, три примера по модели *navrhují, že* и один пример по модели *navrhují + infinitiv*, ср.:

Navrhují tedy, abychom především určili datum vzájemné prohlídky svých bytů a potom pokračovali v upřesňování dalších podmínek.

<SYN2000 S|NOV|1995|pasaz>

‘Я предлагаю определить [букв. я предлагаю, чтобы мы определили] дату взаимного посещения наших квартир, а потом продолжить уточнение прочих условий.’

Jenom ti navrhují, že bychom mezitím mohli být na základě mého slibu spolu. <SYN2000

S|NOV|199h|leponap>

‘Я тебе предлагаю пока остаться вместе [букв. я предлагаю, чтобы мы остались], как я обещал.’

Abychom tyto věci jen tak pasivně netrpěly, navrhují zvednout hlavy od ploten a žehlicích prken a rozhlédnout se po světě, jak to dělají ženy jinde. <SYN2000

S|PUB|1996|ln96286>

‘Чтобы нам не терпеть всё это, я предлагаю оторвать взгляд от плит и гладильных досок и посмотреть, как поступают женщины в других странах.’

В составе выражающих инклюзивное побуждение эксплицитных перформативных конструкций с трансформированной «модусной» частью нами обнаружены формы глаголов *poprosit* (обнаружено 4 примера), *doporučovat* (3 примера), *přimlouvát se* (3 примера), *upozornit* (3 примера), *navrhnout* (3 примера), *navrhovat* (2 примера), *doporučit* (1 пример), *poradit* (1 пример), *radit* (1 пример), *varovat* (1 пример), однако речь идет, как мы видим, о единичных примерах, ср.:

Proto bych doporučoval, abychom zůstali při vžitém slově roleta a její bezpečnostní variantu označovali příslušným přívlastkem, např. lamelová roleta <SYN2000 S|PUB|1996|ln96216>

Napříště bych navrhoval, abychom jednoduše dbali na to, že si předáme důležité informace v průběhu běžného pracovního dne. <SYN2000 S|NOV|1997|soumrak>

Přes cizí tohoto slova původ bych se přimlouval, abychom mu udělili ve spisovném jazyce domovské právo. <SYN2000 S|PUB|1994|lnnp9409>

Chci Ti navrhnout, abychom si nepsali každý den, či lépe, že Ty mi nemusíš psát každý den. <SYN2000 S|FAC|1996|orten>

Proto lze jenom doporučit, abychom přestali s chovatelskými pokusy a s individuálním výběrem a věnovali se regulaci početního stavu celé populace. <SYN2000 S|POP|1997|mysliv97>

Po dvou měsících znovu přicházím se svou troškou do mlýna a chci poprosit vás i sebe, abychom si každý měsíc při čtení Clavisu udělali čas na svou duši a přemýšlení o skautském zákoně. <SYN2000 S|FAC|1997|clavis97>

Chci spíše upozornit na to, že bychom se měli vážně zabývat počátkem člověka v divoké přírodě. <SYN2000 S|POP|1995|wilson>

Můžeme se sice pro koně vrátit, ale já bych radil, m'lady, abychom raději šli pěšky. <SYN2000 S|NOV|1996|veclaska>

Proto bych velmi varoval, abychom tuto novelu schvalovali. <SYN2000 S|PUB|1998|pr980506>

3.3. ИНКЛЮЗИВНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ НЕИМПЕРАТИВНЫХ СРЕДСТВ

3.3.1. Конструкции с формами 1 лица мн. числа индикатива

Обращение к презентно-футуральным (футуральным) формам 1 л. мн. ч. индикатива является наиболее узуальным способом экспликации инклюзивного побуждения в современном русском речепотреблении и достаточно употребительным (стоящим на втором месте после использования конструкций с синтетической императивной формой 1 л. мн. числа) в речепотреблении чешском.

Помимо различий в употребительности, межъязыковые различия можно видеть также в неодинаковом соотношении обращений к глаголам совершенного и несовершенного вида в чешских и русских примерах данного типа. В то время как в нашем русском материале число примеров, содержащих глагол несовершенного вида, в 10 раз превышает число примеров, содержащих глагол совершенного вида, в нашем чешском материале число «перфективных» примеров превышает число примеров «имперфективных» лишь в 2 раза. При этом практически во всех русских примерах с глаголом несовершенного вида употреблена описательная форма будущего времени, тогда как во всех чешских примерах – форма простая.

Соотношение русских форм типа *пойдём* и *пойдёмте* заслуживает особого рассмотрения. Конечно же, было бы весьма заманчивым рассматривать противопоставление этих форм в качестве своего рода анало-

га оппозиции типа *пойди :: пойдите*¹⁴⁸ и было бы нелепым отрицать наличие связи между данными оппозициями в сознании носителя языка. С другой стороны, то же самое сознание носителя языка не может игнорировать и то обстоятельство, что у абсолютного большинства глаголов современного русского языка инклюзивные формы на *-те* не узуальны, а их функциональный потенциал частично «поглощен» индикативными формами 1 л. мн. числа. Нам представляется, что в тех немногочисленных случаях, когда узуальны обе инклюзивные формы (императивная и транспонированная в императив индикативная) и мы имеем дело с парой типа *идём! :: идёмте!*, дистрибуция этих форм начинает коррелировать с дистрибуцией форм в паре типа *иди! :: идите!*, не совпадая, впрочем, с последней. Форма типа *иди!* маркирована, она однозначно сигнализирует и о единичности адресата, и о том, что говорящий с ним «на ты». Формы типа *идём!* также свидетельствуют о «тыканьи», но ничего не говорят о числе собеседников (школьник может так обратиться и к однокласснику, и к группе одноклассников, но не к учителю). Тогда же, когда дублет с *-те* отсутствует (ср. *обратимся :: *обратимтесь*) или же незуален (ср. *оставим ~ оставимте*), форма без *-те* никак не маркируется¹⁴⁹. Поэтому

¹⁴⁸ Ср. примеры в [Русская грамматика 1979: 187-188], иллюстрирующие «формальную структуру повелительного наклонения» русского языка:

<i>пойди</i>	::	<i>пойдем</i>	<i>пеки</i>	::	<i>будем печь</i>
::		::	::		::
<i>пойдите</i>	::	<i>пойдёмте</i>	<i>пеките</i>	::	<i>будемте печь</i>

Обзор мнений о категориальном статусе подобных форм см. в [Теория... 1990: 191-193].

¹⁴⁹ Ср. примеры со словоформами *оставим, обратимся, оставимте*: *Но оставим пока геометрию. Обратимся к науке, которую вы, как чиновник почтового ведомства, вероятно, любите. География – наука почтальонов.* (А. П. Чехов. Экзамен на чин); *Оставимте мы эти пренья, Перед Молчалиным не прав я, виноват.* (А. С. Грибоедов. Горе от ума).

мы склонны не согласиться с мнением тех, пусть и весьма нами уважаемых исследователей, которые, как нам представляется, несколько упрощают реальную ситуацию, интерпретируя противопоставление форм типа *пойдём* :: *пойдёмте* как противопоставление (инклюзивное) ед. число :: (инклюзивное) *мн. число* (ср. [Русская грамматика 1979: 190]; [Типология... 1992: 8]), хотя и не исключаем, что когда-то ранее дистрибуция подобных форм могла быть иной¹⁵⁰.

Дистрибуция форм типа *пойдём* :: *пойдёмте*, поддерживаемая дистрибуцией форм типа *пойди* :: *пойдите* и расшатываемая неузуальностью инклюзивных образований на *-те*, продолжает разрушаться. Так, хотя в нашем материале в большинстве случаев словоформа *пойдём* (ее оппозиит *пойдёмте* достаточно узуален, см. выше) сигнализирует «тыканье», она употребляется и при обращении на «вы», ср.:

– *Пойдем куда-нибудь, – сказала она.*

– *Можно, – сказал я. Мне никуда не хотелось идти, хотелось немного посидеть в прохладе.*

– *Я вижу, вам не очень-то хочется, – сказала она. (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века).*

¹⁵⁰ По мнению Ф. И. Буслаева, «совокупное действие 1-го лица со 2-м единственным числа означает повелительными формами *пойдём, скажем* и пр.; и со 2-м лицом множественного числа – формами *пойдёмте, скажем-те*. Первые соответствуют двойственному числу, а вторые множественному. Поэтому из вежливости двойственное число изменяется на множественное, например, вместо *пойдём* (т.е. я и ты) говорится *пойдём-те* (т.е. я и вы)» [Буслаев 1858, 186]. Аналогичного мнения придерживался и В. В. Виноградов, ср.: «Формы *пойдём, посмотрим* и т.п. означают исходящий от говорящего лица призыв к соучастию в действии, побуждение к совместному действию. Это формы синкретического «двойственного», т.е. совокупного 1-го и 2-го лица единственного числа (ср. *мы с тобой*), формы совместного действия» [Виноградов, 1972: 467].

Нельзя также сбрасывать со счетов возможность интерпретации оппозиции форм типа *пойдём :: пойдёмте* как оппозиции *индикативная форма :: императивная форма*, то есть форма, специфицированная в системе языка прежде всего для выражения категорического побуждения, противопоставлена форме, в этом плане нейтральной¹⁵¹, ср. следующие примеры, в которых повтор побуждения (мы очевидно имеем дело с возрастанием его категоричности) сопровождается заменой формы с *-те* формой без *-те*: «**Пойдемте** сейчас же», – сказала она. / «Ни за что», – сказал я и лег. / «Что за манеры? Сейчас же вставайте и **пойдем!**» (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века); «*Румата, друг мой, пойдёмте отсюда. У вас слишком богатые погребца! **Уедемте!***» / «Но куда?» / <...> / «Да. Я понимаю вас. Это ужасно... Но все-таки **уедем**». (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом)

В чешском языке, располагающем полноценной (то есть парадигматической и узуальной) императивной формой 1 л. мн. числа, данная оппозиция может быть представлена в рамках инклюзивного побуждения в чистом виде, ср. следующий пример, в котором одно и то же инклюзивное побуждение (речь идет о совместном походе в трактир) сначала высказывается арестованным Швейком (предложение, которое конвоиры могут принять или отвергнуть – использована императивная форма), а затем – одним из конвоиров (решение принято – использована индикативная форма):

“**Pojd’me** na ‘Kuklík’,” vybízel «Идемте в “Куклик”, – предложил
Švejk, “kvéry si dáte do kuchyně, Швейк, – ружья оставите на кух-

¹⁵¹ В специальных исследованиях отмечается, что транспонированные в область первичных функций императива индикативные формы выражают, как правило, категорическое побуждение, ср. [Теория... 1990: 235].

hostinský Serabona je Sokol, toho se nemusíte bát.” <...> *Čahoun s malým podívali se ještě jednou na sebe a pak řekl čahoun: “Tak tam půjdem, do Karlína ještě daleko”.* (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*)

не, хозяин там – член «Сокола», его можете не бояться». <...> *Верзила еще раз переглянулся со своим невысоким спутником и сказал: «Ну что ж, пошли туда, до Карлина еще далеко».*’

Следует также отметить, что значительная часть чешских примеров рассматриваемого типа (в нашем извлеченном сплошной выборкой материале – около половины) содержит в своем составе открывающую высказывание частицу *tak*, ср., например:

Položil sluchátko a zamnul si ruce. “Tak si to shrneme”. (V. Erben. *Bláznova smrt*)

‘Он положил трубку и размял руки: «Подведем итоги!»’

“Tak se setkáme tamhle za rohem tribuny,” – hodil na ně přes rameno. (M. Kapek. *A je to gól!*)

‘«Значит, встречаемся вон там за углом трибуны», – бросил он через плечо.»

Поиск по формуле [word="Tak"] [tag="VB.P...1.*"]¹⁵² дал в SYN2000 816 контекстов, из которых после визуального контроля осталось 138

¹⁵² Данная формула описывает лишь малую часть примеров рассматриваемого типа (те примеры, в которых форма индикатива идет непосредственно после частицы *tak*), ей не соответствуют, например, приведенные выше примеры из М. Капека и В. Эрбена, в которых между частицей и формой индикатива расположены местоимение и/или возвратный компонент. Если же предусмотреть наличие даже одной-двух словоформ между компонентами данной конструкции (например, искать по формуле [word="Tak"] [] {0,2} [tag="VB.P...1.*"]) количество обнаруженных программой *Vonito* контекстов становится слишком велико для их визуального контроля.

примеров побудительного употребления рассматриваемой конструкции, ср., например:

Tak zajdeme za ředitelem! *‘Давай зайдем к директору!’*

<SYN2000 S|NOV|1994|borivoj>

Tak jdeme dál. *‘Тогда пошли дальше!’*

Tak půjdeme. <SYN2000 *‘Пошли!’*

S|NOV|1995|vrazlek>

Tak začneme od lesa. <SYN2000 *‘Начинаем от леса!’*

S|NOV|1992|lit>

Tak začneme mluvit anglicky. *‘Начинаем говорить по-английски!’*

S|NOV|1993|koule>

Тем самым данная частица функционирует в качестве своего рода маркера побудительности.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ

1. Основным средством экспликации инклюзивного побуждения в современном чешском речепотреблении являются конструкции с синтетической императивной формой 1 лица мн. числа, у большинства глаголов не синонимичной соответствующей презентно-футуральной форме индикатива.

2. Употребительность аналитических императивных конструкций при выражении инклюзивного побуждения существенно ниже. Если примеров с синтетической императивной инклюзивной формой в текстах SYN2000 около 20 тысяч, то примеров побудительного употребления конструкций *ať + 1 лицо мн. числа презентно-футуральной формы индикатива* в данном подкорпусе мы обнаружили лишь 184 примера, а конструкции *necht' + 1 лицо мн. числа презентно-футуральной формы индикатива* – всего 3 примера. Примеров употребления конструкции *rojď' + инфинитив* и *rojď'te + инфинитив* несколько больше (соответственно 182 и 228 примеров), однако значительная их часть интерпретируется неоднозначно – контексты их употребления позволяют рассматривать их как и как выражающие инклюзивное побуждение, и как выражающие побуждение 2 лица. Употребительность конструкции *rojď'te + инфинитив* – самой частотной из инклюзивных аналитических императивных конструкций и к тому же однозначно инклюзивной – все равно уступает употребительности конструкций с инклюзивными синтетическими императивными формами на два порядка (в текстах SYN2000 мы обнаружили 250 подобных примеров).

3. Обращение к эксплицитным перформативным конструкциям при выражении инклюзивного побуждения для современного чешского речепотребления не характерно. В текстах SYN2000 подобные примеры немногочисленны, причем речь идет лишь о перформативных глаголах *na-*

vrhovat, doporučovat, prosit, přimlouvav se в составе базовых типов эксплицитных перформативных конструкций и о глаголах *poprosit, doporučovat, přimlouvav se, upozornit, navrhnout, navrhovav, doporučit, poradit, radit, varovat* в составе трансформаций базовых типов.

4. Инклюзивное побуждение в современном чешском языке регулярно выражается также с помощью конструкций с индикативом, обращение к которым является достаточно употребительным (стоящим на втором месте после использования конструкций с синтетической императивной формой 1 л. мн. числа) в современном чешском речепотреблении.

Немаловажные чешско-русские различия прослеживаются в употреблении глаголов совершенного и несовершенного вида в рассматриваемых конструкциях. В то время как в нашем русском материале число примеров, содержащих глагол несовершенного вида, в 10 раз превышает число примеров, содержащих глагол совершенного вида, в нашем чешском материале число «перфективных» примеров превышает число примеров «имперфективных» лишь в 2 раза. При этом практически во всех русских примерах с глаголом несовершенного вида употреблена описательная форма будущего времени, тогда как во всех чешских примерах – форма простая.

Значительная часть чешских примеров рассматриваемого типа (инклюзивное побуждение с помощью конструкции с индикативом) содержит в своем составе открывающую высказывание частицу *tak*, которая тем самым начинает функционировать в качестве своего рода маркера побудительности.

Глава 4. ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА» В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

4.1. ИЛЛОКУТИВНО УНИВЕРСАЛЬНОЕ ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА»

4.1.1. Чешские конструкции типа *at' zpívá / zpívají*

Данные электронных корпусов SYN2000 и SYN2005 говорят об очень высокой употребительности конструкции *at' + презентно-футуральная форма индикатива 3 лица*.

Поиск по формуле [word="[Aa]t'"] []{0,5} [tag="VB.S...3.*"] дает 14 851 примеров в корпусе SYN2000 и 21 110 примеров в корпусе SYN2005. Отметим, что это вполне сопоставимо с употребительностью парадигматических форм синтетического императива: поиск форм синтетического императива 2 лица ед. числа (формула [tag=".i.S...2.*"]) дает 69 395 примеров в корпусе SYN2000 и 110 263 примеров в корпусе SYN2005, поиск форм синтетического императива 2 лица мн. числа (формула [tag=".i.P...2.*"]) дает 78 225 примеров в корпусе SYN2000 и 110 836 примеров в корпусе SYN2005, поиск форм синтетического императива 1 лица мн. числа (формула [tag=".i.P...1.*"]) дает 20 231 примеров в корпусе SYN2000 и 19 389 примеров в корпусе SYN2005.

Естественно, что не все найденные программой комбинации являются аналитическими императивными конструкциями. Тем не менее пилотажный просмотр контекстов показывает, что в значительном, если не в большинстве случаев поиск по формуле [word="[Aa]t'"] []{0,5} [tag="VB.S...3.*"] дает примеры высказываний, безусловно являющихся побудительными и по своим формальным свойствам очень близких эта-

лонным побудительным высказываниям с формами синтетического императива 2 лица. Семантическая и функциональная близость конструкций *at' + презентно-футуральная форма индикатива 3 лица* эталонным императивным конструкциям позволяет рассматривать их в качестве форм аналитического императива, ср. аргументацию В. С. Храковского относительно русских конструкций типа *пусть он рисует* в [Теория... 1990: 194].

Именно эти аналитические императивные конструкции формируют, вместе с соответствующими эксплицитными перформативными конструкциями, ядро третьей центральной подкатегории функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке (в формировании ядра первой подкатегории участвуют конструкции с синтетическими императивными формами 2 лица ед. и мн. числа, ядра второй – конструкции с синтетическими императивными формами 1 лица мн. числа).

Сходство между чешскими конструкциями типа *at' zpívá / zpívají* и русскими конструкциями типа *пусть поёт / поют*, в обоих сопоставляемых языках регулярно обозначаемыми как императивные¹⁵³, мы склонны

¹⁵³ Ср. [Mluvnické češtiny 1987: 336]), [Теория... 1990: 193]. Обзор мнений [Шахматов 1941], [Немешайлова 1961], [Зарецкая 1976], [Грамматика... 1970], включающих конструкции типа *Пусть (пускай) напишет* по семантическим и по формальным основаниям в императивную парадигму, мнений [Виноградов 1938] и [Русская грамматика 1980], признающих данные образования императивными содержательно, но не формально, мнений [Мучник 1955], [Исаченко 1957], интерпретирующих их в качестве содержательно «побудительных», но не императивных, мнения А. В. Бондарко, считавшего, что данные образования «примыкают к парадигме повелительного наклонения, но не могут считаться ее равноправными членами» [Бондарко, Буланин 1967], а также мнения [Пазухин 1974], отказывающего рассматриваемым конструкциям во включении в императивную парадигму и по формальным, и по содержательным критериям, см. в [Храковский, Володин 1986: 113-115].

видеть не только в том, что они регулярно соответствуют друг другу в переводах, но и в том, что в данном случае речь может идти о функционально-семантической эквивалентности. Многие аргументы, выдвигаемые русистами в пользу включения в императивную парадигму конструкций типа *пусть (с)поёт!*, могут быть чуть ли не механически использованы применительно к чешским конструкциям типа *ať zpívá*¹⁵⁴.

Принято считать, что конструкции типа русск. *пусть войдет* и чешск. *ať vstoupí* выражают опосредованное побуждение¹⁵⁵. И действи-

¹⁵⁴ Так, при решении вопроса о том, можно ли сочетания типа *пусть (с)поёт!* считать аналитическими императивными формами, либо их следует рассматривать как формы индикатива, транспонированные в сферу императивности частицей модально-императивного типа (ср. [Русская грамматика 1980: 622]), В. С. Храковский предлагает «прежде всего исходить из того, что предложения с обсуждаемыми формами безусловно являются повелительными и по своим формальным свойствам весьма близки эталонным повелительным предложениям с императивными формами 2-го л. В частности, эти предложения переводятся из прямой речи в косвенную так же, как эталонные (*Пусть он рисует* → *Она сказала: «Пусть он рисует»* → *Она сказала, чтобы он рисовал / Она велела ему рисовать*) <...> Коль скоро рассматриваемые предложения являются повелительными, то хотелось бы думать, что и глагольные формы в этих предложениях можно считать императивными, тем более что любому эталонному предложению с императивной формой 2-го л. регулярно соответствует повелительное предложение с обсуждаемой формой 3-го л. (*Рисуй хорошо* → *Пусть он рисует хорошо; Позвоните вечером ему домой* → *Пусть они позвонят ему вечером домой*)» [Теория... 1990: 194]. Ср. полную аналогию в чешском (мы лишь заменили *рисование пением*): *Ať zpívá* → *Řekla: 'Ať zpívá'* → *Řekla, aby zpíval; Zpívej dobře* → *Ať zpívá dobře; Zavolejte mi večer domů* → *Ať mi zavolají večer domů*.

¹⁵⁵ Ср. мнение русистов по поводу конструкции с *пусть* и мнение бегемистов – по поводу конструкции с *ať*: «Данная конструкция [*пусть он вернется завтра*] тоже служит для выражения опосредованной мотивированности глагольного действия волей субъекта речи: дейктический адресат не совпадает здесь с исполнителем этого действия, но выполняет опосредствующую коммуникативную роль, состоящую в том, что он должен “передать” предполагаемому субъекту глагольного действия (не-

тельно, примеры с подобным употреблением рассматриваемых образований в нашем материале довольно многочисленны¹⁵⁶. Очень часто, однако, чешские конструкции *at' + 3 л. инд.* и русские конструкции *пусть + 3 л. инд.* выражают не побуждение, а недирективное волеизъявление говорящего относительно желательности (допустимости) некоего действия (состояния, положения вещей), осуществление / неосуществление которого не зависит совершенно либо зависит весьма незначительно от участников акта коммуникации, ср.:

чешский пример:

<i>První případ, říkám si, tak at' je to něco pořádného!</i> (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů)	<i>'Первый случай, думаю, так пусть это будет что-нибудь порядочное!'</i>
--	---

русский пример:

«Это не для меня, – заявил я. – Пусть этим занимаются бухгалтеры и парикмахеры». (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века).

Семантику *согласия* с неким существующим положением вещей выражают изолированно употребленные *at'* и *пусть*, ср.:

которому «третьему» лицу) волеизъявление субъекта речи» [Теория... 1990: 93]; «Смысл подобных высказываний [*At' mi sekretářka ihned přinese poštu* 'Пусть секретарь немедленно принесет мне почту'] мы можем перефразировать следующим образом: «*vyříd' (řekni, pověz...) sekretářce, at' mi přinese poštu*» 'передай секретарю, пусть принесет мне почту'» [Mluvnice češtiny 1987: 336].

¹⁵⁶ Весьма показательны в этом плане случаи, в которых посредническая роль собеседника эксплицирована, то есть когда подобному побуждению «третьего лица» предшествует адресованное собеседнику побуждение связаться с этим третьим лицом, передать, сказать, сообщить ему что-либо и т.п., ср. чешск. *Zavolej tam. At' vezmou matriky a porodnice.* (V. Erben. Poklad byzantského kurce) 'Позвони туда. Пусть проверят родильные дома и метрические книги'; русск. *Передай Гаалу, пусть поднимется.* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

чешский пример:

- *Vás si tady necháme samozřejmě taky.* / «Вас нам придется тоже за-
 – *Já si to myslela. Ale at'. Aspoň budu* *держат*». / «Я так и думала.
spát. (J. Marek. Panoptikum starých *Но пусть.* По крайней мере я
 kriminálních příběhů) *теперь смогу спать»*'

русский пример:

Положим даже, что варвары будут сильнее солдат. Побьют они солдат, порушат ихние проклятые вышки, захватят весь север. Пусть. Нам не жалко. (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

Частица *at'* способна присоединять эмфатическое *si*, при этом речь может идти как о изолированной употребленной *at'* (ниже примеры 1-2), так и о *at'* в составе аналитической императивной конструкции (ниже пример 3), ср.:

1. *At'si, mávl rukou pantáta.* *«Ну и пускай», – махнул рукой*
 <SYN2000 S|NOV|1991|ryb> *крестьянин.*'
2. *Alice však řekne: – At'si!* <SYN2000 *Однако Алиса сказала: «Ну и*
 S|NOV|1990|grusa> *пусть!»*'
3. *Jdeme, postávat tu nebudeme, at'si* *Пошли, нечего здесь торчать,*
jdou hlavním vchodem, když nedoká- *пусть идут* *через главный вход,*
žou přitáhnout včas <SYN2000 *раз не в состоянии прийти во-*
 S|NOV|1995|pasaz> *время.*'

Впрочем, количество употреблений частицы *at'* с эмфатическим компонентом составляет доли процента от общего числа употреблений этой частицы. В корпусе SYN2000 поиск по формуле [word="[Aa]t'si"] дал 55 примеров, тогда как поиск по формуле [word="[Aa]t"] в этом же корпусе дает 20 702 примеров.

4.1.2. Чешские конструкции типа *necht' zpívá / zpívají*

В современном чешском языке, как и в современном русском, наряду с основным средством формирования иллокутивно универсального побуждения 3-го лица (русские конструкции типа *пусть войдет*, чешские *ať vstoupí*) существуют конструкции менее узуальные (русские конструкции типа *пускай войдет*, чешские *necht' vstoupí*). Впрочем, определенная асимметрия существует и в этой области.

В текстах Чешского национального корпуса употребительность конструкций *necht' + презентно-футуральная форма индикатива 3 лица* приблизительно на порядок ниже употребительности конструкций *ať + презентно-футуральная форма индикатива 3 лица*. Так, в текстах SYN2000 нами было обнаружено 928 примеров употребления конструкций *necht' + презентно-футуральная форма индикатива 3 лица*, в текстах SYN2005 – 1331 пример (поиск по формуле [word="[Nn]echt'"] []{0,10} [tag="VB.....3.*"] дал соответственно 1381 и 1824 примера, 946 примеров было исключено после визуальной проверки контекстов).

В современном чешском речепотреблении конструкции с *necht'* стилистически маркированы как относящиеся к торжественно-патетическому способу выражения. Что же касается русских конструкций с *пускай*, то эта маркированность «по другую сторону». При стилистически нейтральных чешских конструкциях с *ať* и русских конструкций с *пусть* чешские конструкции с *necht'* маркируются как книжные, а русские конструкции с *пускай* – как разговорные¹⁵⁷. Тезис о разговорном характе-

¹⁵⁷ Отметим, впрочем, что мнение о разговорном характере конструкций с *пускай*, высказываемое в [Саранцацрал 1993], не является общепринятым, ср.: «Показатели *пусть* и *пускай* в принципе как будто свободно заменяют друг друга, и соответственно формы, различающиеся только этими показателями, представляют собой равноправные вариан-

ре варианта с *пускай* согласуется с малой представленностью этого варианта в современных художественных текстах (исключение составляют произведения, речь персонажей которых подчеркнута не литературна, ср., например, сборники сценариев популярных телесериалов В. Шендеровича. «Куклы» и «Куклы-2»).

В текстах XIX века ситуация была иной: ныне малоупотребительные варианты (чешские с *necht'* и русские с *пускай*) были достаточно обычны, ср.:

чешские примеры:

Necht' je jak je, ty se neuč vymýšlet 'Пусть будет, как есть, не каприз-
v jídle (В. Němcová. Babička) *ничай с едой.'*

Kdokoliv zprávu podat může, necht' 'Тот, кто может сообщить что-
telegrafuje do Prahy na pana *либо, пусть телеграфирует в Прагу*
Františka Burgra, správce u hraběte *господину Франтишеку Бургеру,*
Lvovského! (J. Neruda. Já to nejsem) *управляющему графа Львовского.'*

русские примеры:

Нет, решено – пойду искать управы / У герцога: пускай отца за-
ставят / Меня держать как сына, не как мышь, / Рожденную в подполье.
(А. С. Пушкин. Скупой рыцарь); *Ох, запру я двери-то, ей-богу запру;*
пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди. (А. Н. Ост-
ровский. Свои люди – сочтемся).

Более того, они могли, по-видимому, относительно свободно варьироваться с вариантами основными (в чешском – с вариантами, содержа-

ты» [Храковский, Володин 1986: 122]. В. В. Виноградов, рассматривая экспрессивные оттенки, связанные с различением видовых форм, связывал их и с корреляцией *пусть* и *пускай*, полагая, что «*пусть* выражает волю более решительную, крепко и повелительно. *Пускай* означает скорее допущение, позволение» [Виноградов 1972: 470].

щими *at'*, в русском – с вариантами, содержащими *пусть*), ср. чешский пример, где в одном и том же контексте употреблены конструкция с *necht'* и конструкция с *at'*, и русский пример, в котором содержится и *пускай*, и *пусть*:

чешский пример:

“*Tvým! Tvým necht' se jmenuje!*” ‘«*Твоим! Твоим именем пусть зов-*
zvolal jako z božského vnuknutí stařec вется!» – *вскричал длиннобородый*
dlouhé, bílé brady, nejstarší ze všech старец, старший из всех старей-
starostů. / Hned všichni, starostové i шин. / Тут же все, и старейшины,
*čeled', volali jako jedním hlasem: / и челядь *вскричали единым голо-**
“Tvým! Tvým jménem!” / “Po tobě сом: «Твоим! Твоим именем!» / «В
at' se jmenuje!” (А. Jirásek. *Staré твою честь пусть зовется!»*
pověsti české)

русский пример:

Когда Борис хитрить не перестанет, / Давай народ искусно волно-
*вать; / **Пускай они оставят** Годунова, / Своих князей у них довольно,*
пусть** / Себе в цари любого **изберут. (А. С. Пушкин. Борис Годунов)

Подыскивая стилистически адекватное русское соответствие чешским конструкциям с *necht'*, можно вспомнить о конструкциях с *да*, сохранившихся в современном русском речепотреблении во фразеологизованных сочетаниях типа *да здоровует, да будет*¹⁵⁸, однако довольно активно использовавшихся авторами XIX века в качестве средства архаи-

¹⁵⁸ Ср.: «*Да будет вам известно, – продолжал дон Рэба, – что указанный атаман Арата в настоящее время гуляет во главе восставших холопов по восточным областям метрополии, обильно проливая благородную кровь и не испытывая недостатка ни в деньгах, ни в оружии*». (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом).

зации либо патетизации речи персонажа¹⁵⁹, а порой используемых (в аналогичных ситуациях) и сегодня, ср.: *Да пощадит* меня снисходительный читатель! (А. И. Солженицын. Архипелаг Гулаг); *Приходящий или прибегающий к мирским начальникам за рукоположением, если завладеет церковью, да будет низложен, а если богоугодными заведениями, да будет изгнан с отлучением.* (Современный перевод византийского текста, выполненный в 1998 году Д. А. Афиногеновым, автором монографии «Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии»); *Да простят* меня поклонники современного направления в искусстве, но нашим полководцам определенно не везет. (Е. Киселев. Передача «Вчера в "Итогах"». НТВ. 21.06.99).

В современном чешском речепотреблении конструкции с *necht'* характерны для архаизованного повествования, ср. один из весьма многочисленных примеров из исторического романа М. Гануша:

<i>Poslal sto tolarů adresátovi, a několika chudým, které mu doporučil: “Necht’ jim Vaše Urozenost přidělí, kolik myslí každému, ale největší část (třeba osmdesát tolarů) necht’ podrží pro</i>	<i>‘Он послал сто талеров для него и нескольких бедняков, которых он ему рекомендовал: «Пусть Ваше Сиятельство выделит им столько, сколько сочтет нужным, оставив, однако, бо́льшую часть (например,</i>
--	--

¹⁵⁹ Ср.: *Мы все пойдем молить царицу вновь, / Да сжалится над сиророю Москвою / И на венец благословит Бориса. / Идите же вы с Богом по домам, / Молитесь, да взыдет к небесам / Усердная молитва православных.* (А. С. Пушкин. Борис Годунов); *О князь, ты, который предать меня мог / За сладостный миг укоризны, / О князь, я молю, да простит тебе Бог / Измену твою пред отчизной.* (А. К. Толстой. Василий Шибанов); *Тут встал и поднял кубок / Репнин, правдивый князь: / «Опричина да сгинет! – / он рек, перекрестясь. / – Да здравствует во веки / наш православный царь! / Да правит человеки, / как правил ими встарь! / Да презрит, как измену, / бесстыдной лести глас! / Личины ж не надену я / в мой последний час!»* (А. К. Толстой. Князь Михайло Репнин).

sebe, <...>". (M. Hanuš. *Osud národa*) *восемьдесят талеров) для себя, <...>'*

Как и частица *at'*, частица *necht'* способна присоединять эмфатическое *si*, ср.:

*Například hned otázka NATO se mi nezdá hlavní, **necht'si** je co nejpozitivněji vyřešena* *'Например, вопрос НАТО мне не кажется основным, будь даже он решен самым позитивным образом'*
<SYN2000 S|PUB|1998|ln98140>

4.1.3. Реликты синтетического императива 3 лица ед. числа

В чешских текстах, так и в текстах русских, мы можем встретиться с фразеологизованными сочетаниями типа чешского *Pomáhej Pán Bůh! Vem to čert!* или русского *Дай Бог! Чёрт возьми!*, которые, употребляясь прежде всего как средство экспликации наплыва эмоций либо в качестве этикетных формул, способны тем не менее в определенных контекстах функционировать именно в качестве побудительных, ср., например:

*Však soudruh jeho bídný / ku nemocnému zrak obrátil vlídný / a pravil: "Bratře, vstaň, **Bůh dej ti zdraví!**" / V té chvíli rostla zář tu kolem hlavy, / on rostl v ní. Odešel chorý s plesem, <...>* (J. Vrchlický. *Šimon kouzelník*) *'Однако его бедный спутник приветливо посмотрел на больного и произнес: «Встань, брат, дай тебе Бог здоровье!» В эту минуту сияние возникло над его головой, он рос в этом сиянии. Больной ушел, ликуя, <...>'*

Собственно говоря, для того, чтобы подобные высказывания функционировали в качестве побудительных, совсем не обязательно, чтобы их произносил Спаситель (как в приведенном выше примере), вполне достаточно, чтобы говорящий верил в существование сверхъестественных сил и полагал (не так важно, оправданно или

и полагал (не так важно, оправданно или неоправданно), что его просьба¹⁶⁰ будет услышана.

И в чешских, и в русских художественных текстах XIX века конструкции рассматриваемого типа достаточно обычны, ср.:

чешские примеры

Co k pohřbu dá, každý mu zjev!

(К. Н. Mácha. Máj)

‘Пусть каждый ему покажет,

что он даст на погребение.’

“*Zůstaň každý na svém místě,*”

zahřímal, “jediný pokus odporu a věta je po vás všech. <...>”

(P. Chocholoušek. Jan Pancéř)

‘«Пусть каждый остается на

своем месте, – крикнул он, – малейшее сопротивление, и вы покойники».’

Vidím, že přišla naše hodina. Kdo s

námi, přísahej! (Z. Winter. Pro české řemesla)

‘Я вижу, что настал наш час.

Кто с нами, пусть присягает!’

русские примеры:

Ах! тот скажи любви конец, Кто на три года вдаль уедет.

(А. С. Грибоедов. Горе от ума); *Какого туману напустил! Разбери, кто хочет!* (Н. В. Гоголь. Ревизор); *Так подними [брошенную перчатку], и меч нас рассуди!* (А. С. Пушкин. Скупой рыцарь).

Особо следует оговорить чешские формы *bud'(iž)* и *bud'te(ž)*¹⁶¹, ср.:

¹⁶⁰ Естественно, что и к Богу, и к «супостатам Божьей воли» человек может обращаться лишь с просьбой и никак не с приказанием.

¹⁶¹ Элемент *-iž / -že*, добавляемый к окончанию глагольной формы, используется в современном чешском речепотреблении в качестве средства стилизации и архаизации, ср. примеры XIX века с императивом 2 лица: *Je potřeba, abyste měli správce nad ženou přísnějšího. Mějtež ho!* (А. Jirásek. Staré pověsti české) ‘Вам нужен правитель более строгий, чем женщина. Так получите же его!’; *Dobře, paní manželko, vy nemáte více mít*

To budiž jasno nám všem, ať už naše jednání vyústí kamkoli. ‘Пусть это будет ясно нам всем, к чему бы ни привел наш разговор.’

(M. Hanuš. Osud národa)

I řekl Bůh: “Bud’ světlo!” A bylo světlo. (Ekumen. Bible. Genesis I, 3.) *И сказал Бог: «Да будет свет!» И стал свет* (Библия. Бытие I, 3)

Genesis I, 3.)

I řekl Bůh: “Bud’te světla na nebeské klenbě, aby oddělovala den od noci. Budou na znamení časů, dnů a let. (Ekumen. Bible. Genesis I, 14.) *И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; (Библия. Бытие I, 14).*

Genesis I, 14.)

В текстах корпуса SYN2000 поиск по формуле [word="[Bb]ud"] дал 12 436 контекстов¹⁶², поиск по формуле [word="[Bb]udiž"] – 990 контекстов, поиск по формуле, поиск по формуле [word="[Bb]ud’te"] – 943 контекста, поиск по формуле [word="[Bb]ud’tež"] – 22 контекста.

Как уже отмечалось в 2.2.1.4., яркой отличительной чертой чешской императивной системы является функционирование названных форм в составе аналитического страдательного императива.

příležitost opakovat mně něco podobného, račtež jen zůstat samostatnou bohatství svého, já nechci a nebudu nikdy více překážet! (J. Neruda. Stará hra) ‘Хорошо, госпожа супруга, у вас больше не будет возможности повторять мне что-либо подобное, извольте же остаться единоличной владелицей своего богатства, я не хочу и не буду вам в этом препятствовать!’

¹⁶² В массиве этих контекстов было обнаружено 10050 случаев употребления формы *nebo* и 1401 случай употребления формы *anebo*. Таким образом, в большинстве найденных примеров речь идет о конструкции *bud’... (a)nebo* ‘или... или’, примеров же с императивной формой, как показывают предварительные подсчеты, около тысячи, ср.: 12 436 – 10050 – 1401 = 985.

В русском языке о подобных конструкциях говорить не приходится: с причастными предикативами форма *будь* сочетается лишь во фразеологизованных сочетаниях типа *не в обиду будь сказано; не к ночи будь помянуто; к чести кого-н. будь сказано* [Русская грамматика 1980. Т. II: 112]. «Кандидатами» на русский страдательный императив могут быть также упоминаемые в 4.1.2. узуально ограниченные конструкции типа *да будет низложен*.

Эта межъязыковая асимметрия легко объясняется различиями функциональных потенциалов страдательных причастий сопоставляемых языков: в то время как образование и функционирование русских *-n- / -t- причастий (как полных, так и кратких) связано с целым рядом ограничений, а имперфективные причастия рассматриваемого типа вообще маргинальны, структурно с ними соотносимые причастия чешские весьма употребительны, см. [Изотов 1992; 1994].

4.2. ИЛЛОКУТИВНО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ПОБУЖДЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ЛИЦА»

В то время как для инклюзивного побуждения обращение к выражающим иллокутивно специализированное побуждение эксплицитным перформативным конструкциям, как было показано выше, не характерно, в рамках побуждения «третьего лица» речь идет о вполне употребительном средстве, ср.:

Doporučuju jim, aby se po nich ‘Я советую [букв. рекомендую] им
rozhlídli. <SYN2000 *проследить за ними*’
S|NOV|1969|mundsto>

"Dámy a pánové," zvolal mistr, ‘«Дамы и господа! – провозгласил
nastane nám doba plesů a já jsem танцмейстер, – приближается вре-

- povinen dát vám několik cenných rad ... **prosím**, ať ten pán přestane tančit, když mluvím, ano?"*
<SYN2000 S|NOV|1993|pi187>
мя балов, и в мои обязанности входит дать вам несколько ценных советов... я прошу вон того господина не танцевать, пока я говорю, хорошо?»'
- Žádám jej, aby rukopis opatřil alespoň názvem a adresou.*
<SYN2000 S|COL|1994|divis1>
‘Я прошу его снабдить рукопись хотя бы названием и адресом’.
- To nepřijímám a opět zemědělcům navrhuji, aby fondu neprodávali.*
<SYN2000 S|PUB|1996|mf960813>
‘Я не принимаю это и вновь предлагаю фермерам не продавать фонд’.
- Současně vyzývám redakci Respektu, aby k tomuto případu zaujala stanovisko a omluvila se všem, kteří byli veřejně znevázeni.*
<SYN2000 S|PUB|1993|resp9328>
‘Одновременно я призываю редакцию «Респекта» определить свою позицию по отношению к данному случаю и извиниться перед всеми, заслуги которых были публично умалены’.
- Také Matthäusovi radím, aby v mužstvu zůstal.* <SYN2000 S|PUB|1994|mf940714>
‘А Маттхойсу я советую остаться в команде’.
- Nabízím povstalcům sebe, aby výměnou za mne osvobodili unesené zahraniční pozorovatele.*
<SYN2000 S|PUB|1997|mf971025>
‘Я предлагаю повстанцам себя, чтобы они взамен освободили похищенных иностранных наблюдателей’.
- Narizují s okamžitou platností, aby* *‘Приказываю всем сотрудникам на-*

<i>zaměstnanci tyto hovory zaznamenávali a vyúčtovali.</i>	<i>чиная с сегодняшнего дня подобные разговоры фиксировать и оплачивать’.</i>
<SYN2000 S PUB 1999 mf990220>	
<i>Takové lidi vybízím, aby zůstali abstinenty.</i>	<i>‘Подобных людей я призываю оставаться абстинентами’.</i>
<SYN2000 S POP 1998 vino>	
<i>Zakazují každému střílet na policejní stanici.</i>	<i>‘Я запрещаю кому бы то ни было [букв. каждому] обстреливать отделения полиции’.</i>
<SYN2000 S NOV 1993 jeruz>	

Следующая диаграмма иллюстрирует употребительность данных перформативных глаголов в составе рассматриваемых конструкций в текстах SYN2000:

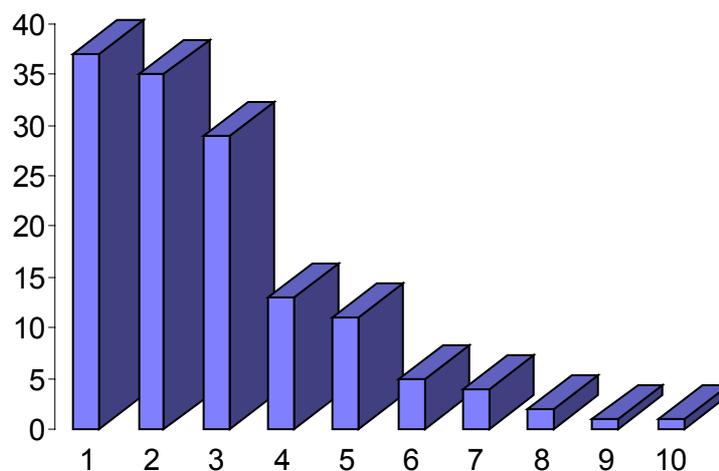
Глаголы:

1) *doporučovat* (обнаружено 37 употреблений); 2) *prosit* (35 употреблений); 3) *žádat* (29 употреблений); 4) *vyzývat* (13 употреблений); 5) *navrhovat* (11 употреблений); 6) *radit* (5 употреблений); 7) *nabízet* (4 употребления¹⁶³); 8) *nařizovat* (2 употребления); 9) *vybízet* (1 употребление); 10) *zakazovat* (1 употребление)¹⁶⁴.

¹⁶³ Мы не учитывали примеры типа *Majitelům všech typů ručních elektr. vrtaček **nabízím univerz. nástavec na běžné broušení noží, nůžek, vrtáků a dalších nástrojů.*** Вместе с ними число употреблений возросло бы до 34.

¹⁶⁴ Естественно, что в составе рассматриваемых конструкций теоретически могут быть и другие перформативные глаголы, ср. фрагмент из современной пьесы:

PEPA: *Podívej, Bedřichu, já si **vyprošuju**, aby mě někdo neustále přerušoval, když vyšetřuji pacienta. Hergot, kuš!*

Таким образом, при выражении побуждения «третьего лица» в составе рассматриваемых конструкций наиболее употребительными в целом являются те же перформативные глаголы *prosit, žádat, navrhovat, doporučovat*, что и в случае с побуждением второго лица, правда, глагол *doporučovat* переместился с четвертого места на первое, а глагол *navrhovat* был несколько потеснен глаголом *vyzývat*.

В составе трансформированных моделей нами были обнаружены формы глаголов *doporučit* (101), *doporučovat* (43), *přimlouvát* (23), *poprosit* (21), *prosit* (17), *vyzvat* (14), *navrhovat* (11), *navrhnout* (9), *radit* (7), *požádat* (5), *nabídnout* (4), *varovat* (3), *žádat* (1), *přimluvit* (1), ср.:

Osobně bych doporučila podnikatelům, pokud nemají právnické vzdělání, aby si najali advokáta nebo komerčního právníka. <SYN2000 S|PUB|1994|Ind94038>

Tomuto druhu ochránců přírody bych doporučoval nejíst brambory a jiné nepůvodní plodiny a produkty. <SYN2000 S|POP|1999|mysliv99>

BEDŘICH: *A já si vyprošuju, aby někdo, kdo má na zadnici cejch, říkal vlastnímu otci Žilo.* (Cimrman / Svěrák. AKT. Praha: Paseka, 2006).

*A tak **bych se přimlouval**, aby maminky letošních prvňáků obětovaly jeden den z dovolené a připravily svým dětem zážitek, na který by mohly dlouho vzpomínat.* <SYN2000 S|PUB|1992|lnnp9235>

*Spíš **bych poprosil** novináře, aby šli po podstatě věci, a ne po tom, zda ten či onen koaliční politik řekl něco chytřejšího nebo hloupějšího.* <SYN2000 S|PUB|1994|refl9417>

*Pokud bude číst moji knihu, moc **bych ji prosila**, ať se mi ozve.* <SYN2000 S|NOV|1996|srdceso>

*Jen **bych rád vyzval** občany, aby pokud možno volili ve svém okrsku, aby nedocházelo k možným průtahům a nedorozuměním.* <SYN2000 S|PUB|1998|pr980618>

*Jen **bych** panu Klausovi **navrhoval**, aby název změnil na variantu dvounulovou.* <SYN2000 S|PUB|1993|mf930428>

*Vím však, že to není možné a proto **bych** jim alespoň **navrhl**, aby se o problémech, které s ním souvisejí, poradili se svými rodiči.* <SYN2000 S|PUB|1992|lnfi9246>

*Firmám **bych** vždy **radil**> kupovat ověřené hodnoty, jít na jistotu.* <SYN2000 S|PUB|1996|hmv6>

***Rád bych požádal** své kolegy z ostatních cestovních kanceláří, aby tento slogan byl používán pouze ve spojení s Globtourem Praha.* <SYN2000 S|PUB|1997|vsdb0597>

*Pokud je tato vláda impotentní, **nabídl bych** jí viagru.* <SYN2000 S|PUB|1999|tyden99>

*Sám **bych varoval** ředitele před jakýmkoliv silovým řešením či pokusy o zastrašení nespokojených hlasů," míní Rath.* <SYN2000 S|PUB|1999|mf990320>

*Proto **musím žádat** čtenáře o pochopení, jestliže mnohá jména neuvedu.* <SYN2000 S|PUB|1998|mf980117>

Obecně bych se ale přimluvil, aby rodiče respektovali základní potřeby svých dětí. <SYN2000 S|PUB|1999|ln99076>

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ

1. Данные электронных корпусов SYN2000 и SYN2005 говорят об очень высокой употребительности конструкции *at'* + *презентно-футуральная форма индикатива 3 лица*, которая вполне сопоставима с употребительностью парадигматических форм синтетического императива. Именно эти аналитические императивные конструкции формируют, вместе с соответствующими эксплицитными перформативными конструкциями, ядро третьей центральной подкатегории функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке.

2. Принято считать, что конструкции типа чешск. *at' vstoupí* выражают опосредованное побуждение [Mluvnice češtiny 1987: 336]. Действительно, примеры с подобным употреблением рассматриваемых образований в нашем материале довольно многочисленны. Очень часто, однако, подобные конструкции выражают не побуждение, а недирективное волеизъявление говорящего относительно желательности (допустимости) некоего действия (состояния, положения вещей), осуществление / неосуществление которого не зависит совершенно либо зависит весьма незначительно от участников акта коммуникации, ср.: *První případ, říkám si, tak at' je to něco pořádného!* (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*).

Семантику *согласия* с неким существующим положением вещей выражают изолированно употребленное *at'*, ср.: *Já si to myslela. Ale at'.* *Aspoň budu spát.* (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*).

Частица *at'* способна присоединять эмфатическое *si*, при этом речь может идти как о изолированно употребленной *at'* (первый из приводимых далее примеров), так и о *at'* в составе аналитической императивной конструкции (второй пример), ср.: *At'si, mávl rukou pantáta.* <SYN2000>; *Jdeme, postávat tu nebudeme, at'si jdou hlavním vchodem, když nedokážou*

přítáhnout včas <SYN2000>. Впрочем, количество употреблений частицы *at'* с эмфатическим компонентом составляет менее процента от общего числа употреблений этой частицы.

3. Конструкции *necht'* + презентно-футуральная форма индикатива 3 лица стилистически маркированы как относящиеся к торжественно-патетическому способу выражения, ср.: *Pravím, voláme je k odpovědnosti: necht' jsou žalováni z vraždy, necht' jsou pohnáni před válečný soud pro vlasti-zradu, necht' se vyšetří, kolik dostali od zbrojařů za to, že zásobují mořské kanálie zbraněmi proti civilizovanému lidstvu!* <SYN2000>. Их употребительность на порядок уступает употребительности конструкций с *at'*, но все же достаточно велика – нами обнаружено 928 подобных примеров в SYN2000 и 1331 в SYN2005.

Как и частица *at'*, частица *necht'* способна присоединять эмфатическое *si*, ср.: *Například hned otázka NATO se mi nezdá hlavní, necht'si je co nejpozitivněji vyřešena* <SYN2000>.

4. В чешских текстах, так и в текстах русских, мы можем встретиться с фразеологизованными сочетаниями типа чешского *Pomáhej Pán Bůh! Vem to čert!* или русского *Дай Бог! Чёрт возьми!*, которые, употребляясь прежде всего как средство экспликации наплыва эмоций либо в качестве этикетных формул, способны тем не менее в определенных контекстах функционировать именно в качестве побудительных, ср., например: *Však soudruh jeho bídný / ku nemocnému zrak obrátil vlídný / a pravil: "Bratře, vstaň, Bůh dej ti zdraví!" / V té chvíli rostla zář mu kolem hlavy, / on rostl v ní. Odešel chorý s plesem, <...>* (J. Vrchlický. Šimon kouzelník). Собственно говоря, для того, чтобы подобные высказывания функционировали в качестве побудительных, совсем не обязательно, чтобы их произносил Спаситель (как в приведенном выше примере), вполне достаточно, чтобы говорящий верил в существование сверхъестественных сил и полагал (не

так важно, оправданно или неоправданно), что его просьба будет услышана.

К сожалению, в текстах SYN2000 в качестве форм 3 лица (как единственного, так и множественного числа) оказались помеченными формы с финалью $-(i)ž$, которая сама по себе лицо не определяет (в стилизованных «под старину» художественных текстах ею снабжаются императивные и индикативные формы всех трех лиц), так что достоверными статистическими данными по ним мы не располагаем. Однако следует сказать, что примеры рассматриваемого типа единичны, если не считать относительно употребительной формы *budiž* в составе высказываний, выражающих «согласие» – речевой акт, близкий «разрешению»; в текстах SYN2000 мы обнаружили около 900 примеров подобного употребления формы *budiž*, ср.: ***Budiž, souhlasil král a zase šlehl ocasem dvakrát o podlahu, čímž byli přivoláni Princ Hermelín a pan Čapkočka.*** <SYN2000>.

5. Наконец, иллокутивно универсальное побуждение «третьего лица» может быть выражено конструкциями *bud'(i)ž* / *bud'te(ž)* + краткое страдательное причастие, *at'* + индикатив наст. вр. глагола *být* + краткое страдательное причастие, *necht'* + индикатив наст. вр. глагола *být* + краткое страдательное причастие, рассмотренные во второй главе.

6. В то время как для инклюзивного побуждения обращение к выражающим иллокутивно специализированное побуждение эксплицитным перформативным конструкциям, как было показано выше, не характерно, в рамках побуждения «третьего лица» речь идет о вполне употребительном средстве. При этом наиболее употребительными в целом являются те же перформативные глаголы *prosit, žádat, navrhovat, doporučovat*, что и в случае с эталонным побуждением «второго лица».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование свидетельствует о целесообразности привлечения материала репрезентативных электронных корпусов для коррекции и возможного пересмотра существующих грамматических описаний современного чешского языка, так как полученные в результате обращения к крупным текстовым массивам данные нередко противоречат устоявшимся представлениям о функционировании тех или иных языковых единиц. Беспрецедентное (на порядки) увеличение эмпирической базы исследования дополняет и корректирует выводы, сделанные порой на основе спекулятивных рассуждений и / или интуиции исследователя.

Использование разработанных А.В. Бондарко понятий *функционально-семантического поля* и *императивной ситуации*, классических работ по теории речевых актов с привлечением материала полумиллирдного электронного Чешского национального корпуса, образуемого текстами, представляющими основные функциональные стили современного чешского литературного языка, делают возможным комплексный качественно-количественный анализ средств и способов выражения императивной модальности в чешском языковом пространстве.

Модификация предлагаемой Л.А. Бирюлиным и В.С. Храковским модели структуры содержания побудительного высказывания (прежде всего за счет введения в нее компонента *возможность*) позволяет совместить концепцию функционально-семантических полей А.В. Бондарко и классического понимания императивности (в рамках традиционного деления высказываний на повествовательные, вопросительные и побудительные) с исследованиями, выполненными в русле теории речевых актов. В качестве *побудительных* должны рассматриваться высказывания, в которых говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и / или

возможности осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*.

Тем самым функционально-семантическая категория императивности вступает в сложное взаимодействие с общей категорией модальности. Императивные высказывания, относясь к ирреальной модальности (разновидность объективной внешнесинтаксической модальности), в то же время выявляют смыслы долженствования и возможности, то есть имеют непосредственное отношение также и к внутрисинтаксической модальности (в богемистике этот тип модальности принято называть «волеутикативной»). Очевидна взаимосвязь функционально-семантической категории императивности и с такими часто рассматриваемыми в рамках модального комплекса типами значений, как «утверждение/отрицание», «эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания».

Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке представляет собой конгломерат подкатегорий, вычленяемых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих категориальных ситуаций: *категориальная ситуация 1* – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим; *категориальная ситуация 2* – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим + говорящему; *категориальная ситуация 3*: прескриптор равен говорящему, агенс равен лицу / лицам, не участвующему в коммуникативном акте.

Каждая их трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенциализованными в языке конструкциями, формирующими иллоку-

тивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через экспликацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через экспликацию каузируемого действия или его последствий, экспликацию возможности этого действия, его необходимости или полезности, экспликацию волеизъявления говорящего, слушающего или иного лица / лиц). Между ядром и периферией лежит переходная зона (ближайшая периферия), образуемая периферийными типами императивных и перформативных побудительных высказываний.

Безусловно необходимыми критериями отнесенности к ядру функционально-семантической категории императивности являются критерии употребительности и стилистической немаркированности. В современном чешском языке данным условиям отвечают конструкции с синтетическим императивом 2 лица, формирующие иллокутивно универсальные побудительные высказывания, и эксплицитные перформативные конструкции *1 л. ед. числа перформативного глагола + инфинитив / отглагольное существительное / придаточное предложение*, формирующие иллокутивно специализированные побудительные высказывания.

Побудительные высказывания «второго лица» встречаются в текстах на порядок регулярнее, чем инклюзивные побудительные высказывания или побудительные высказывания «третьего лица», не говоря уже о довольно редких побудительных высказываниях, в которых мы наблюдаем иные комбинации говорящего, слушающего и лица / лиц, не являющихся ни говорящим, ни слушающим, в позициях прескриптора и агенса, так что *подкатегория 1* выступает в качестве базовой, по ее образцу строятся прочие конститuentы рассматриваемой категории императивности, а

центр подкатегории, выделяемой на основе *категориальной ситуации 1*, совпадает с центром всей функционально-семантической категории императивности.

Помимо морфологического императива в современном чешском языке существует значительное число различающихся узуальностью конструкций, способных рассматриваться в качестве форм аналитического императива, при этом многие грамматические архаизмы и псевдоархаизмы продолжают функционировать в качестве яркого стилистического средства.

Поскольку чешский принадлежит к языкам, в истории которых близость форм дейктического оптатива и императива привела к их совпадению, нередко трудно провести границу между выраженным императивной конструкцией директивным и недирективным волеизъявлением, для выражения директивного и недирективного волеизъявления нередко одна и та же словоформа. Исходя из концепции А.В. Бондарко и его понимания императивности и оптативности, мы рассматриваем примеры типа *Brzy se uzdrav!* 'Выздоровливай поскорее!' в качестве случаев, когда языковое значение императивности выступает как способ представления смысла оптативности. Подобное непобудительное употребление характерно для конструкций с аналитическим императивом в большей степени, чем для конструкций с императивом синтетическим.

Полная императивная парадигма в современном чешском языке включает в себя три парадигматические синтетические императивные формы (2 лицо ед. числа, 2 лица мн. числа, 1 лица мн. числа), две непарадигматические синтетические формы (3 лица ед. числа, 3 лица мн. числа), а также большое количество аналитических образований, категориальный статус которых неодинаков: *ať/necht'* + *индикатив*, *ať/necht'* + *форма глагола být* + *страдательное причастие*, *bud'(iž) / bud'te(ž)* + *страда-*

тельное причастие, *pojd'(te/me)* + инфинитив, *běž(te)* + инфинитив, *koukej(te)* + инфинитив, *hled'(te)* + инфинитив, *chraň(te) se* + инфинитив, *opovaž(te) se* + инфинитив, *varuj(te) se* + инфинитив, *rač(te)* + инфинитив.

Сводную таблицу чешских императивных форм и конструкций можно представить следующим образом:

1 лицо		2 лицо		3 лицо	
ед. число	мн. число	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
	přinesme	přines	přineste	bud'(iž)	bud'te(ž)
ať přinesu	ať přineseme	ať přineseš	ať přinesete	ať přinese	ať přinesou
necht' přinesu	necht' přineseme	necht' přineseš	necht' přinesete	necht' přinese	necht' přinesou
				ať je přinesen	ať jsou přinesny
				necht' je přinesen	necht' jsou přineseny
		bud'(iž) přinesen	bud'te(ž) přinesny	bud'(iž) přinesen	bud'te(ž) přineseny
		rač přinést	račte přinést		
pojd' přinést	pojd'te přinést	pojd' přinést	pojd'te přinést		
	pojd'me přinést				
		běž přinést	běžte přinést		
		koukej přinést	koukejte přinést		
		hled' přinést	hled'te přinést		
		chraň se přinést	chraňte se přinést		
		opovaž se přinést	opovažte se přinést		
		varuj se přinést	varujte se přinést		

Первая часть таблицы (со сплошными линиями) включает синтетические и аналитические формы чешского императива, вторая часть (с пунктирными линиями) – аналитические императивные конструкции, примыкающие к императивной парадигме, однако не являющиеся ее полноценными элементами.

Носители чешского и русского языков неодинаково структурируют иллокутивное пространство функционально-семантической категории императивности, причем наиболее заметными являются следующие различия: в русской языковой картине мира более дробно структурированным оказывается «авторитарный» сектор, в чешской – сектор, образуемый подтипами побуждения, не содержащими семы необходимости; в русской языковой картине мира «требование» ближе к «приказу».

Для чешского речеупотребления в заметно большей степени, чем для русского, характерна иллокутивная неопределенность (многозначность) побудительного высказывания. С этим связана существенно меньшая, чем в соотносительных в стилевом и стилистическом отношении русских текстах, употребительность иллокутивно специализированных побудительных высказываний, особенности употребления иллокутивных глаголов в интерпретирующем предикате, а также особенности просодического оформления чешских и русских конструкций с формами императива.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Электронный корпус чешского языка, подготовленный сотрудниками Института чешского национального корпуса при философском факультете Карлова университета в Праге: <http://ucnk.ff.cuni.cz/>.

Электронный вариант словаря *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* / Red. *J. Filipec, Fr. Daneš, J. Machač* (1. vyd.), *V. Mejstřík* (2. vyd.) *et al.* Leda_mi verze 2.0. LEDA, 1997.

Frekvenční slovník češtiny / Ed. *Čermák Fr., Křen M.* – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2004. – 596 s.

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost / Red. *J. Filipec, Fr. Daneš et al.* – Praha, 1978. – 800 s.; 2. vyd. – Praha: Academia, 2000. – 648 s.

Slovník spisovného jazyka českého / Red. *B. Havránek, J. Bělič, M. Heckl, A. Jedlička, V. Křístek, F. Trávníček et al.* – Praha, 1989. Dd. I. – 555 s.; II. – 594 s.; III. – 637 s.; IV. – 717 s.; V. – 654 s.; VI. – 425 s.; VII. – 442 s.; VIII. – 608 s. [2. vyd.].

Чешско-русский словарь // Под ред. *Л. В. Конецкого, Й. Филипча, О. Лешки.* – Москва–Прага: Русский язык; SPN, 1976. Т. I – 580 с.; Т. II. – 864 с.

**Adlová V.* *Růže z Flander.* – Praha: ČS, 1976. – 168 s.

Bartůněk P. *Smích z poslucháren.* – Praha: Magnet-Press, 1991. – 110 s.

Bass E. *Klapzubova jedenáctka.* – Praha: Státní nakladatelství dětské knihy, 1963. – 116 s.

* Астериксом отмечены произведения, подвергнутые сплошной выборке.

- Bible. Podle posledního vydání králického. – [Místo není uvedeno]: Biblické dílo, [Datum není uveden]. – 831 s. + 272 s.
- Bible. Ekumenický překlad. – Praha: Ekumenická rada církví v ČSR, 1984. – 987 s.
- Bourali jsme vesele c. k. mocnářství zpuchřele: anekdoty, humoresky a satiry z konce rakousko-uherské říše [J. Mahen, I. Olbracht, F. Dobrovolný, E. Bass, J. John, J. Haussmann, J. Hašek, časopisy Anekdoty a humoresky, časopisy Karikatury, Kopřivy, Hanácké kopřivy, Nájemník, Rašple et al.]. – Praha: Melantrich, 1978. – 191 s.
- Cibula V.* Pražské pověsti. – Praha: Orbis, 1972. – 519 s.
- Čapek K.* Loupežník. R.U.R. Bílá nemoc. – Praha: ČS, 1983. – 338 s.
- Čapek K.* Kniha apoktifů. – Praha: ČS, 1983. – 229 s.
- Čapek K.* Povídky z jedné kapsy. – Praha: Spirála, 1967. – 184 s.
- Čapek K.* Povídky z druhé kapsy. – Praha: Spirála, 1967. – 160 s.
- Čapek K.* Továrna na absolutno. Krakatit. – Praha: ČS, 1982. – 476 s.
- Čech S.* Výlety pana Broučka. – Praha: Melantrich, 1952. – 312 s.
- České pohádky Karla Jaromíra Erbena / *Havlová F.* – Praha: Státní nakladatelství dětské knihy, 1958. – 184 s.
- Daněk O.* Umění odejít. – Praha: Orbis, 1956. – 88 s.
- Dikobraz [časopis]. – Praha, Ročníky 1986, 1987
- Drda J.* České pohádky. – Praha: ČS, 1965. – 272 s.
- Drda J.* Němá barikáda a jiné povídky. – Praha: ČS, 1959. – 243 s.
- Dvořák A.* Mistr Jeroným. – Praha: MF, 1961. – 276 s.
- **Erben V.* Poklad byzantského kupce. Bláznova smrt. – Praha: ČS, 1986. – 352 s.
- **Frais J.* Klec plná siláků. – Praha: ČS, 1978. – 188 s.
- **Franková H.* Ubohý Džony. – Praha, ČS, 1988. – 304 s.
- Hanuš M.* Osud národa. – Praha: ČS, 1957. – 671 s.

- Hašek J.* Osudy dobrého vojáka Švejka. – Praha: KLHU, 1955. Dd. I-II. – 435 s.; Dd. III-IV. – 309 s.
- Havlíček Borovský K.* Vojna s hloupostí a zlobou. – Praha: MF, 1981. – 304 s.
- Heinlein R. A.* Všechny tvé stíny / Přeložil J. Hlavička // Od Heinleina po Aldisse. Cesta k science fiction. – Praha: AFSF, 1994. – S. 33-47.
- Hrabal B., Nývlt V.* Ostře sledované vlaky. – Praha: Dilia, 1980. – 66 s.
- Hrubá M., Raboch F. et al.* Kuchařka naší vesnice. – Praha: Státní zemědělské nakladatelství, 1988. – 608 s.
- Jirásek A.* Staré pověsti české. – Moskva: Nakladatelství cizojazyčné literatury, 1954. – 108 s.
- **Kadlec J.* Balada o smutném boxerovi. – Praha: ČS, 1981. – 208 s.
- **Kapek M.* A je to gól! – Praha: Práce, 1983. – 368 s.
- **Klevis V.* Abiturienti. – Praha: ČS, 1975. – 180 s.
- Kopš J.* Pražské pitavalý: Soudní příběhy ze staré Prahy. – Praha: ROAD Praha, 1992. – 224 s.
- **Körner V.* Anděl milosrdenství. – Praha, ČS, 1988. – 200 s.
- **Kratochvíl M. V.* Evropa tančila valčík. Evropa v zákopech. – Praha: ČS, 1982. – 528 s.
- Loutková J.* Bůh či ďábel. – Praha: Melantrich, 1983. – 293 s.
- Mácha K. H.* Básně a dramatické zlomky. – Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. – 478 s.
- **Marek J.* Můj strýc Odysseus. – Praha: MF, 1979. – 276 s.
- Marek J.* Panoptikum starých kriminálních příběhů. – Praha: MF, 1968. – 252 s.
- **Navrátil J.* Košťýř. – Praha: ČS, 1978. – 144 s.
- Němcová B.* Babička. – Praha: Odeon, 1981. – 255 s.
- Neruda J.* Divadelní hry. – Praha: Státní nakladatelství krásné literatury a umění, 1961. – 263 s.

- Peřina E.* Na třech řekách. – Praha: MF, 1956. – 316 s.
- **Petiška E.* Svět plný lásky. – Praha: ČS, 1979. – 236 s.
- Procházka J.* Hrdelní pře majora Zemana: Sedm z třiceti případů majora Zemana. – Praha: Naše vojsko, 1984. – 400 s.
- **Psůtková Z.* Růže z Bertramky. – Praha: ČS, 1988. – 168 s.
- Rosenbaum Z., Szalai L.* Dvajásobný dvojník. – Ostrava: Profil, 1983. – 206 s.
- Říha B.* Předemnou poklekni. – Praha: ČS, 1983. – 261 s.
- Smoljak L., Svěrák Z.* To nejlepší ze Smoljaka, Svěráka a Járy Cimrmana. Praha, 2006. – D. I. 240 s.; D. II. 240 s.
- **Souchop J.* Laskavý nezájem. – Brno: Blok, 1986. – 208 s.
- **Suchl J.* Hledání červené rukavičky. – Praha: ČS, 1977. – 120 s.
- **Štěpán L.* Vysoko letí ptáci. – Praha: ČS, 1980. – 180 s.
- Švandrlík M.* Černí baróni aneb válčili jsme za Čepičky // Dikobraz, 1990.
- Švandrlík M.* Rakev do domu. – Praha: SNTL, 1991. – 203 s.
- **Švandrlík M.* Vražda mlsného humoristy. – Praha: Práce, 1990. – 144 s.
- Svěrák J.* Divadlo Járy Cimrmana: AKT. Praha: Paseka, 2002. – 82 s.
- Týden* [časopis]. 4.12.2000.
- Tyl J. K.* Strakonický dudák. – Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1956. – 148 s.
- Vančura V.* Pekař Jan Marhoul. Pole orná a válečná. – Praha: ČS, 1984. – 264 s.
- **Volný Z.* Den neposkvrněného srdce. – Praha: ČS, 1980. – 236 s.
- Vrchlický J.* Epické básně. – Praha: MF, 1956. – 200 s.
- Výbor z literatury české XIX. a XX. století [J. Kollar, F. L. Čelakovský, K. H. Mácha, J. K. Tyl, J. V. Frič, K. Havlíček Borovský, K. J. Erben, B. Němcová, J. Neruda, V. Hálek, J. V. Sládek, J. Vrchlický, A. Jirásek,

- S. Čech et al.]. – Moskva: Nakladatelství cizojazyčné literatury, 1958. – 768 s.
- Weiss J.* Přišel z hor. – Praha: ČS, 1982. – 304 s.
- Wenig F.* Kašpárek a Spejbl v říši pimprlat. – Prešov, Západočeské nakladatelství, 1969. – 115 s.
- Winter Z.* Mistr Kampanus. – Praha: Vyšehrad, 1952. – 488 s.
- Zlatá kniha historických příběhů [V. K. Klicpera, Jan z Hvězdy, J. K. Tyl, P. Chocholoušek, A. V. Šmilovský, A. Jirásek, Z. Winter, V. B. Třebízský]. – Praha: Albatros, 1975. – 344 s.
- Žeň českého humoru [F. E. Rubeš, J. Neruda, S. Čech, L. Stroupežnický, I. Olbracht, J. John, R. Těsnohlídek, J. Drda et al.]. – Praha: Práce, 1952. – 268 s.
- 100 ilustrovaných přísloví. Praha: Česká expedice, 1993. – 131 s.
- **Аксенов В. П.* Остров Крым. – М.: Изограф, 1997. – 416 с.
- **Алешковский Ю.* Кенгуру. – Воронеж: АМКО, 1992. – 192 с.
- Астафьев В.* Людочка // Русские цветы зла: Антология / Составитель Виктор Ерофеев. – М.: Подкова, 1998. – 504 с.
- Афиногенов Д. А.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. – М.: Имрик, 1997. – 240 с.
- Беляев А.* Избранные произведения. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 382 с.
- Бестужев-Марлинский А. А.* Повести и рассказы. – М.: Советская Россия, 1976. – 443 с.
- Библия. Перепечатано с синодального издания. – М.: Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов, 1968. – 925 с. + 296 с.
- Булгаков М. А.* Багровый остров: Ранняя сатирическая проза. – М.: Художественная литература, 1990. – 477 с.

- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. – М.: Художественная литература, 1994. – 448 с.
- Булгарин Ф. В.* Сочинения. – М.: Современник, 1990. – 704 с.
- **Булычев К.* Агент КФ. Подземелье ведьм. Город Наверху. – М.: Армада, 1998. – 474 с.
- Булычев К., Володин А., Данелия Г.* А слезы капали... // Русская фантастика. <http://www.sf.amc.ru/books/>
- Войнович В. Н.* Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. – М.: Вагриус, 1996. – 544 с.
- **Войнович В. Н.* Москва 2042. – М.: СП Вся Москва, 1990. – 350 с.
- Волков А. М.* Собрание сочинений в 6 томах. – СПб.: Просвещение, 1993. Т. 1. – 171 с.
- Гашек Я.* Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Части 1, 2 и 3 / Перевод П. Богатырева. – М.: ММП, 1994. – 544 с.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. – М.: Изд-во Академии наук, 1951. – 920 с.
- Гоголь Н. В.* Повести; Ревизор. – М.: Художественная литература, 1984. – 333 с.
- Горелов А. А.* Н. С. Лесков и народная культура. – Л.: Наука, 1988. – 296 с.
- Горький М.* Собрание сочинений в 16 томах. Т. 7. – М.: Правда, 1979. – 398 с.
- Грибоедов А. С.* Избранное. – М.: Правда, 1986. – 432 с.
- Джордан Р.* Огни небес / Перевод Т. Велимеева, А. Сизикова. – М.: АСТ, 1997. Т. 1. – 480 с.; Т. 2. – 480 с.
- **Довлатов С. Д.* Зона. – СПб.: Новый Геликон, 1996. – 224 с.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 7 томах. Т. 4. – М.: Лексика, 1996. – 650 с.

- Ефремов И. А.* Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 667 с.
- Желязны Р.* Джек-из-Тени // Антология мировой фантастики. Том 3. Волшебная страна. – М.: Аванта+, 2003. – С. 364-488.
- Журавлева А. И., Макеев М. С.* Александр Николаевич Островский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. – 112 с.
- Зоценко М. М.* Избранное. – М.: Советская Россия, 1988. – 432 с.
- Кабаков А. А.* Сочинитель. М.: Текст, 1991. 125 с.
- **Кабаков А. А.* Ударом на удар, или подход Кристаповича. – М.: Авлад-Файн, 1993. – 208 с.
- Коровин В. И.* Басни Ивана Крылова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. – 96 с.
- Крылов И. А.* Басни. – М.: Гослитиздат, 1944. – 223 с.
- Кюстин Астольф де.* Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990. – 288 с.
- Лермонтов М. Ю.* Сочинения в двух томах. – М.: Правда, 1988. Т. 1. – 720 с.; Т. 2. – 704 с.
- Лесков Н. С.* Избранные сочинения. – М.: Гослитиздат, 1945. – 463 с.
- МетрОполь: Литературный альманах [В. Аксенов, Ф. Горенштейн, Вик. Ерофеев, Ф. Искандер, Е. Попов и др.]. – М.: Текст, 1991. – 608 с.
- Мольер Ж.-Б.* Пьесы. – М.: АСТ, 1997. – 768 с.
- Некрасов Н. А.* Стихотворения; Поэмы. – М.: Правда, 1984. – 560 с.
- Орлов В. В.* Альтист Данилов. – М.: Терра, 1994. – 554 с.
- Островский А. Н.* Пьесы. – М.: Художественная литература, 1982. – 382 с.
- **Пелевин В. О.* Жизнь насекомых. [Омон Ра]. – М.: Вагриус, 1997. – 352 с.
- Помяловский Н. Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. – М.: Художественная литература, 1987. – 415 с.

- Пригов Д. А.* Написанное с 1975 по 1989. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. – 280 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в шести томах. – М.: Художественная литература, 1949. Т. 3. – 515 с.; 1950. Т. 4. – 494 с.
- **Пьецух В. А.* Государственное дитя. Повести. Рассказы. – М.: Вагриус, 1997. – 448 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Господа Головлевы. Сказки. – М.: Художественная литература, 1980. – 335 с.
- Сапковский А.* Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта. – М.: АСТ, 1997. – 480 с.
- **Солженицын А. И.* Один день из жизни Ивана Денисовича. – М.: ИЦ Новый мир, 1990. – 96 с.
- Стругацкие А. и Б.* *Понедельник начинается в субботу. *Сказка о тройке. Трудно быть богом: Повести. – М.: Текст, 1996. – 447 с.
- Стругацкие А. и Б.* Обитаемый остров: Роман. Пикник на обочине. За миллиард лет до конца света. Повести. – М.: Текст, 1996. – 577 с.
- Стругацкие А. и Б.* Жук в муравейнике. Волны гасят ветер: Повести. Отягощенные злом, или сорок лет спустя: Роман. – М.: Текст, 1996. – 495 с.
- Стругацкие А. и Б.* Попытка к бегству. Хищные вещи века. – М., 1995. – 415 с.
- Толстой А. К.* Драматическая трилогия. Стихотворения. – М.: Художественная литература, 1982. – 463 с.
- Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в четырнадцати томах. – М.: Художественная литература, 1951. Т. 1. – 411 с.; Т. 4. – 363 с.; Т. 5. – 379 с.; Т. 6. – 407 с.; Т. 7. – 379 с.
- Трифонов Ю. В.* Избранное. – Минск: Высшая школа, 1983. – 541 с.
- Тургенев И. С.* Романы. – М.: Московский рабочий, 1955. – 655 с.

- **Филатов Л. А.* Любовь к трем апельсинам. Сказки, повести, пародии. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 416 с.
- Чапек К.* Сочинения в пяти томах. – М.: Художественная литература, 1958. Т. 1. – 583 с.; Т. 2. – 718 с.; Т. 3. – 461 с.; Т. 4. – 616 с.; Т. 5. – 488 с.
- Чехов А. П.* Собрание сочинений в двенадцати томах. – М.: Художественная литература, 1954-1957. Т. 1. – 512 с.; Т. 2. – 503 с.; Т. 3. – 615 с.; Т. 4. – 639 с.; Т. 5. – 504 с.; Т. 6. – 503 с.; Т. 8. – 558 с.
- Шендерович В. А.* Куклы. – М.: Вагриус, 1996. – 303 с.
- Шендерович В. А.* Куклы-2. – М.: Вагриус, 1998. – 305 с.
- Шолохов М. А.* Тихий Дон. – Л.: Гослитиздат, 1948. Книги первая и вторая. – 692 с.; Книги третья и четвертая. – 804 с.
- Шукишин В. М.* Брат мой. Рассказы, повести. – М.: Современник, 1975. – 447 с.
- Шукишин В. М.* Беседы при ясной луне. Рассказы. – М.: Советская Россия, 1974. – 319 с.

Видеофильмы и записи спектаклей на чешском языке:

- **Adéla ještě nevečeřela.* Režie O. Lipský, 1977.
- **Akt (Divadlo Jára Cimrmana).* Režie Z. Svěrák, 1997.
- **Báječná léta pod psa.* Režie P. Nikolaev, 1997.
- **Blaník (Divadlo Jára Cimrmana).* Režie L. Smoljak, Z. Svěrák, 1997.
- Byl jednou jeden král.* Podle B. Němcové, 1954.
- Cesta do hlubin študákovy duše.* 1939.
- **Císařův pekař a pekařův císař.* Režie M. Frič, 1951.
- Dědictví aneb kurvahošigitntag.* Režie V. Chytilová, 1992.
- Dívka na koštěti.* Režie V. Vorlíček, 1971.
- **Dobrý voják Švejk (část 1).* Režie K. Steklý, 1956.
- Fešák Hubert.* Režie I. Novák, 1985.

- Jako jed. Režie V. Olmer, 1985.
- Hej rup. J. Werich a J. Voskovec, 1934.
- Kam čert nemůže. Režie M. Frič, 1959.
- Knoflíkáři. Scénář a režie P. Zelenka, 1997.
- Kolja. Režie J. Svěrák, 1996.
- Lotrando a Zubejda. Režie K. Smyczek; scénář Z. Svěrák, 1997.
- Mach a Šebestová (11 multiplikačních filmů).
- Němý Bobeš aneb český Tarzan (Divadlo Jára Cimrmana). Režie L. Smoljak, 1997
- Noc na Karlštejně. Režie Z. Podskalský, 1974.
- *Obecná škola. Scénář Z. Svěrák, 1991.
- O chytrém Honzovi. Režie L. Ráža.
- Pane, vy jste vdova. Režie V. Vorlíček, 1970.
- Pelíšky. Režie J. Hřebejk; scénář P. Jarchovský, 1999.
- Rozpuštěný a vypuštěný. Režie L. Smoljak, 1984.
- Skřivánci na niti. Režie J. Menzel, 1969.
- S tebou mě baví svět. Režie M. Poledňáková, 1983.
- To neznáte Hadimršku. Režie K. Lamač, 1931.
- Tři vejce do skla. Režie M. Frič, 1937.
- *Tři veteráni. Podle J. Wericha. Scénář Z. Svěrák, 1983.
- U nás v Kocourkově. Režie M. Cikán, 1934.
- Ukradená vzducholod'. Režie a scénář K. Zeman.
- *Vražda v salonním kupé (Divadlo Jára Cimrmana). Režie L. Smoljak, Z. Svěrák, 1997.
- *Vrchní, prchni! Scénář Z. Svěrák 1980.
- Všichni moji blízcí. Scénář J. Hubač, 1999.
- Vyšetřování ztráty třídní knihy (Divadlo Jára Cimrmana). Režie L. Smoljak, 1997.

Záskok (Divadlo Járy Cimrmana). Režie L. Smoljak, 1997.

References

- Абрамов Б. А.* Функционально-семантическое поле побудительности в немецком языке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 4-5.
- Адамец П.* К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // *Československá rusistika*. 1968, № 2.
- Акимова Т. Г.* Бенефактивность и способы ее выражения в английских императивных высказываниях // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 7-9.
- Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка (Семантическая и грамматическая структура простого предложения). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 293 с.
- Алисова Т. Б., Бунтман Н. В.* Прагматическая природа побудительных высказываний (приказ и просьба) // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 9-10.
- Аллен Дж. Ф., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. Вып. 17. – С. 322-363.
- Алпатов В. М.* Предварительные итоги лингвистики XX века // Вестник Моск. ун-та, Серия 9. Филология. 1995. № 5. – С. 84-92.

- Андреева И. С.* Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1971. – 18 с.
- Анисимова Л. В.* Об употреблении вводно-модальных слов в побудительных предложениях // Проблемы реализации системы синтаксиса. – Пермь, 1981. – С. 177-184.
- Апресян Ю. Д.* Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. XXVIII, 1969. № 1. – С. 11-23.
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. I. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд. – 472 с.; Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
- Артемов В. А.* Коммуникативная, синтаксическая, логическая и модальная функция речевой интонации // Материалы colloквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. – М., 1966. – С. 3-22.
- Арутюнов А. Р., Паролкова О., Лизунов В. С.* Чешско-русские речевые параллели в темах и ситуациях. – М.: Русский язык, 1988. – 336 с.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
- Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В. и др.* Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, действие. – М., 1992. – С. 111-127.
- Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 3-42.
- Бабкина Л. Г.* Вопросительные и побудительные предложения в системе гипотаксиса (немецкий язык) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 22 с.

- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностр. лит., 1955. – 416 с.
- Баранов А. Н.* Императив и вежливость // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 16-17.
- Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 45-69.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. – С. 84-99.
- Барнет Вл.* К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. – С. 9-29.
- Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237-280.
- Безяева-Гуськова М. Г.* О типологии языковых значений (на материале сопоставительного анализа русского и португальского языков) // Вопросы изучения русского языка в сопоставлении с другими языками. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 34-51.
- Безяева М. Г.* Аспекты изучения волеизъявления в работах В. В. Виноградова и вариативный ряд русской просьбы // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова: Тезисы докладов. – М.: Филологический факультет Моск. ун-та, 1995. – С. 183.
- Безяева М. Г.* Вариативный ряд конструкций русской просьбы // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 2. – М.: Диалог МГУ, 1998. – С. 51-70.

- Безяева М. Г.* Принципы анализа семантической организации коммуникативного уровня звучащего языка (на примере описания системы вариативных рядов конструкций целеустановок волеизъявления и выражения желания говорящего в русском диалоге): Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – М., 2002. – 52 с.
- Безяева М. Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 752 с.
- Беликов В. И.* Авторитарный императив в русском языке // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и А. А. Поликарпова. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 162.
- Беличова-Кржижкова Е.* О модальности предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984.
- Бельский А. В.* Побудительная речь // Ученые записки I МГПИИЯ им. Мориса Тореза. – М., 1953. Т. 6. – С. 81-147.
- Беляева Е. И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 180 с.
- Беляева Е. И.* Функционально-семантическое поле императивной модальности в английском языке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 19-21. (а)
- Беляева Е. И.* Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1988. – 33 с. (б)

- Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. – 167 с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 444 с.
- Бергельсон М. Б.* Проблемы императива в контексте теории речевых актов // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 21-23.
- Бердник Л. Ф.* Вопросительно-побудительные предложения в современном русском языке // Русский язык в школе, 1989. № 2. – С. 88-91.
- Бикель М. М.* Условия проявления коннотативных значений императива // Ученые записки Горьковского ИИЯ им. Н. А. Добролюбова. Горький, 1966. Вып. 27. – С. 23-42.
- Бикель М. М.* Экспрессивно-стилистические варианты побудительности // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: тезисы докладов к международной научной конференции. – Горький, 1966. С. 262-265.
- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 1992. – 41 с.
- Бирюлин Л. А.* Семантика и прагматика русского императива. – Helsinki, 1994. – 229 с.
- Болобова О. П.* Лингвистический аспект обеспечения надежности восприятия команд в автомобильном спорте // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. – М., 1994. – С. 49-54.
- Богданова Р. М.* Побудительная речь, проблемы типологии и интерпретации (на материале современного французского языка). – М., 1990.
- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.

- Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984 [а]. – 133 с.
- Бондарко А. В.* О грамматике функционально-семантических полей // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984 [б]. Т. 43, № 6. – С. 492-503.
- Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1996. – 220 с.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967. – 191 с.
- Борисова Е. Г.* Семантический анализ усилительных частиц русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982. – 23 с.
- Братко А. А., Кочергин А. Н.* Информация и психика. – Новосибирск: Наука, 1977. – 198 с.
- Борщ Э. Г.* Средства выражения побуждения в агитационно-публицистических текстах // Методика преподавания русского языка и литературы. – Киев, 1989. Вып. 19. – С. 87-99.
- Брехт Р. Д.* О взаимосвязи между наклоном и временем: синтаксис частицы *бы* в русском // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 15. – С. 101-117.
- Брызгунова Е. А.* Императивные высказывания в устной речи // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 29-31.
- Брым Й.* К психологической и метаязыковой характеристике значений русских высказываний с императивом // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské univerzity. Ročník 23 / 24, Řada jazyk. Brno 1974 / 75. Č. 22 / 23. – S. 103-116.

- Брым Йиржи.* К вопросу о собственно-императивном значении форм повелительного наклонения в условных придаточных предложениях // *Československá rusistika*. Praha, 1976. № 2. – S. 68-74.
- Бузаров В. В.* Безглагольные побудительные предложения в современном разговорном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1969 – 21 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Конвенциональные и неконвенциональные элементы в выражении побуждения // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 31-32.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
- Буралова Р. А.* Оптативные и побудительные высказывания с независимым инфинитивом в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 18 с.
- Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики. Ч. 2. – М.: Университет. тип., 1858. – 428 с.
- Валимова Г. В.* О сочетаемости повествовательных, вопросительных и побудительных предложений // Доклады VIII научно-теоретической конференции. Секция ФН. Т. 1. – Ростов-на-Дону. 1965.
- Ванников Ю. В.* Безглагольные повелительные конструкции в русском языке. – М.: УДН, 1962. – 28 с.
- Варшавская А. И.* О косвенном повелении // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 35-36.

- Василевская Л. И., Голубева-Монаткина Н. И.* Об использовании вокатива и вопроса в русских и французских предложениях со значением побуждения // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 36-37.
- Веденина Л. Г.* Истоки и принципы функциональной лингвистики // Функциональное направление в современном французском языкознании: Реферативный сборник. – М., 1980. – С. 7-41.
- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 251-275.
- Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 238-250.
- Вербицкая Л. А.* Методика побудительных предложений в русском языке // Ученые записки ЛГУ. Л., 1964. Т. 325. Вып. 69. – С. 102-109.
- Вечерка Р. и др.* Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.
- Виноградов В. В.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1938. – 590 с.
- Виноградов В. В.* Современный русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
- Виноградов В. В.* О модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. М.-Л.: АН СССР, 1950. Т. II. – С. 38-79.
- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- Воейкова М. Д.* Оттенки семантики побудительности в номинативных высказываниях // Императив в разноструктурных языках: Тезисы док-

ладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 41.

Войводиц Д. К вопросу о темпоральной перспективе перформативных высказываний // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и А. А. Поликарпова. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 202.

Володин А.П., Храковский В.С. Русский императив: проблема инвариантного значения (схолии на полях работы Н.В. Перцова «К проблеме инварианта грамматического значения») // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность. – СПб.: Наука, 2003. – С. 236-250.

Вольская Л. А. Выражение темпоральной отнесенности действия в высказываниях с формами сослагательного и повелительного наклонения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л, 1982. – 20 с.

Всеволодова М. В. Понятийный и терминологический аппарат функционально-коммуникативной грамматики // Русский филологический вестник, 1996. № 2. – С. 26-33.

Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Изд-во Московского университета, 2000. – 502 с.

Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 5-15.

- Галактионова И. В.* Средства выражения согласия // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 145-168.
- Галактионова И. В.* Средства выражения согласия / несогласия в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 238 с.
- Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М.* Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Учпедгиз, 1958. – 199 с.
- Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. – М.: Раритет, 1997. – 680 с.
- Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1955. – 408 с.
- Гвоздик А. А.* Сложные предложения с транспонированным императивом в синонимическом ряду условных конструкций (на материале современного русского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1984. – 24 с.
- Гехтляр С. Я.* Семантика прохибитива в императивных высказываниях с инфинитивом // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 48-49.
- Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 158-218.
- Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 276-302.
- Городецкая Л. А.* Стратегия вежливости в английском языке в сопоставлении с русским // Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й

международной конференции 28-30 ноября 1995 г., МГУ. – М.: МААЛ, 1996. – С. 293-304.

Грабье Вл. Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 105-128.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 217-237.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

Грамматические уроки XX века: Материалы международной научной конференции «Грамматические уроки XX века» // Ломоносовские чтения 1994. – М.: Филология, 1994. – С.139-168.

Гудков Д. Б. К вопросу об этнических стереотипах и межкультурных конфликтах (на примере рассказа Н. Н. Лескова «Железная воля») // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 4. – С. 67-77.

Гусев В. Ю. Типология нерегулярных императивных форм // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 65-81.

Давыдов М. В. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 204 с.

Дмитриева Л. Д. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 16 с.

Долинина И. Б. Категориальные значения конструкций с *пусть* // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. повелительность». – Л., 1988. – С. 52-53.

- Дорошенко А. В.* Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 26 с.
- Дурново И. Н.* Повторительный курс грамматики русского языка. – М., 1922. Вып. 1. – 114 с.
- Емасова М. Ш.* Побудительные предложения с глагольным сказуемым в современном русском языке и их соответствия в башкирском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1954. – 16 с.
- Ермолаева Е. С.* К историко-типологической характеристике категории побудительности // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 56-57.
- Есперсен О.* Философия грамматики. – М.: Иностр. лит., 1958. – 404 с.
- Жуков В. П.* Особенности употребления форм лица и повелительного наклонения в сказуемом, выраженным устойчивыми словосочетаниями глагольного типа // Ученые зап. Гурьевского пед. института. Серия ист. филол. – Гурьевск, 1958. Т. 2. – С. 101-115.
- Заикин Г. С.* Способы выражения косвенного побуждения посредством общевпросительных высказываний в современных русском и английском языке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 57-58.
- Зализняк А. А.* Славянская частица *ти* // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. – М.: АН СССР, 1989. – С. 15-17.
- Зарецкая Е. И.* Формы повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. 1976. № 3. – С. 47-55.

- Звегинцев В. А.* Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. – 336 с.
- Зверева Е. А.* О выражении значения побудительности в английских научных текстах // Научная литература: Язык. Стилль. Жанры. – М., 1985.
- Зенчук В. Н.* Отрицательные императивные конструкции в сербохорватском и других славянских языках // Вестн. Ленингр. ун-та. 1971. Вып. 2. № 8.
- Зограф И. Т.* Выражение повелительности в среднекитайском языке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 58-59.
- Золотова Г. А.* Модальность в системе предикативных категорий // Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – S. 93-97.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 367 с.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Ин-т русского языка РАН; Филологический факультет МГУ, 1998. – 528 с.
- Иванова И. В.* Роль категории повелительности в организации директивного текста // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 59-60.
- Изотов А. И.* Об асимметрическом дуализме формы и содержания полных причастий современного чешского языка // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология, 1992. № 6. – С. 34-39.

- Изотов А. И.* Система полных причастных форм чешского литературного языка в сопоставлении с русскими // Славяноведение, 1994. № 1. – С. 50-59.
- Изотов А. И.* Императивность в комплексе модальных категорий // Русский филологический вестник, 1995, № 2. – С. 57-63.
- Изотов А. И.* К вопросу о побуждении третьего лица // Русский филологический вестник, 1995, № 2. – С. 65-69.
- Изотов А. И.* Модальность в русской и чешской лингвистических традициях // Терминоведение, 1995, № 2-3. – С. 127-128.
- Изотов А. И.* Социально значимые разновидности побуждения к действию // Язык и мир его носителя. – М.: МАЛП, 1995. – С. 34-42.
- Изотов А. И.* Категориальная императивность в чешском и русском языках // Язык и мир его носителя. – М.: МАЛП, 1995. – С. 95-101.
- Изотов А. И.* О так называемом синтаксическом императиве // Русский филологический вестник, 1996, № 1. – С. 77-83.
- Изотов А. И.* Семантическая функция, функциональная семантика и языковое содержание // Русский филологический вестник, 1996, № 1. – С. 85-88.
- Изотов А. И.* Побуждение в коммуникативном контексте // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1996. [Вып. 1]. – С. 5-78.
- Изотов А. И.* Неспецифицированное побуждение как элемент языковой культуры // Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции 28-30 ноября 1995 г., МГУ. – М.: МААЛ, 1996. – С. 243-248.
- Изотов А. И.* К функциональной соотносительности парадигм чешского и русского императива // Функциональные исследования: Сб. ста-

тей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1996. Вып. 2. – С. 9-23.

Изотов А. И. О перформативном побуждении в чешском и русском языках // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1996. Вып. 2. – С. 24-48.

Изотов А. И. Побудительные высказывания с именным перформативным предикатом // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации: Сб. статей. – М.: МАЛП, 1996. – С. 76-83.

Изотов А. И. Экспликация инклюзивного побуждения в чешском и русском языках // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации: Сб. статей. – М.: МАЛП, 1996. – С. 84-106.

Изотов А. И. Побудительное высказывание в тексте (к постановке проблемы) // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Тезисы международной конференции. МГУ. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – С. 109-110.

Изотов А. И. Побудительность и императивность // Терминоведение, 1996, № 1-3. – С. 118-120.

Изотов А. И. Автопрескрипция в чешском и русском языках // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 3. – С. 21-34.

Изотов А. И. Чешские «ониканье» и «онканье» в побудительном высказывании // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 3. – С. 35-55.

Изотов А. И. Коммуникативная функция и ее интерпретация // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 47-51.

- Изотов А. И.* О смысловых интерпретациях побудительных высказываний // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 52-95.
- Изотов А. И.* Чешский кондиционал vs русское сослагательное наклонение в побудительном высказывании // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1997. Вып. 1. – С. 181-191.
- Изотов А. И.* О так называемых скрытых перформативах // Терминоведение. 1997. № 1-3. – С. 75-77.
- Изотов А. И.* Адхибитивность и прохибитивность // Терминоведение. 1997. № 1-3. – С. 77-80.
- Изотов А. И.* О двух аналитических императивных конструкциях в современных чешском и русском языках // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 4. – С. 78-95.
- Изотов А. И.* Тематизация полезности / неполезности как средство формирования побудительного высказывания // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 4. – С. 96-102.
- Изотов А. И.* О постулативном долженствовании и постулативной возможности // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: Филология, 1997. – С. 134-140.
- Изотов А. И.* Оптативность и побудительность // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: Филология, 1997. – С. 141-144.
- Изотов А. И.* О лингвистическом механизме так называемой «некатегориальной императивности» // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. – М.: Московский лицей, 1997. Вып. 5. – С. 141-146.

- Изотов А. И.* Заповедь, наказ и повеление, или о трех русских маргинальных побудительных интерпретациях // Терминоведение. 1998. № 1-3. – С. 109-111.
- Изотов А. И.* Есть ли в чешском языке «страдательный императив»? // Терминоведение. 1998. № 1-3. – С. 111-112.
- Изотов А. И.* Функциональные разновидности «авторитарного» побуждения в чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1998. Вып. 3. – С. 52-66.
- Изотов А. И.* О семантическом картировании поля побудительности чешским и русским языками // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1998. Вып. 4. – С. 124-128.
- Изотов А. И.* Разрешение как побудительный речевой акт // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Филология, 1998. Вып. 5. – С. 97-100.
- Изотов А. И.* Семантическая карта императивности (на материале чешского и русского языков). – М.: Филология, 1998. – 112 с.
- Изотов А. И.* К соотносительности функционально-семантических категорий побуждения в современных чешском и русском языках // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – С. 171-228.
- Изотов А. И.* Ономаσιологический принцип описания функционально-семантической категории побуждения // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 9. – С. 72-78.
- Изотов А. И.* Устаревшие чешские этикетные формы обращения в побудительном высказывании // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2000. Вып. 14. – С. 55-63.

- Изотов А. И.* О чешском «оникании» и «онкании» // Терминологический вестник, 2000. № 1. – С. 37-40.
- Изотов А. И.* Об иллокутивно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2000. Вып. 15. – С. 62-70.
- Изотов А. И.* Чешские перформативные глаголы в побудительном высказывании // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 16. – С. 23-31.
- Изотов А. И.* Функционально-семантическая категория побуждения как фрагмент русской и чешской языковых картин мира // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и А. А. Поликарпова. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 73.
- Изотов А. И.* Структура функционально-семантической категории побуждения в современных чешском и русском языках // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – С. 40-42.
- Изотов А. И.* Концептуализация «авторитарного побуждения» в чешском и русском языковых пространствах // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. – С. 8-23.
- Изотов А. И.* Исследования славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология, 2002. № 2. – С. 208-211.

- Изотов А. И.* К вопросу об аналитическом императиве 2-го лица в современном чешском языке // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. – С. 58-68.
- Изотов А. И.* Аналитический императив в современном чешском языке // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции. – М.: Филологический факультет МГУ, 2003. – С. 88-90.
- Изотов А. И.* Об одном грамматическом германизме в современном чешском языке: «ониканье» и «онканье» в побудительном высказывании // Славянский вестник: К 70-летию В.П. Гудкова / Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 132-140.
- Изотов А. И.* Об иллокутивных разновидностях чешской просьбы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 27. – С. 56-65.
- Изотов А. И.* Модель структуры функционально-семантической категории императивности как *tertium comparationis* при межъязыковом сопоставлении // Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции (Оренбург, 4-5 ноября 2004 г.). – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2004. – С. 156-159.
- Изотов А. И.* Квантитативные аспекты описания функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // Квантитативная лингвистика: исследования и модели (КЛИМ-2005): Материалы Всероссийской научной конференции (6-10 июня 2005 г.). – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. – С. 122-136.

- Изотов А. И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. – Врно: L. Marek, 2005. – 274 с.
- Изотов А. И.* Иллокутивные интерпретации побудительного высказывания // Филологические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург, 2005. – С. 39-46.
- Изотов А. И.* Ономаσιологически ориентированная модель структуры функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // Вестник Моск. ун-та, Серия 9, Филология, 2005. № 5. – С. 76-88.
- Изотов А. И.* Семантико-прагматическое картирование императивности современным русским языком // Язык, культура, менталитет: Материалы IV Международной научно-практической конференции 13-15 апреля 2005 г. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – С. 25-27.
- Изотов А. И.* Структура функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // III Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы В 2 т. / Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. Т. 2. – С. 56-58.
- Изотов А. И.* Иллокутивные глаголы как маркеры директивности в письменном тексте (на материале чешского языка) // Проблема текста в гуманитарных исследованиях: Материалы научной конференции 16-17 июня 2006 года / Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Издатель Савин С.А., 2006. – С. 66-68.
- Изотов А. И.* Грамматика и корпус // Вестник Моск. ун-та, Серия 9, Филология, 2006. № 3. – С. 215-219. – 0,25 п.л.
- Изотов А. И.* Чешская и русская национальные картины мира и проблемы побудительной модальности // Вестник университета (Государ-

ственный университет управления). Серия Социология и управление персоналом. 2006. № 5(21). С. 65-74. – 0,8 п.л.

Изотов А. И. Об особенностях семантико-прагматического картирования императивности чешским и русским языками // Классический университет в российском образовательном пространстве (к 90-летию Пермского государственного университета). – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2006. – С. 171-172. – 0,2 п.л.

Изотов А. И. Совет в чешской и русской национальных картинах мира // Вестник университета (Государственный университет управления). Серия Социология и управление персоналом. – М., 2006. № 7(23). С. 41-45. – 0,4 п.л.

Изотов А. И. Еще раз о транспозиции наклонений: чешский кондиционал и русское сослагательное наклонение в побудительном высказывании // Филологические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: Изд-во ГОУ ОГУ, 2006. – С. 300-304. – 0,3 п.л.

Изотов А. И. Концептуализация приказа в чешском и русском языковых пространствах // Вестник университета (Государственный университет управления). Серия Социология и управление персоналом. – М., 2006. № 8(24). С. 64-74. – 1,0 п.л.

Изотов А. И. Особенности семантико-прагматического картирования действительности русским и чешским языками // Русский язык: система и функционирование: Материалы III Международной научной конференции (Минск, 6-7 апреля 2006). В 2-частях. – Минск: РИВШ, 2006. Ч. 2. С. 37-40. – 0,2 п.л.

Изотов А. И. Чешские «ониканье» и «онканье» как реликт чешско-немецкого двуязычия и как проблема перевода // Проблемы современной филологии в вузовском образовании: Материалы междуна-

родной научно-практической конференции / Отв. ред. И. Б. Ворожцова. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2006. – С. 454-161. – 0,5 п.л.

Изотов А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современных чешском и русском языках // Славистички студии. 12: На проф. Р. П. Усикова по повод нејзината 70-годишнина / Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Филолошки факултет «Блаже Конески». – Скопје, 2006. – С. 69-83. – 1,0 п.л.

Изотов А.И. Национальные картины мира и проблемы межъязыковой эквивалентности в области побудительной модальности // Актуальные вопросы современного университетского образования: Материалы IX Российско-американской научно-практической конференции 15-17 мая 2006 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – С. 263-267. – 0,4 п.л.

Изотов А.И. «Ониканье», «онканье» и императивность // Rýžoviště zlata a doly drahokamů...: Sborník pro Václava Huňáčka / Sestavili Věra Lendělová a Michal Řoutil. – Praha: Pavel Mervart & Univerzita Karlova, 2006. – S. 417-430. – 0,5 п.л.

Ильиш М. И. Наблюдения над синтаксисом поэтических произведений В. В. Маяковского (побудительные предложения): Дисс. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1963. – 243 с.

Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность» / Ред. Л. А. Бирюлин и др. – Л.: АН СССР, 1988. – 158 с.

Исаченко А. В. К вопросу об императиве в русском языке // Русский язык в школе. – М., 1957. № 6. – С. 7-14.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. – Братислава: AV, 1960. Ч. 2. – 580 с.

- Иссерс О.И.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стер. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
- Кан Сон Хи.* Вариативные ряды конструкций, выражающие просьбу и требование в русском языке (в сопоставлении с корейским): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 24 с.
- Карцевский С.И.* Система русского глагола // *Карцевский С.И.* Из лингвистического наследия. [Т.] II. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 31-208.
- Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 311 с.
- Кибрик А. Е.* Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1995. № 5. – С.93-103.
- Ким Т. Я.* К вопросу о границах лексико-семантической группы глаголов побуждения // Вопросы русского языкознания. – Куйбышев, 1976. Вып. 2. – С. 90-94.
- Ким Т. Я.* Опыт описания лексико-семантической микросистемы (на материале глаголов побуждения): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1974. – 24 с.
- Кисловская Е. Н.* Побудительная модальность в структуре повтора в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 23 с.
- Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б.* Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 270-321.
- Князев Ю. П.* Императив в славянских языках: взаимодействие модальности и темпоральности // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 62-63.

- Кобозева И. М.* «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 7-21.
- Кобозева И. М.* Модальные слова и частицы в предложениях побудительного наклонения // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 64.
- Козырев В. И.* Актуализационные признаки безглагольных побудительных высказываний в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1983. – 204 с.
- Козырев В. И.* Семантико-смысловая структура безглагольных побудительных высказываний в русском языке (прагматический аспект) // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 64-65.
- Козырев В. И.* Актуализационные функции высказывания (на примере безглагольных побудительных конструкций). – Мичуринск, 1992. – 109 с.
- Кондзеля Е. С.* Функционально-семантическое поле побудительности и реализация его конститuentов в русской речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1991. – 17 с.
- Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 349-383.
- Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1989. Вып. 25. – С. 63-81.

- Косилова М. Ф.* К вопросу о побудительных предложениях // Вестник Моск. ун-та, Серия филология и журналистика. 1962. № 4. – С. 48-56.
- Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. – М.: Иностран. лит., 1962. – С. 105-167.
- Красных В. В.* Матрица коммуникативного акта // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. – М.: МАЛП, 1997. – С. 14-22.
- Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог МГУ, 1998. – 352 с.
- Крекич Й.* Побудительные перформативные высказывания. – Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. – 241 с.
- Кржижкова Е.* Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм // Travaux linguistique de Prague 2. – Praha, 1966. – S. 171-182.
- Кубрякова Е. С.* Введение: Основные направления в современном развитии грамматической мысли // Современные зарубежные грамматические теории: Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1985. – С. 5-29.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.
- Куликова Л. А.* Междометия в современном чешском языке (в сопоставлении с русским): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 22 с.
- Кулькова Р. А.* Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 22 с.

- Курбанова Н. Г.* Функционирование форм глагола в повелительном наклонении // Рус. яз. и лит. в азерб. шк. – Баку, 1982, № 4. – С. 60-66.
- Лазарь В. В.* Косвенная иллокутивная функция побуждения в сложносочиненном предложении-высказывании во французском и русском речевом дискурсе // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 67-69.
- Ласка И. В., Новицкая В. В.* О функционально-коммуникативной семантике императивных высказываний // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 69-71.
- Левцкий Ю. А.* Императив и каузатив // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 71-72.
- Лекант П. А.* Несогласие как одно из модальных значений высказывания // Семантика грамматических форм и речевых конструкций: Межвуз. сб. научн. тр. – М.: МОПИ, 1991. – С. 41-44.
- Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. – М.: Филология, 1995. – 606 с. [2 тома с продолжающейся нумерацией]
- Лобанова Н. А., Слесарева И. П.* Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (третий год обучения) / Под ред. В. Г. Гака. Изд. 2.-е, испр. и доп. – М.: Русский язык., 1984. – 368 с.
- Ломов А. М.* О способах выражения волеизъявления в русском языке // Русский язык в школе. 1977. № 2. – С. 90-93.

- Лопухина Р. В.* Семантика и функции конструкций с частицей бы в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 16 с.
- Луценко Н. А.* Императивно-сдвоенные конструкции с отрицанием // Русский язык в школе. 1988. № 4. – С. 78-81.
- Любимов А. О.* Средства выражения побуждения в современном португальском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 20 с.
- Ляпон М. В.* Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 303-304.
- Малинович Ю. М.* Класс предложений-запрещений с доминантой угрозы // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 75-76.
- Мартынов В. В.* Категории языка. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
- Мещанинов И. И.* Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. – М., 1945. № 1. – С. 5-17.
- Миллз М.* Речевой акт на уроках русского и английского языков, женщина, авторитет и перспективы власти // Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции 28-30 ноября 1995 г., МГУ. – М.: МААЛ, 1996. – С. 319-328.
- Милых М. К.* Побудительные предложения в русском языке // Ученые записки Харьковского университета, 1953. Т. 23. Вып. 4. – С. 5-47.
- Мискинянц Н. В.* Семантика и прагматика высказываний с отрицательной оценкой (отрицательная оценка факта, события и процесса как средство выражения интенциональных смыслов типа «неразрешение») // Актуальные проблемы описания и преподавания русского языка как иностранного. – М., 1989. – С. 47-52.

- Молошная Т. Н.* О так наз. аналитических формах императива в славянских языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. – М.: Наука, 1989. – С. 29-30.
- Молошная Т. Н.* Об аналитических формах сослагательного наклонения в славянских языках // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. – М.: АН СССР, 1990. – С. 114-129.
- Молчанова Г. П.* Парадигма предложения и побудительная модальность // Семантические прагматические аспекты анализа основных языковых единиц. – Барнаул, 1982. – С. 157-163.
- Муравицкая М. П.* Полисемия императива // Математическая лингвистика. – Киев, 1973. Вып. 1. – С. 50-60.
- Мучник И. П.* О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке // Ученые записки Московского областного пединститута. – М.: МОПИ, 1955. Т. 32. Вып. 5. – С. 13-35.
- Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М., 1971. – 298 с.
- Набиева В. М.* Прагматический аспект дискурса современной литургической проповеди: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 21 с.
- Найдич Л. Э.* Императив в волшебной сказке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988. – С. 88-89.
- Нгуен Туен Минь.* Повелительное наклонение русского глагола в сопоставлении с вьетнамским: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1970. – 453 с.
- Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. – СПб., 1865. – 313 с.

- Немец Г. П.* Семантико-синтаксические средства выражения модальных отношений в русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. – Краснодар, 1989. – 418 с.
- Немешайлова А. В.* Повелительное наклонение в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пенза, 1961. – 27 с.
- Нещименко Г. П., Широкова А. Г.* Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. – М., 1978. – С. 9-85.
- Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. – М.: Наука, 1977. – 278 с.
- Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Наука, 1985. – 168 с.
- Новичкова Р. Н.* Императив в системе современного немецкого языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 186 с.
- Олейников Д.* Император Николай I. Обязанный царствовать // Энциклопедия для детей. Т. 5. История России и ее ближайших соседей. Ч. 2. От дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ. – М.: Аванта+, 2000. – С. 336-343.
- Онипенко Н. К.* Обращение, вопрос, побуждение в лингвистике и поэтике художественного текста (обзор работ 1984-1986 гг.) // Филологические науки. 1988. № 4. – С. 80-85.
- Останин А.И.* О побудительном значении повествовательных предложений // Филологические науки, 1993. № 4. – С. 107-111.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 22-130.
- Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. О глаголе. – СПб., 1850. – 238 с.

- Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
- Пазухин Р. В.* Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма // *Studia Rossica Poznaniensia. Poznań*, 1974. № 6. – S. 85-95.
- Панин Л. Г.* Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // *Филологические науки*. 1993. № 5-6. – С. 82-89.
- Панов М. В.* О парадигматике и синтагматике // *Известия АН СССР. Отд. лит. и яз.* 1980. Т. 39. № 2.
- Панфилов В. З.* Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // *Вопросы языкознания*. 1977, № 4. – С. 37-48.
- Панфилов В. З.* Типы модальных значений и их роль в конституировании структуры предложения // *Otázky slovanské syntaxe IV/2*. – Brno 1980. – S. 9-15.
- Парменова Т.* О взаимодействии разных типов модальности в русском предложении // *Modality in Slavonic languages. New Perspectives / Eds. Hansen B., Karlík P.* – München: Verlag Otto Sagner, 2005. – С. 147-166.
- Петрикеева А. П.* Модальная перспектива в побудительных предложениях: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 17 с.
- Пешковский А. М.* Интонация и грамматика // *Известия АН СССР. Отд. по рус. яз. и словесности*. – Л., 1928. Т. 1. – С. 458-476.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
- Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

- Полинская М. С.* К соотношению императива и опатива // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л., 1988.
- Полищук Е. В.* Сопоставительный анализ вариантных рядов высказываний, выражающих значения требования, просьбы в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 26 с.
- Полякова Н. Ф.* Стилистическое использование побудительных предложений в научной и художественной прозе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1985. – 16 с.
- Полянский С. М.* К взаимодействию функционально-семантических полей побудительности и таксиса // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – М., 1990. Ч. 1. – С. 100-105.
- Поройкова Н. И.* К семантической характеристике побудительных высказываний диалогической речи // Лингвостилистические основы преподавания русского языка иностранцам на продвинутом этапе обучения. – Л., 1977. – С. 87-103.
- Поройкова Н. И.* Морфологические и морфологизованные средства выражения побуждения, примыкающие к парадигме повелительного наклонения // Функциональный анализ грамматических единиц. – Л., 1980. – С. 77-99.
- Поройкова Н. И.* К характеристике семантической структуры ситуации побуждения // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. – Л., 1985. – С. 25-35.
- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

- Потанова Р. К.* Коннотативная паралингвистика. – М.: МГЛУ, 1997. – 65 с.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1-2. – 536 с.
- Почепцов Г. Г.* Анализ перформативных высказываний // Филологические науки. 1982. № 6. – С. 63-66.
- Прибыток И. И.* Структурные и коммуникативные типы безимперативных побудительных предложений в современном английском языке. – Саратов, 1971. – 70 с.
- Прокопчик А. В.* Структура и значение побудительных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 16 с.
- Разилова З. Р.* Типы волеизъявительных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1954. – 17 с.
- Ранних Н. А.* Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 20 с.
- Распопов И. П.* Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. – 220 с.
- Распопова Т. И.* Оптативные предложения (на материале русского и английского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 23 с.
- Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 138 с.
- Рестан П.* Синтаксис вопросительного предложения: Общий вопрос. Oslo-Bergen-Tromsö, 1972. – 880 с.
- Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.

- Рожественский Ю. В.* Техника, культура, язык. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
- Романов А. А.* Некоторые особенности вопросительных высказываний, выражающих просьбу // Лексическая и синтаксическая семантика. – Барнаул, 1980. – С. 154-160.
- Романов А. А.* Семантическая структура высказываний-просьб // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981. – С. 68-75.
- Рословец Я. И.* Употребление форм 1 лица множественного числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения в значении повелительного наклонения // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1965, № 263. – С. 115-129.
- Русская грамматика. – Прага: Academia, 1979. – 1093 с. [два тома с продолжающейся нумерацией]
- Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. Т. II. – 710 с.
- Рябова А. И., Одинцова И. В., Кулькова Р. А.* Структурные и семантические типы осложнения русского предложения / Под ред. М. В. Всеволодовой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 176 с.
- Саранцаурал Ц.* Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1993. – 48 с.
- Свободова Е.* Порождение русских побудительных предложений // Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – S. 15-22.
- Сергиевская Л. А.* Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1995. – 400 с.
- Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 170-194.

- Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 195-222.
- Серль Дж. Р., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. – С. 242-263.
- Скаличка В.* Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1989. Вып. 25. – С. 23-31.
- Слюсарева Н. А.* Функциональная грамматика в Великобритании и Нидерландах // Современные зарубежные грамматические теории: Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1985. – С. 175-212.
- Соболева Е. Г.* Лексико-синтаксическая репрезентация семантической модели глагольных предложений со значением «разрешение»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Свердловск, 1990. – 16 с.
- Сологуб А. И.* Формы повелительного наклонения в русских народных говорах: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1953. – 282 с.
- Стросон П. Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 131-150.
- Султанбаева Х. В.* Побудительность как функционально-семантическая категория. Уфа, 1999.
- Табаква З. П.* Имплицитная повелительность в именных конструкциях типа $N_3 - N_4$ // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Часть 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. – М.: АН СССР, 1990. – С. 137-141.
- Тарланов З. К.* Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – 190 с.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.

- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
- Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – 370 с.
- Типология императивных конструкций / Под ред. Храковского В. С. – СПб.: Наука, 1992. – 301 с.
- Уваров В. В. Категория императивности в русском языке в сопоставлении с аналогичной категорией в чешском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 13 с.
- Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. – С. 46-50.
- Фефилов А. И. Констатирующие предложения с глаголами речевого побуждения // Синтаксическая семантика и прагматика. – Калинин, 1982. – С. 84-92.
- Филатова Е. А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 253 с.
- Филатова Е. А. Побуждение и императив: Способы выражения побуждения по-русски (материалы к спецсеминару). – М.: Изд-во Моск. унта, 2002. – 76 с.
- Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
- Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М., 1982. – 126 с.
- Формановская Н. И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом. 1984, № 6. – С. 67-73.

- Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 363-373.
- Фролкина Л. В.* Смысловые импликатуры при выражении и восприятии интенционального значения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 19 с.
- Хазова О. Н.* Неопределенно-личные предложения и выражение побуждения в русском языке // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 137-138.
- Ханзен Б.* На полпути от словаря к грамматике: модальные вспомогательные слова в славянских языках // Вопросы языкознания. 2006. №2. С. 68-84.
- Хилпинен Р.* Семантика императивов и деонтическая логика // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. – С. 300-317.
- Хоанг Ань.* Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1993. – 20 с.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 270 с.; [2-е изд., стереотипное:] М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
- Храковский В.* Эвиденциальность и эпистемическая модальность // Modality in Slavonic languages. New Perspectives / Eds. Hansen B., Karlík P. – München: Verlag Otto Sagner, 2005. – С. 87-94.
- Шаронов И. А.* О методах выделения и толкования побудительных речевых актов // Актуальные проблемы описания и преподавания рус-

ского языка как иностранного. Пушкинские чтения (III). Материалы для преподавателя. – М.: ИРЯП, 1989. – С. 78-83.

Шаронов И. А. Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 20 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

Шевченко Н. А. Семантика и прагматика побудительного микродиалога в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1984. – 24 с.

Шенберг А. Лингвоконтрастивное исследование способов речевой манифестации категории императивности (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 21 с.

Шидлак А. Э. Сопоставительный анализ средств побудительности русского и польского языков в аспекте обучения польских филологов-русистов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 16 с.

Широкова А. Г. О функциональной нагрузке форм кондиционала в чешском языке (в сопоставлении с русским языком) // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. – Praha, UK, 1974. – S. 19-47.

Широкова А. Г. Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков // Вестник Моск. ун-та, Сер. 9, Филология, 1978. № 6. – С. 3-13.

Широкова А. Г. Некоторые вопросы эквивалентности в связи с транспозицией форм наклонения // Съпоставително езикознание. – София, 1980. № 3. – С. 3-13.

Широкова А. Г. Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках (на материале чешского и русского языков) // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и

другими славянскими языками. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 83-104.

Широкова А. Г. Некоторые методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков на современном этапе // Вестник Моск. ун-та, Сер. 9, Филология, 1987. – № 4.

Широкова А. Г. Сопоставительное изучение категории побуждения в чешском языке (в сопоставлении с русским) // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. – М.: Наука, 1989. – С. 46-47.

Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. *А. Г. Широковой*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. С. 10-99.

Широкова А. Г. Декатегоризация и делексикализация как один из источников образования новых форм и частей речи // *Slavia, Ročník 68.* – Praha, 1999. – S. 107-113.

Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А. Чешский язык. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. – 344 с.

Шмелев Д. Н. Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 332 с.

Шмелев Д. Н. О значении вида в повелительном наклонении // Русский язык в школе. 1958, № 4. – С. 13-17.

Шмелев Д. Н. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке // Русский язык в школе. – М., 1961, № 5. – С. 50-55.

- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
- Штелинг Д. А.* О грамматическом статусе повелительного наклонения // Известия АН СССР, Серия лит. и яз. 1982. Т. 41, № 3. – С. 266-271.
- Элиешюте С. П.* К вопросу о воздейственности речевого побуждения: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1968. – 20 с.
- Юсупов У. К.* Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988. – С. 6-11.
- Якобсон Р. О.* Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1965. Вып. 4. – С. 372-377.
- Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95-113.
- Adamec P.* Modální slovesa a modální predikativa v češtině a v ruštině // BVŠRJL I, Praha, 1956. – S. 71-113.
- Adamec P.* Muset nebo mít? (K vyjadřování kategorie obligatornosti v současné češtině na pozadí ruštiny) // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. – Praha: UK, 1974. – S. 133-152.
- Austin J. L.* How to do things with words. – Oxford University Press. 1962. – 166 p.
- Barnet Vl.* Komunikativní situace a výpověď // Otázky slovanské syntaxe IV/1. – Brno, 1979. – S. 69-75.
- Barnet V., Barnetová V.* O konfrontačním studiu příbuzných jazyků // Slavica Pragensia, Praha, 1962. – S. 53-60.

- Bauer J.* Syntactica slavica. Vybrané práce ze slovanské skladby. – Brno, 1972. – 471 s.
- Betsch M.* Zur Entwicklung des Systems der Anredepronomina in Tschechischen 1700-1850 // Beiträge der Europäischen Linguistik (POLYSLAV) 1 / *Giger M., Wiemer B. (Hrsg.)*. München, 1998. S. 37-44.
- Brecht R. D.* Čtoby or Čto and By // *Folia Slavica*. Columbus, Ohio. 1977. V. 1. № 1. – P. 33-41.
- Chloupek J.* Modalita v živém komunikativním aktu // *Otázky slovanské syntaxe III*. – Brno, 1973. – S. 329-333.
- Clark H. H., Carlson T. B.* Hearers and Speech Acts // *Language*. Vol. 58., 1982. № 2. – P. 332-371.
- Conrad R.* Fragesätze als indirekte Sprechakte // *Studia Germanica, XXII: Untersuchungen zur Semantik*, R. Růžička und W. Motsch (Hrsg.). – Berlin, Akademie-Verlag, 1983. – S. 343-367.
- Čechová E., Trabelsiová H., Putz H.* Chcete mluvit česky? – Liberec, 1996. – 398 s.
- Čejka M.* Rozkaz a negace // *Slovo a slovesnost*. 1978. – S. 341-348.
- Čejka M.* Postavení jistotní modality ve struktuře výpovědi // *Otázky slovanské syntaxe IV/2*. – Brno 1980. – S. 53-62.
- Český národní korpus: Úvod a příručka uživatele / *J. Koček, M. Kopřivová, K. Kučera*. – Praha: Filosofická fakulta UK – Ústav Českého národního korpusu, 2000. – 160 s.
- Čeština doma a ve světě. Praha, 2001. № 1-2. – 124 s.
- Davison A.* Indirect Speech Acts and What to Do with Them // *Syntax and Semantics*. Vol. 3; *Speech Acts* / Eds. Cole P., Morgan J. L. – New York – San Francisco – London, Academic Press. 1975. – P. 143-185.
- Dijk T. A. van* *Studies in Pragmatics of Discourse*. – The Hague. Mouton, 1981. – 285 s.

- Dokulil M.* Pojem modálnosti výpovědi ze stanoviska teorie odrazu // *Otázky slovanské syntaxe III.* – Brno, 1973. – S. 39-41.
- Flídrová H.* Reakce na apel v dialogu // *Otázky slovanské syntaxe IV / 2.* – Brno, 1980. – S. 213-217.
- Franck D.* Seven sins of pragmatics: theses about speech act theory, conversational analysis, linguistics and rhetoric // *Possibilities and limitations of pragmatics.* – Amsterdam, John Benjamins B. V., 1981. – P. 225-236.
- Fraser B.* Hedged Performatives // *Syntax and Semantics. Vol. 3; Speech Acts* / Eds. Cole P., Morgan J. L. – New York – San Francisco – London, Academic Press. 1975. – P. 187-210.
- Frekvenční slovník češtiny / Ed. Čermák Fr., Křen M. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2004. – 596 s.
- Garde P.* L'emploi du conditionnel et de la particule *by* en russe. – Paris, 1962. – 362 p.
- Gordon D., Lakoff G.* Conversational Postulates // *Syntax and Semantics. Vol. 3.* / Eds. Eds. Cole P., Morgan J. L. – New York – San Francisco – London: Academic Press, 1975. – P. 83-106.
- Grammar & Corpora (23.-25.11.2005). Abstracts. – Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2005.
- Grepl M.* K podstatě modálnosti // *Otázky slovanské syntaxe III.* – Brno, 1973. – S. 23-38.
- Grepl M.* Komunikativně pragmatické aspekty výpovědi // *Otázky slovanské syntaxe IV/1.* – Brno, 1979. – S. 15-37.
- Grepl M., Karlík P.* Skladba spisovné češtiny. – Praha: SPN, 1986. – 474 s.
- Grice H. P.* Logic and Conversation // *Syntax and Semantics, Vol. 3.* / Eds. Cole P., Morgan J. L. New York – San Francisco – London, Academic Press, 1975. – P. 41-58.

- Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice. – Praha: SPN, 1981. – 592 s.
- Hancher M.* The classification of cooperative illocutionary acts // *Language in Society*. 1979. Vol. 8. № 1. – P. 1-14.
- Hirschová M.* Česká verba dicendi v performativním užití: Příspěvek ke zkoumání komunikativních funkcí výpovědi. – Olomouc: Univerzita Palackého, 1988. – 156 s.
- Hirschová M.* Jaké poznatky o ilokučních slovesech lze z korpusu získat? // *Korpus jako zdroj dat o češtině / Ed. Karlík P.* – Brno: Masarykova univerzita, 2004.
- Hirschová M.* Modal verbs and illocutionary constructions // *Modality in Slavic languages. New Perspectives / Eds. Hansen B., Karlík P.* – München: Verlag Otto Sagner, 2005. – P. 135-146.
- Izotov A.* Zkoumání funkčně sémantické kategorie výzvy v současné češtině pomocí ČNK // *Conference Grammar & Corpora (23.-25.11.2005). Abstracts.* – Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2005. – S. 34-35.
- Izotov A.*, Funkčně-sémantická kategorie výzvy v současné češtině a Český národní korpus // *Gramatika a korpus / Grammar & Corpora 2005 / Štícha F., Šimandl J. (Eds.)*. – Praha: ÚJČ AV ČR, 2006. – P. 123-133.
- Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb // *Cambridge (Mass.). Russian language project. Harvard University.* 1957. – 14 p.
- Jungmann J.* Slovník česko-německý. – Praha 1989 D. I. – 852 s.; Praha, 1990. D. II. – 1032 s.; D. III. – 976 s.; D. IV. – 848 s.; D. V. – 990 s. [Репринт издания: Slownjk česko-německý Josefa Jungmanna. Praha, 1835-1839].
- Karcevskij S.* Du dualisme asymétrique du signe linguistique // *Travaux du Circle linguistique de Prague.* 1929. № 1. С. 89-93. [Русский перевод

- см.:] *Карцевский С.И.* Из лингвистического наследия. [Т.] II. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 239-245.
- Karlík P.* K problematice optativnosti // *Otázky slovanské syntaxe IV/2.* – Brno 1980. – S. 49-52.
- Kopečný Fr.* *Základy české skladby.* – Praha, 1958. – 337 s.
- Kořenský J.* Pojmy “sémantika”, “syntax”, “pragmatika” ve vztahu k funkční hierarchizaci sémantických a gramatických prostředků jazyka // *Otázky slovanské syntaxe IV/1.* – Brno 1979. – S. 39-45.
- Kotgaj J.* К вопросу об инвариантном значении формы русского императива // *Recueil linguistique de Bratislava.* Bratislava, 1968. Vol. 2. – P. 159-167.
- Korpus jako zdroj dat o češtině / Ed. Karlík P.* – Brno: Masarykova univerzita, 2004. – 210 s.
- Kučerová I., Řezníčková V.* Korpus jako výzva k syntaxické analýze. Poznámky k syntaxické derivaci deverbativních substantiv v češtině // *Slavia, Ročník 72.* Praha, 2003. Sešit 3. S. 267-274.
- Leech G. N.* *Principles of Pragmatics.* – London – New York, 1983. – 250 p.
- Leška O.* K otázce tzv. transpozice // *Rusko-české studie.* – Praha, 1960. – S. 43-46.
- Leška O.* K systémovému a funkčnímu pohledu na jazyk // *Problémy marxistické jazykovědy.* – Praha, 1962. – S. 129-132.
- Leška O., Křížková H.* Hledání optimálního modelu lingvistického popisu // *Československá rusistika.* – Praha, 1974. № 2. – S. 57-64.
- Leška O., Kurimský A.* O konfrontační metodě v jazykovědě // *Československá rusistika.* – Praha, 1962, № 4. – S. 207-210.
- Mathesius V.* *Základní funkce českého pořádku slov // Čeština a obecný jazykozpyt.* – Praha, 1949. – S. 327-353.

- Mathesius V.* Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém. – Praha, 1961. – 279 s.
- Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1986. D. I. – 568 s.; D. II. – 536 s.
- Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1987. D. III. – 748 s.
- Modality in Slavonic languages. New Perspectives / Eds. *Hansen B., Karlík P.* – München: Verlag Otto Sagner, 2005. – 388 p.
- Morris H.* Imperatives and orders // *Theoria*. 1960. Vol. 26. № 3. – P. 183-209.
- Mrázek R.* Эмоциональность предложения и перспективы ее сравнительного исследования // *Otázky slovanské syntaxe IV/2.* – Brno 1980. – S. 93-98.
- Müllerová O.* Komunikativní složky výstavby dialogického textu. – Praha, 1979. – 161 s.
- Novotný J.* Aktualizační prostředky a jejich vzájemné vztahy // *Otázky slovanské syntaxe IV/1.* – Brno 1979. – S. 83-86.
- Otázky slovanské syntaxe III.* – Brno, 1973. – 399 s.
- Otázky slovanské syntaxe IV / 1.* – Brno, 1979. – 220 s.
- Otázky slovanské syntaxe IV / 2.* – Brno, 1980. – 230 s.
- Pala K., Svoboda A. et al.* Externí a interní pragmatika // *Otázky slovanské syntaxe IV/1.* Brno 1979. – S. 53-60.
- Palmer F. R.* Semantics. A new outline. – Moscow, 1982. – 111 p.
- Panevová J., Benešová E., Sgall P.* Čas a modalita v češtině. – Praha: UK, 1971. – 168 s.
- Panzer B.* Der slavische Konditional: Form–Gerbauch–Funktion. – München: Fink. 1967. – 317 s.
- Petr J.* Preface // *Jungmann J.* Slovník česko-německý. D. 1. – Praha 1989. – S. 5-38.

- Plungian V.A.* Irrealis and modality in Russian and in typological perspective // Modality in Slavonic languages. New Perspectives / Eds. *Hansen B., Karlík P.* – München: Verlag Otto Sagner, 2005. – P. 135-146.
- Příruční mluvnice češtiny. – Brno: Lidové Noviny, 1996. – 800 s.
- Pułaczewska H.* Modality in proposals. A contrastive study in spoken interaction // Modality in Slavonic languages. New Perspectives / Eds. *Hansen B., Karlík P.* – München: Verlag Otto Sagner, 2005. – P. 339-350.
- Rejmánková L.* K otázce modality v dialogu // Jazykovědné aktuality. Roč. XIII, 1976. Č. 1. – S. 22-24.
- Searle J. R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. – London, Cambridge University Press. 1969. – 261 p.
- Searle J. R.* Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics. Vol. 3 / Eds. *Cole P., Morgan J. L.* – New York – San Francisco – London. Academic Press, 1975. – P. 59-82.
- Searle J. R.* A classification of illocutionary acts // Language in Society. – Cambridge University Press, London. 1976. – P. 1-23.
- Searle J. R.* A taxonomy of illocutionary acts // Searle J.R. Expression and Meaning. – Cambridge University Press, 1979. – P. 1-29.
- Sgall P., Hronek J.* Čeština bez příkras. – Praha, 1992. – 181 s.
- Skalička Vl.* Über die Transposition // Slavica Pragensia 1. – Praha, 1959. – S. 45-52.
- Straková V.* Argumentativní dialog a emocionalita // Otázky slovanské syntaxe IV/2. – Brno 1980. – S. 137-140.
- Svetlík J.* К вопросу о синтаксической модальности // Otázky slovanské syntaxe III. – Brno, 1973. – S. 127-133.
- Svoboda K.* Souvětí spisovné češtiny. – Praha, UK, 1972. – 242 s.

- Svoboda K.* O gramatické modálnosti se zřetelem k souvětí // *Otázky slovanské syntaxe III.* – Brno, 1973. – S. 233-241.
- Svobodová J.* Syntaktická charakteristika imperativu a vokativu v českých výzvnových větách. – Praha: SPN, 1987. – 103 s.
- Šmilauer Vl.* Novočešská skladba. – Praha, 1969. – 574 s.
- Štícha Fr.* Die Entscheidungsgrade im Tschechischen: Modalität ohne Ufer? // *Modality in Slavonic languages. New Perspectives / Eds. Hansen B., Karlík P.* – München: Verlag Otto Sagner, 2005. – S. 191-198.
- Trávníček Fr.* Mluvnice spisovné češtiny. – Praha 1949. D. II. – 871 s.
- N. S. Trubetzkoy's letters and notes // *Janua linguarum. Series maior.* – The Hague; Paris: Mouton, 1975. – 506 p.
- Vachek J.* The Linguistic School of Prague. – Bloomington-London. 1966. – 184 p.
- Vendler Z.* Res cognitae: an essay in rational psychology. – Ithaca, 1972. – 225 p.
- Vendler Z.* Illocutionary suicide // *Issues in the Philosophy of Language.* – Yale University Press, 1976. – P. 135-145.
- Wierzbicka A.* Semantic primitives. – Frankfurt-am-Main, Athenäum 1972. – 235 p.
- Wunderlich D.* On problem on speech theory // *Basic Problems in Methodology and Linguistics.* – Dordrecht, 1977. – P. 243-258.
- Wunderlich D.* Methodological remarks on speech act theory // *Speech Act Theory and Pragmatics.* – Dordrecht, 1980. – P. 291-312.
- Zimek R.* Модальность высказывания и его глубинная структура // *Otázky slovanské syntaxe III.* – Brno, 1973. – S. 111-119.
- Zimek R.* Odraz emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi // *Otázky slovanské syntaxe IV/2.* – Brno 1980. – S. 99-103.

Žaža S. Přehled dosavadního stavu bádání o modalitě slovanské věty // *Otázky slovanské syntaxe III.* – Brno, 1973. – S. 15-21.